

Евгений Георгиевич Анимица

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор географических наук, профессор,
академик МАН ВШ, зав. кафедрой региональной,
муниципальной экономики и управления,
главный советник при ректорате
Уральского государственного экономического университета

Министерство образования и науки Российской Федерации

Уральский государственный экономический университет

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА: ВЫЗОВЫ, ПРИОРИТЕТЫ, СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ

Под редакцией
доктора экономических наук Я. П. Силина

Екатеринбург
Издательство Уральского государственного
экономического университета
2017

УДК 332.1
ББК 65.04
Р32

*Рекомендовано редакционно-издательским советом
Уральского государственного экономического университета*

Рецензенты:

доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник,
директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем
Южного федерального университета
А. Г. Дружинин

доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой экономической теории и экономической политики
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Е. П. Дятел

Ответственные за выпуск:

доктор экономических наук, профессор *Н. Ю. Власова*
и доктор экономических наук, профессор *Е. Б. Дворядкина*

Р32 Региональная экономика: вызовы, приоритеты, стратегические ориентиры [Текст] : [кол. моногр.] / под ред. Я. П. Силина ; [отв. за вып. : Н. Ю. Власова, Е. Б. Дворядкина] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. гос. экон. ун-т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2017. — 327 с.

ISBN 978-5-9656-0263-6

Монография, посвященная проблемам региональной экономики, приурочена к 80-летию со дня рождения известного ученого, основателя Уральской школы региональной экономики, заслуженного деятеля науки РФ, доктора географических наук, профессора Е. Г. Анимицы. В формировании монографии приняли участие коллеги и ученики Е. Г. Анимицы, объединенные общей научной школой.

Для научных и практических работников, аспирантов и студентов, занимающихся проблемами региональной и муниципальной экономики, регионального развития и управления.

УДК 332.1
ББК 65.04

ISBN 978-5-9656-0263-6

© Авторы, указанные в оглавлении, 2017
© Уральский государственный
экономический университет, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	7
Научная школа Евгения Георгиевича Анимиды (<i>Н. Ю. ВЛАСОВА, Е. Б. ДВОРЯДКИНА</i>)	9

ГЛАВА 1 СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

1.1. Неоиндустриализация — стратегическое направление развития экономики страны (<i>Я. П. СИЛИН</i>)	20
1.1.1. Объективная потребность в неоиндустриализации	20
1.1.2. Стратегические инструменты активизации процессов новой индустриализации	22
1.2. Эволюция стратегического планирования регионального развития: опыт России 1990–2000 гг. (<i>С. В. ДОРОШЕНКО, Д. Ю. НОЖЕНКО</i>)	26
1.3. Формирование системы документов стратегического планирования в муниципальных образованиях: единые методические подходы (от разработки до актуализации) (<i>И. А. АНТИПИН</i>).....	37
1.4. Особенности развития института стратегического планирования регионального инфраструктурного комплекса (<i>Н. М. СУРНИНА, Е. А. ШИШКИНА, А. Г. ДЬЯЧКОВ</i>)	46
1.4.1. Региональный инфраструктурный комплекс как объект стратегического планирования	47
1.4.2. Особенности стратегического планирования регионального инфраструктурного комплекса	49
1.4.3. Направления совершенствования стратегического планирования развития регионального инфраструктурного комплекса.....	53
1.5. Снижение дифференциации доходов населения как фактор сбалансированного социально-экономического развития региона (<i>А. В. ЗЛОКАЗОВ, К. А. ЗУЕВА, А. Н. ПРОСКУРЯКОВА</i>)	56

ГЛАВА 2

РОССИЙСКИЕ ГОРОДА И АГЛОМЕРАЦИИ КАК ДРАЙВЕРЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

2.1. Апикальная меристема городов-миллионников в экономическом ландшафте страны (<i>Е. Г. АНИМИЦА</i>)	66
2.1.1. Почему исследование городов-миллионников актуально?.....	66
2.1.2. Становление класса городов-миллионников.....	68
2.1.3. Трансформация экономической структуры городов-миллионников.....	70
2.1.4. Города-миллионники — ядра городских агломераций.....	76
2.2. Градостроительство: современные тенденции и перспективы развития (<i>В. Я. ЛЮБОВНЫЙ</i>)	78
2.2.1. Повышение приоритетной роли градостроительства.....	78
2.2.2. Современные тенденции и проблемы градостроительства	79
2.2.3. Предпочтительные направления стратегии развития градостроительства	87
2.2.4. Основные направления регулирования градостроительной деятельности.....	90
2.3. Агломерационные процессы как фактор развития муниципальных образований (<i>В. А. СУХИХ, П. И. БЛУСЬ, О. Б. ГАНИН</i>)	92
2.3.1. Агломерационное мышление и сущность нового качества агломерационных процессов.....	92
2.3.2. Муниципальные образования как субъекты агломерирования	96
2.4. Инновационные процессы в городской среде (<i>Е. Н. ЗАБОРОВА</i>)	100
2.4.1. Инновация как социальный процесс.....	101
2.4.2. Город как среда для инноваций	104
2.5. Государственная политика в области создания и функционирования закрытых административно-территориальных образований на Урале (<i>В. Н. КУЗНЕЦОВ</i>)	108
2.6. Новая индустриализация и инновационное градостроительство (<i>В. А. КОЛЯСНИКОВ</i>).....	117
2.7. К вопросу об определении понятия «градообразующее предприятие» (<i>И. Д. ТУРГЕЛЬ, В. В. ЗИНОВЬЕВА</i>).....	121
2.8. Особенности формирования системы жизнеобеспечения в городе (<i>О. Г. ПОЗДЕЕВА</i>).....	128

ГЛАВА 3

ИССЛЕДОВАНИЕ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ПОЛЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

- 3.1. Возможности применения пространственных концепций к исследованию новой индустриализации (*Е. Б. ДВОРЯДКИНА*) 134
- 3.2. Эволюция теории факторов размещения в контексте процессов новой индустриализации (*Н. Ю. ВЛАСОВА*)..... 140
 - 3.2.1. Эволюция теории факторов размещения..... 141
 - 3.2.2. Факторы размещения и особенности предприятий..... 142
 - 3.2.3. Подходы к классификации факторов размещения 143
 - 3.2.4. Информационные технологии, новая индустриализация и факторы размещения..... 149
- 3.3. Методология выявления потенциала новой индустриальной модернизации в пространстве макрорегиона (*Н. В. НОВИКОВА*) 152
- 3.4. Базовые условия развертывания умных технологий в России и на Урале (*В. С. БОЧКО*)..... 172
- 3.5. Специфика индустриализации на Северном Кавказе (*Д. И. АСЛАНОВ, М. И. ГОЛУБОВА*)..... 179

ГЛАВА 4

ИННОВАЦИОННЫЙ И ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

- 4.1. География инвестиций в России в период кризиса: приоритеты бизнеса и государства (*Н. В. ЗУБАРЕВИЧ*) 188
- 4.2. Экономический потенциал инновационного развития регионов (*М. Д. ШАРЫГИН, В. А. СТОЛБОВ*) 196
- 4.3. Интеллектуальная собственность в экономическом пространстве макрорегиона (*А. Г. МОКРОНОСОВ, И. П. КОНДРАТЬЕВ*) 204
- 4.4. Региональная индустриализация в контексте инновационной деятельности субъектов Российской Федерации (*В. С. АНТОНЮК, В. Л. КОРНИЕНКО*)..... 214
- 4.5. Проблемы кадрового обеспечения проектов индустриально-инновационного развития Республики Казахстан (*Л. Л. БОЖКО*) 230
- 4.6. Государственно-частное партнерство при создании крупных инфраструктурных объектов (*А. И. ЧИСТОБАЕВ, Н. А. ГРУДЦЫН*).... 236
 - 4.6.1. Понятие государственно-частного партнерства 236
 - 4.6.2. Виды государственно-частного партнерства 238
 - 4.6.3. Преимущества, недостатки и риски государственно-частного партнерства 240

4.6.4. Возможности использования зарубежного опыта государственно-частного партнерства.....	245
4.6.5. Возможности применения государственно-частного партнерства в современной России.....	247
4.7. Влияние реиндустриализации на экологию и уровень жизни населения стран евразийской интеграции: сравнительный анализ (А. Г. ШЕЛОМЕНЦЕВ, О. А. КОЗЛОВА).....	251

ГЛАВА 5

ОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

5.1. Актуальные вопросы региональной промышленной политики в Российской Федерации на современном этапе (П. В. МИХАЙЛОВСКИЙ).....	272
5.2. Региональное лесопромышленное хозяйство: задачи, принципы, проблемы (О. Б. МЕЗЕНИНА, М. В. КУЗЬМИНА).....	278
5.3. Особенности и перспективы развития розничной торговли в России: региональный аспект (Т. И. НИКОЛАЕВА).....	287
Библиографический список	294
Основные труды Евгения Георгиевича Анимиды с 2007 г.	317
Перечень докторских диссертаций, защищенных под руководством Е. Г. Анимиды	321
Сведения об авторах	323

ВВЕДЕНИЕ

Представленная монография — это своеобразный итог деятельности научной школы Е. Г. Анимицы, которая на протяжении многих лет проводила исследования по наиболее острым и значимым проблемам региональной и муниципальной экономики. В создании данной книги, приуроченной к 80-летию со дня рождения профессора Евгения Георгиевича Анимицы, приняли участие его ученики и давние коллеги. Ученые из разных регионов России и ряда других стран, объединенные общей идеей и методологией, постарались ответить на дискуссионные вопросы в теории и практике региональной экономики и экономики городов.

Хотя региональная экономика сформировалась как отрасль науки сравнительно недавно, она авторитетно заявляет о себе как в теории, так и на практике.

Актуальность проблем региональной и пространственной экономики для России нельзя недооценивать. Необходимость эффективно использовать имеющийся природно-ресурсный, экономический, демографический, инновационный потенциал, существующая и все увеличивающаяся дифференциация регионального развития ставят вопросы территориального планирования на одно из первых мест среди приоритетов развития страны.

В монографии рассматриваются наиболее важные вопросы и значимые тенденции регионального развития. Первая часть посвящена теоретическим и прикладным аспектам стратегического развития российских регионов. В частности, представлен опыт России по формированию системы стратегического планирования регионального развития; детально раскрываются особенности формирования системы документов планирования на уровне муниципальных образований.

Во второй части значительное внимание уделяется городам и агломерациям как драйверам, ядрам пространственного развития с акцентом на инновационные процессы в городской среде. Представлен анализ государственной политики по регулированию функционирования закрытых административно-территориальных образований на Урале. Отдельный блок посвящен проблемам градостроительства и градостроительной политики.

В третьей части проводится исследование новой индустриализации в теоретическом поле региональной экономики; обсуждаются возможности применения пространственных концепций к исследованию новой индустри-

ализации; раскрывается методология выявления потенциала новой индустриальной модернизации в пространстве макрорегиона; анализируется эволюция теорий факторов размещения в контексте процессов новой индустриализации.

Четвертая глава концентрируется на инновационном и инвестиционном потенциале региональной экономики, учитывая кризисные явления и процессы. Дается глубокий аналитический обзор географии инвестиций в период кризиса с точки зрения приоритетов бизнеса и государства. Внимание уделяется проблемам формирования защиты интеллектуальной собственности в экономическом пространстве макрорегиона. Проблемы кадрового обеспечения проектов индустриально-инновационного развития рассматриваются в контексте процессов, протекающих в Республике Казахстан, но выводы и рекомендации вполне могут быть применимы и для регионов России. Представляют интерес сформулированные рекомендации по использованию механизмов государственно-частного партнерства при создании крупных инфраструктурных объектов в регионе.

Наконец, в пятой главе раскрываются отраслевые особенности пространственного развития.

Достоинством данной монографии является, во-первых, глубокое погружение в теорию вопроса, фундаментальный методологический базис; во-вторых, доказательность выводов и аргументов с использованием обширных эмпирических данных; в-третьих, сравнительный анализ большинства процессов и явлений на межрегиональном уровне.

Монография предназначена для научных и практических работников, аспирантов и студентов, занимающихся проблемами региональной экономики, планирования и управления региональным развитием.

НАУЧНАЯ ШКОЛА ЕВГЕНИЯ ГЕОРГИЕВИЧА АНИМИЦЫ

Научная школа играет важную роль в развитии общества со времен античной науки. В России всегда существовала весьма эффективная система научных школ, которые складывались вокруг того или иного крупного ученого. Со временем ученики становились единомышленниками и коллегами, развивали свою тематику, возвращали молодых специалистов. Примечательно, что ни революции, ни войны не привели к разрушению традиций научных школ. Они сохранялись в таких важных для страны областях, как математика, физика, механика, химия, материаловедение и т. д. Такой интеллектуальный потенциал позволил нашей стране добиться многого.

Дискуссия о значении научных школ, о научной проблематике вузов и научных направлениях время от времени получает новый импульс. Повышенное внимание и интерес к научным школам заметны не только в среде ученых, но и во властных структурах. С 1995 г. государство оказывает научным школам посильную поддержку.

Необходимость поддержки научных школ была выдвинута и обоснована в письме Правительству Российской Федерации, подписанном академиками В. Е. Фортовым, В. Е. Захаровым, В. П. Скулачевым, А. Ф. Андреевым и А. В. Гапоновым-Греховым. В результате Государственная Дума предусмотрела в федеральном бюджете средства, а Правительство РФ утвердило порядок реализации программы поддержки научных школ. В соответствии с постановлениями Правительства РФ от 26 сентября 1995 г. № 957 «О государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации» и от 23 мая 1996 г. № 633 «О грантах Президента Российской Федерации для поддержки научных исследований молодых российских ученых-докторов наук и государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации» организационно-техническое обслуживание деятельности Совета программы и выплата средств по грантам и научным школам осуществлялись Российским фондом фундаментальных исследований.

В Уральском государственном экономическом университете в 2017 г. принято Положение о научных школах, в котором под научной школой Университета понимается сложившийся коллектив исследователей различных возрастных групп и научной квалификации, связанных проведением исследований по общему научному направлению и объединенных совмест-

ной научной деятельностью. Указанный коллектив должен осуществлять подготовку научных кадров, иметь в своем составе руководителя, а также исследователей-преемников в возрасте до 35 лет. Минимальный цикл, позволяющий фиксировать существование научной школы, составляет два-три поколения исследователей.

Все это происходит не случайно. Когда информация все более становится фактором производства, а инновации определяют конкурентоспособность национальных экономик, вопросы формирования и развития научных школ приобретают общенациональное значение.

Что же вкладывается в понятие «научная школа»?

В самом общем смысле под научной школой понимают коллектив ученых (различных по возрасту, статусу, образованию, компетентности и т. д.), разрабатывающих под руководством лидера — главы школы — выдвинутую им исследовательскую программу [235, с. 667]. Это особого рода организация ученых, своеобразное социальное образование, обладающее структурой, возникающее в определенных социально-исторических условиях, развивающееся и живущее по своим законам [120, с. 49].

Обычно под термином «научная школа» подразумевается следование группы ученых конкретной научной традиции. Научной школой нередко называют и группу ученых, которые изучают один объект или несколько однородных объектов. Высказывается мнение, что научная школа — это сообщество исследователей, центром которого является ученый — генератор идей, обладающий особыми человеческими качествами. Вокруг такого ученого объединяется группа его соратников и учеников, которые разделяют его идеи и общие теоретические принципы, методологию исследования. Как правило, они вместе выполняют исследовательскую программу, разработанную и предложенную этим ученым. В ходе ее выполнения происходит обмен мнениями и результатами. Важной функцией подобной школы является работа о научной смене.

В литературе подчеркивается неоднозначность трактовки понятия «научная школа». Можно говорить о его триединстве: во-первых, это научно-образовательная школа, призванная формировать будущих исследователей; во-вторых, это исследовательский коллектив — группа ученых, совместно разрабатывающих под руководством лидера (главы школы) созданную им исследовательскую программу; в-третьих, это направление в науке, возникающее благодаря установлению определенной традиции, охватывающей целый ряд ученых и исследовательских коллективов. Таким образом, сам термин «научная школа» многозначен. Несомненно, все разновидности школ представляют интерес, имеют право на существование и развитие.

Во многих вузах, если судить по их официальным сайтам в Интернете, под термином «научная школа» чаще подразумевается «научное направление», в редких случаях научные школы представлены как научные коллективы со своей историей становления, развития и современного состояния.

Научная школа одновременно реализует функции производства, распространения, защиты научных идей и обучения молодых ученых.

Определение, закрепленное в Положении о грантовой поддержке школ на уровне Правительства РФ, гласит: «Научные коллективы, завоевавшие

известность высоким уровнем исследований в достаточно широком научном направлении (ФЦНТП „Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки и техники на 2002–2006 гг.“), устойчивостью научной репутации и традиций, преемственностью поколений в ходе подготовки научных кадров высокой квалификации».

В качестве основных признаков, сущностных характеристик научных школ, как правило, называют следующие.

1. Наличие лидера, основоположника научной школы, обладающего особыми харизматическими чертами, организаторскими и исследовательскими способностями. Лидер организует вокруг себя ученое сообщество, самовоспроизводящееся во времени и в пространстве. Именно поэтому, хотя главная функция научной школы — исследовательская, необходимым условием ее существования и развития является функция «обучения творчеству» (т. е. «воспроизводимость» научного сообщества).

2. Наличие основной идеи, уникальной исследовательской программы как системообразующего фактора научной школы, которая становится достаточно широко известной.

3. Подготовка научной смены. Ученый-руководитель стремится воспитать единомышленников из числа начинающих исследователей (студентов, аспирантов). Процесс этот долгий и кропотливый. Решение данной задачи применительно к вузу облегчается тем, что вуз выполняет и образовательные, и научные функции. Творческая атмосфера, талантливые студенты, основательная учебно-вспомогательная и научная база помогают профессору-ученому, преданному науке, достигнуть поставленной цели.

4. Интенсивное, непосредственное и неформальное общение между всеми членами научного коллектива. В результате формируется особый стиль межличностных отношений, нормы и стандарты научного исследования, культивируется атмосфера творчества.

5. Теоретико-методологические положения, составляющие основание исследовательской программы и разделяемые всеми членами школы, что определяет единый методологический строй мышления.

6. Наличие территориальной общности. Однако в связи с развитием средств электронных коммуникаций этот критерий начинает терять свою безусловную значимость. Вместе с тем современные средства связи, даже в режиме онлайн или интернет-конференции, не заменяют уникальности непосредственного личностного общения ученых.

Можно ли свести конкретную научную школу к некоей совокупности формализуемых факторов? Ряд авторов предлагают ввести более формализованные критерии научной школы, которые могут учитываться как по отдельности, так и совокупно [23]:

- защита докторских диссертаций последователями по направлениям и тематике, заложенной основателями научной школы (не менее 3);
- защита кандидатских диссертаций по направлениям и тематике, заложенной основателями и первой волной исследователей (не менее 10);
- наличие открытий, полученных научными коллективами или отдельными исследователями;

-
- опубликование монографий по направлениям и тематике деятельности научного коллектива (не менее 5) в общенациональных издательствах;
 - создание на базе научной школы научно-производственных структур, успешно функционирующих или развивающихся в общенациональном или межгосударственном масштабе;
 - разработка изделий, оборудования, технологий и т. д. и завоевание общенациональных и мировых рынков;
 - наличие государственных премий и наград, авторских свидетельств, патентов;
 - признание зарубежными научными сообществами в форме присуждения дипломов и почетных званий и т. д.

Данный перечень, естественно, может быть продолжен.

С учетом вышеизложенного не каждый научный коллектив вуза (а это, как правило, коллектив кафедры) может претендовать на звание научной школы и тем более ведущей научной школы.

Когда говорится о научной школе, то подразумевается, что в рамках этой школы воспитан не один доктор наук. Безусловно, в рамках научной школы идет активная научная работа, связанная и с аспирантурой, и с подготовкой кандидатских диссертаций, и с проведением конференций. Но при этом необходимы два важных условия: должны наличествовать основоположник школы — известный ученый, длительно работающий в этом направлении, и несколько докторов наук, выросших в данном коллективе.

Когда говорят о научном направлении на кафедре, то имеют в виду, что руководитель данного научного подразделения — доктор наук. В рамках научного направления кафедры научные исследования завершаются, как правило, кандидатскими диссертациями.

Когда речь идет о работе над научной проблемой, то, с формальной точки зрения, аспирантуры, подготовки кандидатских диссертаций не требуется, достаточно публикаций, выступлений на конференциях, семинарах. Этот количественный параметр, введенный в понятия «научная школа», «научное направление», «научная проблема», получил поддержку многих руководителей вузов, кафедр и факультетов.

Использование при идентификации научных школ только количественных показателей в отрыве от других способов оценки позволяет очертить лишь контур проблемы. Вероятно, необходим более широкий подход, учитывающий своеобразие и многогранность феномена научной школы.

Пользуясь обозначенными критериями, оценим научную школу Евгения Георгиевича Анимиды.

Профессор Е. Г. Анимиды является ведущим ученым по проблемам региональной экономики. Разработанная им концепция территориальной организации общественного производства стала основой для формирования новой парадигмы регионального управления и новой региональной экономической политики. В частности, им еще с конца 1980-х — начала 1990-х годов обосновывалась необходимость проведения экономических преобразований в стране с учетом специфики регионов; целесообразность формирования принципиально новой региональной политики, опирающейся на децентрализацию и демократические формы правления. Доказывалась целесообраз-

ность внедрения методов стратегического прогнозирования и регулирования развития городов как целостных социально-экономических образований, имеющих собственные интересы развития и возможность на этой основе реализовывать особую городскую политику. Именно под руководством Е. Г. Анимиды разрабатывается новое научное направление в экономических науках — экономика города.

Евгений Георгиевич родился в 1937 г. на Украине, в Донецкой области в семье сельских учителей. После окончания Ростовского-на-Дону государственного университета (1956–1961 гг.) и года работы по распределению учителем географии в г. Артемовский был избран в 1962 г. по конкурсу ассистентом кафедры экономической географии Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Работал на экономическом факультете Уральского государственного университета в должности ассистента (1962–1966 гг.), старшего преподавателя (1966–1970 гг.), был аспирантом-заочником (научный руководитель — доктор географических наук И. В. Комар, один из крупнейших специалистов по Уралу). В 1969 г. в Институте географии АН СССР защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата географических наук.

В Уральском государственном экономическом университете (ранее — Свердловский институт народного хозяйства, Уральский институт народного хозяйства) трудится со дня его основания (1967 г.).

В 1970–1988 гг. — доцент кафедры размещения производительных сил, с 1988 г. — профессор, заведующий кафедрой размещения производительных сил. С 1993 г. профессор Е. Г. Анимидца — организатор и руководитель созданной на основе многолетних научных исследований кафедры региональной и муниципальной экономики, на которой впервые в стране в рамках специальности «Национальная экономика» была начата подготовка экономистов по новой специальности «Региональная и муниципальная экономика». Созданию подобной кафедры способствовало длительное формирование научного направления «Проблемы социально-экономического развития городов», которое было обобщено и развито Е. Г. Анимидцей в его докторской диссертации, защищенной в 1988 г. в Институте географии АН СССР (Москва).

В качестве основателя и руководителя кафедры профессор Е. Г. Анимидца сумел создать коллектив единомышленников, работающих в едином русле научных исследований, в том числе в подготовке экономистов для различных сфер предпринимательской деятельности, а также органов регионального и муниципального управления.

Профессором Е. Г. Анимидцей написано и опубликовано более 400 работ по различным проблемам территориальной организации производительных сил, региональной экономики и социально-экономического и демографического развития городов общим объемом авторского текста 400 п. л., из них около 60 монографий. Большая часть этих работ широко известна специалистам в области региональной и муниципальной экономики, местного самоуправления и городской политики.

За монографию «Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города» (Е. Г. Анимидца — руководитель авторского

коллектива) и учебное пособие «Градоведение» (Е. Г. Анимица, Н. Ю. Власова) на Всероссийской выставке-презентации учебно-методических изданий (Сочи, 2010 г.) авторы получили Диплом лауреата и стали номинантами «Золотого фонда Отечественной науки», а также получили Премию им. Н. Н. Баранского за создание новаторских учебников и учебно-методических разработок в области социально-экономической географии Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО) в 2016 г. При непосредственном участии и под научным руководством профессора Е. Г. Анимицы выполнено более 50 научно-исследовательских работ по заказам академических, центральных и региональных научно-исследовательских проектных институтов, областных и городских организаций (АН СССР, РАН, ЦЭНИИ, Гипрогор, Минобразования).

Только в последние годы под научным руководством Е. Г. Анимицы и при участии сотрудников кафедры выполнены следующие НИР: «Стратегический план развития Екатеринбурга» (2003, 2010 гг.); «Стратегия развития г. Березники» (2008–2009 гг.), «Стратегия развития г. Нягань» (2010 г.), «Социально-экономические связи Среднего Урала и Республики Татарстан» (2007 г.), Концепция комплексного социально-экономического развития сельских территорий Свердловской области — «Уральская деревня» (2007 г.), «Разработка стратегических направлений развития муниципального образования «Асбестовский городской округ» до 2020 г.» (2010 г.), Комплексная программа повышения качества жизни жителей Свердловской области и концепция программы «Новое качество жизни Уральцев» (2013–2014 гг.).

Под научным руководством профессора Е. Г. Анимицы выполнены четыре работы в рамках Всероссийских грантов РФФИ и РГНФ, а также грант по линии TACIS (AEE-91-F06).

Профессор Е. Г. Анимица — участник более 100 международных, всероссийских, региональных, зональных, областных съездов, конференций, совещаний.

Профессор Е. Г. Анимица прочитал курс лекций в Высшей экономической школе г. По (Франция, 1994 г.), Акронском университете (США, 1996 г.), университетах Франции (г. Лион, Гренобль, Сент-Этьен, 1998 г.), ФРГ (г. Франкфурт-на-Одере, 2000 г.), Испании (г. Сантандер, Мурсия, 2000 г.).

Научная школа, возглавляемая Е. Г. Анимицей, привлекает интерес со стороны международного научного сообщества, что подтверждено присвоением ему звания «Человек года — 2011» в области региональной экономики Американским биографическим институтом. Профессор Е. Г. Анимица — в числе ученых, вошедших в международные биографические справочники: The International Directory of the Distinguished Leadership; Εγκυκλοπαίδεια του Ποντιακού Ελληνισμού Φεγγαλουικη; «Who is Who в России». Кроме того, его имя занесено в энциклопедии «Екатеринбург» (2002 г.), «Свердловская область» (2003 г.), «Ученые России» (2008 г.).

Евгений Георгиевич с 2014 г. входит в состав Общественного совета при Министерстве экономики Свердловской области; занимал должность заместителя председателя Общественной палаты Свердловской области (2011–2015 гг.); входил в состав Экономического совета при Губернаторе Свердловской области (1999–2000 гг.); был научным советником Председа-

теля Правительства Пермского края (2005–2010 гг.); общественным советником Вице-губернатора Свердловской области — Руководителя Администрации губернатора Свердловской области (2012–2014 гг.); членом Консультационного совета по делам национальностей Свердловской области (2012–2014 гг.); советником Председателя Екатеринбургской городской Думы (2000–2005 гг.), членом Программного совета по стратегическому развитию Екатеринбурга.

Профессор Е. Г. Анимица — член Научного совета по фундаментальным географическим проблемам при Международной ассоциации академических наук (МААН), руководитель секции региональной экономики Свердловской организации Вольного экономического общества России, а также заместитель главного редактора научного журнала «Известия Уральского государственного экономического университета», научно-аналитического журнала «Управленец», научного информационно-аналитического экономического журнала «Экономика региона», научного журнала «Ars administrandi» (Пермь), научного журнала «Географический вестник» (Пермь).

Профессор Е. Г. Анимица на протяжении многих лет входит в диссертационные советы. В частности, он является заместителем председателя Совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора экономических наук, функционирующего в Уральском государственном экономическом университете (Д 212.287.01); членом диссертационного совета по присуждению ученой степени доктора экономических наук (Д 004.022.01) в Институте экономики УрО РАН; членом диссертационного совета по присуждению ученой степени доктора географических наук (Д 212.189.10) в Пермском государственном университете.

Профессор Е. Г. Анимица принимает активное участие в деятельности Евразийского научно-исследовательского института человека, функционирующего в Уральском государственном экономическом университете.

За большой личный вклад в дело подготовки квалифицированных специалистов по экономике, успехи в научной работе, а также в развитии институтов гражданского общества Евгений Георгиевич удостоен государственных и иных наград, грамот. В их числе: Заслуженный деятель науки Российской Федерации (1997 г.); Действительный член (академик) Международной академии наук высшей школы (1999 г.); член-корреспондент РАЕ (2010 г.); обладатель почетных званий «Заслуженный деятель науки и образования» по решению Президиума РАЕ (2010 г.), «Основатель научной школы» по решению Президиума РАЕ (2009 г.); лауреат премии им. В. Н. Татищева и Г. В. де Геннина (2001 г.) в области науки; лауреат премии им. Н. Н. Колосовского за цикл работ по исследованию теоретико-методологических основ развития пространственных социально-экономических систем (2012 г.); награжден медалью «Ветеран труда» (1987 г.), медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (2008 г.); памятной медаль «285 лет со дня основания города Екатеринбурга» (2008 г.); Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РФ (1993 г.); Почетной грамотой Государственной Думы Федерального Собрания РФ (2007 г.); Грамотой Полномочного представителя Президента РФ в УрФО (2012 г.); Почетными грамотами Губернаторов Пермского края (2007 г.) и Свердловской области (1997, 2013 гг.), Прави-

тельства Свердловской области (1997 г.); Грамотой Вольного экономического общества России (2010, 2015 гг.), Грамотой УрО РАН (1997 г.); Почетными грамотами Администрации г. Екатеринбурга (2007, 2012, 2013 гг.); Памятной Золотой медалью Законодательного собрания Свердловской области «Опорный край державы» (2013 г.); Благодарностью Общественной палаты РФ (2012 г.), Благодарственными письмами Законодательного собрания Пермского края (2013 г.); Почетной Грамотой Совета муниципальных образований Свердловской области (2014 г.); Орденом Екатерины Великой «За служение науке и просвещению» (2015 г.) по версии РАЕ.

Как исследователя Е. Г. Анимицу отличают исключительная научная зоркость и умение «схватывать на лету» глубинную суть процессов и явлений, уважительное отношение к мнению коллег и щедрость, с которой он раздает идеи и знания своим ученикам и коллегам. Это может быть свойственно только Мастеру, а не просто толкователю или исполнителю. Приходится удивляться, как при огромной загруженности многочисленными научно-исследовательскими и общественными делами он находит время для работы над книгами и учебниками.

Е. Г. Анимица успешно сочетает научную, образовательную и организационную деятельность. Будучи руководителем кафедры, Евгений Георгиевич сумел создать коллектив единомышленников, работающих в едином русле научных исследований, в том числе в деле подготовки экономистов для различных сфер предпринимательской деятельности, а также органов регионального и муниципального управления. В 2009 г. кафедра, возглавляемая Е. Г. Анимицей, стала победителем первого Всероссийского конкурса «Лучшая экономическая кафедра» в номинации «Экономика», проводимым по инициативе Вольного экономического общества России (ВЭО). В 2009 г. решением Президиума РАЕ кафедре присвоен титул «Золотая кафедра России». В 2016 г. кафедра стала победителем организованного ВЭО Всероссийского конкурса кафедр и образовательных программ «Экономика и управление — 2015» в номинации «Региональная экономика и управление».

Научная школа, созданная и возглавляемая профессором Е. Г. Анимицей, широко известна своими исследованиями в области социально-экономического развития регионов, городов, комплексного решения проблем пространственного и социально-экономического развития территорий. В Уральском государственном экономическом университете впервые на Урале проблемы региональной экономики стали рассматриваться в одном контексте с муниципальной экономикой. Такой шаг потребовал от Е. Г. Анимицы и его учеников большой научной смелости, ибо необходимость сопряженного рассмотрения концепций региональной и муниципальной экономики стала столь очевидной только в наши дни. В настоящее время представители научной школы разрабатывают ряд новых научных направлений — пространственная экономика, сетевая экономика, социоэкономика, экономика недвижимости, региональные аспекты новой индустриализации и модернизации.

Научно-исследовательские работы профессора Е. Г. Анимицы и его учеников создают благоприятные возможности для разработки новых учебных программ и подготовки новых учебных дисциплин и спецкурсов, читаемых на кафедре и в университете.

Под научным консультированием и научным руководством профессора Е. Г. Анимицы защищено 12 докторских и 40 кандидатских диссертаций.

Научная школа Евгения Георгиевича Анимицы оформилась организационно и получила официальное признание. Региональный центр научно-технической экспертизы при Санкт-Петербургском государственном электротехническом университете решением от 27 декабря 2002 г. внес научный коллектив, возглавляемый профессором Е. Г. Анимицей, в число ведущих научных коллективов в стране.

Профессору Е. Г. Анимике решением Президиума РАН от 2 ноября 2009 г. и от 4 февраля 2011 г. присвоено Почетное звание «Основатель научной школы: „Региональная экономика в системе пространственной экономики“», вручены сертификат, нагрудный знак и удостоверение основателя научной школы, а также выдан сертификат участника интернет-энциклопедии «Выдающиеся ученые России».

Е. Г. Анимица — ученый-новатор. В нем сочетаются неутомимый исследователь, умеющий охватывать своим видением сложные социально-экономические явления во времени и в пространстве; истинный вдохновитель коллективных действий ученых; генератор идей и продуктивный автор; вузовский профессор и воспитатель. Его заботит дальнейшая жизнь научной школы, ее целостность, результативность, авторитет, престиж.

Несомненно, у научной школы Е. Г. Анимицы — большое будущее!

ГЛАВА 1

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

1.1. НЕОИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ — СТРАТЕГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ

1.1.1. ОБЪЕКТИВНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ В НЕОИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Еще в XVIII веке видный французский философ Шарль Монтескье писал: «Богатство государства предполагает развитую промышленность» [202].

Теоретические основы формулирования индустриальной модели экономического развития общества были заложены в трудах таких известных ученых, как лидер концепции «индустриалистической» ветви институционализма Дж. Гэлбрейт [96], А. Тоффлер, обосновывающий наступление «супериндустриального общества» и свершение «супериндустриальных» революций» [281], А. Дж. Тойнби, доказывавший, что промышленная революция является «четвертым скачком» в ходе научного и технического прогресса общества [280, с. 385].

Идею «третьей промышленной революции» в последние годы развивает видный американский исследователь Джереми Рифкин [238].

Клаус Шваб, основатель и бессменный президент Всемирного экономического форума в Давосе, формулирует парадигму «четвертой промышленной революции», которая по масштабу, объему и сложности не имеет аналогов во всем предыдущем опыте человечества [303].

Карлота Перес, одна из ярких представительниц неошумпетерианской школы социально-экономического анализа, доказывает, что каждая промышленная революция приводит «к массовой замене одного набора технологий другим путем прямого замещения либо путем модернизации существующего оборудования, процессов и методов его использования» [216, с. 24].

Вполне современными, актуальными и убедительными стали «заветные мысли» активного поборника индустриализации Д. И. Менделеева, высказанные еще 100 лет тому назад: «...обширное развитие заводской и фабричной деятельности в России есть... единственное верное средство для дальнейшего развития нашего благосостояния... <...> Дальнейшая судьба России определяется развитием всех родов промышленности... <...> Только с развитием производств — фабричных и заводских — создается тот прочный средний производительный класс, без развития которого невозможно сильное образованное государство» [194, с. 385, 386, 430].

И в России формируется новая индустриальная эра, которая характеризуется возрождением технико-технологического потенциала, ростом удельного веса наукоемкой продукции, ускоренными темпами модернизации производства.

Как считают многие известные отечественные ученые-экономисты (С. Бодрунов, С. Глазьев, Р. Гринберг, С. Губанов, В. Кулешов, Е. Ленчук, В. Рязанов, Д. Сорокин, О. Сухарев, А. Татаркин и др.), будущее российской экономики видится через призму мощного технологического прорыва — через новую индустриализацию.

Хотя трактовки новой индустриализации базируются на институтах и фундаментальных принципах современной рыночной экономики, демократического устройства общества, на использовании научного потенциала различных схем общественного воспроизводства, все же они отражают взгляды представителей разных научных школ и групп во властных структурах, различаются прежде всего степенью радикальности и первоочередности конкретных мер экономического, организационного, институционального и иного характера. Понятие «новая индустриализация» в ходе научных дискуссий детализируется, обогащается, что в целом соответствует логике научного познания.

Вместе с тем понятие «новая индустриализация» пока еще не вошло в глоссарий современных отечественных экономистов, так как оно относительно ново для отечественной науки. В становлении данного понятия большую роль сыграла серия статей на эту тему, опубликованных в журнале «Экономист», начиная со статьи профессора МГУ С. С. Губанова, изданной в 2008 г. и получившей широкое признание в российском научном сообществе [87]. По сути, его фундаментальные научные обобщения, по утверждению В. М. Кулькова, стали ядром «неоиндустриальной парадигмы современного развития» [156]. Раскрывая содержание понятия «новая парадигма» (по Т. Куну) применительно к неоиндустриализации, следует выделить ее основные характеристики: новая парадигма предполагает формирование концептуальной модели (образца) научных исследований, которая представляет собой переплетение теоретических и методологических предпосылок, принципов, общепринятых правил, действий, методов, господствующих в научном сообществе на протяжении определенного отрезка времени, и позволяет исследовать, описывать, интерпретировать те или иные явления, решать научные проблемы, понимать их природу; результатом смены парадигм выступают периодически происходящие научные революции [158].

Наша позиция ближе всего к научным воззрениям С. Д. Бодрунова. Он постулирует, что «парадигмой развивающейся, а не стагнирующей российской экономики должна стать ее реиндустриализация, а главной целью реиндустриализации — *восстановление роли и места промышленности в экономике страны в качестве ее базовой компоненты* на основе нового технологического уклада путем решения комплекса экономических, организационных и иных задач» [43, с. 9].

Причем если реиндустриализация предполагает возрождение российской экономики в результате необдуманной приватизации и либерализации, то неоиндустриализация подразумевает выход российской экономики на передовые мировые технологии, находящиеся в русле шестого технологического уклада.

В отечественной экономической науке академик С. Ю. Глазьев выделяет и описывает технологические уклады, которые последовательно сменяют друг друга в ходе индустриальных революций [71; 74].

По С. Ю. Глазьеву, жизненный цикл технологического уклада охватывает около столетия, при этом период его доминирования в развитии экономики составляет около 40 лет [73, с. 79].

Россия не сможет войти в «клуб» стран пятого технологического уклада, отвечающих в мире за разработку современных технологий и получающих так называемую технологическую ренту, если не сумеет осуществить новую индустриализацию.

Важную роль в формировании парадигмы неоиндустриализации играет региональный контекст, ибо в экономическом пространстве России процессы индустриализации протекают неравномерно не только во времени, но и в пространстве. Это особенно важно для огромной России, которая всегда отличалась существенной вариацией составляющих ее регионов. Как писал видный российский экономист, академик А. Г. Гранберг, «многие российские регионы (крупные экономические районы, республики, края, области) по территории, населению, экономической мощи зачастую превосходят целые страны, в том числе входящие в группу развитых» [80, с. 39].

В период исторических поворотов в развитии государства как концепции регионального (пространственного) развития, так и практические инструменты регулирования меняют свою сущность и свои методы. Современные теории регионального развития построены на основе концепций «конкуренция», «инновация», «рынок», «предпринимательство», «региональная политика». Если экономики регионов представляют собой части экономического пространства страны, то регионы, где господствуют силы конкуренции и различный по воздействию дух предпринимательства, выступают как относительно автономно функционирующие острова инноваций со множеством других взаимосвязанных элементов внутреннего регионального механизма.

С этих позиций без исследования пространственных характеристик индустриализации невозможно получить истинное, целостное представление об индустриализации, промышленных революциях, модернизации.

Такие известные индустриальные регионы мира, как Рур в Германии, Пенсильвания в США, угольно-металлургические районы в Великобритании, Франции, Бельгии, Уральский, Центральный и Северо-Западный старопромышленные регионы в России, которые были лидерами «индустриального рынка» конца XIX — начала XX века, наиболее ярко высвечивают общие типологические свойства технико-технологической индустриализации и представляют ее региональную уникальную специфику.

Именно старопромышленные регионы России, переживающие затяжной социально-экономический кризис, стали лоббистами неоиндустриализации.

1.1.2. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ АКТИВИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

В начале XXI века в публичном пространстве страны представители экономической и политической элиты, в том числе первые лица государства, предлагали различные концепции, модели и инструменты технологического и экономического развития.

В 2008 г. на Красноярском экономическом форуме правительством страны был объявлен курс на модернизацию в виде стратегической модели четырех «И»: инновации, институты, инфраструктура, инвестиции. Однако разразившийся во второй половине 2008 г. экономический кризис и другие причины не позволили сделать реальные шаги по реализации заявленной стратегии.

Президент В. В. Путин на Петербургском международном экономическом форуме 2017 г. связал будущее российского хозяйства с развитием цифровой экономики: «Цифровая экономика — это не отдельная отрасль, по сути, это основа, которая позволяет создавать качественно новые модели бизнеса, торговли, логистики, производства, изменяет формат образования, здравоохранения, госуправления, коммуникаций между людьми, а следовательно, задает новую парадигму развития государства, экономики и всего общества» [230].

Цифровая (или электронная) экономика, которая формируется в лоне четвертой промышленной революции, не ограничивается бизнесом электронной торговли и сервисов, а затрагивает каждый аспект жизнедеятельности общества: образование, здравоохранение, материальное производство, интернет-банкинг и др. Наиболее значительный экономический эффект цифровые технологии могут принести в инициировании неоиндустриализации, в формировании крупномасштабного производства.

По оценкам CNEWS, российский рынок информационных технологий (ИТ) составляет примерно 2 % мирового. Динамика развития российского ИТ-рынка превышает среднемировую. 20 крупнейших российских компаний, которые контролируют до 75 % рынка, сформировали материальную базу ИТ-технологий и приобрели системы управления бизнес-процессами. ИТ-рынок Уральского макрорегиона — один из крупнейших в стране, он приближается к отметке 2 млрд дол. (5–7 % российского рынка).

Положительную динамику спроса на ИТ демонстрируют в Уральском регионе химическая и металлургическая промышленность, предприятия оборонно-промышленного комплекса.

Решающую роль в формировании цифровой экономики сыграли высокие информационные технологии: компьютеры, мобильная связь, Всемирная паутина, смартфоны, современный софт и т. п.

Активное освоение цифровых, аддитивных, лазерных, нанотехнологий, фотоники и иных передовых технологий позволяет наращивать темпы производства инновационной продукции в первую очередь в обрабатывающей промышленности. Только на 40 оборонных предприятиях Свердловской области в 2016 г. внедрено около 70 новых и новейших технологий.

Непосредственный результат неоиндустриализации в контексте внедрения новых технологий состоит в достижении технотронного уровня развития производительных сил, основанного на технотронной триаде: совокупный работник — цифра (ЭВМ) — автоматизированные средства производства.

Россия упустила в свое время электронную революцию и, не вписавшись полноценно в пятый технологический уклад, обладает заметным ИТ-потенциалом для запуска механизма новой индустриализации, прорыва в шестой уклад и на этой волне может добиться опережающего роста.

В качестве важнейших стратегических инструментов социально-экономического развития территорий, в том числе в контексте активизации процессов новой индустриализации, можно рассматривать мегапроекты. В широком смысле мегапроекты представляют собой инвестиционные проекты мирового уровня, особо крупного масштаба с капитальными вложениями более 1 млрд дол., осуществление которых связано не только с мобилизацией значительных финансовых, но и материально-технических, человеческих, административных и иных ресурсов, причем в данном случае предполагается государственное участие в той или иной мере [234].

Территориальность присуща любым инвестиционным проектам, поскольку их реализация происходит в определенном пространстве, а ресурсы дислоцированы на определенной территории. Вместе с тем выделяются собственно территориальные мегапроекты, характеризующиеся следующими особенностями. Во-первых, их влияние распространяется на значительные по масштабам территории (страна, регион, макрорегион и т. п.). Во-вторых, мегапроект представляет собой долговременный капиталоемкий проект, характеризующийся сложностью, системным характером и значимостью реализуемых целей [63]. В-третьих, мегапроекты интегрируют множество небольших по масштабам проектов, объединенных общей целью, выделенными ресурсами и определенным временем для его исполнения [199]. В-четвертых, территориальные мегапроекты изменяют экономический ландшафт страны, преобразуют хозяйственное пространство.

Б. Фливиборг и его коллеги объясняют бум мегапроектов в мире четырьмя основными «вдохновениями» (sublimes) [293]:

а) технологическое «вдохновение» — это восторг, который испытывают инженеры при проектировании чего-то технологически нового и выдающегося;

б) экономическое «вдохновение» — это интерес фирм-подрядчиков и субподрядчиков, работников, занятых в мегапроектах, а также всех тех, кто прямо или косвенно зарабатывает на них;

в) политическое «вдохновение» — это стремление политических лидеров создать зримый памятник себе и своим идеям;

г) эстетическое «вдохновение» — это удовлетворение, которое получают создатели и общественность благодаря визуальным характеристикам объектов, создаваемых в ходе реализации мегапроектов.

Грандиозный масштаб мегапроектов рассматривается также в качестве важного условия для привлечения международного внимания.

Многие специалисты и эксперты разделяют точку зрения, что осуществление крупномасштабных проектов, в том числе спортивных, — это один из самых быстрых путей достижения целей развития территорий [347].

В России накоплен богатейший опыт реализации крупномасштабных территориальных проектов, которые в определяющей степени позволили нашей стране войти в круг мировых индустриальных государств. Среди наиболее известных территориальных мегапроектов выделим сооружение Транссибирской магистрали в царской России, строительство в 1930-е годы гигантского Урало-Кузнецкого комбината, реализацию в 1940–1950-е годы знаменитого Атомного проекта, создание уникального Западно-Сибирского

нефтегазового комплекса, а также осуществление в начале XXI века такого знакового мегапроекта, как зимняя Олимпиада в Сочи.

Даже простое перечисление этих впечатляющих территориальных мегапроектов позволяет говорить об их взаимосвязи с процессами индустриализации. Они вкупе с другими мегапроектами стали визитной карточкой страны.

Среди территориальных мегапроектов, осуществление которых возможно в ближайшей перспективе, следует назвать проект «Белкомур» (БЕЛое море — КОМи — УРал) или, иначе, «Заполярный Трансиб», который способен активизировать процессы индустриального развития северных районов страны, а строительство железной дороги Архангельск — Сыктывкар — Соликамск обеспечивает прямой выход этих территорий на главную транссибирскую железнодорожную магистраль Москва — Владивосток.

На строительство новых железнодорожных веток, ремонта имеющихся и строительство сопутствующей инфраструктуры потребуется несколько миллиардов долларов¹. Новая железнодорожная магистраль станет одной из наиболее перспективных с точки зрения обеспечения стратегических интересов России в области освоения Арктики, развития Северного морского пути, роста промышленного производства северных и арктических районов России, вовлечения в хозяйственный оборот уникальных природных ресурсов. Это — своеобразный новый «шелковый путь» в Арктику. 3 сентября 2015 г. в ходе визита Президента России В. В. Путина в Китай достигнута договоренность между РФ и КНР о совместной реализации мегапроекта «Белкомур».

В целом следует констатировать, что саму неоиндустриализацию можно рассматривать (идентифицировать) как сложнейший территориальный мегапроект, реализация которого позволяет обеспечить восхождение национальной экономики на очередную повышательную длинную волну экономического роста.

¹ Хорошева А. На строительство Белкомура уйдет 20 лет // Новости-online. — 2007. — Май. — URL : <http://www.permoboz.ru/news0.php?n=10419> (дата обращения: 15.06.2017).

1.2. ЭВОЛЮЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ОПЫТ РОССИИ 1990–2000 гг.

Изучение эволюции любого объекта, как правило, начинается с определения хотя бы условного времени и места его возникновения, другими словами — с установления точки отсчета. Зачастую эксперты не приходят к единому мнению, как следствие, в исследовательской среде закрепляются различные позиции. Подобная ситуация сложилась и в отношении государственного стратегического планирования.

Одни специалисты считают, что первые формы стратегического планирования стали возникать лишь в 1970-е годы [323]. По мнению других, стратегическое управление возникло в начале 1930-х годов, но самостоятельной дисциплиной стало с 1970-х годов [366].

С нашей точки зрения, отдельные элементы стратегического планирования проникли в государственную хозяйственную практику советской России еще в 1920-е годы с реализацией крупнейшей инфраструктурной программы ГОЭЛРО. Допускаем, что в алгоритме разработки плана не соблюдался строгий пошаговый порядок, характерный для современного стратегического планирования. Но по своему масштабу, целеполаганию, ожидаемым результатам и эффектам это был стратегически ориентированный государственный документ.

Сегодня мы многое заимствуем из систем планирования различных стран, часто отказываясь от накопленного в советский период багажа и забывая, что европейская, японская или американская модели сложились на основе детального изучения именно советского опыта. Причем федеративное устройство страны во многом определило необходимость формирования и системы регионального планирования, что впоследствии стало одной из наиболее сильных сторон советской школы.

Политико-экономическая трансформация 1990-х годов закономерно повлекла за собой изменения и российской системы планирования регионального социально-экономического развития.

Во-первых, сократился масштаб планирования регионального развития на федеральном уровне. Оно не утратило своей значимости, но изменилось по содержанию.

Во-вторых, учет средовых факторов обусловил изменения в самом долгосрочном планировании, ориентированном только на внутренние ресурсы системы. Оно стало склоняться к стратегическому, учитывающему среди прочих факторы внешней среды. В конечном итоге возникла необходимость ре-

шить новую задачу как для региональной науки, так и для практической плановой деятельности — разработать региональные стратегии развития.

Традиционно под стратегией понимается совокупность ориентиров и ограничений, которые определяют направление развития системы в соответствии с поставленной целью [30]. При этом существует точка зрения, что в стратегическом планировании прогнозные ориентиры определяются на основе взаимодействия многих действующих территориальных субъектов, движимых собственными интересами, непосредственно участвующих в планировании и имеющих возможность контролировать ход реализации планов. Упор делается на отношения (партнерские взаимодействия действующих субъектов территориального развития) и логику реализации планов (программ, проектов), которые отражают совокупность задач, определенных на основе консенсуса решений действующих субъектов [304].

Специалистами отмечается важность самого факта обращения регионов к стратегическому планированию, что «ставит региональную власть в новую более мощную позицию, в которой возможен переход от парадигмы функционирования к парадигме развития» [32].

Современные теоретические и методологические основы разработки стратегий развития территорий разного уровня начали закладываться в российской региональной науке уже в середине 1990-х годов. И здесь следует учитывать, что происходило это главным образом под воздействием практической реализации различных региональных и муниципальных моделей стратегического планирования.

С наш взгляд, начиная с 1993 г. можно выделить пять этапов эволюции стратегического планирования в регионах России:

- 1993/95–2001 гг. — «восстановление» системы планирования;
- 2002–2004 гг. — переход на региональные стратегии развития;
- 2005–2009 гг. — унификация региональных стратегий;
- 2010–2013 гг. — формирование институциональной и правовой базы новых инструментов стратегического планирования;
- 2014 — (предположительно) 2018 гг. — оформление системы стратегического планирования в соответствии с новым федеральным законом.

Первый этап охватывает период с 1993/95 по 2001 гг. и характеризуется появлением многочисленных федеральных целевых программ (ФЦП) социально-экономического развития регионов. По сути, это были не стратегические, а скорее антикризисные документы, больше напоминавшие политические намерения власти, поэтому слабо сбалансированные и практически не обеспеченные ресурсами.

С конца 1995 г. начался процесс активной разработки и утверждения федеральных целевых программ регионального развития, который достиг пика в 1998 г. К 2001 г. число программ достигло нескольких десятков, они полностью или частично охватывали территорию более 50 субъектов Федерации, причем некоторые регионы одновременно попали под действие нескольких программ. Причиной активизации было принятие Федерального закона от 20 июля 1995 г. № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития РФ».

Другой причиной активного внедрения в практику стратегического планирования территориального развития специалисты называют повышенный интерес к опыту экономически развитых стран и активную спонсорскую помощь разных организаций по его распространению в России [304]. Опуская детальную характеристику документов тех лет, отметим, что остается открытым вопрос об эффективности утвержденных ФЦП, поскольку в целом регионы, где шла реализация таких программ, не выделялись на фоне других субъектов по динамике своего экономического развития. Отсюда сложность с обоснованием экономических потребностей принятия этих документов, скорее, решался вопрос встраивания регионов в общий макроэкономический контекст, что в действительности стало сдерживающим фактором пространственного развития.

Что касается регионального законодательства в области планирования, то ситуация складывалась по-разному, но с традиционным отставанием на год-два от федерального уровня. Например, в 1996 г. в Республике Тыва был принят Закон от 15 апреля 1996 № 416 «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Тыва», а позже постановлением Правительства Республики Тыва от 27 сентября 2011 г. № 553 утвержден Порядок разработки прогноза социально-экономического развития Республики Тыва на среднесрочный период. Данный закон практически повторял федеральный законодательный акт как в структурном, так и содержательном плане. Позже, в 2000 г., аналогичный закон был принят в Красноярском крае¹. В 2001 г. был принят Закон Краснодарского края от 10 июля 2001 г. № 384-КЗ «О прогнозировании, индикативном планировании, стратегии и программах социально-экономического развития Краснодарского края» (в ред. от 15 декабря 2014 г.), который, в отличие от законов двух вышеуказанных субъектов РФ, расширил область и инструментарий регулирования отношений. В частности, впервые были введены понятия «стратегия социально-экономического развития Краснодарского края», «индикативный план социально-экономического развития», который разрабатывался ежегодно в качестве обязательной основы для определения и реализации целей и приоритетов деятельности органов государственной власти, и др.

Таким образом, если в середине 1990-х годов в регионах разрабатывалось множество различных плановых документов краткосрочного, антикризисного характера, то в конце 1990-х годов наметился переход к разработке документов перспективного развития с использованием методологии стратегического планирования. В целом окончание первого этапа эволюции характеризуется формированием к 2002 г. достаточно устойчивой системы регионального планирования. Первым региональным стратегическим документом считается Стратегический план города Санкт-Петербурга, разработанный в 1997 г. При этом большее влияние на эти процессы оказывало федеральное законодательство. Региональное правовое оформление системы стратегического планирования в субъектах Федерации только началось и было единичным. Примечательно, что в отдельных регионах процесс

¹ *О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития в Красноярском крае* : закон Красноярского края от 10 февраля 2000 г. № 9-627.

стратегического планирования начинался с разработки Стратегического плана, как в Санкт-Петербурге, или, как в Свердловской области, со Схемы развития и размещения производительных сил.

Самый короткий *второй этап* эволюции стратегического планирования нами ограничен рамками 2002–2004 гг. и характеризуется резким сокращением федерального планирования в пользу развития собственно регионального планирования, основанного не на федеральных программах, а программах и стратегиях социально-экономического развития самих субъектов. В то же время федеральное правительство начало решать вопросы по повышению качества регионального программирования. Так, в соответствии с приказом Минэкономразвития РФ был разработан и утвержден Типовой макет программ социально-экономического развития субъектов РФ, а также Порядок согласования с федеральными органами программ социально-экономического развития для регионов федерального значения и регионов, предполагающих использовать при реализации программ развития средства федерального бюджета¹. Для регионов-реципиентов соответствие программы Типовому макету стало обязательным. Однако большинство стратегических документов, разработанных в тот период, не содержали полной базы элементов, предусмотренных методологией стратегического планирования, были разработаны по типовому образцу, не позволявшему отразить региональные особенности.

Отдельные регионы продолжали создавать правовую базу прогнозного, программно и частично стратегического планирования, проявляя определенную самостоятельность. Так, в принятом в 2003 г. Законе Курганской области от 25 ноября 2003 г. № 2613 «О прогнозах, концепциях, программах социально-экономического развития, государственных программ и ведомственных целевых программах Курганской области» (в ред. от 5 ноября 2013 г.), в отличие от действовавшего федерального закона, было дано определение концепции социально-экономического развития, программ социально-экономического развития, целевых программ, раскрыто их содержание и место в системе планирования, а также содержалось положение о согласовании стратегических документов с областной трехсторонней комиссией по регулированию социально-трудовых отношений.

Но главным для этого этапа стал параллельный старт административной реформы², основанной на принципах концепции New Public Management, а также запуск процессов бюджетного реформирования³. В целом период 2003–2004 гг. характеризуется начальным переходом к преимущественно программно-целевым методам планирования [212], что в дальнейшем оказало существенное влияние на набор и формат основных документов стратегического планирования.

С нашей точки зрения, дальнейшую эволюцию стратегического планирования в России более корректно и правомерно рассматривать именно

¹ *О совершенствовании* разработки, утверждения и реализации программ экономического и социального развития субъектов Российской Федерации : приказ Министерства экономического развития и торговли РФ от 17 июня 2002 г. № 170.

² *О мерах* по проведению административной реформы в 2003–2004 гг. : указ Президента РФ от 23 июля 2003 г. № 824.

³ *Концепция* реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004–2006 гг.

с учетом процессов административной и бюджетной реформ, оказавших существенное влияние на характер изменений в системе государственного планирования. Границы *третьего этапа* нами обозначены как 2005–2009 гг., когда при сохранении небольшого числа федеральных целевых программ регионального развития активно разрабатывались собственные стратегии регионов, а Министерство регионального развития Российской Федерации рассматривало и принимало документы стратегического планирования. Этой управленческой активности есть экономическое объяснение: начался период инвестиционного роста и, как следствие, возникла необходимость в централизованной координации и привязке планов различных инвесторов к конкретным территориям, что дало новый толчок развитию территориального планирования¹. Путем утверждения нормативного «Требования к стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации»² в это время была предпринята попытка решить задачу унификации как процесса разработки, так и самого документа. К документам стратегического планирования Минрегионразвития РФ были отнесены Стратегии развития, Концепции стратегий, Схемы размещения производительных сил, Программы развития, Стратегические планы. Но качество многих принятых региональных документов оставляло желать лучшего, поскольку не соответствовало предъявляемым требованиям.

Более того, с 2006 г. субъекты, где уже имелись стратегии и программы, начали пересматривать ранее принятые варианты, уточнять действующие и разрабатывать новые, даже до истечения срока предыдущих документов (например, Кемеровская, Нижегородская, Сахалинская области, Республика Коми). Другие субъекты только подошли в этот период к разработке и внедрению непосредственно стратегий, среди них была и Свердловская область. Корректировались приоритеты регионального развития в связи со сменой приоритетов развития России в целом вследствие изменений внешней среды.

Что же касается процессов административного и бюджетного реформирования, то они в 2005–2009 гг. вступили в активную фазу своей реализации. Были приняты новые концептуальные документы, институционализирующие дальнейшие направления реформ³, в том числе в 2007 г. был внедрен трехлетний «скользящий» бюджет. Таким образом, расширился горизонт планирования, что должно было ускорить достижение стратегических целей социально-экономического развития.

Примечательно, что в этот период в ряде регионов с опережением федерального уровня начала формироваться самостоятельная законодательная база именно стратегического планирования. Так, в 2006 г. в Калинин-

¹ Согласно Градостроительному кодексу, не позднее 1 января 2008 г. всем субъектам Федерации следовало утвердить схемы территориального планирования, разработка которых должна была опираться на документы стратегического планирования.

² *Требования к стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации*: приложение к приказу Министерства регионального развития РФ от 27 февраля 2007 г. № 4.

³ Концепция «Административная реформа в Российской Федерации в 2006–2008 гг.»; Концепция реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2006–2008 гг.

градской и Ленинградской областях впервые в России были приняты законы о стратегическом планировании.

Следует заметить, что в следующие годы многие регионы традиционно заимствовали содержание ранее принятых законов, добавляя отдельные новшества. Так, принятый в 2008 г. Закон Кемеровской области от 2 июля 2008 г. № 56-ОЗ «О системе планирования социально-экономического развития Кемеровской области» (в ред. от 28 февраля 2011 г.) хотя и имел отличия, но по структуре и описанию основных документов системы планирования в целом напоминал аналогичный закон Новосибирской области. Принятый в 2009 г. Закон Забайкальского края от 16 декабря 2009 г. № 322-ЗЗК «О стратегическом планировании в Забайкальском крае» (в ред. от 4 октября 2010 г.) в сущности не отличался от аналогичных законов Новосибирской и Кемеровской областей, однако в нем были обозначены конкретные участники стратегического планирования: губернатор, законодательное собрание общественные, научные организации и др.

Следует заметить, что на процессы этого периода сильнейшее влияние оказал мировой финансовый кризис 2008 г. Но одновременно, по мнению ряда российских аналитиков, «благодаря создавшимся в результате него бюджетным и экономическим условиям сформировалась более сильная мотивация к проведению реформ, предусматривающих внедрение управления по результатам» [95]. При этом первой серьезной попыткой Правительства России сформировать стратегический документ считается разработанная в 2008 г. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.¹ Однако документ не содержал четкого согласования программного планирования и бюджета.

Важно, что в конце этого этапа эволюции федеральными властями впервые была предпринята попытка принять объединяющий правовой акт в сфере стратегического планирования. Так, вышел указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 536 «Об Основах стратегического планирования в Российской Федерации», однако он не учитывал региональные аспекты.

Таким образом, основными признаками третьего этапа эволюции стали, во-первых, активная разработка региональных стратегий развития; во-вторых, попытка усилить взаимосвязь бюджетного и стратегического планирования, но в большей степени на федеральном уровне; в-третьих, начало законодательного оформления именно стратегического планирования в России и ее регионах.

Границы *четвертого этапа* эволюции обозначены нами как 2010–2013 гг. Самым значимым моментом в этот период стало внедрение на федеральном уровне (и лишь избирательно на региональном) новых инструментов стратегического планирования, включая государственные программы. Государственные программы заменили собой целый комплекс практиковавшихся ранее инструментов: ведомственные целевые программы, федеральные целевые программы, приоритетные национальные проекты и др. Принципиальное отличие государственных программ от использовавшихся до этого других программных инструментов состоит в том, что они охватыва-

¹ О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. : распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (редакция от 8 августа 2009 г.).

ют все механизмы (регулятивные, тарифные, налоговые), используемые для достижения поставленных целей социально-экономического развития [95].

Нормативно-правовая база, определяющая порядок разработки, реализации, оценки эффективности государственных программ в Российской Федерации, начала формироваться с 2010 г., что соответствовало решению задачи перехода на программный федеральный бюджет с 2014 г.

Следует заметить, что ряд субъектов РФ (Москва, Республика Коми, Республика Саха (Якутия) и некоторые другие), начали переход на государственные программы в 2010–2011 гг. При этом методология формирования и оценки эффективности реализации государственных программ субъектов формировалась по аналогии с федеральным уровнем.

Для этого этапа эволюции характерна также активная законодательная деятельность регионов в области стратегического планирования. Многие принятые в тот период законы имели свои отличительные черты. Например, Закон Республики Дагестан от 11 октября 2010 г. № 53 «О стратегическом планировании в Республике Дагестан» (в редакции от 30 декабря 2013 г.) имел следующие особенности: во-первых, было введено понятие «документы стратегического планирования»; во-вторых, в состав этих документов включен доклад о результатах и основных направлениях деятельности правительства; в-третьих, органы законодательной и исполнительной власти ограничили круг участников планирования. К отличительным чертам Закона Пермского края от 2 апреля 2010 г. № 598-ПК «О стратегическом планировании социально-экономического развития Пермского края» (в ред. от 6 ноября 2014 г.) можно отнести включение в состав документов стратегического планирования краевых инвестиционных программ и региональных проектов региона, а также оценку выполнения поставленных целей и задач. В Законе Воронежской области от 30 июня 2010 г. № 64-ОЗ «О системе документов стратегического планирования Воронежской области» (в ред. от 27 мая 2014 г.) содержится положение о народном обсуждении проекта стратегии социально-экономического развития региона.

Следует отметить, что многие региональные законы о стратегическом планировании, принятые в 2011–2012 гг., повторяли те или иные положения законодательных актов, действовавших в тот период в других субъектах Федерации. Заимствование чужого опыта характерно для стран с федеративным устройством. Кроме того, существенная разница в темпах и качестве институционального развития регионов России создает для эффективного заимствования ранее принятых законодательных норм благоприятную среду.

Важно и то, что одна и та же сфера в регионах регулируется различающимися по формальному статусу правовыми актами. В частности, если в отмеченных выше регионах были приняты соответствующие законы о стратегическом планировании, то правительство Амурской области своим распоряжением утвердило «Методические рекомендации по разработке документов стратегического планирования социально-экономического развития муниципальных образований Амурской области»¹, Правительством Са-

¹ О методических рекомендациях по разработке документов стратегического планирования социально-экономического развития муниципальных образований Амурской области : распоряжение Правительства Амурской области от 19 мая 2010 г. № 49-р.

халинской области было принято постановление от 29 апреля 2011 г. № 158 «О стратегическом планировании в Сахалинской области» (в ред. от 8 мая 2014 г.), а в Костромской области — постановление губернатора Костромской области от 26 октября 2012 г. № 226 «О Порядке разработки стратегии социально-экономического развития Костромской области на долгосрочную перспективу».

Другим примечательным моментом анализируемого периода было то, что в его первой половине завершилась разработка, уточнение и актуализация регионами стратегий социально-экономического развития, аналогом которых стала Стратегия-2020, представленная Минэкономразвития России. Утвержденные в тот период региональные стратегии объединяло между собой следующее: во-первых, привлечение зарубежных или столичных консультантов для их разработки, что в итоге приводило к тотальной схожести разработанных документов без учета региональной специфики; во-вторых, отсутствие должного методического обеспечения, за исключением принятых ранее методических рекомендаций Минрегионразвития РФ, качество которых и ранее весьма критично оценивалось экспертами [273]; в-третьих, слабая взаимосвязь с требованиями, определенными для стратегий в ранее принятых законодательных и нормативных актах о стратегическом планировании в субъектах Федерации.

И последним характерным признаком четвертого этапа является повсеместная реализация одного из основных принципов концепции New Public Management — принципа информационной открытости, на базе которого расширилось публичное представление и доступность принимаемых федеральными и региональными властями документов в сфере стратегического планирования.

Таким образом, четвертый этап эволюции завершился появлением принципиально новых инструментов стратегического планирования и «ростками» региональной законотворческой самостоятельности в этой сфере.

Начало последнего *пятого этапа* эволюции определяется принятием в 2014 г. Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», обозначившего три уровня системы стратегического планирования: федеральный, региональный и муниципальный. Кроме того, становится обязательной разработка государственных программ на региональном уровне и муниципальных программ, что закрепило повсеместный переход на программное бюджетирование. Принятие этого федерального закона позволило «установить правовые основы стратегического планирования в Российской Федерации, координации государственного и муниципального стратегического управления, и бюджетной политики, полномочия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти ее субъектов, органов местного самоуправления и порядок их взаимодействия с общественными, научными и иными организациями в сфере стратегического планирования». В законе обозначен перечень стратегических документов, разрабатываемых как на уровне федерации, так и на уровне ее субъекта, а также муниципального образования. В частности, на уровне региона к стратегическим документам отнесены: стратегия социально-экономического развития; прогноз социально-эконо-

мического развития на долгосрочный период; бюджетный прогноз на долгосрочный период; прогноз социально-экономического развития на среднесрочный период; план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития; государственные программы; схема территориального планирования субъекта Российской Федерации.

Примечательно, что принятие закона о стратегическом планировании на федеральном уровне внесло свои коррективы в региональную правовую деятельность. Во-первых, активизировалась работа по утверждению аналогичных законов в регионах. Многие регионы, ранее принявшие такие законы, были вынуждены их пересмотреть и переутвердить с учетом положений федерального закона. Например, до конца 2014 г. были приняты законы о стратегическом планировании в Удмуртской Республике, Мурманской, Челябинской, Иркутской, Новгородской и ряде других областей. До конца 2015 г. были приняты законы о стратегическом планировании в Республике Коми, Республике Башкортостан, Санкт-Петербурге, а также Курской, Московской, Астраханской, Кировской, Нижегородской, Пензенской, Саратовской, Тюменской, Томской областях и других регионах.

Конечно, федеральный закон стал не только структурной, но и содержательной основой положений новых региональных законодательных актов. Но следует отметить, что в процессе законотворчества во многих субъектах проявилась региональная инициатива, при этом не всегда положительная. Так, отдельные субъекты Российской Федерации (например, Иркутская¹ и Новгородская² области) разработали свои законы о стратегическом планировании как фрагменты федерального закона, содержащие преимущественно нормы, отражающие особенности системы стратегического планирования этого региона.

Кроме того, ряд регионов (Республика Саха (Якутия)³, Сахалинская⁴, Ульяновская⁵ области) утвердили не законы о стратегическом планировании, а только соответствующие положения, регламентирующие состав стратегических документов, порядок их разработки, реализации и оценки и т. п., что соответствовало структуре федерального закона. Иначе говоря, трансплантация норм сопровождалась изменением на региональном уровне формального статуса правового акта.

При этом в 2014 г. в более чем 20 субъектах Федерации были утверждены планы подготовки документов стратегического планирования, что сделало процесс его институционализации поэтапным.

Важно отметить и то, что в большинстве субъектов Российской Федерации принятие регионального закона о стратегическом планировании оказа-

¹ Об отдельных вопросах осуществления стратегического планирования в Иркутской области : закон Иркутской области от 5 декабря 2014 г. № 145-ОЗ.

² О мерах по реализации Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» на территории Новгородской области : закон Новгородской области от 26 декабря 2014 г. № 684-ОЗ.

³ О стратегическом планировании в Республике Саха (Якутия) : указ Главы Республики Саха (Якутия) от 15 декабря 2014 г. № 228.

⁴ О стратегическом планировании в Сахалинской области : постановление Правительства Сахалинской области от 29 апреля 2011 г. № 158 (в ред. от 8 мая 2014 г.).

⁵ О стратегическом планировании в Ульяновской области : постановление Правительства Ульяновской области от 5 мая 2014 № 155-П.

ло влияние на формирование институционального обеспечения новых инструментов стратегического планирования — государственных программ и непосредственно на их реализацию. Например, в результате принятия Закона Республики Крым от 20 мая 2015 г. «О стратегическом планировании в Республике Крым» были внесены изменения в порядок разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ и принята его новая редакция, что закрепило место государственных программ в системе стратегического планирования региона, именно как института, наиболее эффективно обеспечивающего достижение целей социально-экономического развития¹.

Другой характерной чертой пятого этапа эволюции является разработка новых стратегий социально-экономического развития регионов — стратегий-2030. Примечательно, что разработка региональных стратегий стартовала в отсутствие, во-первых, федеральной стратегии развития до 2030 г., а во-вторых, единого методического обеспечения, закреплявшего структуру, содержание и прочие моменты региональных стратегий. В этих условиях регионы были вынуждены проявлять инициативу и творчество. Стратегии регионов-лидеров, например Республики Татарстан, впоследствии были взяты другими регионами за основу. Таким образом, неравномерность разработки институционального обеспечения стратегического планирования субъектов Федерации проявилась и в заметной разнице процессов разработки самих стратегий-2030.

Первоначально контрольным сроком принятия стратегий для всех регионов было названо 1 января 2017 г., поскольку предполагалось, что Министерство экономического развития Российской Федерации представит Стратегию социально-экономического развития России до 2030 г. в марте 2016 г. Однако документ не был подготовлен, что, очевидно, было связано с влиянием непростых внешнеполитических и внутренних экономических факторов. Отсутствие указанных документов на федеральном уровне существенно затормозило процессы в регионах. В результате по состоянию на начало 2017 г. количество регионов, утвердивших стратегии-2030, составило не более 25–30 % от общего числа субъектов Федерации.

Позднее был принят Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 210-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О стратегическом планировании в Российской Федерации“», который предусматривал перенос срока разработки документов стратегического планирования с 1 января 2017 г. на 1 января 2019 г. Такая необходимость связана с тем, что до декабря 2017 г. будет разработана стратегия социально-экономического развития России, которая станет одним из основных целеполагающих документов, а до 1 января 2019 г. будут подготовлены учитывающие ее положения документы стратегического планирования федерального, регионального и муниципального уровней.

В итоге разработка в новый установленный срок федеральной стратегии-2030 — до конца 2017 г. — может внести существенные коррективы

¹ *О внесении изменений* в постановление Совета министров Республики Крым от 19 августа 2014 г. № 272 : постановление Совета министров Республики Крым от 8 сентября 2015 г. № 525.

в ранее принятые региональные стратегии и другие документы стратегического планирования. Всем участникам предположительно будет дан один год для приведения всех действующих документов в соответствие с федеральной стратегией и принятия недостающих. Возможно, 2018–2019 гг. станут окончанием пятого этапа эволюции стратегического планирования и началом следующего.

В заключении еще раз отметим наиболее существенные моменты. Во-первых, эволюцию стратегического планирования в современной России нельзя рассматривать в отрыве от административной и бюджетной реформ, проводимых на принципах концепции New Public Management. Именно такой подход позволяет установить причинно-следственные связи многих возникающих процессов и явлений. Это важный момент, поскольку снимает одно из самых существенных противоречий концепции New Public Management, формулируемого как «децентрализация принятия управленческих решений».

Во-вторых, каждый выделенный этап эволюции современного стратегического планирования в России и ее регионах имеет свои особенности. В целом переход к стратегическому планированию в субъектах Федерации существенно различается по срокам и по применяемым подходам, которые в большинстве случаев определяются выбором в системе содержательно-временных координат: «копирование центра — учет региональной специфики» и «опережение центра — отставание».

В-третьих, на институционализацию стратегического планирования существенное влияние оказывают экзогенные и эндогенные факторы (политические, экономические, социальные и др.), которые необходимо учитывать для своевременной корректировки как непосредственно стратегических документов, так и их правовой «оболочки».

1.3. ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ДОКУМЕНТОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ: ЕДИНЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ (ОТ РАЗРАБОТКИ ДО АКТУАЛИЗАЦИИ)

В июне 2014 г. в Российской Федерации был утвержден Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее — Закон № 172-ФЗ), регулирующий отношения, возникающие между участниками стратегического планирования в процессе целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования, содержащий основные понятия стратегического характера, такие как стратегическое планирование, муниципальное управление, целеполагание, прогнозирование, планирование, программирование, мониторинг и контроль реализации документов стратегического планирования, система стратегического планирования, документ стратегического планирования и т. д.

Закон № 172-ФЗ устанавливает полномочия органов местного самоуправления в сфере стратегического планирования, в том числе определяет правовые основы стратегического планирования в Российской Федерации, устанавливает состав участников и их полномочия, предусматривает координацию государственного и муниципального стратегического управления и бюджетной политики.

Закон № 172-ФЗ сохраняет за органами местного самоуправления право не создавать новые документы стратегического планирования, не перерабатывать существующие, а реализовывать действующую систему в рамках утвержденных сроков действия (ч. 4 ст. 47). Согласно ч. 5 ст. 11 Закона к документам стратегического планирования, разрабатываемым на уровне муниципального образования, относятся:

- 1) Стратегия социально-экономического развития муниципального образования;
- 2) План мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития муниципального образования;

3) Прогноз социально-экономического развития муниципального образования на среднесрочный или долгосрочный период;

4) Бюджетный прогноз муниципального образования на долгосрочный период;

5) Муниципальная программа.

Законом № 172-ФЗ определено, что к 1 января 2019 г. в муниципальных образованиях Российской Федерации должны быть разработаны и утверждены документы стратегического планирования. Одной из основных проблем стратегического планирования в Российской Федерации является отсутствие единых методических подходов к формированию документов стратегического планирования.

В Свердловской области имеется уникальный, передовой опыт формирования и реализации документов стратегического планирования. На базе аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе и Правительства Свердловской области сформирована Единая методическая площадка стратегического планирования для выработки единых подходов к разработке документов стратегического планирования всех уровней, на основе координации систем федерального, регионального и муниципального стратегического планирования и управления (Протокол совещания у заместителя полномочного представителя Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе в составе рабочей группы по стратегическому планированию и региональному развитию в Уральском федеральном округе от 1 июля 2016 г. № 12).

Протоколом заседания Единой методической площадки стратегического планирования и развития в Уральском федеральном округе при заместителе полномочного представителя Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе А. П. Моисееве от 14 ноября 2016 г. № 22 утверждены Единые методические подходы к формированию документов стратегического планирования всех уровней, а также необходимые условия формирования и реализации стратегии любого управленческого уровня, предложенные заместителем губернатора Свердловской области А. Г. Высокским:

1) личное участие первых лиц в разработке и контроле реализации стратегии развития территории. Стратегическое планирование — функция высших руководителей исполнительной власти субъекта Российской Федерации и глав муниципальных образований, которая не может быть делегирована на нижестоящие уровни. Руководитель лично возглавляет процесс разработки и контролирует реализацию стратегии. Процесс разработки и контроля реализации стратегических документов должен быть системным и максимально структурированным, формализованным и автоматизированным;

2) стратегию разрабатывают те, кто живет, работает, управляет субъектом Российской Федерации, агломерацией, городом, чьи интересы связаны с жизнью на конкретной территории, при необходимости с привлечением приглашенных консультантов;

3) стратегия — это «документ общественного согласия». Стратегия формируется как научно обоснованный документ, балансирующий интересы власти, бизнеса и общественности и относительную равномерность и ком-

плексность развития территорий. При разработке стратегии необходим реально работающий механизм обратной связи с населением;

4) главный критерий эффективности деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления — обеспечение положительной динамики и достижение установленных значений показателей социально-экономического развития;

5) формирование института «менеджеров проектов». За реализацию каждого проекта и программы, достижение показателей эффективности назначаются конкретные ответственные руководители, в соответствующих органах формируется институт ответственных за реализацию стратегических проектов — специалистов, управляющих проектами;

6) системность, согласованность и преемственность стратегического и текущего планирования. Мероприятия и показатели стратегических документов системно переходят в текущее планирование и контроль, при этом выбор и определение значений показателей реализации, этапов и контрольных сроков мероприятий должно производиться обоснованно. Честность выбора «критических точек контроля» — это обязательное условие контролируемости процессов, в том числе минимизации временных затрат для анализа ситуации, принятия своевременного и правильного решения.

Для организации процесса разработки и реализации стратегии в единой методологии должны быть решены следующие задачи.

1. Структурировать деятельность участников стратегического планирования через четкое выделение основных координирующих и движущих сил: власть, наука, бизнес, общественность, средства массовой информации. При правильной организации и координации работы этих сил органами власти будут обеспечены объединение усилий сообщества, расстановка приоритетов, баланс интересов всех сил. Это не просто канал обратной связи с жителями, но объединение сил, заинтересованных в успешной реализации стратегии.

2. Определить согласованные экспертными сообществами стратегические направления развития (муниципального образования, городской агломерации, субъекта Российской Федерации, макрорегиона, страны) в единой методологии формирования этих стратегических направлений.

3. Увязать планы работы вышестоящего уровня с нижестоящим (например, регионального правительства (в рамках реализации стратегии) с планами работ органов власти муниципальных образований по реализации стратегий).

4. Сформировать четкую систему контрольных и мониторинговых показателей социально-экономического развития на всех уровнях стратегического планирования (в муниципальном образовании, агломерации, субъекте Российской Федерации, федеральном округе, макрорегионе, стране), а также утвердить минимальное и максимальное значение по каждому показателю. Стратегия развития должна обеспечить движение показателей в рамках запланированных значений.

5. Синхронизировать стратегическое и территориальное планирование, т. е. обеспечить совмещение стратегических и генеральных планов развития городов, агломераций, региона, макрорегиона и документов территориального планирования всех уровней.

Как продолжение работы над методическим обеспечением процессов разработки документов стратегического планирования, в 2017 г. в Свердловской области сформированы методические рекомендации по разработке (актуализации) стратегий социально-экономического развития муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области¹.

Для муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области, это необходимый документ. По данным Министерства экономики Свердловской области, из 73 муниципальных образований, расположенных на территории области (68 городских округов и 5 муниципальных районов) по состоянию на 1 апреля 2017 г. в девяти муниципалитетах стратегии социально-экономического развития не разработаны и не утверждены, в 53 — утверждены до 2020 г., в одном — до 2025 г. и в 10 — до 2030 г. К сожалению, все эти стратегии были разработаны в разное время, не основаны на единых методических подходах, соответственно, совокупность их стратегических приоритетов не представляет собой стратегические приоритеты Свердловской области. В целях скоординированного стратегического развития Свердловской области и муниципальных образований, расположенных на ее территории, необходимо во всех муниципалитетах провести актуализацию стратегий социально-экономического развития по единой методологии. Муниципалитетам, утвердившим стратегии социально-экономического развития до 2030 г. вне единой методологии (табл. 1), также следует осуществить процедуру актуализации.

Таблица 1

**Сведения о стратегиях социально-экономического развития,
разработанных и утвержденных на период до 2030 г.
в муниципальных образованиях,
расположенных на территории Свердловской области**

Муниципальное образование	Наименование стратегии социально-экономического развития	Нормативный правовой документ, утвердивший стратегию
Городской округ Богданович	Стратегия социально-экономического развития городского округа Богданович на 2017–2030 гг.	Постановление Главы городского округа Богданович от 13 декабря 2016 г. № 2323
Городской округ Заречный	Стратегия социально-экономического развития городского округа Заречный на 2017–2030 гг.	Решение Думы городского округа от 28 мая 2009 г. № 81-Р
Ивдельский городской округ	Стратегия социально-экономического развития Ивдельского городского округа на 2016–2030 гг.	Решение Думы Ивдельского городского округа от 28 декабря 2016 г. № 33
Городской округ Карпинск	Стратегия социально-экономического развития городского округа Карпинск на 2017–2030 гг.	Решение Думы городского округа Карпинск от 8 декабря 2016 г. № 5/1
Новолялинский городской округ	Стратегия социально-экономического развития Новолялинского городского округа на период до 2030 г.	Решение Думы Новолялинского городского округа от 25 декабря 2014 г. № 206

¹ О методических рекомендациях по разработке (актуализации) стратегий социально-экономического развития муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области : постановление Правительства Свердловской области от 30 марта 2017 г. № 208-ПП.

Окончание табл. 1

Муниципальное образование	Наименование стратегии социально-экономического развития	Нормативный правовой документ, утвердивший стратегию
Новолялинский городской округ	Стратегия социально-экономического развития Новолялинского городского округа на период до 2030 г.	Решение Думы Новолялинского городского округа от 25 декабря 2014 г. № 206
Новоуральский городской округ	Стратегия долгосрочного социально-экономического развития Новоуральского городского округа на период до 2030 г.	Решение Думы Новоуральского городского округа от 27 января 2017 г. № 2
Городской округ Первоуральск	Стратегия развития городского округа Первоуральск до 2030 г. («Первоуральск-300»)	Решение Первоуральской городской Думы от 31 июля 2014 г. № 169
Городской округ Ревда	Стратегия социально-экономического развития городского округа Ревда на период до 2030 г.	Постановление Администрации городского округа Ревда от 31 декабря 2015 г. № 3566
Сосьвинский городской округ	Стратегия социально-экономического развития Сосьвинского городского округа до 2030 г.	Решение Думы Сосьвинского городского округа от 9 июня 2016 г. № 468
Тавдинский городской округ	Стратегия социально-экономического развития Тавдинского городского округа до 2030 г.	Решение Думы Тавдинского городского округа от 20 ноября 2014 г. № 44/1

Примечание. Составлено по данным Министерства экономики Свердловской области.

Вопросы стратегического планирования актуальны для муниципальных образований всей Российской Федерации. Ежегодно на различных научных и практических мероприятиях обсуждаются теоретические вопросы стратегического планирования, лучшие практики реализации документов стратегического планирования и прочие вопросы. К примеру, 24–25 октября 2016 г. в целях стимулирования и развития механизмов стратегического планирования на XV Общероссийском форуме «Стратегическое планирование в регионах и городах России: диалог в поисках согласованности» были подведены итоги Конкурса стратегий муниципальных районов. В финал конкурса вышли стратегии социально-экономического развития семи муниципальных районов, расположенных на территориях различных субъектов Российской Федерации. В табл. 2 представлена авторская (экспертная) точка зрения на некоторые основные характеристики представленных стратегий.

Таким образом, анализируя информацию, представленную в табл. 2, можно сделать вывод о том, что идеального документа нет. Есть документы более либо менее проработанные. Однако положительные моменты (положительные практики) есть в каждом документе — на них следует обратить внимание.

Далее представлены авторские (экспертные) рекомендации для каждой из семи стратегий.

Завьяловский район (Удмуртская Республика)

Недостатки стратегии:

- ни одно стратегическое направление сущностно не раскрыто (приведены лишь формулировки задач);

Авторская точка зрения на отдельные характеристики муниципальных стратегий

Муниципальное образование	Анализ социально-экономического развития, внутренней и внешней среды	Целеполагание	Возможные механизмы реализации стратегии	Система мониторинга и управления реализацией стратегии
Завьяловский район (Удмуртская Республика)	В анализе внешней среды нет оценок рисков и угроз, актуальность указанных возможностей вызывает вопросы. В SWOT-анализе представлено множество факторов, но в результате этого нет выхода на стратегические сценарии. Анализ социально-экономического развития представлен качественно, но много лишней, отчетной информации	Цель одна, задачи внутри цели довольно логичны, представлены на декомпозиция целей	Проработаны (их 10), но не визуализированы. Проекты названы, но существенно не раскрыты	Проработана. По всем стратегическим направлениям определен перечень показателей и представлены их прогнозные значения по каждому сценарию
Томский район (Томская область)	Довольно специфичен. Из методов стратегического анализа представлен SWOT-анализ, но он выполнен недостаточно корректно. Сделана правильная (интересная) попытка оценить конкурентоспособность муниципалитета через систему потенциалов, но она не завершена	Цель одна, представлены пять основных целей, выделены задачи. Декомпозиция логична	Представлены недостаточно корректно (муниципальные программы, а не совокупность стратегических программ и проектов). Также представлены инвестиционные и инфраструктурные проекты с их территориальными привязками	Как таковые отсутствуют. Значения основных показателей представлены по трем сценариям. Значения прочих показателей эффективности представлены в одном варианте
Гатчинский район (Ленинградская область)	Анализ социально-экономического развития представлен качественно, но излишне, в ущерб стратегическому анализу. SWOT-анализ методически выполнен верно, представлены сочетания факторов внутренней и внешней среды	Представлены миссия, цель, стратегическое ядро, задачи сформулированы по приоритетам	Представлена. Механизмы представлены в виде 7 блоков. Указаны действующие лица (ответственные). Определены мероприятия государственных и муниципальных программ. Предложены приоритетные проекты развития, но они не в полной мере связаны со стратегическими приоритетами	Проработана, увязана с системой отчетных документов
Сысольский район (Республика Коми)	Анализ внутренней представляет собой отчет о социально-экономическом развитии. Анализ внешней среды выполнен. SWOT-анализ методически выполнен верно, проанализированы возможные «пересечения» внутренней и внешней среды	Цель одна. Выделены шесть основных целей (не соответствует числу основных направлений). Декомпозиция несколько нарушена	Не проработаны. Представлены на уровне названий пять механизмов (конкретики нет). Указан перечень потенциальных инвестиционных площадок и перечень инвестиционных проектов	Не проработана. Присутствует попытка прогноза значений показателей

О к о н ч а н и е т а б л . 2

Муниципальное образование	Анализ социально-экономического развития, внутренней и внешней среды	Целеполагание	Возможные механизмы реализации стратегии	Система мониторинга и управления реализацией стратегии
Чистопольский район (Республика Татарстан)	Качество анализа социально-экономического развития довольно высоко. Представлена институциональная матрица, дерево функциональных причинно-следственных связей. Анализ внешней среды отсутствует	Цели и задачи довольно логичны	Проработана не в полной мере. Представлены стратегические направления, вызовы, цели, задачи и мероприятия. Стратегических программ и проектов нет, представлен перечень муниципальных программ	Проработана не в полной мере
Менделеевский район (Республика Татарстан)	Анализ внутренней среды проведен грамотно, аргументированно раскрыт через систему потенциалов. Анализ внешней среды заслуживает внимания, выделены сегменты и непосредственного окружения, и макро-среды	Цели и задачи логичны. Представлены образ будущего, видение будущего для разных категорийстейхолдеров. Цели стратегических приоритетов связаны с целями стратегических инициатив, задачами, и целями стратегических проектов	Проработана и визуализирована. Представлены флаговые проекты. За реализацию стратегических инициатив отвечают определенные ответственные лица. Предусмотрено вовлечение граждан в процессы стратегического планирования и стратегического управления. Представлен механизм согласования приоритетов и т. д.	Проработана
Картасовский район (Томская область)	Качество анализа социально-экономического развития вызывает вопросы. Методов стратегического анализа нет, анализа внешней среды нет	Цели и задачи довольно логичны. Генеральная цель распадается на три основных цели и затем на задачи	Система стратегического управления частично проработана. Представлены крупные инвестиционные проекты. Имеется раздел о муниципальных программах, но там прописаны иные цели стратегического развития, отличные от тех, что были определены при целеполагании	Проработана не в полной мере. Определены результаты и показатели

Примечание. Составлено по материалам XV Общероссийского форума «Стратегическое планирование в регионах и городах России: диалог в поисках согласованности». URL : <http://2016.forumstrategov.ru/rus/242.html>.

- декомпозиция целей и задач не привела к декомпозиции разделов стратегии (программ, проектов и т. д.), следовательно, стратегический блок не проработан;

- текст изложен на 102 страницах, из них более 60 посвящены анализу существующего социально-экономического развития. Стратегический блок недостаточно проработан;

- территориальные привязки отсутствуют.

Томский район (Томская область)

Недостатки стратегии:

- направления стратегического развития недостаточно связаны (скоординированы) с целями (целей пять блоков, а направлений четыре);

- план мероприятий представлен по целям, а стратегические направления иные.

Положительная отличительная особенность документа: наличие территориального аспекта (территориальных привязок). Он раскрыт через тезис о том, что территория муниципального района — это совокупность территорий всех муниципальных образований, входящих в него. Представлена схема перспективного зонирования инвестиционного роста Томского района.

Гатчинский район (Ленинградская область)

Недостатки стратегии:

- в первом абзаце написано, что стратегия разработана сторонней организацией по муниципальному контракту — это недопустимо;

- практически 80 страниц текста документа — анализ существующего социально-экономического развития;

- структура документа требует доработки — нужна более четкая логика сценариев, приоритетов и механизмов реализации (проектов). Необходимо представить сущностные характеристики предлагаемых проектов, а также их территориальные привязки (представлены фрагментарно).

Положительная особенность документа — целевые блоки стратегии сопоставлены с блоками стратегии Ленинградской области, т. е. предпринята попытка скоординированного стратегического развития. В документе предлагается разработка и внедрение муниципального стратегического стандарта — правильная и своевременная мысль.

Сысольский район (Республика Коми). Логика Стратегии нарушена. Документ содержит множество неуместной информации — действующая структура Администрации муниципального образования; перечень всех многоквартирных домов, признанных аварийными и подлежащими сносу; перечень государственных полномочий органов местного самоуправления и т. д.

Чистопольский район (Республика Татарстан). Нужно более четко структурировать текст, декомпозиция целей должна приводить к декомпозиции структуры документа. Положительная особенность документа — сделана попытка определить направления пространственного развития, представлены аспекты агломерационного и межмуниципального взаимодействия.

Менделеевский район (Республика Татарстан). Положительные особенности документа: прописаны основополагающие принципы стратегического планирования; представлена система преемственности на поселенче-

ском уровне — координация усилий; присутствует аспект пространственного развития; определены стратегические инициативы в области пространственного развития. Этот документ по праву может называться стратегией ввиду своей комплексности, проработанности, научного обоснования.

Каргасокский район (Томская область). Жизнеспособность вызывает вопросы, так как не проработан практический блок (нет стратегических программ, проектов и т. д.). Структура стратегического управления также не продумана. Положительная особенность документа — кратко представлен аспект территориального развития.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что на сегодняшний день в Российской Федерации формируется единая система стратегического планирования, уже прослеживаются ее определенные результаты. Выстроена определенная иерархия документов стратегического планирования (утвержденных, находящихся в стадии разработки, доработки, рассмотрения или утверждения), согласно уровням государственного управления и местного самоуправления.

Для органов местного самоуправления стратегическое планирование в определенной мере уже стало инструментом организации работы, путеводителем при принятии решений, при столкновении с неопределенностью внешней среды, гарантией возможности успешного достижения поставленных целей.

Стратегия социально-экономического развития — научно обоснованный и практико-ориентированный документ, определяющий ориентиры развития, всесторонне учитывающий специфику территории и ее конкурентные возможности на долгосрочную перспективу.

Одним из условий успешности реализации документов стратегического планирования являются единые методические подходы, применяемые на всех управленческих уровнях.

1.4. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ИНФРАСТРУКТУРНОГО КОМПЛЕКСА

На этапе современного развития национальной экономики РФ важнейшими задачами управления становятся обеспечение инновационных путей развития экономической безопасности, социальной стабильности¹. Инфраструктурный комплекс как объект стратегического планирования имеет большое значение и свою специфику, поскольку инфраструктура является активным фактором территориального развития, эффективное функционирование которого выступает основой для устойчивого социально-экономического развития территорий.

Новые вызовы экономике РФ обостряют научную проблему сбалансированного регионального и отраслевого развития. Совершенствование стратегического планирования инфраструктурного комплекса на региональном уровне в сфере повышения качества плановых документов, а также механизмов сбалансированности с отраслевыми (корпоративными) стратегиями позволит увеличить его эффективность, будет способствовать повышению качества жизни населения, уровня социально-экономического развития и инвестиционной привлекательности территории.

Вопросы развития инфраструктурного комплекса, его планирования и оценки влияния на региональное социально-экономическое развитие рассмотрены в работах А. И. Татаркина, Е. Г. Анимицы, Ю. В. Блохина, В. С. Бочко, С. Г. Важенина, Н. Ю. Власовой, А. Ю. Даванкова, Е. Б. Дворядкиной, Н. В. Зубаревич, В. П. Иваницкого, Ю. Г. Лавриковой, Н. М. Ратнер, О. А. Романовой, Ю. Г. Саушкина, Н. М. Сурниной, П. Розенштейна-Родана, А. Хиршмана, А. Янгсона и др. (см. подробнее: [18, с. 46; 59, с. 90–91; 98, с. 46; 163, с. 201; 267, с. 55–60; 345; 349]).

Несмотря на значительный научный вклад в региональную экономическую науку фундаментальных работ данных ученых, посвященных функционированию и развитию инфраструктурного комплекса, влияющих на пространственную организацию региона, размещение производительных сил, планирование регионального развития, остаются недостаточно разработанными вопросы, связанные с институционализацией, методическим обеспечением, развитием инструментария стратегического планиро-

¹ *О стратегическом планировании в Российской Федерации* : федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ.

вания развития инфраструктурного комплекса на региональном уровне, механизмов согласования целевых ориентиров и инструментов реализации.

В связи с этим целью данного исследования является определение направлений совершенствования методического обеспечения института стратегического планирования развития инфраструктурного комплекса путем обоснования наиболее эффективных инструментов стратегического планирования на национальном и региональном уровнях на основе анализа действующей системы согласованного целеполагания и выявления проблем развития инфраструктурного комплекса региона (на примере энергетической инфраструктуры).

1.4.1. РЕГИОНАЛЬНЫЙ ИНФРАСТРУКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС КАК ОБЪЕКТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Под инфраструктурой регионального экономического пространства принято понимать комплекс взаимосвязанных обслуживающих структур или объектов, деятельность которых направлена на создание условий устойчивого развития и функционирования территорий [98; 118, с. 33; 190; 224; 267]. В рамках данного параграфа понятия «инфраструктура», «инфраструктурная пространственная система» и «инфраструктурный комплекс» рассматриваются как синонимы.

Инфраструктура регионального экономического пространства может быть классифицирована по нескольким основаниям (рис. 1).

Отметим, что вышеназванные основания для классификации объектов инфраструктуры взаимосвязаны, т. е. один и тот же вид инфраструктуры может быть классифицирован по нескольким основаниям. При этом любой вид инфраструктуры может быть классифицирован по его роли в пространственном развитии. Пространственное измерение подразумевает степень развития инфраструктуры на территории, проявляется в изменениях направлений территориальной организации регионов, включает такие параметры, как охват территорий отдельными видами инфраструктуры, плотность объектов инфраструктуры, их состояние и другие показатели развития инфраструктурного комплекса в целом. Социально-экономические, пространственные функции инфраструктуры взаимосвязаны и образуют целостную систему, включающую коммуникационные, интегрирующие, «размещенческие», дифференцирующие, морфологические и управленческие функции, т. е. каждый действующий инфраструктурный объект одновременно выполняет социально-экономические и пространственные функции, вызывая изменения в территориальном развитии страны (региона).

Инфраструктура является активным фактором территориального развития. Несмотря на возможное изменение функций инфраструктуры, ее социально-экономическая и пространственная роль остается значимой в развитии региональной социально-экономической системы как коммуникационной пространственной системы, определяющей связанность и однородность, так и пространственной системы зависящей от слаженности коммуникаций основных потребителей, владельцев инфраструктуры, органов власти, на

которой она расположена (скорость принятия решений, наличие соглашений в соответствующей сфере и т. д.).

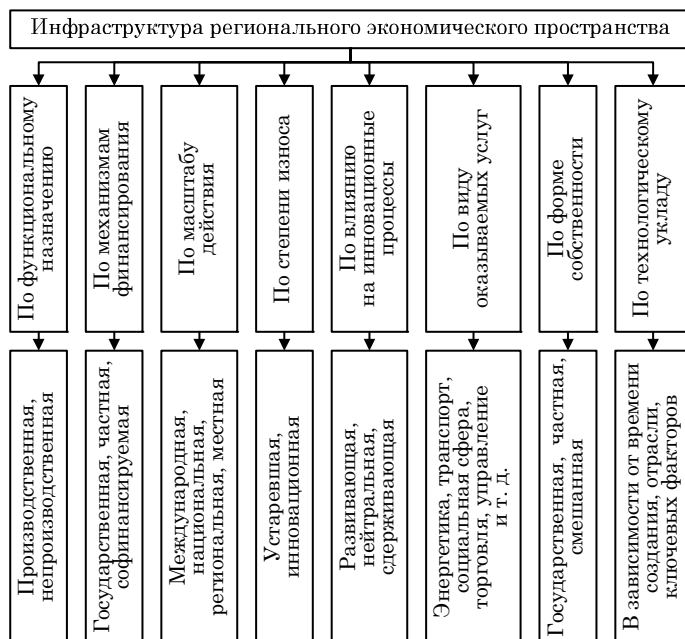

Рис. 1. Классификация инфраструктуры экономического пространства

При формировании новой экономики на основе интегральной теории, NBIKS-технологий особую значимость приобретают коммуникационные, формирующие активную среду [6; 211], свойства инфраструктуры как пространственной системы (как подсистемы экономического пространства), которые определяются, с одной стороны, техническим (технологическим) уровнем развития инфраструктурных объектов, а с другой — налаженностью коммуникаций между пользователями, владельцами, органами управления данными объектами (согласованность политик, скорость принятия решений и т. д.) (рис. 2).

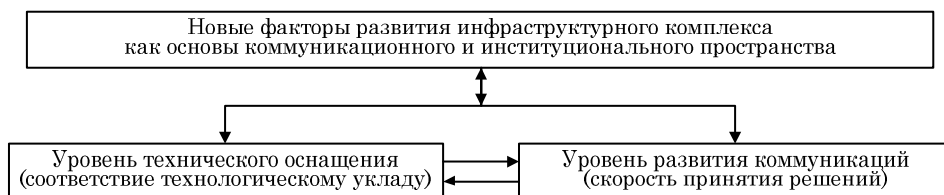

Рис. 2. Активизирующие факторы развития инфраструктурного комплекса

К наиболее значимым факторам развития инфраструктурного комплекса первой группы (уровень технического оснащения) следует отнести

сохраняющуюся несогласованность приоритетов и инструментов поддержки научно-технологического развития Российской Федерации на национальном, отраслевом и корпоративном уровнях; исчерпание возможностей экономического роста России, основанного на эксплуатации сырьевых ресурсов; риски отставания от стран — мировых технологических лидеров и обесценивания внутренних инвестиций в сферу науки и технологий; необходимость эффективного развития пространства, преодоления диспропорций социально-экономического развития территорий страны и др.¹

Вторая группа факторов — уровень развития коммуникаций (скорость принятия решений) определяется существующей институциональной средой, ролью институтов в экономике. Выделение институционально-экономических отношений наряду с социально-экономическими позволяет более четко определить роль институтов в экономике, которые определяют эффективность развития экономической системы. Изменение влияния вышеназванных факторов развития коммуникационных пространственных систем может происходить как целенаправленно, так и случайно. Целенаправленные изменения носят, как правило, программный (плановый, проектный) характер.

Таким образом, вышеназванные факторы влияют на уровень развития инфраструктурной пространственной системы как комплексно (оба фактора), так и по отдельности. Следовательно, отмечается прямая связь между уровнем развития инфраструктурных пространственных систем и степенью связанности, однородности пространства.

Роль инфраструктуры как саморазвивающегося компонента экономического пространства определена в стратегических документах национально-го, регионального и местного уровней². Стратегическое планирование регионального развития инфраструктурного комплекса основано на использовании различных средств, методов, приемов, в том числе на инструментарии стратегического планирования и управления. В составе приоритетов пространственного развития России особое место занимает совершенствование перспективной организации основных инфраструктурных пространственных систем России — транспортной, энергетической, информационной³.

1.4.2. ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ИНФРАСТРУКТУРНОГО КОМПЛЕКСА

Определим особенности стратегического планирования в инфраструктурном комплексе на примере электроэнергетики, так как эффективное функционирование предприятий энергетического комплекса и энергетиче-

¹ *Стратегия* научно-технологического развития Российской Федерации (утв. указом Президента РФ от 23 ноября 2016 г.).

² *Стратегия* пространственного развития РФ (проект); *Стратегия* научно-технологического развития Российской Федерации (утв. указом Президента РФ от 23 ноября 2016 г.).

³ *Стратегия* научно-технологического развития Российской Федерации (утв. указом Президента РФ от 23 ноября 2016 г.); *О содержании, составе, порядке разработки и утверждения Стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о Порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации* : постановление Правительства РФ от 20 августа 2015 г. № 870.

ской инфраструктуры является основой для устойчивого социально-экономического развития территорий [6; 362]. В настоящее время Энергетической стратегией РФ на период до 2030 г.¹ сформулированы направления и ключевые технологические и экономические задачи направления и ключевые технологические и экономические задачи развития энергетического сектора страны, включая максимально эффективное использование природных энергетических ресурсов и потенциала энергетического сектора для устойчивого роста экономики, повышения качества жизни населения страны и содействия укреплению ее внешнеэкономических позиций.

Назначение Энергетической стратегии состоит в том, чтобы обеспечить баланс интересов государства и бизнеса. Стратегия формирует новые ориентиры развития энергетического сектора в рамках перехода российской экономики на инновационный путь развития, предусмотренный Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г.² Энергетическая стратегия направлена на решение следующих задач: расширенное воспроизводство совокупного энергетического потенциала России; необходимое развитие энергетической инфраструктуры; стимулирование инновационного развития смежных отраслей³. Решение вопросов планирования и увязки вышеназванных задач призвана обеспечить система документов стратегического планирования развития инфраструктурного комплекса (в том числе энергетики).

Проведенное исследование показывает, что на формирование стратегических ориентиров развития энергетического комплекса в регионе влияет множество факторов различного уровня — международного, национального, регионального, местного, корпоративного (рис. 3).

В большинстве современных методик оценки эффективности инфраструктуры, комплекса инфраструктуры пространственных систем, показателей и целевых ориентиров стратегического развития энергетического комплекса является доступность инфраструктуры — важнейшее условие ведения бизнеса, которое напрямую влияет на инвестиционный климат региона. Доступность энергетической инфраструктуры определяется сроками, количеством необходимых процедур и уровнем затрат на технологическое присоединение к электрическим сетям. В табл. 3 представлена динамика основных показателей доступности энергетической инфраструктуры РФ.

Доступность энергетической инфраструктуры институционально обеспечивается регулированием процедур по подключению электроэнергии.

Анализ показывает, с 2011 по 2016 г. среднее время подключения к электрическим сетям сократилось на 120,5 дн. (на 42,9 %) и составило 160,5 дн., среднее количество процедур сократилось на 7 ед. (на 70 %). Однако эти показатели значительно превышают целевые значения, определенные Всемирным банком: время на прохождение всех этапов по получе-

¹ Энергетическая стратегия России на период до 2030 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 13 ноября 2009 г. № 1715-р.

² О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. : распоряжение Правительства РФ от 17 октября 2008 г. № 1662-р.

³ Энергетическая стратегия России на период до 2030 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 13 ноября 2009 г. № 1715-р.

нию доступа к энергосети — 40 дн., затраты на получение доступа к энергосети (как доля среднедушевого дохода, %). Целевым ориентиром реализации указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» избрано вхождение Российской Федерации в топ-20 рейтинга, подготавливаемого Всемирным банком на ежегодной основе по комплексу из 10 ключевых показателей, одним из которых является «доступность подключения к энергосетям».

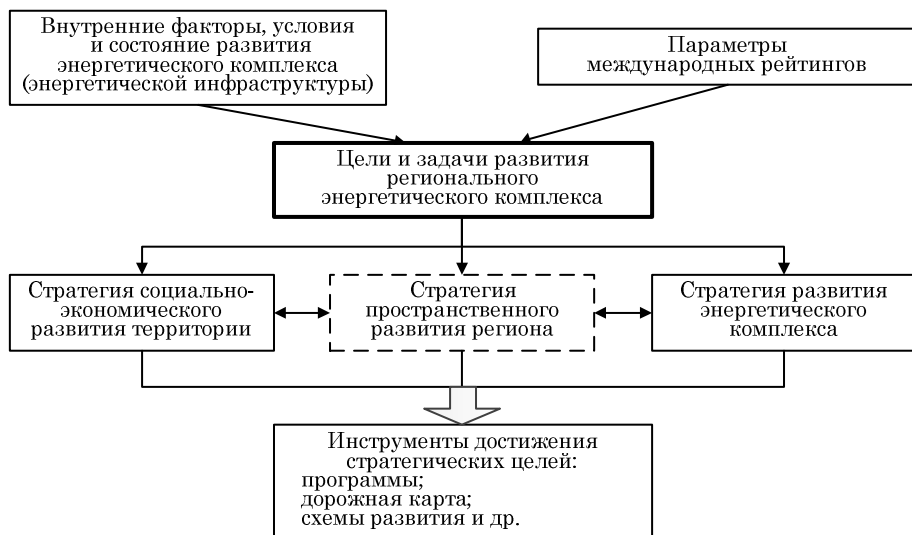

Рис. 3. Основы формирования и инструменты реализации стратегических ориентиров развития регионального энергетического комплекса¹

Т а б л и ц а 3

Динамика показателей доступности энергетической инфраструктуры и эффективности процедур по подключению электроэнергии в Российской Федерации

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Среднее время подключения, дн.	281,0	281,0	281,0	175,2	175,2	160,5
Среднее количество процедур, ед.	10,0	10,0	10,0	4,0	4,0	3,0
Стоимость, % дохода на душу населения	4 125,4	1 852,4	1 573,7	299,5	277,4	93,1

Примечание. Составлено по данным Рейтинга Doing Business Всемирного банка. — URL: <http://russian.doingbusiness.org/custom-query>.

¹ Составлено по: *Энергетическая стратегия России на период до 2030 г.* (утв. распоряжением Правительства РФ от 13 ноября 2009 г. № 1715-р; *О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.*: распоряжение Правительства РФ от 17 октября 2008 г. № 1662-р.; *План мероприятий («дорожная карта») «Повышение доступности энергетической инфраструктуры»* (утв. распоряжением Правительства РФ от 30 июня 2012 г. № 1144-р). Пунктиром выделены разрабатываемые документы.

Для Свердловской области задача повышения доступности энергетической инфраструктуры также остается актуальной (табл. 4).

Таблица 4

Динамика показателей доступности энергетической инфраструктуры Свердловской области

Показатель	2014	2015	2016
Среднее время подключения, дн.	86,2	118,1	105,83
Среднее количество процедур, ед.	6,80	6,67	8,57

Примечание. Составлено по данным рейтинга Doing Business Всемирного банка. — URL : <http://russian.doingbusiness.org/custom-query>.

Рис. 4. Модель стратегического планирования развития энергетического комплекса (энергетической инфраструктуры) Свердловской области¹

Таким образом, за 2014–2016 гг. среднее время подключения к электросетям в регионе менялось неравномерно: в 2015 г. возрастало, а в 2016 г. сокращалось относительно предыдущего периода и превысило уровень 2014 г. При этом среднее время технологического присоединения в регионе меньше

¹ Составлено по: Государственная программа Свердловской области «Развитие жилищно-коммунального хозяйства и повышение энергетической эффективности в Свердловской области до 2024 г.» (утв. постановлением Правительства Свердловской области от 29 октября 2013 г. № 1330-ПП); Об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 гг. : постановление Правительства Свердловской области от 30 августа 2016 г. № 595-ПП; О Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 гг. : закон Свердловской области от 21 декабря 2015 г. № 151-ОЗ; Об утверждении долгосрочного прогноза социально-экономического развития Свердловской области на период до 2030 г. : постановление Правительства Свердловской области от 23 октября 2015 г. № 979-ПП; Об утверждении схемы и программы развития электроэнергетики Свердловской области на 2017–2021 гг. и на перспективу до 2026 г. : указ Губернатора Свердловской области от 29 июля 2016 г. № 442-УГ; Об утверждении Схемы территориального планирования Свердловской области : ППСО от 31 августа 2009 г. № 1000-ПП.

среднероссийского уровня, но среднее количество процедур выше среднего показателя по РФ.

Анализ показал, что в настоящее время на региональном уровне сформирована система документов стратегического планирования развития энергетического комплекса (рис. 4).

Контент-анализ документов, представленных в модели, позволяет выявить следующие наиболее актуальные проблемы формирования института планирования и реализации документов стратегического планирования:

- отсутствие инструментов интеграции стратегических документов системы стратегического планирования по вертикали и горизонту планирования;
- недостаточность механизмов межуровневой координации и согласования процессов планирования и реализации стратегического развития региона и представителей бизнеса (в частности, руководства крупнейших предприятий и естественных монополий, работающих на территории региона/муниципального образования) (например, в части предоставления земельных участков под размещение электросетевых объектов, предназначенных для технологического присоединения);
- ограниченность инструментов координации отраслевых приоритетов стратегии с профильными федеральными министерствами и ведомствами, корпоративными структурами.

Возможность решения вышеназванных проблем определяет инвестиционную привлекательность территории и возможность достижения стратегических целей развития территории, обуславливая актуальность совершенствования инструментов стратегического планирования.

1.4.3. НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ИНФРАСТРУКТУРНОГО КОМПЛЕКСА

Основными направлениями развития института стратегического планирования представляются совершенствование методического обеспечения и инструментария процесса согласования интересов акторов регионального инфраструктурного комплекса. Эффективными могут стать следующие модели взаимодействия участников.

1. Внедрение принципов социального партнерства и маркетингового партнерства [215, с. 41–42; 258, с. 80] в качестве инструментов согласования экономических интересов региональных властей и хозяйствующих субъектов. Результатом работы механизма социального партнерства является заключение коллективных договоров и соглашений (например, соглашений о взаимодействии по вопросам повышения доступности технологического присоединения к электрическим сетям с электросетевыми организациями, осуществляющими деятельность на территории муниципальных образований). На практике достижение подобного максимума может быть реализовано с использованием некоторого формализованного инструментария, позволяющего в количественных показателях измерить уровень согласованно-

сти экономических интересов и оптимальности предлагаемой стратегии развития региона. В качестве базовой модели представления вышеназванных положений целесообразно использовать статическую модель системного анализа — модель «структурной схемы системы» [24, с. 200–210]. Процедура общественного обсуждения инвестиционных программ электросетевых организаций реализуется в целях их синхронизации со схемами и программами перспективного развития электроэнергетики и учета при утверждении инвестиционных программ электросетевых организаций потребностей потребителей электрической энергии (в том числе застройщиков). В качестве одной из моделей взаимодействия региональных властей и хозяйствующих субъектов может рассматриваться создание проектного офиса развития энергетической инфраструктуры¹.

2. С позиции институционального подхода необходима совместная разработка комплексных документов социального и экономического развития регионов, муниципальных образований и стратегически важных предприятий, расположенных на их территории. В качестве инструментов могут быть использованы экспертный, стратегический контроль, интернет-обсуждения, стратегическая оценка содержания документов, геомоделирование. Например, разработка модельного регламента взаимодействия с муниципальными образованиями, расположенными на территории региона, по вопросам технологического присоединения, направленного на снижение сроков реализации мероприятий технологического присоединения (в том числе регламента предоставления услуг по выдаче разрешений на использование земельных участков и рекомендации по работе с заявителями на предварительном этапе предоставления услуги по выдаче разрешения на использование земельного участка).

3. Актуализация основных стратегических документов, их содержательное обоснование и взаимодействие, опирающееся на согласование стратегических целей и приоритетов основных участников процесса на основе интерактивного подхода. Основная цель интерактивного планирования — максимизация способности территории и ее субъектов к саморазвитию, анализу своих и чужих ошибок и достижений, в использовании чужого опыта в развитии способности адаптироваться к изменяющейся внешней среде. В Свердловской области в настоящее время для развития комплекса энергетической инфраструктуры необходима актуализация стратегических документов и нормативно-правовых актов среднесрочного и текущего уровней Свердловской области в соответствии с изменениями, внесенными в июле 2016 г. в Земельный кодекс Российской Федерации в целях обеспечения согласованности территориального развития и схем развития энергосетевого хозяйства (Стратегии пространственного развития). Требуется внесение изменений в нормативно-правовые акты Свердловской области с целью обеспечения согласования проектов планировки территорий с сетевыми организациями.

4. Внедрение методов удаленного взаимодействия потребителей и поставщиков услуг энергетического комплекса (инфраструктуры) как инстру-

¹ *Создание* проектного офиса повысит эффективность комплексной работы // Официальный сайт Губернатора Свердловской области. — URL: <http://gubernator96.ru/news/show/id/4646>.

ментов достижения стратегических целей (например, специальные целевые модели, согласно которым появится возможность подключить к электросети свой бизнес (мощностью от 15 до 150 кВт), не посещая сетевые компании — через Интернет, что дает возможность не только удаленно подписать договор о техприсоединении, но и оплатить его безналичным способом).

5. Разработка и внедрение механизмов соинвестирования на основе принципов государственно-частного и муниципально-частного партнерства. Одним из инструментов может стать краудфандинг, т. е. коллективное сотрудничество людей, добровольно объединяющих свои деньги или другие ресурсы для поддержки каких-либо проектов. Этот метод может рассматриваться как альтернативный источник финансирования для некапиталоемких проектов. Также необходимо формирование специальной законодательной базы, которая в достаточной степени регулировала бы такой способ привлечения финансирования.

Предлагаемые меры по совершенствованию методического обеспечения и инструментария процесса стратегического планирования развития регионального инфраструктурного комплекса позволят упорядочить формирование стратегии с позиции организационной формализации и стимулировать развитие регионального инфраструктурного (энергетического) комплекса, повышения инвестиционной привлекательности на основе внедрения принципов социального партнерства и маркетингового партнерства, актуализации основных стратегических документов, согласовании стратегических целей и приоритетов участников процесса на основе интерактивного подхода, внедрения методов удаленного взаимодействия потребителей и поставщиков услуг энергетического комплекса (инфраструктуры), разработки и внедрения механизмов соинвестирования на основе принципов государственно-частного и муниципально-частного партнерства.

1.5. СНИЖЕНИЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР СБАЛАНСИРОВАННОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Актуальность изучения темы снижения дифференциации доходов населения связана с усугубляющейся проблемой социального неравенства жителей регионов страны, вызванного сложившимся резким различием их доходов внутри каждого региона в отдельности, а также между отдельными регионами внутри страны.

На сегодняшний день дифференциация доходов — показатель уровня жизни современного общества. Именно соотношение доходов самых богатых и самых бедных жителей свидетельствует об уровне социально-экономического развития территории. Проблема усиления дифференциации населения по уровню доходов отнесена к важнейшим угрозам экономической безопасности России.

Таблица 5

Прожиточный минимум в регионах УрФО, р.

Регион	Величина прожиточного минимума			
	в среднем на душу населения	для трудоспособного населения	для пенсионеров	для детей
Свердловская область	9 978	10 653	8 255	10 210
Челябинская область	9 309	9 945	7 714	9 622
Курганская область	9 142	9 774	7 592	9 519
Тюменская область	10 147	10 674	8 166	10 385
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	14 816	15 427	11 694	14 127
Ямало-Ненецкий автономный округ	15 973	16 577	12 539	15 640

Примечание. Составлено по: *Регионы России. Социально-экономические показатели годов. 2016* : стат. сб. / Росстат. — М., 2016. — 442 с.

Уровень жизни — важнейшая категория, применяемая для характеристики социально-экономического развития региона. Показателем уровня жизни населения, регулируемым органами регионального управления, является прожиточный минимум. По состоянию на I квартал 2017 г. величина прожиточного минимума в среднем на душу населения составила 9 978 р. в месяц, в том числе для трудоспособного населения — 10 653 р., для пен-

сионеров — 8 255 р., для детей — 10 210 р. (табл. 5). Величина прожиточного минимума в регионе пересматривается ежеквартально. Рассмотрим пример регионов Уральского федерального округа (далее — УрФО).

В целом указанные значения прожиточного минимума соответствуют положению регионов в УрФО. С учетом северного коэффициента и большего объема ВРП на северных территориях (Тюменской области, включающей Ханты-Мансийский автономный округ — Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ) значение прожиточного минимума выше; значения Свердловской, Челябинской и Курганской области расположены по убыванию в соответствии с производимым ВРП (в 2016 г. объем ВРП Челябинской области составил 1 170,3 млрд р., Курганской — 179,7 млрд р.).

Величина прожиточного минимума играет крайне важную роль в социально-экономической политике региона. Исходя из того, какая часть населения получает ежемесячный доход, приближенный к прожиточному минимуму, экономисты определяют пороговую границу — черту бедности.

Для определения различия доходов населения среди разных групп органы государственной статистики проводят их деление по квинтильным группам (рис. 5) в зависимости от уровня дохода (первая группа — с наименьшими доходами, пятая — с наибольшими).

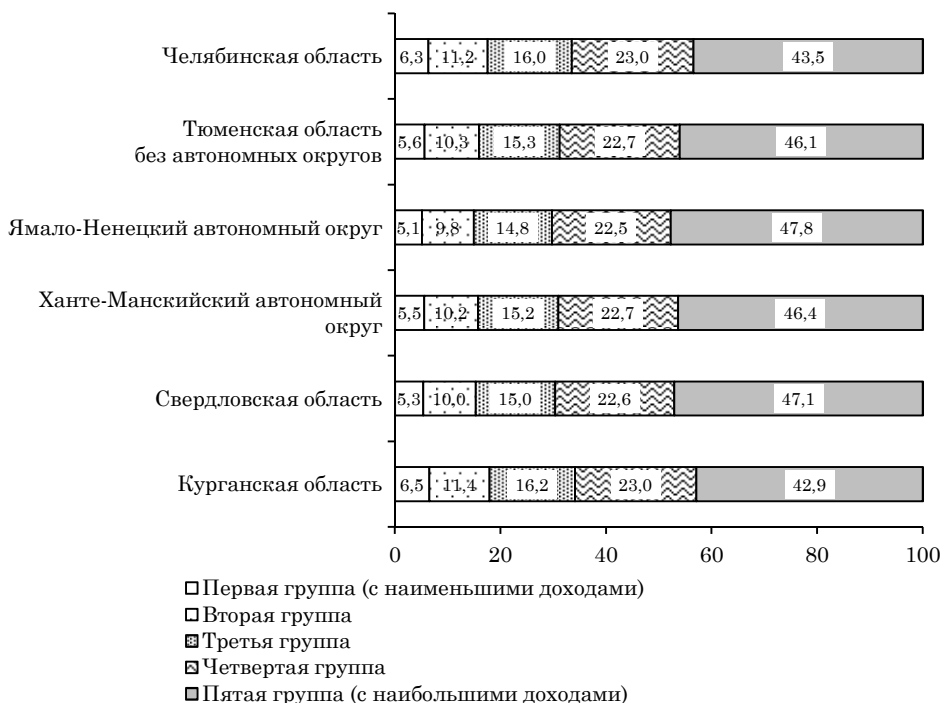

Рис. 5. Распределение общего объема денежных доходов населения по квинтильным группам¹, %

¹ Составлено по: *Регионы России. Социально-экономические показатели городов. 2016*: стат. сб. / Росстат. — М., 2016. — 442 с.

Практически половина общих денежных доходов населения любого из регионов УрФО сосредоточена в руках 20 % самых богатых жителей. Первая и вторая группы — это население, чье финансовое состояние за условной чертой бедности. На эти две группы вместе приходится около 20 % всех доходов. Третья и четвертая группа — население со средним уровнем доходов, на их долю приходится около 30 % общего объема денежных доходов.

По данным, опубликованным Федеральной службой государственной статистики по состоянию на 2016 г., критерии распределения населения Свердловской области на группы по доходам представлены в табл. 6.

Таблица 6

**Распределение населения Свердловской области
по величине среднедушевых денежных доходов, %**

Группа населения по доходам	2011	2012	2013	2014	2015	2016
До 7 000,00 р.	11,4	9,3	7,3	6,1	4,3	4,1
От 7 000,10 до 10 000,00 р.	11,1	9,7	8,4	7,7	6,3	6,1
От 10 000,10 до 14 000,00 р.	14,6	13,3	12,1	11,6	10,4	10,2
От 14 000,10 до 19 000,00 р.	15,1	14,6	13,9	13,8	13,2	13,1
От 19 000,10 до 27 000,00 р.	16,9	17,2	17,3	17,6	17,9	17,9
От 27 000,10 до 45 000,00 р.	18,3	20,0	21,6	22,6	24,3	24,6
От 45 000,10 до 60 000,00 р.	6,0	7,2	8,3	8,8	9,9	10,1
Свыше 60 000,00 р.	6,6	8,7	11,1	11,8	13,7	13,9

Примечание. Составлено по: *Регионы России. Социально-экономические показатели годов. 2016* : стат. сб. / Росстат. — М., 2016. — 442 с.

За последние годы прослеживается тенденция к сокращению доли населения с доходами меньше двух прожиточных минимумов. Доля населения, чей ежемесячный доход равняется 3–4,5 прожиточным минимумам, увеличилась более чем на 30 %. Наибольшее увеличение доли населения (на 108 %) наблюдается среди тех жителей региона, чей доход превышает величину установленного прожиточного минимума более чем в шесть раз.

Таким образом, практический каждый седьмой житель региона живет в достатке, каждый четвертый человек получает достаточно высокий ежемесячных доход, чтобы содержать семью, каждый десятый в состоянии обеспечить себя минимальным набором благ и услуг.

В то же время практически 10 % населения находятся за чертой бедности, располагая общим доходом в размере не более 10 000 р. ежемесячно. Данные о численности такого населения Свердловской области представлены в табл. 7.

За последние шесть лет доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума сначала уменьшалась, сократившись до минимального значения к 2013 г., затем начала возрастать, постепенно возвращаясь к значению 2011 г. Ученые и аналитики связывают появившуюся тенденцию с изменениями внешней конъюнктуры и утверждают, что начиная с 2014 г. экономическую ситуацию в России можно охарактеризовать как кризисную. Безусловно, данные изменения не могли не отразиться на эко-

номике Свердловской области как одного из ведущих промышленных регионов страны.

Таблица 7

**Численность населения Свердловской области
с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума**

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, тыс. чел.	452,1	365,1	354,2	356,7	418,8	436,6
% от общей численности населения области	10,5	8,5	8,2	8,3	9,7	10,1

Примечание. Составлено по: *Регионы России. Социально-экономические показатели городов. 2016* : стат. сб. / Росстат. — М., 2016. — 442 с.

По данным о населении с доходами ниже величины прожиточного минимума органы статистики также вычисляют дефицит денежного дохода, равный объему денежных средств, необходимых для доведения доходов малоимущего населения до значения величины прожиточного минимума (табл. 8).

Таблица 8

Дефицит денежного дохода в Свердловской области

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Дефицит денежного дохода, млн р. в месяц	949,1	769,6	820,1	878,3	1 229,6	1 324,1
% от общего объема денежных доходов населения	0,9	0,6	0,6	0,6	0,8	0,9

Примечание. Составлено по: *Регионы России. Социально-экономические показатели городов. 2016* : стат. сб. / Росстат. — М., 2016. — 442 с.

Аналогично с предыдущим показателем, дефицит денежного дохода в процентах от общего объема доходов вернулся к значению 2011 г. По состоянию на 2016 г. для того, чтобы покрыть дефицит денежного дохода малоимущего населения региона, необходимо ежемесячно выделять более 1,3 трлн р. из бюджета области на социальные выплаты, компенсации и пособия.

Для того чтобы понять причины усиления дифференциации доходов населения, важно выяснить, за счет каких источников в большей степени формируются доходы в регионе. Есть регионы, в которых заработная плата составляет более 80 % общих доходов. В таких регионах роль социальных выплат отходит на второй план, не оказывая существенного влияния на уровень доходов и степень их дифференциации. Однако увеличивается доля регионов, в которых социальные выплаты столь же важны, как заработная плата, и формируют 30–40 % общего объема денежных доходов граждан. В Свердловской области социальные выплаты играют важную роль в формировании доходов населения. По состоянию на конец 2016 г. 16,7 % всех доходов населения региона было сформировано именно за счет социальных выплат (рис. 6).

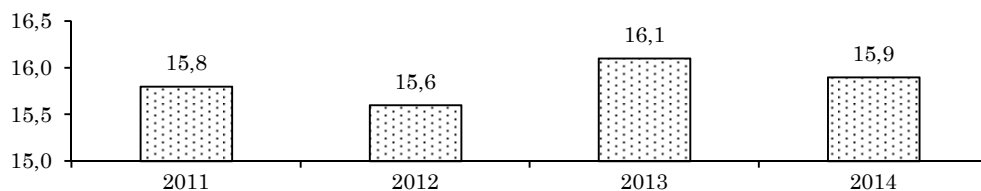

Рис. 6. Доля социальных выплат в доходах населения региона¹, %

В целом по УрФО в течение последних шести лет устойчиво сохраняется структура доходов населения по источникам поступления. Около 47 % приходится на заработную плату работникам, около 18 % составляют социальные выплаты, доходы от собственности приносят лишь 5 % общего дохода и почти 8,5 % составляют доходы от предпринимательской деятельности.

Структуры доходов населения отдельных регионов отличаются друг от друга в силу уникальности социально-экономической ситуации. Например, характерной чертой для Свердловской области является то, что, помимо основных источников дохода (заработная плата, социальные выплаты, доходы от собственности, доходы от предпринимательской деятельности), весьма существенная часть приходится на другие источники доходов (рис. 7).

Рис. 7. Структура денежных доходов населения Свердловской области на 2016 г.², %

Говоря о различиях в структурах доходов населения регионов УрФО, важно отметить разницу в доле, приходящуюся на заработную плату, и ее изменение с течением времени. Условно регионы можно разделить на две группы: с очень высокими значениями средней заработной платы и ее долей в структуре доходов (60–80 %) (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ и Тюменская область) и регионы,

¹ Составлено по: *Регионы России. Социально-экономические показатели городов. 2016* : стат. сб. / Росстат. — М., 2016. — 442 с.

² Составлено по: *Регионы России. Социально-экономические показатели городов. 2016* : стат. сб. / Росстат. — М., 2016. — 442 с.

в которых средняя заработная плата колеблется на отметке 30–35 тыс. р., составляя 25–30 % от общих доходов (Свердловская, Челябинская, Курганская области). Регионы первой группы относятся к нефтедобывающим и расположены гораздо севернее других, поэтому они лидируют по средней заработной плате, уровню жизни, а также по уровню цен не только в УрФО, но и в целом по России.

На рис. 8 представлено сравнение регионов по показателю доли заработной платы в структуре доходов населения регионов. На диаграмме четко прослеживается разница роли заработной платы в формировании доходов населения.

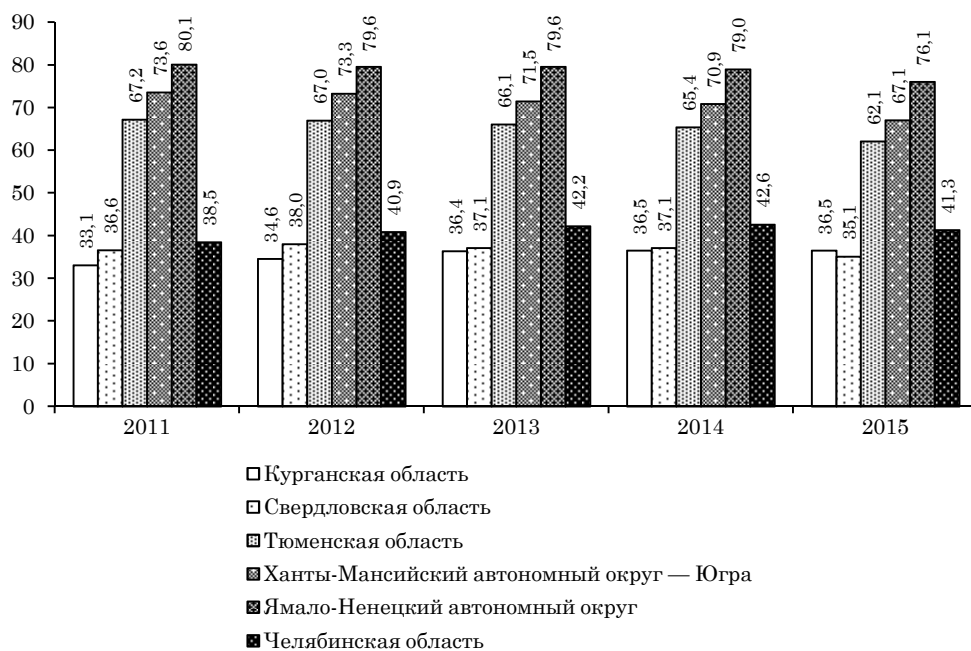

Рис. 8. Доля заработной платы в общей структуре доходов населения регионов УрФО¹, %

При высоких уровнях заработной платы в регионах, где оплата труда составляет большую часть общих доходов, закономерным было бы уменьшение доли, приходящейся на социальные выплаты, так как данная группа доходов, как правило, применяется для улучшения материального положения малоимущих слоев населения.

Однако на примере Ханты-Мансийского автономного округа — Югры можно заметить, что наряду с высоким уровнем средней заработной платы и тем, что оплата труда составляет 65,9 % в общей структуре доходов, доля социальных выплат равна 16,45 %, что близко к показателю по Свердлов-

¹ Составлено по: *Регионы России. Социально-экономические показатели городов. 2016*: стат. сб. / Росстат. — М., 2016. — 442 с.

ской области, где доля оплаты труда несопоставимо меньше. Таким образом, невозможно выявить прямую связь доли оплаты труда и социальных выплат в общей структуре доходов населения региона.

Помимо ежемесячного денежного дохода, критерии отнесения гражданина к тому или иному классу включают в себя обеспеченность материальными накоплениями, в том числе жильем, автомобилем, дачей или земельным участком, сбережениями.

На сегодняшний день жилищный вопрос для регионов стоит крайне остро. У населения есть возможность обратиться в органы местного самоуправления, чтобы встать в очередь на предоставление жилых помещений. По состоянию на 2016 г. число семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях по договорам социального найма составило более 77 тыс., что на 1,5 % меньше, чем в предыдущем году, но практически равно значению 2012 г. (табл. 9).

Таблица 9

Предоставление гражданам жилых помещений

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016
Количество семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях по договорам социального найма (на конец года)	77 677	78 275	77 479	78 918	77 769
Количество семей, получивших жилые помещения и улучшивших жилищные условия	4 923	4 410	4 518	3 936	4 090

Примечание. Составлено по: *Регионы России. Социально-экономические показатели городов. 2016* : стат. сб. / Росстат. — М., 2016. — 442 с.

Количество семей Свердловской области, получивших жилье и улучшивших свои жилищные условия за последние пять лет, в среднем ежегодно составляет 4,3 тыс. Семьи, состоящие на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях в муниципальных образованиях и на предприятиях (организациях), это в основном те, кто вообще не имеет жилого помещения в собственности и не является нанимателем жилого помещения по договору социального найма; те, кто проживает в ветхих и аварийных домах, предназначенных под снос; те, чья доля в съемном помещении меньше установленной, и др.

Из числа семей, нуждающихся в жилых помещениях, 44,4 % относятся к категории малоимущих. Из общего количества семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, 42,6 % ожидают квартиру 10 лет и более, 16,8 % проживают в общежитиях или коммунальных квартирах, 6,1 % проживают в ветхом и аварийном жилфонде.

Среди тех, кто стоит в очереди на предоставление жилья, 11,7 тыс. семей относятся к социально уязвимым группам населения, из которых 64,7 % — молодые семьи, 30 % — многодетные семьи, 5,3 % — инвалиды и участники ВОВ.

Согласно данным федерального статистического наблюдения «Социально-демографическое обследование (микрперепись населения) 2015 г.», средняя численность домохозяйств в Свердловской области составляет

2,2 чел., а на одного человека в среднем по области приходится 22,9 м² жилья. Таким образом, чтобы обеспечить все семьи, состоящие на учете нуждающихся в жилых помещениях, необходимо построить 224 050 м² жилья, что составляет 0,2 % от уже существующего жилого фонда.

По данным официальной статистики, в 2015 г. в Свердловской области общая площадь жилых помещений составляла более 107 млн м², что на 2 % больше, чем в предыдущем году. Таким образом, данная проблема должна довольно легко решаться, но почему-то сохраняется нерешенной на протяжении многих лет, что связано с дифференциацией населения по уровню покупательной способности.

На сегодняшний день самым информативным индикатором социального неравенства является коэффициент Джини (индекс концентрации доходов). Рассмотрим его значения на примере регионов УрФО (табл. 10).

Таблица 10

Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) по регионам УрФО в сравнении с показателем по Российской Федерации за 2011–2015 гг.

Территория	2011	2012	2013	2014	2015
Российская Федерация	0,421	0,417	0,420	0,418	0,413
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	0,427	0,425	0,430	0,425	0,405
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,434	0,432	0,441	0,437	0,422
Тюменская область без автономных округов	—	—	0,413	0,410	0,402
Курганская область	0,402	0,396	0,399	0,394	0,361
Свердловская область	0,432	0,425	0,43	0,431	0,413
Челябинская область	0,400	0,396	0,4	0,389	0,368

Примечание. Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели городов. 2016 : стат. сб. / Росстат. — М., 2016. — 442 с.

По значению коэффициента Джини Свердловская область находится ближе не к тем регионам, которые сравнимы с ней по специализации (показатели Курганской и Челябинской областей значительно ниже, чем в Свердловской области), а наоборот — к тем регионам, которые значительно обгоняют ее по уровню доходов населения, по доле заработной платы в общих доходах (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Тюменская область и Ямало-Ненецкий автономный округ). Таким образом, исходя из рассмотренных показателей степень дифференциации доходов населения в Свердловской области можно расценивать как высокую.

На современном этапе развития государственная политика России в сфере снижения дифференциации доходов направлена в основном только на сокращение абсолютной бедности. Из всех инструментов снижения поляризации доходов широко применяется только установление минимального размера оплаты труда (МРОТ) и меры по улучшению благосостояния малоимущих граждан. Региональная политика, будучи сферой деятельности государства в области системного решения проблем отдельных территорий страны и пространственного размещения производственных ресурсов, становится политикой перераспределения доходов для повышения экономической активности и улучшения условий жизни населения региона.

Таким образом, в Свердловской области достаточно остро стоит вопрос разрыва в уровне доходов населения.

Высокая дифференциация доходов приводит к усугублению социальных проблем, росту недовольства населения по отношению к власти, возникновению разногласий между людьми с разным уровнем дохода, неэффективному использованию ресурсов.

Умеренная дифференциация оказывает положительное воздействие на экономику, создает стимул к развитию, поддерживает рыночную систему экономики.

Низкая дифференциация лишает население стимула к каким-либо действиям, приравнивает всех к единому уровню доходов и социальному статусу. Обычно в таком обществе все становятся бедными, экономика замедляет темпы роста, наблюдается спад производства.

Следовательно, на уровне региона необходимо проводить взвешенную политику перераспределения доходов и оказывать влияние на снижение дифференциации доходов населения, не допуская слишком сильного различия или всеобщего равенства доходов.

Несмотря на то что проблема дифференциации доходов населения в России существует достаточно давно, до сих пор не разработан единый механизм качественного регулирования соотношения групп населения с высоким и низким показателем уровня доходов.

Среди существующих инструментов снижения дифференциации доходов населения на сегодняшний день наиболее распространены перераспределение денежных доходов богатых слоев населения с помощью налоговой политики, а также предоставление мер социальной поддержки и социальных услуг гражданам, чьи доходы ниже величины прожиточного минимума. К сожалению, данных инструментов недостаточно для полноценного урегулирования ситуации. Необходимо проводить мониторинг положения отдельных групп населения, внедрять индивидуальный подход на основании критериев адресности и нуждаемости.

ГЛАВА 2

РОССИЙСКИЕ ГОРОДА И АГЛОМЕРАЦИИ КАК ДРАЙВЕРЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

2.1. АПИКАЛЬНАЯ МЕРИСТЕМА ГОРОДОВ-МИЛЛИОННИКОВ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ СТРАНЫ

2.1.1. ПОЧЕМУ ИССЛЕДОВАНИЕ ГОРОДОВ-МИЛЛИОННИКОВ АКТУАЛЬНО?

Несмотря на то что в наше время имеется множество теорий городского развития, ни одна из них не способна охватить весь многообразный мир современного города, не может объяснить многие процессы, происходящие в городах страны, не в состоянии описать и внятно объяснить соотношение сил в развитии того или иного города, не может в полной мере понять и объяснить современную городскую жизнь [70; 75; 78; 140; 174; 284].

Постсоветский город стал феноменальным явлением, непознаваемым в такой степени, что мы не можем ни грамотно прогнозировать, ни эффективно управлять его развитием.

Представители различных наук, занимающихся исследованием развития городов, носителей урбанизационных процессов, единодушны в том, что города не только отличаются друг от друга при переходе от одной исторической эпохи к другой, от одного региона к другому, но и выделяются специфическими признаками и особенностями в зависимости от размера (людности).

В настоящее время необходимость выделения городов-миллионников в отдельную классификационную группу при социально-экономических, градостроительных и иных исследованиях не ставится под сомнение.

Тематика развития городов-миллионников не обойдена вниманием многочисленных исследователей [7; 10; 58; 79; 146; 147; 148; 171; 250; 257; 295].

Города-миллионники (или, иначе, крупнейшие города, мегагорода, мегаполисы, megacity) — это класс конкретных городских поселений, в каждом из которых численность населения в границах городской (или муниципальной) черты находится в пределах от 1 млн до 3 млн чел.¹

Людность города (численность жителей) — это неформальный показатель развития городского поселения. Именно размеру города по численности населения соответствует и образ жизни в поселении, и степень его благоустроенности, и его экономическое предназначение, и социальный состав населения и многие другие показатели города.

Ф. Бродель в первой главе своего трехтомника о материальной цивилизации «Время количества» писал, что количество людей и вещей «...разделяет мир, организует его, оно придает каждому массиву живущих на земле его удельный вес, <...> определяет его уровень культуры и его действенность,

¹ *СНиП 30-01-00*. Градостроительство. Планировка и застройка поселений. Ст. 4.2.

ритм его биологического (и даже экономического) роста и даже судьбу...» [50, с. 62].

У каждого города-миллионника своя историческая судьба, своя траектория развития, необязательно совпадающая с траекторией развития субъекта РФ, со своей природой, пространственной, демографической, социально-экономической и иной характеристикой, со своей производственной и социальной инфраструктурой.

Все города-миллионники являются важнейшими местами концентрации и притяжения демографических, трудовых, промышленных, культурных и иных ресурсов, представляют собой центры социально-экономического развития как для своего региона, так и для нескольких окружающих регионов.

Города-миллионники — главные точки приложения и проявления культурных сил человека нового времени. Они — истинные «гении места», связывающие интеллектуальные, духовные и эмоциональные явления с их материальной стороной [52, с. 5].

Города-миллионники формируют своеобразную «апикальную меристему» (от лат. *apex* — верхушка), которая представляет собой совокупность городских поселений — вершин, локализованных в экономическом ландшафте страны, сохраняющих способность к преобразованию, трансформации и образованию новых структур и элементов на протяжении всей своей жизни.

По мысли крупного немецкого экономиста Августа Лёша, основателя пространственной экономики, давшего трактовку понятия «экономический ландшафт» (*wirtschafts — landschaft*), сферы экономического влияния главного центрального города, включающие в себя систему рыночных зон различных товаров и услуг, как раз и формируют в действительности «экономический ландшафт» [170, с. 185, 228].

В настоящее время экономический ландшафт в значительной мере определяется силами действия, взаимодействия и притяжения городами-центрами, относящимся к одному иерархическому классу (например, феномен мировых и глобальных городов), тогда как в классической теории крупные города притягивали менее крупные [310, с. 8].

Практически все города-миллионники страны, соединив (сфокусировав) в одной географической точке благоприятное экономико-географическое положение, накопленный производственный, социальный, инфраструктурный, интеллектуальный и рыночный потенциал, заняв командные позиции в иерархии городов еще на относительно ранних этапах своего развития, играя все возрастающую роль в экономическом ландшафте страны, не только сохраняют, но и постепенно усиливают, наращивают свои конкурентные преимущества.

В условиях нашей страны с ее гигантскими просторами и расстояниями крупнейшие города особенно востребованы. Мегалополисы со скоростными транспортными магистралями детерминируют функционально-пространственную структуру страны, выступают в роли своеобразных ворот в глобальный мир.

Мегалополисы — это не только основные концентраты геоэкономического, производственного, социального, интеллектуального и информационного

потенциала страны, но и ускорители, генераторы и опорные точки инновационных процессов.

Н. В. Зубаревич отнесла крупнейшие российские города — лидеры постиндустриальной экономики с высоким уровнем социально-экономического развития к группе «Россия-1» (из четырех «Россий») [116, с. 140]. По ее мнению, «здоровье» этих городов во многом определяет социально-экономическое состояние России.

Города-миллионники — это не только сложный постоянно развивающийся социодемографический и социоэкономический компонент общества, но и структурообразующий феномен, обладающий мощным энергетическим потенциалом. Именно к ним можно с полным правом отнести суждение Фернана Броделя: «Города — это как бы электрические трансформаторы: они повышают напряжение, ускоряют обмен, они беспрестанно вершат жизнь людей» [50, с. 447].

Статус города-миллионника дает ему определенные преимущества.

Во времена СССР города-миллионники имели приоритет в финансировании, право на обладание метрополитеном и некоторыми другими нормативно распределяемыми ресурсами и общественными благами. В настоящее время города-миллионники также выделяются особым отношением со стороны государства (включение в госпрограмму метростроения, возможность участия в большем числе федеральных и региональных программ и проектов, получение увеличенных траншей из федерального бюджета, поддержка развития дорожной инфраструктуры и т. п.).

Статус города-миллионника способствует повышению его инвестиционной привлекательности. Будучи крупными рынками товаров и услуг, они привлекают инвестиции, связанные с производством потребительских товаров, оптовой и розничной торговлей, сферой услуг: дилерские, сервисные, банковские и операторские центры, пункты международных, федеральных и региональных торговых сетей. Бизнес-стратегии многих солидных компаний рассчитаны исключительно на крупнейшие города.

Как раз в крупнейших городах, где исторически сформировался необходимый человеческий капитал, сконцентрированы соответствующие научно-технические, производственные, инфраструктурные и иные важные ресурсы, а также сохранены традиции индустриальной культуры, сложились благоприятные экономические и технологические возможности для новой индустриализации.

Новая индустриализация в России, в том числе в пространстве крупнейших городов, обеспечивает условия для прорыва экономики страны к шестому технологическому укладу, запуска процесса длительного «омоложения» традиционных отраслей промышленности.

2.1.2. СТАНОВЛЕНИЕ КЛАССА ГОРОДОВ-МИЛЛИОННИКОВ

Города-миллионники относятся к самому сложному типу пространственных социально-экономических объектов. Они создавались человеком на протяжении многих веков и при достижении определенной людности

и экономической мощи начинают функционировать и развиваться по своим имманентным законам.

История российских городов-миллионников началась около 1890 г., когда население Петербурга перевалило миллионную отметку. Численность населения Москвы достигла миллионного показателя в 1897 г. (1,038 млн чел. по данным Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.).

Максимальное количество городов-миллионников в РСФСР достигло 11 (без Москвы и Ленинграда). Некоторые из них еще в начале XX века были малыми городами, но за сравнительно короткий период в результате осуществления пятилетних планов индустриализации в 1930-е годы стремительно выросли на основе преимущественного развития отраслей тяжелой промышленности и за счет крайнего напряжения материальных и людских ресурсов [99]. Быстрому росту городов способствовала и эвакуация на Урал и в Сибирь предприятий промышленности и людей в годы Великой Отечественной войны [179].

Новосибирск, ставший миллионником в 1962 г., в оказался одним из рекордсменов в мире по скорости достижения миллионной численности населения. В этом же 1962 г. получил искомый статус Нижний Новгород. Достигли миллиона человек Екатеринбург (1967), Самара (1967), Челябинск (1976), Омск (1978), Пермь (1979 и 2011), Казань (1979), Уфа (1980), Ростов-на-Дону (1987), Волгоград (1989 и позднее в 2002 и 2010), а также Красноярск (2012), Воронеж (2012).

В 2015 г. количество городов-миллионников в РФ (без Москвы и Санкт-Петербурга) достигло 13, в них проживало 15 495,5 тыс. чел. (или 14,3 % городского населения страны). Два города — Москва с численностью жителей на 1 января 2016 г. 12,3 млн чел. и Санкт-Петербург с населением 5,2 млн чел. — относятся к классу сверхкрупных городов (или, иначе, мультимиллионников)¹.

Россия делит 3–4-е места с Бразилией по количеству городов-миллионников среди всех стран.

В постсоветский период практически во всех городах-миллионниках наблюдался отрицательный естественный прирост населения, который не компенсировался притоком населения извне. Значительное снижение численности населения произошло в Нижнем Новгороде, Самаре, Перми. Среди основных причин убыли численности населения в этих городах следует назвать практически исчерпавший себя миграционный потенциал сельской местности и небольших городских поселений, не способный пополнять население указанных городов-миллионников.

С целью повышения собственного статуса власти лоббировали включение пригородов в состав крупнейших городов, которые были слабо интегрированы в городскую среду преимущественно из-за недостаточного развития инфраструктуры.

В ближайшее время количество городов-миллионников может возрасти, в первую очередь в результате состоявшегося и планируемого включения

¹ *СНиП 30-01-00*. Градостроительство. Планировка и застройка поселений. Ст. 4.2.

местными властями в состав города части окружающих поселений при формировании границ муниципальных образований — городских округов.

Ближайшими кандидатами в класс городов-миллионников являются так называемые субмиллионники — города, численность населения которых превышает 700 тыс. чел.: Краснодар, Саратов, Тюмень, Тольятти.

Феномен крупнейшего города в условиях глобализации с появлением и формированием мирохозяйственных связей и отношений связан с концепциями и научными идеями формирования мирового города, разработанными в 1960–1990 гг. такими ведущими западными учеными, как П. Холл [341; 342], Дж. Фридман и Г. Вульф [333; 334] и др.

Питер Холл определил мировые города как национальные и международные центры политической силы; центры национальной и международной торговли, действующие как узловые точки для собственных, а иногда и для соседних стран; банковские и страховые центры; центры профессиональной деятельности (медицинские, юридические, высшего образования, науки, отраслей высокой технологии); центры потребления как предметов роскоши, так и массовых товаров; центры информации и диффузии технологий через средства массовых коммуникаций; центры науки, культуры, развлечений и сферы услуг.

Дж. Фридман и Г. Вульф рассматривают города мирового значения как «транснациональные города» со своей специфической идеологией жизни, внутренним социальным зонированием территории, концентрацией в них высокоспециализированных и высококвалифицированных услуг, обладающих высокой конкурентоспособностью на мировых рынках. По их мнению, главным признаком мирового города является не выпуск физического товара, полученного в результате производственной деятельности, а деловой сервис широкого спектра и высочайшего качества, креативный интеллектуальный продукт, отличающийся высокой конкурентоспособностью.

Российские города-миллионники по некоторым параметрам и признакам могут претендовать на включение в число глобальных городов, вернее, в класс «субмировых» городов. Среди российских городов-миллионников большим потенциалом для вхождения в когорту мировых городов обладает Екатеринбург (Евразийский мультимодальный транспортно-логистический узел, международный центр деловых коммуникаций, культурно-образовательный, научно-инновационный, выставочный, торгово-распределительный центр). Не случайно он претендовал на проведение Всемирной универсальной выставки «Экспо-2020». 22 мая 2017 г. Екатеринбург снова официально выдвинут на право проведения Всемирной универсальной выставки в 2025 г.

2.1.3. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ГОРОДОВ-МИЛЛИОННИКОВ

Изменения, которые происходят в экономической структуре апикальной меристемы городов-миллионников, наиболее приемлемо назвать термином *трансформация*. Под трансформацией во внутригородском пространстве мы понимаем многомерные системные преобразования в экономической струк-

туре города под воздействием модернизационных процессов, т. е. процессов, приводящих к изменениям, отвечающим современным требованиям.

Адам Смит одним из первых в экономической науке обратил внимание на единение процессов индустриализации и урбанизации. Еще в 1776 г. в своей так называемой «вечной книге» «Исследование о природе и причинах богатства народов» писал о нарастании значимости в городе XVIII века промышленности, а не только торговли как источника «богатства народов». Более того, торговля и промышленность постепенно создавали «порядок и нормальное управление, а вместе с ними свободу и безопасность отдельных лиц» [255, с. 549].

Джейн Джекобс, гуру урбанистической мысли на Западе, утверждает, «что города — это такие поселения, где наряду со старыми видами деятельности возникают новые, и это, в свою очередь, приводит к усложнению и диверсификации системы разделения труда; что развитие городов происходит под влиянием именно этого процесса, а не каких-то внешних событий» [101, с. 161].

В настоящее время трансформационные процессы, детерминированные преимущественно рыночными преобразованиями, формированием производств пятого и шестого технологических укладов, заметно усложнили функционирование и развитие городов-миллионников. Трансформация экономического пространства города-миллионника в нашей стране произошла практически в течение четверти века, тогда как в странах Запада на это потребовалось многие десятилетия.

Какие же заметные модернизационные изменения наблюдались в апикальной меристеме крупнейших городов на протяжении 1998–2015 гг., которые свидетельствуют о начале нового важного периода в их развитии? Рассмотрим наиболее знаковые из них (табл. 11).

1. Можно констатировать, что современная промышленность в крупнейшем городе переживает существенную трансформацию, выражающуюся, во-первых, во внедрении креативных элементов в новейшие технологические процессы; во-вторых, в активном внедрении креативных видов деятельности, включая цифровые, в основные, сопутствующие и обслуживающие производства; в-третьих, в индивидуализации технологических процессов; в-четвертых, во все возрастающей значимости промышленного маркетинга и промышленного дизайна. В структуре экономики крупнейших городов третий, четвертый и даже пятый технологические уклады функционируют взаимосвязанно, переплетаясь и дополняя друг друга. Ведь у них общая городская инфраструктура, общая инфраструктура производства знаний, единая научная база, общий локальный рынок труда, которые в итоге являются важнейшими условиями развития инновационной деятельности.

В экономике Омска, Перми, Уфы, Волгограда, Челябинска доминируют модернизированные обрабатывающие производства крупных и средних предприятий (объем отгруженных товаров превышает 400 млрд р. при максимуме в Омске — более 634 млрд), которые возникли в годы социалистической индустриализации, сумели приспособиться к рыночной среде и в которых значительная часть населения сохраняет индустриальную ментальность.

Таблица 11

**Основные макроэкономические показатели развития городов-миллионников Российской Федерации
(за исключением Москвы и Санкт-Петербурга)**

Показатель	Год	Город												
		Волгоград	Воронеж	Екатеринбург	Казань	Красноярск	Нижний Новгород	Новосибирск	Омск	Пермь	Ростов-на-Дону	Самара	Уфа	Челябинск
1. Численность населения на конец года, тыс. чел.	1989	997,0	887,0	1 363,0	1 085	870,0	1 435,0	1 436,0	1 149,0	1 092,0	1 008,0	1 257,0	1 080,0	1 142,0
	2006	992,0	846,0	1 346,3	1 116	921,0	1 286,4	1 391,9	1 134,8	990,2	1 051,6	1 139,1	1 029,8	1 091,5
	2015	1 016,1	1 032,9	1 477,7	1 217,0	1 067,9	1 275,5	1 584,1	1 178,1	1 041,9	1 119,9	1 171,0	1 121,4	1 192,0
	2008	270,26	—	163,8	108,05	—	192,53	153,13	367,5	340,07	157,1	154,84	235,1	306,71
	2015	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2. Объем отгруженных товаров собственного производства (по крупным и средним организациям), в том числе, млрд р.: обработывающие производства (по крупным и средним предприятиям)	2008	231	—	138,6	94,8	—	157,2	102,5	345,6	289,3	141,7	126,2	192,6	272,3
	2015	401,4	136,8	327,5	253,0	298,0	267,8	185,4	634,1	509,7	216,3	213,4	489,3	402,6
	2008	16,5	—	24,5	12,8	—	35,3	33,3	21,9	45,4	15,4	26,2	38,9	32,8
	2015	31,9	32,1	56,7	23,4	44,6	67,0	50,5	42,3	54,2	30,3	44,8	46,6	58,7
3. Инвестиции в основной капитал (по крупным и средним предприятиям), млрд р.	2006	14,7	—	36,8	52,1	—	23,5	29,9	24,8	34,2	21,3	30,3	34,0	23,8
	2015	94,8	61,3	94,3	108,8	67,3	89,4	73,0	58,3	112,5	59,1	69,0	69,4	78,7
4. Индекс физического объема промышленного производства, %	2015	101,9	114,5	96,3	95,6	97,9	—	—	—	—	169,8	97,1	100,8	93,9
5. Среднеписочная численность работников крупных и средних организаций, тыс. чел.	2015	265,9	275,4	440,3	346,5	290,2	432,4	411,8	305,4	295,0	291,6	367,6	320,8	343,2
	2006	80,1	—	201,7	121,8	—	116,3	133,6	92,5	133,3	124,6	112,2	135,3	115,1
6. Розничный товароборот, млрд р.	2015	254,8	283,2	725,9	446,1	282,8	355,4	—	254,6	324,2	426,1	244,8	430,0	116,0*
	2006	388,9	—	735,3	729,6	—	443,3	827,9	723,4	426,1	707,4	238,8	521,1	512,3
7. Строительное жилище за счет всех источников финансирования, тыс. м ²	2015	494,5	1 039,5	1 196,9	762,0	707,3	442,2	1 738,0	585,0	543,4	1 111,1	831,5	824,9	570,8

Окончание табл. 11

Показатель	Год	Город												
		Волгоград	Воронеж	Екатеринбург	Казань	Красноярск	Новгород	Новосибирск	Омск	Пермь	Ростов-на-Дону	Самара	Уфа	Челябинск
8. Номинальная среднемесячная заработная плата (по крупным и средним организациям), р.	2006	9 801	—	14 026	9 773	—	10 188	11 806	10 812	12 486	10 587	11 376	11 916	11 106
	2015	2 9964	30 826	41 492	34 790	39 699	36 407	37 199	31 109	36 728	35 421	34 423	35 665	32 725
9. Естественный прирост (убыль) населения, чел. на 1 000 жителей	2006	-5,9	—	-2,5	-4,1	—	-8,2	-4,0	-4,5	-3,7	-4,9	-6,4	-1,2	-3,5
	2015	-1,5	0	4,6	5,9	5,0	-0,7	2,9	1,7	2,7	1,0	-0,9	4,7	2,9
10. Объем платных услуг населению, млрд р.	2015	30,6	49,1	74,9	65,5	45,6	80,0	67,9	38,9	34,2	53,5	49,4	44,8	52,8
11. Уровень безработицы, %	2015	0,98	1,1	0,83	0,79	0,63	0,58	0,68	0,4	0,96	0,50	0,67	1,25	1,09

Примечания. Составлено по материалам Комитета стратегического планирования Администрации города Екатеринбурга.

* Без субъектов малого предпринимательства.

В 2015 г. более 20 % работников крупных и средних предприятий было занято в сфере промышленного производства. В 2015 г. негативное влияние на динамику роста промышленного производства в таких городах, как Екатеринбург, Казань, Красноярск, Самара, Челябинск, оказало ухудшение мировой конъюнктуры, уменьшение спроса на промышленную продукцию, снижение уровня инвестиционной активности, а также санкции, принятые рядом государств в отношении России, ответные санкции и снижение темпов прироста российской экономики.

2. Крупнейшие города перестроили в свою пользу отношения обмена, потребления и распределения, которые сохраняются, например, в виде абсолютного и относительного роста сферы торговли и общественного питания. В них, как грибы после дождя, появились десятки новых торговых и торгово-развлекательных комплексов (ритейлтейнмент) с многочисленными менеджерами по продажам, кассирами, кулинарами, официантами, охранниками и т. п.

Расширился спектр брендов, представленных на рынке, в том числе вырос сегмент элитных продаж. Сюда следует отнести и рост сети ресторанов, кафе, ночных клубов, а также появление кухни различных народов мира. Рост сферы торговли привел к формированию шопинга как образа жизни горожан, проведения досуга, средства коммуникации. Значительным розничным товарооборотом характеризуются Екатеринбург, Казань, Уфа, Ростов-на-Дону.

Заметен быстрый рост деловой активности, представленный бизнес-центрами, банками, выставочными центрами, представительствами транснациональных компаний и международных организаций.

Существенно расширяется сеть гостиничных комплексов, в том числе высокого класса, включая мировые бренды Marriott, Hilton и др.

3. Происходит перестройка культурного пространства городов: появление арт-студий, арт-центров, музеев, аквапарков, объектов религиозного культа.

Расширяющаяся рекламная деятельность в пространстве крупнейшего города превращается в важный сектор экономики города. Появляется термин «out-of-home», обозначающий сектор наружной рекламы.

4. Перестраивается инфраструктура здравоохранения, социального обслуживания и здорового образа жизни (в частности, появление фитнес-центров, спортивных студий, спортивных клубов, спортивных площадок, дворцов спорта и др.), создаются крупные специализированные медицинские центры (например, онкологические, перинатальные, офтальмологические и др.).

5. Обогащению экономической структуры городов-миллионников способствует тотальная информатизация и «электрификация» производства и быта: стационарные компьютеры и передвижные модификации, мобильная связь, всевозможные электроприборы и т. п. Как раз в пространстве апикальной меристемы крупнейших городов в полной мере реализуется теория самообслуживания Дж. Гершуни [337; 338].

Главная идея этой теории состоит в том, что общество обслуживания трансформируется в общество самообслуживания, ибо домашние хозяйства покупают во все возрастающих количествах промышленные товары (холо-

дильники, стиральные машины, телевизоры, микроволновки, телефоны и т. п.) для механизации и автоматизации домашнего труда. В результате все больше потребностей люди удовлетворяют самостоятельно дома, не прибегая к покупке соответствующей услуги у формального сектора обслуживания. Как итог, существенно увеличивается производство бытовой техники, что активизирует процессы новой индустриализации в пространстве города.

6. Одним из ключевых индикаторов потребления услуг может служить увеличение масштабов нового многоэтажного жилищного строительства, поскольку в настоящее время большая часть таких домов строится и приобретается населением за счет собственных средств и в кредит. Появляются ядра дорогостоящей элитной застройки в центральной части городов. Лидерами по вводу нового жилья за счет всех источников финансирования являются Новосибирск, Екатеринбург, Ростов-на-Дону, Воронеж (более 1 млн м²), аутсайдерами — Нижний Новгород, Челябинск, Пермь.

Необходимость модернизации городской инфраструктуры вызвана стремительным ростом автомобилизации горожан, который привел к пробкам, выбросам в атмосферу, ощутимой нехватке парковочных мест и дорожных развязок, увеличению так называемого commuting time.

7. Большое значение для экономического развития крупнейших городов приобретает наличие инфраструктуры (транспортной, коммуникационной, рыночной, развлекательной, офисной, гостиничной, выставочной и т. д.), минимизирующей транзакционные издержки. Многие города-миллионники для привлечения инвесторов и других визитеров предлагают объекты инфраструктуры, в частности офисные и гостиничные центры, которые отвечают требованиям не только комфорта и эргономики, но и престижа.

8. В качестве инструмента социально-экономического развития крупнейших городов все чаще рассматриваются мегапроекты [63; 293]. Условием их реализации является мобилизация значительных финансовых, трудовых, технических, административных и иных ресурсов, нацеленность на интеграцию городов в международные экономические и социокультурные взаимодействия. Основной парадокс, связанный с мегапроектами, заключается в том, что их число, несмотря на низкие показатели экономической и социальной эффективности, неуклонно растет. Огромные ресурсы, вкладываемые в создание мегапроектов, мыслятся как знаковые, символические объекты, выполняющие общественно значимые функции.

Апикальная меристема крупнейших городов в экономическом ландшафте страны развивается крайне неравномерно. За прошедшие 70 лет в экономическом ландшафте страны значительно увеличилась значимость Новосибирска и Екатеринбурга, которые закрепили за собой роль важнейших региональных столиц третьего и четвертого уровней, главным образом за счет перемещения сюда людей, инвестиций и капитала.

Уверенно растут столицы республик — Казань и Уфа. Источники прорыва этих столиц — аккумуляция в них финансовых потоков, пространственная концентрация набора образовательных, культурных, медицинских, юридических, информационных и иных услуг. Сюда едут «учиться, лечиться, жениться и судиться». Столицы республик неизбежно привлекают национальную творческую элиту, национальных политических лидеров,

концентрируют национальное и культурное наследие, которое является приманкой многочисленных туристов. Чрезвычайно важную роль в развитии Казани сыграла реализация мегапроекта «Всемирная летняя универсиада» 2013 г., которая оказалась самой представительной в истории универсиад. В Казани было построено 49 спортивных объектов, среди которых Дворец водных видов спорта и футбольный стадион на 45 тыс. мест; запущена специальная трамвайная линия, открыты три станции метро, запущен аэроэкспресс от аэропорта до центра города. В таком масштабе Всемирная летняя универсиада проводилась впервые.

2.1.4. ГОРОДА-МИЛЛИОННИКИ — ЯДРА ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ

Все города-миллионники являются ядрами городских агломераций, что дополнительно характеризует исключительную значимость этого класса городов. Среди 22 крупнейших городских агломераций страны, имеющих численность населения более 1 млн чел., находятся все города-миллионники, формирующие соответствующие городские агломерации.

В мегаполисах и городских агломерациях наиболее ярко проявляется действие рыночных сил, иницилирующих и активизирующих агломерационные эффекты, в частности эффекты локализации и эффекты урбанизации, в том числе внешние позитивные эффекты (positive externalities).

Изучение положительных внешних эффектов в пределах пространственных скоплений взаимосвязанных предприятий и отраслей промышленности восходит к пионерным работам А. Маршалла, который связывал их существование с тремя главными силами:

- а) развитие новых идей и знаний в условиях межфирменного взаимодействия;
- б) специализированные ресурсы и услуги вспомогательных производств;
- в) географически локализованный постоянный рынок для квалифицированного труда [191, с. 352].

Наибольший вклад в развитие исходной концепции А. Маршалла внесли К. Эрроу [321] и П. Ромер [360; 361]. По первым буквам фамилий этих авторов соответствующий тип внешних эффектов, возникающих в агломерациях, получил название MAR-экстерналий. Наряду с MAR-экстерналиями исследователи анализируют два типа агломерационных эффектов: эффект локализации и эффект урбанизации, которые генерируют экономию от масштаба и экономию затрат вследствие использования одного капитального блага для производства нескольких продуктов [353].

ООН с начала 1950-х годов исследует и прогнозирует развитие крупнейших городов мира только через их агломерации — как объекты единого целого. В «Декларации о городах и других поселениях в новом тысячелетии», принятой 25-й специальной сессией Генеральной Ассамблеи ООН 9 июня 2001 г. изложен следующий принцип (п. 40): «Призываем органы власти в крупных городских агломерациях разрабатывать механизмы и соответствующим образом стимулировать работу правовых, финансовых, ад-

министративных, плановых и координационных механизмов для организации более справедливой и функциональной жизни в городах»¹.

Демографическая комиссия ООН осуществляет анализ и прогнозирование развития больших городов, изучая их агломерации как целостные градосистемы. Но в этих исследованиях об агломерациях России нет ни слова. Непризнание реальных городских агломераций унижает положение России. Сегодня в российской науке агломерации исследованы и осмыслены вполне достойно, чтобы приступить на практике к научно обоснованному их прогнозированию и регулированию.

Парадигма формирования городских агломераций стала активно обсуждаться ведущими отечественными учеными, среди которых В. Л. Глазычев, Г. М. Лапша, Е. Н. Перцик, В. Я. Любовный, Н. В. Зубаревич, Н. Ю. Владова, В. Н. Лексин.

В условиях России с ее гигантскими расстояниями городские агломерации с их ядрами — крупнейшими городами особенно востребованы, ибо они являются мощными средствами эффективного преодоления специфического для России «барьера пространства» [164].

Именно «агломерациям принадлежит особая роль в укреплении опорного каркаса расселения как одного из главных направлений совершенствования пространственной организации страны» [183, с. 7].

Формирование городских агломераций на базе мегаполисов происходит в русле современных представлений о сути модернизации пространства страны в начале XXI века. Агломерирование городов — это естественный, объективный процесс концентрации и интеграции разнообразной деятельности и населения в крупнейшем городе и его ближайшем окружении [227].

Городские агломерации в качестве уникальных активно-деятельных образований по сути формируют экономический ландшафт, поскольку агломерационный эффект, проявляющийся в снижении транзакционных издержек, укрупнении рынка труда, развитии объектов инфраструктуры и т. п., стимулирует процесс укрепления и роста апикальной меристемы крупнейших городов. Среди многообразных факторов наиболее существенное влияние на развитие городских агломераций страны оказывают автомобилизация населения и смена прав собственности на землю.

Резюмируя сказанное, следует подчеркнуть, что процессы агломерирования уже не остановить, они будут активно развиваться в дальнейшем. На современном этапе необходимо четко осознавать, что представляют собой городские агломерации, с какой целью они конструируются, как ими управлять и как извлечь из процессов их формирования максимальную выгоду для развития экономики и общества.

¹ Декларация о городах и других населенных пунктах в новом тысячелетии (принята резолюцией S-25/2 специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 9 июня 2001 г.). — URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/habitatdec.shtml.

2.2. ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

2.2.1. ПОВЫШЕНИЕ ПРИОРИТЕТНОЙ РОЛИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

На каждом этапе развития страны цели, задачи и содержание градостроительства в значительной мере определяются новыми условиями и требованиями социально-экономического развития и территориальной организации. Если в период индустриализации страны города и поселки рассматривались преимущественно в качестве жилого «приложения» к предприятиям, то в современных и тем более в перспективных условиях градостроительная сфера деятельности выдвигается в качестве одного из важнейших приоритетов развития страны.

Это обосновывается тем, что реализация новой модели экономического и социального развития возможна лишь при создании благоприятных условий для воспроизводства ее главного ресурса — человеческого потенциала, что, в свою очередь, непосредственно связано с кардинальным повышением качества градостроительной среды жизнедеятельности и реконструкцией системы расселения.

Важной функцией градостроительства, реализуемой как в самих поселениях, так и в границах локальных и региональных систем расселения, становится создание привлекательных условий для становления новых видов экономической и иных сфер деятельности.

Необходимо выделить и еще одну общегосударственную функцию градостроительства, осуществляемую консолидированно с совершенствованием развития и размещения производительных сил, — сохранение целостности страны путем укрепления единого экономического, социального, информационного пространства и обеспечение ее национальной безопасности.

Представляется важным превращение градостроительства из «падчерицы» строительного комплекса (что никак не умаляет роли стройкомплекса в развитии страны) во «впередсмотрящего», во многом предопределяющего сферу деятельности строительных организаций.

Актуальность повышения роли градостроительства и системы расселения как ее составной части является одним из важных аспектов Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании

в Российской Федерации» и последующих федеральных законов и постановлений Правительства¹.

2.2.2. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

Сложившаяся система расселения России по состоянию на 1 января 2016 г. представлена 1 112 городами и 1 204 поселками городского типа (табл. 12).

Таблица 12

Структура городов по численности населения, чел., и их распределение по федеральным округам (по оценке Росстата на 1 января 2016 г.)

Федеральный округ	Крупнейшие (свыше 1 млн)	Крупные (500 тыс. — 1 млн)	Крупные (250 тыс. — 500 тыс.)	Большие (100 тыс. — 250 тыс.)	Средние (50 тыс. — 100 тыс.)	Малые (до 50 тыс.)	Итого
Дальневосточный	0	2	2	6	6	51	67
Крымский	0	0	2	2	2	11	17
Приволжский	5	7	5	15	35	132	199
Северо-Западный	1	0	6	4	14	121	146
Северо-Кавказский	0	1	3	10	10	32	56
Сибирский	3	5	2	11	20	89	130
Уральский	2	1	5	8	17	82	115
Центральный	2	3	14	25	35	224	303
Южный	2	2	4	9	16	46	79
<i>Итого</i>	<i>15</i>	<i>21</i>	<i>43</i>	<i>90</i>	<i>155</i>	<i>788</i>	<i>1 112</i>
<i>Население, %</i>	<i>32,46</i>	<i>12,72</i>	<i>14,86</i>	<i>13,53</i>	<i>10,63</i>	<i>15,80</i>	<i>100,00</i>

Состояние российского градостроительства характеризуется следующими тенденциями и проблемами.

1. В сфере организации территории:

- нарастающие территориальные диспропорции, проявляющиеся прежде всего в поляризации развития между Москвой и столичным регионом в целом и преобладающей частью других регионов и городов страны. В столичном регионе благодаря миграционному притяжению проживает более 13 % населения страны (каждый восьмой житель) при снижении численности населения в межпереписной период на Дальнем Востоке на 6 % и в Сибири на 4 %. Масштабное расширение территории Москвы, наличие существенных различий в финансово-бюджетном обеспечении может привести к дальнейшему нарастанию диспропорций между развитием столицы и других регионов страны. Как сообщает газета Коммерсант.ru 9 марта 2017 г., по прогнозам Генплана Москвы (предполагается его корректировка) чис-

¹ О содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации : постановление Правительства РФ от 20 августа 2015 г. № 870 ; Градостроительная доктрина Российской Федерации (проект) РААСН / [Г. В. Есаулов (рук. группы), И. Г. Лежава, В. Я. Любовный, Г. С. Юсин, Д. Ю. Ломакина]. — М., 2014. — 30 с.

ленность населения в Новой Москве до 2035 г. может увеличиться почти в пять раз. К 2025 г. власти Москвы планируют увеличение количества жителей до 1 млн, а к 2035 г. — до 1,6 млн чел. Напомним, на момент присоединения территории там проживали 234 тыс. чел. По информации московских властей, обеспеченность рабочими местами на новых территориях и в соседних районах Москвы и области составляет всего около 10 % численности населения. К 2025 г. число рабочих мест может увеличиться до 0,6 млн, к 2035 г. — до 1,1 млн;

- замедление формирования опорного каркаса расселения, особенно в районах Сибири и Дальнего Востока, что вызвано острыми проблемами инфраструктурного обеспечения на общенациональном, региональном и муниципальном уровнях. По сравнению со среднероссийскими показателями в Сибирском и особенно в Дальневосточном округе высока доля населения, проживающего в малых и средних городах и поселках городского типа. В пространственной организации азиатской части России отмечается дефицит крупных центров-лидеров: здесь насчитывается всего три города-миллионера — Омск, Новосибирск и Красноярск (из 15 в стране) и семь городов с численностью населения от 500 тыс. жителей до 1 млн чел. (из 21);

- неравномерность распределения на территории страны городских и сельских поселений: в Центральном районе на один город приходится 2 тыс. км², в Восточной Сибири — почти 60 тыс. км², на Дальнем Востоке — около 90 тыс. км². Основная зона расселения в восточных районах приходится на Транссибирскую магистраль и южную полосу Сибири, где на площади, занимающей чуть более 1 % территории, сосредоточено 70 % населения всего региона;

- сокращение числа сельских населенных пунктов и ухудшение их структуры (проблемы села рассматриваются ниже).

2. В сфере транспортной инфраструктуры:

- отставание развития магистральной дорожной сети, которая по сравнению с федеральными и региональными уровнями характеризуется низкой плотностью и не обеспечивает связь между районами; отсутствует современная автомобильная магистраль, связывающая восточные районы с центральной частью России. Значительная часть населенных пунктов, прежде всего сельских, не имеет круглогодичного транспортного сообщения; слабо согласовано развитие инфраструктуры на границах между субъектами Федерации;

- сокращение инфраструктуры авиационного транспорта: авиаперевозки сводятся преимущественно к рейсам через Москву (из Москвы), а также за рубеж через Москву; практически прекращены местные авиаперевозки — за последние два десятилетия число местных аэропортов сократилось в 4 раза;

- утрата ряда морских портов, в том числе необходимых для возрождения Северного морского пути и активизации судоходства и рыболовства на Дальнем Востоке;

- отсутствие сквозных железнодорожных транспортных коридоров на территории страны; отставание в развитии скоростного железнодорожного сообщения.

3. В формировании среды жизнедеятельности¹:

- критическое положение с доступностью жилья, состоянием жилого фонда и жилищно-коммунального хозяйства: рост ветхого и аварийного жилого фонда, возрастающий износ инженерного оборудования. По данным переписи населения 2010 г., в многоквартирных домах с износом от 30 до 65 % проживает 45 млн чел.; 31 % населения страны не имеют газа; 41 млн чел. обходятся без горячего водоснабжения (в городах — 17%, на селе — 66 %). У 33 млн чел. санитарно-техническое обеспечение (туалеты) находится вне жилища (в городах — 10,2%, на селе — 62,9% домохозяйств);

- состояние экологической безопасности, угрожающее здоровью населения страны: ежегодные потери ВВП России от ухудшения окружающей среды, роста заболеваемости и смертности населения оцениваются в 4–6 %. В экологически неблагоприятных районах живут более 17 млн чел.; не менее 15 % территории страны находится в неудовлетворительном экологическом состоянии. Объем отходов, связанных с прошлой экономической деятельностью, составляет 31 млрд т; площадь под ними ежегодно возрастает на 300–400 тыс. га.

4. В сфере управления градостроительством:

- отставание в разработке государственной градостроительной политики, в том числе обосновывающей рациональное сочетание стратегических и текущих задач;

- до настоящего времени при территориальном планировании нередко превалирует отраслевой подход, направленный на решение отдельных краткосрочных экономических задач в ущерб задачам комплексного устойчивого развития территорий. При таком подходе также допускается возможность планирования развития территорий посредством принятия отраслевых схем, исходя из представлений отдельных ведомств;

- низкий уровень управления и регулирования градостроительной деятельности: отсутствие сформировавшейся системы органов управления градостроительством на всех территориальных уровнях власти, а также единого федерального органа, обеспечивающего взаимосвязанное регулирование территориальной организации страны (включая размещение производительных сил, совершенствование системы расселения и градостроительную деятельность); дефицит профессиональных кадров в органах управления градостроительством на федеральном, региональном и муниципальном уровнях; слабая согласованность между органами, ответственными за земельные и имущественные отношения и за развитие архитектурно-градостроительной сферы; отставание информационного и научно-методического обеспечения; необходимость кардинального пересмотра градостроительного кодекса и связанных с ним нормативно-регулятивных документов;

¹ Благоприятная среда жизнедеятельности в современных и особенно в перспективных условиях развития страны наряду с рассмотрением традиционных градостроительных аспектов должна обеспечить условия для комплексного социально-экономического и инфраструктурно-планировочного развития не только города или городской агломерации, но и более широкого пространственного ареала, в пределах которого происходят качественные и количественные изменения экономической и социальной основы.

- потеря престижа градостроительной профессиональной деятельности, вызванная сокращением профильных организаций; разработка значительной части проектов по территориальному планированию и градостроительству непрофессиональными коллективами в связи с действием системы критериев отбора исполнителей, основанной на приоритетах по срокам и стоимости работ.

Современные тенденции и проблемы городского и сельского расселения имеют как общие, так и специфические черты, применительно к различным группам городов. Особого внимания заслуживают проблемы развития малых городов, монопрофильных поселений, исторических городов, вопросы формирования и регулирования развития крупных городских агломераций. Необходимо отметить критическую ситуацию в значительной части регионов с сельским расселением.

В структуре расселения самая многочисленная группа — это *малые и средние города* с населением менее 100 тыс. жителей. По данным на начало 2016 г. насчитывается 943 таких городов (85 % общего числа городов) с населением 26,9 млн чел. К ним также по многим позициям примыкают и поселки городского типа, всего 1 204 с населением более 7 млн чел. В России с ее громадными расстояниями и неравномерностью хозяйственного освоения территории малые и средние города занимают особое место в экономической, социальной и политической жизни. Именно небольшие города являются главными опорными центрами, малыми столицами, скрепляющими огромные пространства России, обеспечивающими ее единство и целостность. В большинстве своем это исторические корни российской государственности, национальной культуры и народных традиций. Специфическая роль малых и средних городов заключается в поддержании тесной связи с тяготеющих к ним территорий. Сферой обслуживания небольших городов, по экспертной оценке, пользовались 15 млн сельских жителей страны. В отличие, например, от стран Западной Европы, в России необходимость формирования локальных зон влияния отдельными городами существенно выше, поскольку хозяйственная освоенность территории носит для значительной части страны во многом очаговый характер. В малых городах традиционно более тесная связь с землей, и в сложной экономической ситуации это обстоятельство оказывает определенное стабилизирующее воздействие.

Среди городских поселений в наиболее сложной ситуации оказались *монопрофильные города*. Это небольшие города и поселки городского типа с узкой, нередко односторонней специализацией хозяйства, представленной одним — тремя предприятиями, на которых занята преобладающая часть трудоспособного населения. По экспертной оценке, к монопрофильным может быть отнесено около половины всех городов России (с населением 11–12 млн чел.) и 2/3 поселков городского типа (с населением порядка 5 млн чел.). Наибольшая доля монопрофильных городов в Приволжском, Уральском и Сибирском федеральных округах. В соответствии с официальными решениями в список монопрофильных городов были включены первоначально 342 поселения, а в настоящее время их число сократилось до 319. Как свидетельствует практика, попытки реанимировать градообразующие предприя-

тия и обеспечить позитивное развитие монопрофильных городов в ряде случаев оказались малорезультативными.

Исторические города. Среди многих стран Россия выделяется уникальным богатством — каждый третий город ряд поселков городского типа и сел обладают ценным историко-культурным и архитектурно-градостроительным наследием. Находящиеся в исторических городах объекты историко-культурного наследия, а также и сами города, нередко обладающие уникальной планировочной структурой, нуждаются в большой помощи со стороны государства, региональных и местных органов. Многие памятники находятся в аварийном состоянии, а часть уже безвозвратно утеряна. В последние годы наметилась крайне опасная тенденция — совместным приказом Минкультуры и Минрегиона («Об утверждении перечня исторических поселений», июнь 2010 г.) было сокращено число исторических поселений с 478 до 41. Тем самым открывается путь к бесцеремонному вторжению в историческую среду уникальных городов и возможность беспрепятственного уничтожения бесценного национального, а в ряде случаев и мирового наследия. Вместе с тем историко-культурное наследие — один из важных ресурсов стратегического развития, который будет занимать все более весомое место в структуре национального богатства России.

Городские агломерации являются одной из важных форм территориальной организации производительных сил страны и расселения. Согласно исследованиям, в России имеется более 30 крупных городских агломераций (с центральным городом от 500 тыс. жителей и более), в которых сосредоточено более 1/3 всего населения страны и более половины ее научно-производственного кадрового потенциала. Среди крупных городских агломераций — Московская, Санкт-Петербургская, Самарско-Тольяттинская, Нижегородская, Екатеринбургская, Новосибирская, Ростовская, Челябинская, Новокузнецкая, Сочинская.

Сложившаяся городская агломерация (ГА) обладает крупным экономическим и демографическим потенциалом. Ее хозяйственный комплекс представляет собой сложную многоотраслевую систему, состоящую из множества предприятий разного размера и профиля, определяющих ее специализацию в территориальном разделении труда и обслуживающих основные сферы деятельности.

В условиях объективной необходимости перехода к инновационному типу экономического развития страны ГА становится одной из наиболее эффективных форм территориальной организации производительных сил и расселения. Вместе с тем благоприятные предпосылки во многом носят еще потенциальный характер, их реализация нуждается в целенаправленной деятельности органов власти субъектов Федерации, местного самоуправления, федеральных органов и хозяйствующих субъектов. Отмеченные достоинства агломераций, как правило, сопровождаются крупными проблемами в их развитии. Наибольшую остроту приобрели проблемы инженерно-планировочного, природно-экологического и социального характера. Принципиальными вопросами являются определение места агломераций на перспективный период в системе расселения и территориальной организации хозяйства страны и обоснование основных направлений совер-

шенствования их развития, а также механизмов регулирования этих процессов.

Особого внимания заслуживает критическое положение в сфере сельского расселения и ухудшения условий жизнедеятельности значительной части сельских жителей. В пределах жизни одного поколения число сельских поселений сократилось в два раза. Если по переписи населения 1959 г. число сельских поселений составляло 294 тыс., то по данным переписи 2010 г. снизилось до 153 тыс. При этом значительно ухудшилась структура сельских поселений: около 1/3 сел насчитывают менее 10 жителей, а число сел, в которых нет постоянного населения, возросло до 19 тыс. Наибольшее количество незаселенных сельских пунктов в результате переписи 2010 г. было обнаружено в СЗФО и ЦФО, причем в СЗФО заброшенными оказалась пятая часть всех деревень¹. Важно обратить внимание еще на ряд существенных позиций. Уровень безработицы среди сельских жителей превысил в 1,6 раза аналогичный показатель среди городского населения. Для сельской местности стала типичной долгосрочная, или застойная, безработица. Как и в до-революционный период, для современной России характерно масштабное «отходничество»².

Особенно негативным явлением в сельской местности стало сокращение объектов социальной инфраструктуры. Так, число общеобразовательных организаций в сельской местности снизилось за 2000–2001 по 2014–2015 гг. с 45,1 тыс. до 25,9 тыс., дошкольных организаций с 1990 по 2013 г. — с 40,6 до 17,5 тыс.; количество больничных учреждений с 2000 по 2014 г. сократилось более чем в четыре раза.

Острая инфраструктурная проблема сельских территорий — транспортная доступность. Согласно сведениям Росавтодора, на начало 2015 г. 45,9 тыс. сельских населенных пунктов (или 30,5% от их общего числа) не имели связи по дорогам с твердым покрытием с сетью дорог общего пользования региона. Основная масса (84 %) этих поселений — населенные пункты с населением 50 жителей и менее, 16 % — с населением от 51 до 500 жителей³.

Необходимо обратить внимание на неоднозначный характер развития АПК. Росстат выделяет три категории хозяйств, занимающихся производством сельскохозяйственной продукции: сельскохозяйственные организации, хозяйства населения и крестьянские (фермерские) хозяйства.

В составе первой категории лидирующую позицию занимают агрохолдинги, чье активное формирование началось в 1990-х годах. В их структуре резко выделяются 10 крупнейших владельцев сельхозземель в России (от 790 тыс. до 340 тыс. га). Весомая роль стала принадлежать и фермерским хозяйствам. Важно отметить, что фермерские хозяйства находятся в неравных условиях по сравнению с крупными холдингами: львиная доля средств,

¹ *Россия — страна умирающих деревень.* URL : <http://cepr.ru/wp-content/uploads/2016/12/Россия-страна-умирающих-деревень.pdf>.

² *Нефедова Т. Г.* Отходничество в системе миграций в постсоветской России. Предпосылки // Демоскоп Weekly. — 2015. — № 641–642. — URL : <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0641/tema07.php>.

³ *Россия — страна умирающих деревень.* — URL : <http://cepr.ru/wp-content/uploads/2016/12/Россия-страна-умирающих-деревень.pdf>.

направляемых государством в отечественный агрокомплекс, поступает именно холдингам.

Можно говорить о существенных различиях в территориальной организации и расселении отмеченных категорий хозяйств. Если хозяйства населения и фермерские хозяйства достаточно стабильно ориентированы на использование земельных наделов, расположенных, как правило, в пешей доступности от мест проживания, то иная ситуация просматривается в отношении агрохолдингов. С определенной условностью применительно к агрохолдингам можно говорить о двух типах хозяйств. Первый тип, с относительно узкой специализацией ориентирован на производство продукции растениеводства и животноводства. Второй характеризуется полным набором функций от производства сельскохозяйственной продукции до ее переработки и реализации.

Если фермерские хозяйства носят преимущественно локализованный характер, то холдинги в силу обширных площадей обрабатываемых угодий, нередко расположенных в нескольких субъектах РФ, уже не «привязаны» к местам расселения и в значительной мере ориентированы на «свободную» (вахтовую) рабочую силу. Предполагаем, что у холдингов «с полным циклом» территориальная организация будет носить специфичный характер. В этом случае, наряду с производством сельскохозяйственной продукции, возникают центры ее промышленной переработки, нуждающиеся в особом характере размещения. При этом, как свидетельствует практика, руководство холдингов и управленческий аппарат размещаются в столицах и крупных центрах, обеспечивающих необходимые деловые контакты и т. д.

Представляется, что развитие крупных холдингов, с одной стороны, позволяя более масштабно решать проблемы продовольственного обеспечения страны и рост экспортных возможностей, а с другой — учитывая особенности их пространственной организации, может негативно влиять и без того ослабевшую экономическую основу развития преобладающей части сельских поселений. Как свидетельствуют наблюдения, агрохолдинги редко участвуют в поддержке сельской инфраструктуры. Весьма непростые отношения, прежде всего в сфере землепользования, складываются между агрохолдингами и фермерскими хозяйствами.

Рассматривая отмеченные производственные, социальные и инфраструктурные тенденции, характерные для сельских территорий, можно констатировать «смыкание» двух процессов: с одной стороны, рост крупных холдингов, не привлекающих к своей работе местных жителей, а с другой — ликвидация значительной части социальной сферы. Такой путь вступает в противоречие с национальными интересами страны, с обеспечением ее национальной безопасности и целостности.

Вызовы. Состояние градостроительства в Российской Федерации, будучи отражением сложных процессов в социально-экономическом и пространственном развитии страны, носит системный характер и влечет за собой следующие категории вызовов.

1. Необходимость преодоления отмеченных выше устойчивых негативных тенденций в расселении, в развитии отдельных категорий городов и деградации на значительной территории страны сельского расселения.

2. Необходимостью учета изменения природных условий, демографической структуры населения, усложнения геополитической ситуации, требующих корректировки сложившихся подходов при прогнозировании градостроительных процессов.

В этом отношении целесообразно выделить следующие позиции:

- изменение климатических условий: по данным министра природных ресурсов и экологии С. Е. Донского, потепление в России, особенно в Арктической зоне, происходит в 2,5 раза быстрее, чем в среднем на Земле, в результате существенно трансформируется зона вечной мерзлоты, что требует пересмотра сложившейся практики организации строительства и расселения. Следует отметить принятие Россией обязательства в соответствии с решениями Климатической конференции в Париже в 2015 г. по снижению парниковых газов к 2020 г. на 25 % (по сравнению с 1990 г.), что может существенно повлиять на развитие отечественной угольной промышленности и расселение;

- изменение демографической ситуации, в перспективном периоде связанное не только с практически неизменной численностью населения, но и со сдвигами в возрастно-половой структуре населения: в долгосрочной перспективе существенно сократится доля населения в трудоспособном возрасте. При этом необходимо учитывать возможные изменения требований к инженерно-планировочной организации и расселению в связи особенностями старших возрастных групп;

- активное освоение Арктической зоны. В последние годы идет практически полное обновление военной инфраструктуры, включая организацию новых поселений, особенно на северных рубежах¹. Другим важным направлением в Арктической зоне становится активное возрождение Северного морского пути, обслуживающей его инфраструктуру и системы расселения, увязанное также с разработкой месторождений полезных ископаемых. Значительное смещение общестроительной и градостроительной деятельности следует ожидать и на Дальнем Востоке.

3. Необходимость не только учета, но и принятия превентивных мер, позволяющих не только преодолеть отставание, но и по определенным позициям обеспечить опережение мировых достижений в сфере науки и технологического прогресса. Существенное влияние на градостроительные процессы окажет научно-технологический прогресс, масштабное и многоотраслевое внедрение цифровых технологий, переоценка роли возобновляемых и традиционных источников энергии, рационализация использования земельных, водных и иных природных ресурсов, рост значимости экологической безопасности.

Особое внимание, учитывая влияние на перспективные градостроительные процессы, важно уделить следующим позициям:

- новой волне технического прогресса благодаря продолжающейся автоматизации производственного процесса и успехам в области создания ис-

¹ Степанов А. Строевая стройка. Минобороны начало массовую модернизацию военной инфраструктуры. — URL : <https://versia.ru/minoborony-nachalo-massovuyu-modernizaciyu-voennoj-infrastruktury>.

кусственного интеллекта (ИИ). Если первое вытесняет человека из ниши физического труда в нишу умственного труда последние 200 лет, то прогресс в области ИИ (создание систем принятия решений, превосходящих человеческий мозг) выводит человека за периметр многих традиционных экономических цепочек [127]. Эти нарастающие тенденции требуют заблаговременного поиска градостроительных решений, ориентированных на разрешение проблемы изменения в перспективе соотношений качества и мест приложения труда и расселения; последнее, в свою очередь, должно учитывать возрастающий ресурс «свободного времени», иной организации общества, как в общенациональном, так и в локальных масштабах;

- ускоренному развитию аддитивных технологий. Дома, выращенные роботами из песка и цемента, 3D-принтеры, печатающие предметы из пластмассы и металла любой формы, словно они нарисованные, и даже самолеты из порошка... Аддитивные технологии стремительно распространяются, завлекая умы и обещая трансформировать уклад цивилизации... Аддитивные технологии в машиностроении в нашей стране развиваются едва ли не опережающими темпами по сравнению с лидерами глобального рынка, ведущими свои разработки уже десятки лет¹. Активное внедрение аддитивных и других инновационных технологий приведет к резкому качественному и количественному изменению занятости в ряде массовых современных профессий. Это потребует значительных изменений в подготовке и переподготовке кадров, а также оценки влияния указанных процессов на градостроительную сферу.

2.2.3. ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

Обоснование развития градостроительства возможно лишь при учете долгосрочных направлений социально-экономического развития и размещения производительных сил страны. В определенном приближении можно обозначить следующие направления, которые будут оказывать непосредственное или опосредованное влияние на градостроительные процессы:

- переход от одностороннего развития экономики (добыча и транспортировка углеводородного сырья) к многоотраслевой структуре, в значительной мере ускоряемой необходимостью импортозамещения и обеспечения национальной безопасности страны;
- удовлетворение потребностей национального рынка при активной компенсации значительной части выпадающих импортных товаров;
- расширение экспортных направлений экономики за счет роста производства сельскохозяйственной продукции и перерабатывающей ее промышленности; увеличение продукции, выпускаемой в сфере высоких технологий; масштабное развитие внутреннего и международного туризма;

¹ Аддитивная технология — сравнительно молодое, но очень популярное явление. Название этой технологии происходит от англоязычного термина *additive manufacturing*, что в буквальном переводе означает «производство через добавление». Аддитивная технология означает метод изготовления путем послойного наращивания сырья [279].

- обеспечение целостности страны и ее национальной безопасности.

Реализация приоритетных направлений долгосрочной стратегии социально-экономического развития страны будет в значительной мере определяться своевременными изменениями в пространственной организации производительных сил и в градостроительстве.

1. В сфере территориальной организации и расселения:

- формирование каркаса расселения Российской Федерации, включающего прежде всего иерархию центров различных таксономических уровней, начиная от столицы и заканчивая местными центрами, расположенными в основной полосе расселения. Каркас расселения, учитывая тенденции освоения Севера и Арктической зоны под влиянием отмеченных выше трех факторов, может быть существенно «наращен» не только в результате формирования широтной полосы арктического расселения, но и благодаря прокладке меридиональных путей сообщения, соединяющих северную систему расселения с основной полосой расселения. Целесообразно широтную полосу арктического расселения соединить меридиональными путями сообщения со сложившейся основной полосой расселения. Подобные подходы, касающиеся формирования «линейной системы расселения», были ранее предложены И. Г. Лежава и М. В. Шубенковым¹.

- пересмотр стратегии развития Москвы и столичного региона в целом, вызванный необходимостью снижения уровня региональных диспропорций, прежде всего в уровне жизни населения и избыточной миграционной привлекательности столицы, а также в связи с назревшей задачей децентрализации управления и повышения уровня финансово-экономической самостоятельности преобладающей части регионов страны;

- формирование полноценной системы транспортной и иной коммуникационной инфраструктуры как магистрального, так и регионального и местного значения;

- выделение регионов, играющих ведущую роль в реализации стратегии социально-экономического развития страны и обеспечении ее безопасности и нуждающихся в приоритетном внимании государства: Сибирь и Дальний Восток; Север и Арктическая зона; Северный Кавказ, Крым и приграничные территории; обеспечение в этих регионах комплексного формирования территорий опережающего развития.

2. В сфере предпочтительных форм расселения:

- обеспечение целенаправленного комплексного развития крупных городских агломераций, а в наиболее урбанизированных районах — взаимовязанное развитие соседствующих агломераций;

- возрождения роли научных и научно-технологических и прикладных центров (наукоградов, ЗАТО и др.), воссоздание на новой основе многоуровневой системы профессиональных учебных заведений, их органической взаимосвязи с возможными (прогнозируемыми) местами приложения труда;

- расширение экономической базы монопрофильных и других небольших городов с их ориентацией на выпуск относительно несложной продукции в тесной кооперации с крупными научно-производственными центрами,

¹ Анализ предложений указанных авторов был дан в книге [181, с. 194–198].

обеспечивающими подготовку и переподготовку местных кадров, техническое и организационно-хозяйственное сопровождение; а также принимающих участие в формировании инфраструктуры и других элементов среды жизнедеятельности;

- востребованность населенных мест с ценным историко-культурным и природным наследием на основе расширения и обогащения в них рекреационной деятельности;

- формирование полноценной среды жизнедеятельности как в локальных, так и во взаимосвязанных системах расселения (крупные городские агломерации, пригородные зоны, линейные формы расселения).

Одно из принципиальных направлений стратегии связано с совершенствованием сельско-городского расселения, в наибольшей степени учитывающего взаимоувязанное развитие различных сфер и особенностей субъектов аграрно-промышленного комплекса, создание благоприятной среды жизнедеятельности населения.

По-видимому, на перспективу основными категориями сельскохозяйственного производства будут холдинги и фермерские хозяйства; что касается хозяйств населения, то их роль будет существенно снижаться. Вместе с тем необходимо принять меры для консолидированного развития холдингов и фермерских хозяйств. Как свидетельствует зарубежный опыт, такое взаимодействие выгодно как крупным организациям, так и фермерским хозяйствам.

Вероятно, возможны следующие направления. Холдинги, сохраняя все стадии от производства до переработки и реализации сельскохозяйственной продукции, взаимодействуют с фермерскими хозяйствами, сохраняющими правовую и экономическую самостоятельность. На долговременной основе с ними заключаются договора или иные виды соглашений на приобретение их продукции, а также оказание им профессиональной и иной помощи, в том числе в сфере подготовки и переподготовки кадров из числа местных жителей.

В целом при разработке предложений по совершенствованию расселения представляется необходимым обеспечить взаимосвязь между городом и селом. Следует рассматривать развитие малых городов в качестве многофункциональных центров локальных аграрно-промышленных комплексов и сельского расселения при целенаправленном формировании двух их главных миссий: во-первых, как местных «столиц», обеспечивающих население тяготеющих к ним сел многими видами услуг (такая роль особенно важна в условиях малолюдности преобладающей части сельских населенных пунктов); во-вторых, как центров локальных аграрно-промышленных комплексов (в том числе агрохолдингов), выполняющих разнообразные функции, связанные с производством сельскохозяйственной продукции, ее переработкой и реализацией, организацией необходимых форм финансово-экономической, юридической, технической и иных видов содействия субъектам хозяйствования. Таким образом, малый город, оказывая разностороннюю помощь сельской местности, с одной стороны, приобретает прочные и постоянно возобновляемые функции для своего устойчивого развития, с другой — способствует возрождению сельской местности. Обязательное

условие реализации отмеченных миссий — своевременное развитие транспортной и иных видов инфраструктуры.

Необходимо разработать предложения по совершенствованию механизмов, обеспечивающих государственную поддержку фермерских хозяйств, совершенствование расселения и его инфраструктурное обеспечение. Одно из предложений: целесообразно предусмотреть отчисление части прибыли агрохолдингов и фермерских хозяйств на развитие (и поддержание) транспортной, инженерной и социальной инфраструктуры сельской местности. В качестве проектно-программной и финансовой основы территориальной организации и расселения в зонах (регионах) хозяйственной деятельности агрохолдингов и фермерских хозяйств целесообразно разрабатывать соответствующие документы и материалы.

2.2.4. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Применительно к управлению такими сложными социально-экономическими и инфраструктурно-пространственными образованиями, как системы расселения, города и городские агломерации, приоритет должен отдаваться процессам *регуляции*¹.

В регулировании важно выделить два направления:

1) разработка системы документов и проектов, описывающих *желаемое состояние объекта* на долгосрочный и среднесрочный периоды развития;

2) *методы (инструменты)*, способствующие достижению *желаемого состояния объекта*.

Применительно к первому направлению необходима подготовка *научно обоснованных прогнозов, регулирующих территориально-градостроительные процессы*, базирующихся на стратегиях, долгосрочных и среднесрочных прогнозах социально-экономического и пространственного развития Российской Федерации, ее макрорегионов, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований.

Реализация второго направления, обеспечивающего *достижение желаемого состояния объекта*, требует своевременной разработки и апробации взаимоувязанной и непротиворечивой системы «механизмов» правового, бюджетно-финансового, административно-управленческого характера, а также обоснования необходимых финансовых и иных ресурсов, их возможных источников и строительной базы.

Полноценное формирование взаимосвязанной системы регулирования развития сети населенных мест, городов и городских агломераций возможно лишь в рамках совершенствования общегосударственной системы управления, федеративных отношений, бюджетно-финансовой, региональной и муниципальной политики. Особое внимание должно быть уделено кардинальному повышению роли местного самоуправления, которое при создании не-

¹ Эти аспекты были рассмотрены в книге [181, с. 445–583].

обходимых условий становится важным фактором экономического развития муниципалитетов.

Взаимодействие в сфере регулирования должно осуществляться как в горизонтальной, так и на вертикальной плоскости. При этом горизонтальное взаимодействие включает межмуниципальное сотрудничество, а также взаимодействие между населением, органами местного и регионального управления и бизнес-сообществом. Вертикальное подразумевает взаимодействие между различными территориальными уровнями управления — федеральным, региональным и муниципальным.

Одним из ключевых вопросов развития градостроительства является совершенствование организационных структур управления. Формирование этой сферы градостроительной деятельности на всех территориальных уровнях власти предполагает четкое разделение функций между федеральными органами, определяющими общенациональную политику в сфере градостроительства и осуществляющими разработку ее нормативно-законодательного обеспечения, с одной стороны, а с другой — между региональными и муниципальными органами, осуществляющими непосредственное руководство градостроительной деятельностью на местах с учетом региональных и иных особенностей. При этом существенно повышается роль региональных и муниципальных органов в разработке нормативных документов и материалов, уточняющих и развивающих основополагающие документы, подготавливаемые на федеральном уровне.

Представляется необходимым, *помимо соблюдения требований к профессиональному уровню привлекаемых на работу кадров*, обеспечить регулярное повышение их квалификации и обмен опытом работы.

Важно подчеркнуть, что только системный подход к регулированию градостроительных процессов в тесном взаимодействии с совершенствованием социально-экономического развития и территориальной организации может привести к желаемым результатам. В этом отношении поучительным примером системного подхода может служить опыт преобразования Ура, осуществленный в относительно короткий исторический период [183, с. 37–73].

2.3. АГЛОМЕРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

2.3.1. АГЛОМЕРАЦИОННОЕ МЫШЛЕНИЕ И СУЩНОСТЬ НОВОГО КАЧЕСТВА АГЛОМЕРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Главное свойство агломерации (как любой системы) — возникновение «системного эффекта», или «эмерджентности»¹. Иллюстрация принципа эмерджентности — мозаичное полотно или самолет (главное его свойство — способность к полету, но ни одна из составляющих его частей в отдельности этим свойством не обладает). Таким образом, современное понимание сложности систем требует другого отношения к функционированию их подсистем — не как к элементам, подчиненным целому, а как к синергически взаимодействующим частям, рождающим целое.

Эффект синергии — это не только благоприятное сочетание ресурсов, но и согласованное поведение, связи, отношения, одним словом, весь набор параметров, характеризующих сложную, развивающуюся систему. С позиций теории организации этот закон можно назвать законом кооперации: кооперация — это организация сил, процессов, агентов, ресурсов и прочего для совместного выполнения общего дела. В отношении агломерации синергизм проявляется в достижении совместных эффектов, связанных с развитием территории.

Не всегда очевидные сиюминутные интересы города-центра и периферии совпадают. Город опасается снижения уровня бюджетной обеспеченности; периферия — потери самостоятельности; элита — ограничения власти, статуса и т. д. Действительно, муниципалитеты (районные администрации) при развитии агломерационных процессов в определенной степени теряют независимость, добровольно передавая часть своих полномочий на «агломерационный» уровень. Однако все приобретают возможность участия в общем более крупном проекте и получения благ, на которые не могли рассчитывать поодиночке.

¹ Эмерджентность (англ. *emergence* — возникновение, появление нового) — наличие у какой-либо системы особых свойств, не присущих ее подсистемам и блокам, а также сумме элементов, не связанных особыми системообразующими связями; несводимость свойств системы к сумме свойств ее компонентов. Эмерджентными свойствами, в свою очередь, будут являться те, которые присущи той или иной системе и которыми не обладают ее составляющие. Другая формулировка принципа эмерджентности: целое — больше суммы своих частей.

Зачастую муниципалитеты пытаются выживать в одиночку, по принципу «каждый сам за себя», конкурируют друг с другом за финансирование на создание рабочих мест, строительство дорог, коммунальную инфраструктуру. И чем плотнее расположены муниципалитеты, тем жестче и непримиримее конкуренция. Каждый муниципалитет старается иметь все свое (кладбище, поликлинику, дом культуры и т. п.) и не допускать население из соседнего муниципалитета к пользованию объектами общественной инфраструктуры. Известны случаи, когда соседние муниципалитеты параллельно ведут переговоры с инвестором о размещении крупного производства на своей территории, не принимая во внимание интересы других муниципалитетов и региона в целом.

При этом существует постоянный конфликт интересов: все хотят привлечь на свою территорию крупное производство, стремятся увеличить доходную часть бюджета, но не хотят размещать крупные «агломерационные» полигоны мусора; все согласны, что должен быть зеленый пояс, но интенсивно сокращают зеленые насаждения, размещая коттеджные поселки, то же самое происходит с сельскохозяйственными землями; все согласны, что необходимо резервировать места под социальные объекты и публичные пространства, но готовы выделить под них самые инвестиционно непривлекательные площадки и т. п. Поэтому развитие в рамках агломераций — это всегда согласование интересов. Крайне важно сбалансировать интересы всех участвующих и заинтересованных в проекте сторон: администрации, бизнеса, жителей. Возможно это только путем разумных и взвешенных компромиссов.

Позиция, когда все руководствуются интересами отдельных — «своих» — территорий (или своими личными интересами), а не интересами агломерации, региона в целом, приводит к стихийности развития агломераций и наносит значительный ущерб социальной и экономической жизни муниципалитета, региона, страны.

Недостаточность профессиональных знаний и агломерационного мышления, т. е. способности думать через «призму агломерирования», оставляет мало шансов для успешной реализации возникающих агломерационных проектов. Существует угроза, что агломерации, создаваемые по административной инициативе (в том числе в надежде на дополнительное финансирование), распадутся при завершении административного вмешательства и неполучении финансирования. Поэтому в основе формирования агломераций всегда должны быть объективные процессы.

Именно сегодня, когда территории конкурируют между собой в привлечении центров прибыли, создании креативных «точек роста» и, в конечном счете, за платежеспособного жителя, все большее значение приобретает формирование агломераций и локальных систем расселения, характеризующееся не отношениями конкуренции между расположенными рядом друг с другом муниципалитетами и населенными пунктами, а отношениями сотрудничества между ними на принципах территориального разделения труда с учетом специализации в наиболее эффективных направлениях. Развитие локальных систем расселения основывается на развитии всех видов коммуникаций, и прежде всего транспортных, в рамках Схем территориального планирования муниципальных районов и региона в целом.

Необходимость комплексного решения социально-экономических проблем как на региональном, так и на муниципальном уровне обусловила появление значительного научного интереса к развитию агломерационных процессов как формы территориальной организации пространства [165, с. 264–280; 166; 225, с. 18–27; 248]. Действительно, процесс агломерирования, благодаря которому становятся возможны модернизация и инновационное развитие как внутри, так и, что особенно важно, снаружи территориальной общественной системы, с каждым годом занимает все более заметное место среди перспективных форм территориального развития.

В первую очередь, говоря о сущности агломерационных процессов, важно обратить внимание на природу как существующих, так и все более усиливающихся интенсивных связей между территориями, на основании их взаимодействия и трансформационных внутренних процессов. В результате территориальной концентрации объектов и наличия определенного круга связей между ними возникает так называемый агломерационный эффект. Он связан с тем, что компактно размещенные объекты, если они совместимы, функционируют всегда эффективнее, чем те же объекты, размещенные изолированно. Возникающий при этом эффект связности, взаимодействия, соподчиненности, интенсивного роста мы и предлагаем рассматривать в качестве агломерационного, опирающегося на формирование ареалов проживания и «кустовую систему» расселения.

Собственно, агломерационный эффект и делает агломерации точками развития и роста, что подтверждается многочисленными исследованиями о вкладе крупнейших агломераций в экономику мест, где они расположены [93; 109; 138; 294].

Предпосылками формирования агломераций являются специфические условия, которые активизируют агломерационные процессы на исследуемой территории. Так, для каждой отдельно взятой агломерации будут характерны свои предпосылки ее появления, а следовательно, свои уникальные черты будут иметь и агломерационные процессы. Вместе с тем следует выделить ряд объективных причин и тенденций, составляющих основу агломерирования.

Содержательно агломерационный процесс — это процесс возникновения агломерации, проявляющийся в пространственной концентрации экономической деятельности и трудовых ресурсов на компактно расположенной территории, в нашем случае — в группе муниципалитетов. Также процесс агломерирования сопровождается интенсификацией социально-экономических связей между территориями.

В соответствии с агломерационным подходом, принятым в качестве основы идеологии формирования стратегических документов развития территорий, пространственная организация расселения муниципальных образований может быть представлена в виде нескольких локальных ареалов проживания населения, а также отдельных населенных пунктов различной людности, расположенных на тупиковых транспортных направлениях. Как правило, такие ареалы формируются не по территориально-административному принципу расположения населенных пунктов, а по их группировке в пределах 5–7 км и транспортной доступности 20–30 мин. Второй характер-

ной чертой формирования локальных ареалов является производственная специализация на территории проживания. При этом следует учитывать, что формирование экономики нового агломерационного типа предполагает развитие горизонтальных и вертикальных хозяйственных, социальных и административных связей как между поселениями внутри муниципальных образований, так и между сопредельными муниципальными образованиями (взаимная кооперация во всех сферах жизнедеятельности, повышение уровня научного, финансового, кадрового обеспечения совместных проектов).

Безусловно, в силу интенсификации социально-экономических процессов тенденции к агломерированию будут усиливаться. В свою очередь, отличительной чертой процесса агломерирования и его преимуществом по сравнению с разрозненным функционированием отдельных элементов территориальной системы (в нашем случае — муниципалитетов), чье взаимодействие либо носит бессистемный и зачастую нецеленаправленный характер, либо вообще отсутствует, является то, что территория рассматривается не как совокупность разрозненных отдельных частей, а как единое целое, интегрирующее интересы самых разных сфер деятельности (сферы бизнеса, населения, органов местного самоуправления и непосредственно самих муниципальных образований).

При этом важно рассматривать процессы агломерирования и возникающие в их результате агломерации в качестве потенциальных точек социально-экономического роста.

Как отмечается в Указе Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 г.»: результатами реализации государственной политики регионального развития должны стать дальнейшее развитие процесса урбанизации, в частности развитие крупных городских агломераций, как необходимое условие обеспечения экономического роста, технологического развития и повышения инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности российской экономики на мировых рынках. При этом в качестве приоритетных задач по достижению указанных целей обозначены мероприятия по улучшению экологической ситуации и развитию в крупных городских агломерациях транспортной инфраструктуры, обеспечивающей экономическую связанность городов с прилегающими к ним территориями, а также городских агломераций между собой; сокращение различий в качестве жизни в городах и сельской местности, а также стимулирование развития крупных городских агломераций, способных успешно выдерживать конкуренцию на мировых рынках, путем создания благоприятных условий для привлечения высококвалифицированной иностранной рабочей силы.

Отмеченные направления требуют для своей реализации все более значительной межмуниципальной интеграции и межтерриториального взаимодействия, а значит, более интенсивного агломерирования, поскольку создание агломераций имеет своей целью, во-первых, повышение конкурентоспособности соответствующей территории (как на уровне муниципалитета, региона, страны, так и на межгосударственном уровне); во-вторых, консолидацию и более эффективное использование пространственного и ресурсного

потенциалов территории; в-третьих, выравнивание качества жизни населения территорий, интегрируемых в агломерации. Поскольку сегодня агломерации являются одними из наиболее перспективных форм организации производства и сбалансированного социально-экономического развития территорий, а также механизмом повышения уровня жизни проживающего на их территории населения, то организация управления этим процессом становится ключевой задачей муниципальных и региональных властей.

Обозначенная в Указе Президента роль агломераций в развитии страны предполагает четкое осознание, во-первых, того, что представляют собой агломерации содержательно, во-вторых, каковы условия и факторы их формирования и, в-третьих, каковы механизмы управления их развитием с целью получения максимального положительного синергетического эффекта для развития отдельных муниципальных образований, их агломераций и, соответственно, региона в целом.

Обобщая различные содержательные трактовки агломерационного процесса и самих агломераций, полагаем, что процесс агломерирования представляет, по своей сути, не простое административное объединение нескольких территориальных образований, а в первую очередь развитие интенсивных связей между отдельными муниципалитетами по эффективному совместному использованию ограниченных ресурсов агломерируемых территорий в рамках межмуниципальной специализации и разделения труда с учетом выполняемого в рамках агломерации функционала.

2.3.2. МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАК СУБЪЕКТЫ АГЛОМЕРИРОВАНИЯ

Отличительной чертой агломерирования и его преимуществом, как уже говорилось выше, является то, что территория рассматривается не как разрозненная совокупность отдельных частей, а как единое целое интересов самых разных сфер (сферы бизнеса, населения, органов местного самоуправления, непосредственно самих муниципальных образований и др.). В связи с этим протекающие в настоящее время в России агломерационные процессы позволяют говорить об агломерации как о целостной совокупности кооперирующихся территорий, которой присущи общие закономерности развития, а также устойчивые инфраструктурные взаимодействия, направленные на достижение социально-экономического роста.

Анализируя взгляды исследователей на процессы формирования и развития агломераций, мы видим, что агломерационные процессы, как правило, изучаются в контексте крупного города и расположенных рядом городов-спутников [20; 57; 77, с. 10–13].

Однако, как показывает зарубежная и российская практика, процесс формирования агломераций не зависит напрямую от размера и статуса населенного пункта.

Официальные критерии агломерации устанавливаются во многих странах (Великобритания, США, Канада, Швейцария, Австралия, Франция). Для этого разработаны разные сложные критерии, в основу которых, как правило, положена сила тяготения округов к центральному крупному городу в виде определенной интенсивности и трудовых поездок населения.

Так, в США статистика уже с 1950 г. выделяет так называемые микрополи-тенские ареалы, располагающиеся в сельской местности. В Швейцарии часть территории агломераций охватывает сельскую местность, жители которой совершают поездки в город-центр [233, с. 11–13]. Во Франции создаются агломерации, где сельские поселения объединяют свои усилия в части разработки совместных планов и проектов, связанных с производством и переработкой продукции. Отсюда следует, что ценность агломераций заключается в возможности объединения ресурсов, координации управления, наличии совместной инфраструктуры в целях эффективного развития территории, а также достижения синергетического эффекта от объединения возможностей всех поселений.

Действительно, агломерационный эффект возникает не только в результате объединения потенциалов территориальных образований в составе агломерации за счет каких-либо видимых преимуществ (например, удобная транспортная доступность) и снижения издержек, но, в большинстве своем, за счет синергетического эффекта. В нашем случае это свойство превращает населенные пункты, входящие в агломерацию, в точки экономического роста, обеспечивает не только их собственное социально-экономическое развитие, но и развитие примыкающих к агломерации территорий.

С представленным французским опытом согласуются подходы ряда отечественных авторов. Так, И. В. Пилецкий и А. И. Пилецкий предлагают использовать особый подход к организации сельскохозяйственного производства в контексте агрогородков как центров сельских агломераций, создаваемых с учетом почвенно-климатических условий самодостаточного региона, а не по принципу административного деления [219, с. 95–106]. Однако стоит отметить в подобных исследованиях сельских агломераций ограниченность разработанных методических аспектов, их выявления и анализа. Тем не менее сельские агломерации становятся характерной формой сельского расселения в пригородных зонах больших и малых городов, вокруг железнодорожных станций. В этой связи агломерационные процессы сельского расселения должны быть предметом специальных исследований междисциплинарного характера и вместе с тем объектом территориального планирования.

Изучение муниципальных образований так называемого сельского уровня в качестве объектов процесса агломерирования представляет особый теоретический и практический интерес, несмотря на то что подобные исследования в российской практике встречаются довольно редко. Например, исследование сельских агломераций представлено в работе М. В. Шемякиной [305, с. 64–66]. Автор предлагает ряд методических рекомендаций для выявления и анализа подобных поселений, а именно: географическое исследование сельской агломерации должно подразумевать изучение ареала сельского расселения, т. е. группы близко расположенных сельских населенных пунктов; выявление пригородных ареалов сельского расселения необходимо начинать с определения одиночных населенных пунктов и (или) групп по периметру городской черты; при исследовании сельской агломерации целесообразно, помимо ее состава, анализировать демографические особенности, а также условия жизни населения поселений агломерации.

Таким образом, налицо возрастание интереса к «негородским агломерациям». Так, Ю. В. Подопротора, исследуя понятие «негородская агломерация», говорит о ней как о форме организации территориально-экономической системы сельских поселений, подразумевающей наличие интенсивных взаимодействий внутри нее. При этом он отмечает повышение роли негородских агломераций, представляющих собой группу сельских поселений со схожими социально-экономическими закономерностями, тенденциями и перспективами развития (земельные угодья, сельскохозяйственное производство, ресурсы, специализация, кооперация, быт, обычаи) [221, с. 309–312]. В условиях поиска путей сохранения и модернизации сложившейся системы расселения, несмотря на происходящее ее «обветшание» и «утонышение» пока еще сохраняющейся «ткани» сельской местности, следует иметь в виду, что она все еще соединяет собой узлы концентрации жизни населения в городах, поэтому процессу формирования «негородских агломераций» следует уделять повышенное внимание, так как именно они представляют собой второй уровень сосредоточения производительных сил в системе «центр — периферия».

Итак, процесс агломерирования — объективный процесс. И сегодня этот процесс распространяется на «негородские» населенные пункты, порождая формирование «негородских» агломераций.

При этом следует отметить, что возникновение агломерационных процессов имеет под собой определенный базис и их развитие обусловлено уровнем исторического взаимодействия муниципалитетов друг с другом.

Выделим связи между муниципальными образованиями, свободными от феномена агломерирования, и дадим им краткую характеристику:

1) исторические — территории муниципальных образований устанавливаются с учетом исторических и иных местных традиций;

2) этнографические — муниципалитеты принимают участие в сохранении, возрождении и развитии народных художественных промыслов;

3) миграционные — маятниковая миграция является качественной характеристикой агломерации, с помощью значений миграции определяется миграционная емкость того или иного муниципального образования;

4) социальные — программы социально-экономического развития в муниципалитетах осуществляются в таких направлениях, как участие в разработке и реализации целевых программ, а также обеспечение услугами социальной сферы;

5) экономические — необходимо использовать «эффект масштаба» (в отдельных случаях незначительное количество услуг или потребителей услуг приводит к отказу в их предоставлении, так как делает их оказание экономически необоснованным, невыгодным для хозяйствующих субъектов);

6) финансовые — связи между муниципальными образованиями обуславливаются целесообразностью объединения их финансовых ресурсов (в первую очередь поселений) ввиду недостаточности собственных финансовых средств отдельных муниципальных образований;

7) культурные — взаимодействие муниципалитетов находит применение в разных сферах общественных отношений, каковыми являются, например, культурный и информационный обмен;

8) экологические — резкое возрастание техногенного влияния на природу и активное привлечение инвестиций на территории обуславливают необходимость принятия органами местного самоуправления мер по повышению уровня жизни граждан и качества среды обитания;

9) политические — политическое значение территорий состоит в том, что предоставление гражданам возможности участвовать в принятии общезначимых решений гарантирует легитимность последних, обеспечивая стабильность и преемственность развития общества;

10) хозяйственные — межмуниципальное хозяйственное взаимодействие позволяет снизить стоимость продукции за счет сооружения и эксплуатации более крупных совместных объектов, получения одними муниципальными образованиями продукции и услуг от предприятий и учреждений, расположенных на территории близлежащих муниципальных образований, увеличения масштабов производства товаров и услуг.

Стоит отметить, что вышеназванные связи между муниципальными образованиями получили свое отражение в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а также эти идеи находят поддержку в Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации до 2030 г.¹

Таким образом, справедливо говорить о муниципальных образованиях как среде возникновения и развития процессов агломерирования нового качества, происходящих не только в крупных городах, но и все более широко охватывающих малые города и прилегающие сельские территории.

Возрастание интереса к негородским агломерациям обусловлено необходимостью решения задач сохранения каркаса расселения страны и обеспечения устойчивого социально-экономического развития мест компактного проживания населения. Понимание многоуровневости агломерационных процессов, разнообразия форм их реализации, а также формируемых последствий имеет большое значение для совершенствования систем стратегического планирования устойчивого развития муниципалитетов и регионов в целом, механизмов и инструментов управления агломерационными процессами.

¹ Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации до 2030 г. : распоряжение Правительства РФ от 2 февраля 2015 г. № 151-р.

2.4. ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

Согласно концепции М. Кастельса [129] и других авторов, современная эпоха, получившая название «информационной», привела к образованию нового типа городов — мировых городов. Эти города занимают ключевые позиции в международных административно-управленческих, финансовых, торговых отношениях, их позиция во многом определяет содержание и динамику социально-политических и экономических процессов на планете. Мировые города также отличаются особым набором экономических функций и их иерархией. М. Кастельс отмечает, что в процессе разворачивания глобализационных процессов те виды деятельности и услуг, которые не требуют высокой квалификации, постепенно перемещаются на периферию мегаполисов, в менее развитые регионы, при этом разработка стратегии, научно-исследовательская, опытно-конструкторская работа, инновации концентрируются в городах-центрах с высоким уровнем жизни. Квалифицированное изготовление деталей обычно производится на отдельных заводах во вновь индустриализированных областях на родине, полуквалифицированная массовая сборка и проверка в значительной части сконцентрирована на офшорных предприятиях, послепродажное обслуживание и техническая поддержка организованы в региональных центрах и разбросаны по всему земному шару [129, с. 362]. Если выделить отдельно сервисную деятельность как наиболее характерную для современной экономики развитых городов, то можно построить следующую цепочку наиболее приоритетных направлений развития города в условиях глобализации по М. Кастельсу: управление — финансы — сервисные услуги — производство — торговля. В мировых городах также нарастает новый сектор экономики, ориентированный на международное сотрудничество.

Знание этих тенденций требует разработки новых стратегических направлений развития крупных городов, в случае неправильного выбора или невозможности реализации выбранной стратегии город попадает на периферию мирового развития, становится своеобразным «придатком» передовых стран.

Применяя концепцию М. Кастельса к ситуации нашей страны, в том числе к Уральскому региону, мы не можем не задуматься над тем, что подразумевается под курсом на новую индустриализацию, о котором сегодня говорят многие теоретики и практики. Очевидно, что новая индустриализация должна означать не просто реиндустриализацию, новый виток в развитии старого, но качественно новое, в основе которого лежат инновационные процессы.

2.4.1. ИННОВАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Инновации в наше время являются предметом активного изучения, при этом, как это часто бывает в науке, можно обнаружить большое количество разнообразных подходов к их определению.

Термин «инновация» происходит от латинского «*novatio*», что означает «обновление» (или «изменение»), и приставки «*in*», которая переводится с латинского как «в направлении». Если переводить дословно «*Innovatio*», то это означает «в направлении изменений». В научных исследованиях понятие «инновация» впервые появилось в XIX веке, широко распространенным оно становится в начале XX века после публикаций работ австрийского экономиста Й. Шумпетера. Современный социологический энциклопедический словарь определяет инновацию как «Процесс изменения, связанный с созданием, признанием или внедрением новых элементов (или моделей) материальной и нематериальной культур в определенной социальной системе» [263, с. 104].

В самом общем смысле инновация понимается как нововведение, новый результат, новизна. Инновация начинается с новой идеи, нестандартного проекта, оригинального решения [265, с. 9–11]. Инновация — это результат создания и внедрения нового интеллектуального продукта (идеи, знания, изобретения, методики, системы, преобразования какого-либо из процессов, обновления технологической базы). В официальных документах, в частности в Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (далее — Концепция РФ), отмечается, что «Формирование инновационной экономики означает превращение интеллекта, творческого потенциала человека в ведущий фактор экономического роста и национальной конкурентоспособности. Источником высоких доходов становится не только возможность получения ренты от использования природных ресурсов, обусловленной высокой мировой конъюнктурой, но и производство новых идей, технологий и социальных инноваций»¹.

Инновация реализуется в совокупности новых практик, в деятельности. В то же время не всякое новое и оригинальное можно назвать инновацией. Например, девиантное поведение может быть и новым, и оригинальным, но его не относят к инновациям.

В основе появления инновации как идеи лежат способности, уровень развития и творческая активность личности. Индивидуальные творческие озарения подарили миру множество идей, которые коренным образом повлияли на развитие человечества. В качестве примера можно привести деятельность А. Эйнштейна, который писал о себе: «Я — настоящий „одиноким странник“ <...> Я <...> нуждаюсь в уединении <...> В повседневной жизни я типичный одиночка <...> Все, чего я ждал и желал от жизни в молодости, — сидеть в каком-нибудь тихом уголке и, не привлекая к себе внимания, заниматься своим делом» [311, с. 47–55].

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. — URL : http://www.mariinskaya.ru/pr_prz/2020.pdf.

В механизме возникновения инноваций ключевая роль принадлежит конкретной личности, но также важно и влияние ближайшего окружения.

Существует мнение, что инновационные идеи порождают группы (коллективы). Так, считается, что технологии «мозгового штурма» — эффективный метод появления креативных идей. В действительности родоначальником всегда является один человек, а группа подхватывает, уточняет, развивает и распространяет возникшую идею. При этом роль автора нередко постепенно сходит на нет, растворяется, становится только искрой, из которой «возгорелось пламя». Но коллектив (в том числе семья) далеко не всегда оказывается благоприятной средой для роста инноваций, консервативная и ригидная среда может заглушить новаторскую идею.

Пройдя этап зарождения, который можно обозначить как «индивид — ближайшее окружение», инновация далее выходит на второй этап — арену борьбы социальных сил. В понимании инновации как социального процесса необходимо учитывать позиции и интересы основных игроков (акторов).

В Концепции РФ отмечается, что основными субъектами, заинтересованными в переходе к инновационной социально ориентированной экономике, являются не только занятые в экономике знаний и высоких технологий, но и более широкие слои работников и представителей бизнеса, которые сталкиваются с интенсивной глобальной конкуренцией и нуждаются в активном технологическом перевооружении, управленческих и социальных инновациях.

Д. Аджемоглу и Дж. А. Робинсон в своей работе убедительно доказывают важность правительства, управленческих групп в процессе претворения в жизнь или купирования инноваций [1]. Многочисленные примеры из историй развития разных стран собраны авторами для доказательства того факта, что интересы правителей, как и интересы экономических игроков, могут как тормозить, так и способствовать реализации инноваций. «Влиятельные группы в обществе часто противостоят техническому прогрессу и пытаются остановить движение к процветанию <...> Экономический рост — это не просто появление большого количества более совершенных станков и агрегатов, которыми управляют более многочисленные и более образованные работники. Это еще и глубокий процесс трансформации, причем часто дестабилизирующий, процесс созидательного разрушения. Поэтому экономический рост будет происходить, только если его не удалось заблокировать тем, кто боится от него проиграть и потерять привилегии, на которых основаны их богатство и власть» [1, с. 100].

Если инновация, даже будучи очевидно прогрессивной и сулящей в будущем немалые выгоды, в данный момент может повредить уже налаженному (пусть и менее эффективному) бизнесу, то в этом случае бизнес-игрок может занять позицию решительного протеста и проявить активность по уничтожению инновации (всячески препятствовать, игнорировать, дискредитировать и преследовать автора, и даже, как показывает история, — самый эффективный метод — приказать отрубить голову автору инновационной идеи!).

Неоднозначной может быть и позиция населения. Простые граждане также могут восстать, если инновация приведет к потере работы, заработка,

при этом они не принимают в расчет никаких аргументов относительно будущих выгод, так как эти выгоды их, скорее всего, касаются мало или не коснутся совсем.

Это означает, что в понимании инноваций как социального процесса чрезвычайно важно учитывать настроение всех игроков — политиков, представителей бизнеса, гражданского общества. Необходимо выявить их интересы и после этого разработать соответствующие стратегию и тактику. Если об инновациях говорят давно, но «воз и ныне там», то, скорее всего, нужно искать те силы, которым в данный момент это не очень выгодно или невыгодно совсем.

В понимании инноваций важно учесть и то обстоятельство, что с точки зрения условий реализации инноваций в жизнь они включены в общий алгоритм социально-экономических и культурных практик и представляют в этом случае социальный процесс. Инновация, зарождающаяся как отдельная оригинальная идея и преодолевая сопротивление ближайшего и более широкого социального окружения, в конце концов кристаллизуется на макроуровне в целой серии новых практик и социальных институтов. В результате не все новое является или становится инновацией, но только то, которое может потенциально стать толчком для развертывания целой серии последующих изменений или уже привело к таким изменениям.

Понимание инновации как процесса хорошо иллюстрируется на примере программы «Инновационная Америка», первый вариант которой был принят Национальной ассоциацией губернаторов США (NGA) в 2007 г. Программа нацелена на усиление конкурентоспособности Соединенных Штатов в глобальной экономике на основе повышения способности регионов к инновациям¹. При этом инновация понимается как процесс, который начинается задолго до практического воплощения новой оригинальной идеи. Она начинается со школьной парты. Чтобы инновации появились и стали массовым явлением, принципиально важно сформировать развитую социально-культурную среду, население должно быть образованным. Поэтому основное внимание следует уделять всем уровням образования — как общему, так и высшему. Только в образованной среде могут возникнуть инновационно настроенные предприниматели, способные оценить инновации и готовые реализовать их на практике, осознающие их экономическую и историческую значимость. Самое главное в понимании инноваций как процесса то, что только образованный покупатель может стать активным участником рынка инноваций, способным потреблять результаты инновационных процессов. Иными словами, инновация как социальный процесс предполагает создание соответствующей социокультурной среды, способной как к порождению инновации, так и к ее масштабному потреблению.

Следующий аспект в понимании инноваций как социального процесса связан со скоростью и масштабом введения инноваций. Какой объем инноваций необходим, чтобы экономика поднялась на качественно новый уровень? Насколько быстро нужно вводить инновации? Как отмечают специа-

¹ *Стратегическое планирование в США: новые подходы.* — URL: <http://www.city-strategy.ru/UserFiles/Files/USA.pdf>.

листы в области эволюции больших систем, каждое общество (как и любой организм) может принять только определенную дозу инноваций, такую, которая не разрушит его целостность и устойчивость развития. Если мы не хотим развала и социальных катаклизмов, то введение инноваций должно быть постепенным, взвешенным, учитывающим все, и прежде всего социальные, последствия.

2.4.2. ГОРОД КАК СРЕДА ДЛЯ ИННОВАЦИЙ

Инновации возникали на протяжении всей истории развития человечества, без них не существовало бы научно-технического прогресса. Сам город как социальный феномен — это яркое свидетельство, манифестация грандиозных достижений цивилизаций, длинной цепи воплощенных инноваций. Город — это нечто иное, как громадная искусственно созданная среда обитания, принципиально отличающаяся от природной среды. Практически все, что окружает человека в городе, это в большей или меньшей степени искусственность, а нередко — полностью искусственно созданное (бетон, стекло, лаки, краски и пр.).

На протяжении всей истории человечества инновации как идеи возникали в головах отдельных людей. В этом случае, казалось бы, не столь важно, где человек проживает — в городе или глухой деревне. Однако практика социальной жизни показывает другое: для того чтобы у человека возникла оригинальная идея, необходимо, чтобы он предварительно прошел путь активной социализации, включающей в себя обучение, образование, усвоение культуры. Несомненно, оформить инновационную идею, материализовать ее можно и в тишине деревни (история знает много таких примеров), но до этого необходимо пройти обучение, школу общения, взаимодействия с другими людьми, познакомиться с миром, его проблемами и достижениями. В этом смысле именно крупный город представляет собой наиболее благоприятную среду для социализации личности.

Инновации порождаются в городской среде и воплощаются в ней; из города в другие типы поселений идет распространение, тиражирование инноваций в форме информации, правительственных решений, инновационных продуктов.

Городская среда концентрирует в себе экономические (производственные, финансовые, торговые) учреждения, учреждения образования и культуры. Получить образование — главная причина миграции молодежи из села в город. Еще более важным для социализации человека как предпосылки инноваций можно считать насыщенность городских социальных связей. Город, в сравнении с деревней, вовлекает человека в гораздо более разнообразную и сложно переплетенную систему отношений, контактов, взаимодействий, социальных сетей.

Специалист в области изучения города Лин Лофланд выделяет в городе три вида пространств, различающихся по степени близости отношений вовлеченных в это пространство людей: частное, домашнее (private), локальное, местечковое (соседи, знакомые по работе) (parochial) и публичное, общественное (формальные контакты на улицах, в магазинах и т. п.) (public)

[352, p. 10]. Как и у жителя сельской местности, у городского жителя достаточно хорошо развиты и поддерживаются связи в первом пространстве — между родными и близкими. Что касается локально-местного пространства, то традиционно считается, что горожане имеют более слабые связи с соседями, плохо знают их. Причем такая ситуация существует не только в отечественных, но и в зарубежных городах. Л. Лофланд отмечает, что во многих американских городах, в то время как частная сфера процветает, мир местечкового царства, мир знакомых и соседей, тех, кто участвует в межличностных сетях, расположенных по месту жительства, этот мир усечен [352, p. 11]. Наши исследования показывают¹, что количество межличностных контактов падает по мере движения от семьи, родственников к коллегам по работе и приятелям (табл. 13), а прочность этих отношений, в частности с соседями, ослабевает (рис. 9).

Таблица 13

Частота социального взаимодействия субъектов в городском пространстве в 2007, 2011 гг., %

Субъекты взаимодействия	0	1–3	4–6	7–10	11–20	21–30	Более 30 чел.
Количество членов семьи и родственников	2	30	43	18	5	1	1
Количество друзей	2	21	31	26	13	3	4
Количество коллег	15	12	17	24	17	9	6
Количество соседей	18	38	23	10	6	2	3
Количество знакомых по увлечениям, хобби	27	30	18	12	6	3	4

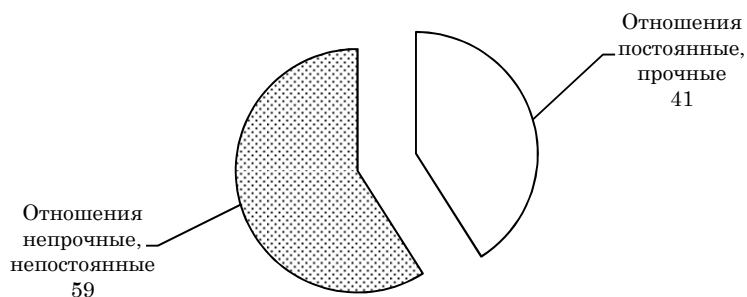

Рис. 9. Оценка респондентами прочности соседских отношений, %

Однако, на наш взгляд, в последнее время в этой сфере наблюдаются важные изменения: в практику функционирования крупных российских городов вошла такая форма коллективной деятельности, как товарищество собственников жилья, заставляющая соседей встречаться, общаться, взаимодействовать. Также существует большое количество различных клубов по интересам, локализованных по месту жительства.

¹ Социологическое исследование в трех городах Свердловской области: Екатеринбурге, Каменске-Уральском, Дегтярске (2007 г., $n = 1693$); Социологическое исследование в Екатеринбурге (2011 г., $n = 1400$).

К названным выше трем городским социальным пространствам сегодня необходимо также добавить четвертое — виртуальное общение в социальных сетях, следствием которого выступает не только налаживание пространственно-виртуальных связей, но и последующий выход горожан в реальное пространство (например, акции по сбору мусора и пр.). Данный фактор активно действует в направлении сглаживания информационного неравенства городских и сельских жителей. Эти и другие примеры позволяют говорить о тенденции усиления взаимодействия горожан в локальном пространстве.

Несомненно, более насыщенным является городское публичное пространство, которое, хотя и не предполагает близких отношений, а скорее требует знания и соблюдения определенных поведенческих ритуалов, в то же время является важной формой социализации человека.

Возникновение инноваций связано не только с количеством социальных пространств и социальных связей. Еще более важную роль играет качество человеческого капитала, в данном контексте анализа — социокультурные предпочтения, традиции, ментальность горожан.

Как отмечают Е. Г. Анимича и Н. Ю. Власова, можно говорить об особой индустриальной культурной матрице, представляющей собой квинтэссенцию развития уральской локальной цивилизации [15, с. 136]. Для имманентных ценностных ориентаций жителей Урала характерны такие черты, как ответственность перед государством, готовность выполнять решения, подчиняться.

С одной стороны, это в определенной мере дает гарантию, создает уверенность в том, что взятые социальные обязательства будут выполнены.

С другой — они скорее говорят о терпимости, готовности к стабильности, нежели об ориентации на инновации и решительные перемены. Как и для большинства российских граждан, для уральцев ценностное отношение к государству скорее можно охарактеризовать термином «опасение», чем «доверие».

Традиционная для уральских городов работа в больших трудовых коллективах породила такую черту городской общности, как развитая способность к коммуникации. Однако доверяют горожане в основном лишь самым близким людям, к чужим, не входящим в круг ближайшего окружения, люди испытывают недоверие.

В то же время для населения характерна и мобилизационная активность: в случае постановки важных политических и экономических задач люди активизируются и проявляют незаурядные таланты и способности.

В поведении населения отмечается и способность быстро переключаться, забывать пережитые катаклизмы и продолжать выполнять свою работу и профессиональные обязанности.

Еще более важен тот момент, что ценностные ориентации населения уральских городов разнообразны. На Урале консерватизм и в целом индустриальный характер социокультурной матрицы основной части населения сочетается с ярко выраженным новаторским социокультурным трендом передовой части городской уральской общности. Политическая и творческая элита Урала играет существенную роль в развертывании современных об-

щественных процессов не только в рамках родных городов, но и в стране в целом.

Рассматривая город как среду для инноваций, не следует забывать о такой его имманентной черте, как противоречивость. Предоставляя много возможностей для образования, роста, развития, город одновременно и тормозит эти процессы. Большие сложности порождают необходимость упрощения, множество мнений — сумятицу мировоззрений, обширное информационное поле — клиповость знаний, множество контактов и социальных пространств — конфликты интересов и т. п. В городской среде требуются большие усилия, чтобы инновация стала заметной, и еще большие — чтобы ее реализовать.

Таким образом, будучи более благоприятной средой для инноваций в силу насыщенности материально-вещными, социокультурными, социальными элементами, город одновременно по этой же причине более сложен для инноваций, здесь больше сопротивление среды.

Город представляется важным фактором появления инноваций. Однако в механизме возникновения инноваций он занимает не главное место. Наши исследования показывают, что с точки зрения влияния на человека и реализацию его потребностей городу принадлежат 3–4-е места, после факторов «среда ближайшего окружения» (семья, друзья), «социальная среда» (коллективы, социальные общности) и самое главное (первое место) — индивидуальных усилий каждого человека.

2.5. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЗАКРЫТЫХ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ НА УРАЛЕ

В ходе проведения административной реформы в России, начавшейся в 1990-е годы, законодательство, регулирующее деятельность местного самоуправления, постоянно совершенствовалось. Так, 6 июля 1991 г. был принят Закон РФ № 1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации», 9 октября 1993 г. подписан Указ Президента РФ № 1617 «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации», а 26 октября 1993 г. Указ Президента РФ № 1760 «О реформе местного самоуправления», 28 августа 1995 г. принят Федеральный закон № 154-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации», 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В перечисленные нормативно-правовые акты в течение срока их действия вносились многочисленные изменения, что позволяет сделать вывод о том, что проводимые реформы осуществлялись методом проб и ошибок.

В соответствии с Указом Президента РФ от 9 октября 1993 г. № 1617 «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации», в целях обеспечения подлинного народовластия и реализации конституционного принципа разделения властей, деятельность районных в городах, городских, поселковых и сельских Советов народных депутатов была прекращена. Этим же Указом было установлено, что до избрания и начала работы новых органов представительной власти и местного самоуправления выполнение их функций временно возложено на местные администрации.

Федеральная государственная комиссия разработала предложения по созданию новых органов представительной власти, и 26 октября 1993 г. Указом Президента РФ № 1760 «О реформе местного самоуправления» было утверждено «Положение об основах местного самоуправления в РФ», действующее в период проведения поэтапной конституционной реформы.

Органам государственной власти республик в составе Российской Федерации, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов было предложено осуществить реформу местного самоуправления в соответствии с положениями Указа и представить до

1 декабря 1993 г. в Совет Министров — Правительство РФ предложения о совершенствовании административно-территориального устройства с целью обеспечения гарантий реального местного самоуправления.

Этим же Указом были определены сроки выборов в представительные органы местного самоуправления с декабря 1993 г. по июнь 1994 г. Главы местных администраций, назначенные или избранные до вступления в силу Указа, являлись одновременно и главами местного самоуправления.

Закрытые населенные пункты, построенные изначально как рабочие поселки при заводах № 817, 813 и заводе № 418 атомной промышленности, статус городов и рабочих поселков областного подчинения получили 17 марта 1954 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР. Им были присвоены соответственно наименования Новоуральск, Озерск и Лесной. Населенный пункт завода № 933 этим же Указом был преобразован в рабочий поселок, а 28 октября 1955 г. в город районного подчинения Златоуст-20 (Трехгорный). Статус города населенному пункту при Научно-исследовательском институте № 1011 с наименованием Снежинск был установлен Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 23 мая 1957 г.

Эти официальные наименования закрытые города носили до середины 1960-х годов, после чего, в целях обеспечения секретности, вплоть до января 1994 г. эти населенные пункты именовались по нумерации почтовых отделений, закрепленных за ними с начала их строительства: Челябинск-40, Челябинск-70, Свердловск-44, Свердловск-45, Златоуст-36.

Термин «закрытый город» до 14 июля 1992 г. употреблялся в неофициальном обиходе в двух аспектах. Во-первых, эти населенные пункты закрыты для свободного посещения иностранными гражданами. Такие посещения возможны только по специальному разрешению соответствующих органов государства. Во-вторых, об этих городах отсутствовала какая-либо информация в открытой печати и официальных информационных системах [111, с. 10].

В Советском Союзе такие населенные пункты были строго засекречены: даже гражданам СССР, не имеющим права доступа к секретной информации, были не только недоступны въезд в эти населенные пункты или данные об их местоположении, но даже неизвестны их названия.

Геополитические изменения, связанные с распадом Советского Союза, утрата Россией статуса сверхдержавы болезненно отразились на функционировании закрытых городов и их градообразующих предприятий. Значительное сокращение государственного оборонного заказа, повлекшее сокращение производственных мощностей и численности работающего населения, снижение бюджетной обеспеченности населенных пунктов и неопределенность ведомственной подчиненности органов местного самоуправления (ОМСУ), переподчинение их органам государственной власти субъектов Федерации привели к серьезным переменам в этих автономных населенных пунктах.

Государство, создав эти моногорода и уникальные объекты оборонной промышленности, не спрогнозировало такого поворота в мировой политике, связанного с резким сокращением арсенала атомного оружия ядерных держав. В закрытых территориях не были созданы альтернативные производ-

ства, высвобождаемые высококвалифицированные работники остались невостребованными, теряли квалификацию и в связи с проведением реструктуризации предприятий и организационно-штатными мероприятиями были уволены по сокращению.

14 июля 1992 г. Верховным Советом РФ был принят Закон РФ № 3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании» (ЗАТО). В этом Законе определяется правовой режим ЗАТО, меры государственной поддержки граждан, проживающих и (или) работающих в закрытом административно-территориальном образовании, и особенности организации местного самоуправления в ЗАТО, что прямо указывает на особое положение ЗАТО среди иных территориальных образований в Российской Федерации [5, с. 336]

В соответствии с указанным Законом «закрытым административно-территориальным образованием признается имеющие органы местного самоуправления территориальное образование, в пределах которого расположены предприятия по разработке, изготовлению, хранению и утилизации оружия массового поражения, переработке радиоактивных и иных материалов, военные и иные объекты, для которых устанавливается особый режим безопасного функционирования и охраны государственной тайны, включающий специальные условия проживания граждан».

Особый режим безопасного функционирования предприятий и (или) объектов в ЗАТО включает: установление контролируемых и (или) запретных зон по границе и (или) в пределах указанного образования; ограничения на въезд и (или) постоянное проживание граждан на его территории; ограничения на полеты летательных аппаратов над его территорией; ограничения на право ведения хозяйственной и предпринимательской деятельности, владения, пользования и распоряжения природными ресурсами, недвижимым имуществом, вытекающие из ограничений на въезд и (или) постоянное проживание; ограничения на создание и деятельность на его территории организаций, учредителями которых являются иностранные граждане, лица без гражданства, иностранные некоммерческие неправительственные организации, отделения иностранных некоммерческих неправительственных организаций, организаций с иностранными инвестициями¹.

Распоряжением Правительства РФ от 4 января 1994 г. № 3-р ЗАТО Урала были легализованы. Этим Распоряжением были юридически закреплены ранее установленные географические названия: Озерск, Новоуральск, Лесной, Трехгорный и Снежинск.

Главами администраций ЗАТО в целях реализации правительственного Распоряжения от 4 января 1994 г. были изданы соответствующие постановления о введении официальных географических названий населенных пунктов, расположенных в ЗАТО. Данные наименования стали использовать во всех официальных документах, для чего руководителям городских Узлов Федеральной почтовой связи было предписано утвердить в федеральных органах связи адресные реквизиты почтовых отделений, а руководителям предприятий, организаций и учреждений в течение 1994 г.

¹ *Собрание законодательства РФ.* — 2007. — № 43. — Ст. 5084.

внести изменения в собственные наименования, документы, бланки, печати и штампы.

В 1994 г. перед ОМСУ ЗАТО встали вопросы разграничения территорий ЗАТО и муниципальных образований, которые граничили с ними. При этом границы муниципальных образований устанавливались в соответствии с требованиями областного законодательства, а границы ЗАТО — в соответствии с законом «О ЗАТО». Эти вопросы могли быть решены только на референдумах населения, которые и были проведены в 1995–1996 гг. Границы всех ЗАТО, расположенных на Урале, были утверждены отдельными указами Президента РФ.

25 января 1994 г. администрация Свердловской области утвердила «Временное положение „О местном самоуправлении в Свердловской области“», в котором указывалось, что местными органами самоуправления являются выборные собрания представителей и главы администрации. Выборы глав муниципальных образований и в представительные органы проводились один раз в два года. Представительные органы работали на неосвобожденной основе, а все их решения подписывались главой администрации ЗАТО. Освобожденной была только должность председателя представительного органа.

В полномочия городских законодательных органов входило: утверждение бюджета, установление местных налогов и льгот по налогам, зачисляемых в местный бюджет, утверждение планов социально-экономического развития муниципальных образований [111, с. 2].

Федеральным законом «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» предусматривалось, что одним из основных нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность органов местного самоуправления, являлся Устав города. В течение 1995–1996 гг. уставы были разработаны во всех уральских ЗАТО. В уставах городов были предусмотрены наименования органов местного самоуправления, в том числе представительных органов.

Избранным главам ЗАТО и депутатам пришлось работать в очень сложное для страны время. Экономика страны находилась в кризисе, в промышленности и в сельском хозяйстве объем производства резко падал, возросла безработица. Государственный оборонный заказ, который являлся основой производственной деятельности для градообразующих предприятий, также был значительно сокращен. Долговременные задержки зарплаты на предприятиях и в организациях атомной отрасли стали регулярными, загрузка производственных мощностей была минимальной, что привело к сокращению работников на предприятиях. Выплаты пенсий также задерживались. Началась конверсия производства продукции оборонного назначения.

Предприятия, созданные для производства продукции по государственному оборонному заказу, вынуждены были переходить на выпуск гражданской продукции, освоение которой было затруднительно из-за отсутствия технологий, оборудования и подготовленных кадров.

Снижение оборонного заказа, задержки его финансирования, приводили к задержке платежей в городские бюджеты ЗАТО, формирование которых находилось в прямой зависимости от таких поступлений. Тяжелое

положение с финансированием и отсутствие заказов у строительных организаций также явились причинами образования значительной задолженности перед городским бюджетом.

В таких условиях надежда была только на дотации из федерального бюджета. Администрации ЗАТО согласовывали суммы дотаций в Министерстве финансов, затем они утверждались Государственной Думой, при этом всегда существенно занижались. Так, по справке администрации ЗАТО «Город Лесной» в 1995 г. дотации снижены от необходимых на 34 194 тыс. р.; в 1996 г. — на 65 566 тыс. р.; в 1997 г. — на 60 300 тыс. р.

Но и те суммы, которые утверждались в федеральном бюджете на соответствующий год, перечислялись ЗАТО не в полном объеме. Так, недополученные суммы бюджетом г. Лесного составили: в 1995 г. — 5 936 тыс. р.; в 1996 г. — 116 тыс. р.; в 1997 г. — 1 471 тыс. р.; в 1998 г. — 21 958 тыс. р.

В этот период в стране преобладали при расчетах между субъектами хозяйственной деятельности взаимозачеты и так называемый бартер. Причем взаимозачеты использовались и в межбюджетных отношениях между Министерством финансов и муниципальными образованиями. Только в 1995 г. межбюджетные взаимозачеты по ЗАТО «Город Лесной» составили 9 % от суммы дотации; в 1996 г. — 33 %; в 1997 г. — 50 %; в 1998 г. — 27 %. А ведь зарплату врачам и учителям нельзя выплатить взаимозачетами, необходимы были реальные деньги.

Недофинансирование, несвоевременное поступление денежных средств заставляло администрации ЗАТО искать и брать кредиты в банках. Только в 1995 г. администрацией ЗАТО «Город Лесной» было взято кредитов на сумму 5 700 тыс. р.; в 1996 г. — 26 092 тыс. р.; в 1997 г. — 54 290 тыс. р.; в 1998 г. — 12 030 тыс. р. При этом за пользование кредитами выплачивались большие проценты. Так, в 1996 г. было выплачено по процентам за кредиты 1 355 тыс. р., в 1997 г. — 2 914 тыс. р., в 1998 г. — 890 тыс. р. [31, с. 14].

Кредиты и правильная финансовая политика позволили главам ЗАТО и представительным органам без длительных задержек выплачивать зарплату бюджетникам.

В связи с тяжелым финансовым положением представительные органы неоднократно обращались к Президенту, Председателю Правительства с требованием улучшить финансирование градообразующих предприятий, с тем чтобы они заплатили налоги в местные бюджеты, что позволило бы своевременно выплачивать зарплату работникам бюджетной сферы. Направлялись и письма в адрес министра обороны и председателя Совета безопасности с требованием о погашении долгов воинских частей, дислоцирующихся на территориях ЗАТО, за продовольствие и электрическую и тепловую энергию.

Процесс приватизации, начатый в стране, не обошел и ЗАТО. В этих условиях градообразующие предприятия стали передавать со своих балансов объекты социальной инфраструктуры: объекты культуры, спорта, образования, частично медицины.

Вначале 1990-х годов в ЗАТО начали действовать фонды имущества, которые занимались приватизацией муниципального имущества. Однако процесс приватизации шел не стихийно. Руководители городов и депутаты не спешили раздавать имущество без необходимости. В начале апреля 1996 г.

Собрание представителей г. Лесного приняло постановление «О создании перечня социально важных объектов, не подлежащих приватизации». И уже следующий состав депутатов городской Думы в этом же году этот перечень утвердил [31, с. 6].

Начиная с конца 1990-х годов финансовое положение ЗАТО стабилизировалось. Прекратились задержки с выплатами заработной платы, городские бюджеты ЗАТО выполнялись, предприятия и организации начали работать на развитие, органы местного самоуправления получили возможность работать по планам и перспективным программам социально-экономического развития. В тяжелейших экономических условиях руководителям ЗАТО, градообразующих предприятий удалось сохранить трудовые коллективы, продолжить развитие городов и местной промышленности, что позволило выйти на новые рубежи развития ЗАТО.

Законом РФ «О ЗАТО» было предусмотрено, что все налоги, уплачиваемые физическими и юридическими лицами, перечисляются в городской бюджет, а также органам местного самоуправления дано право предоставлять льготы по их уплате. Эта привилегия не давала покоя ни областным, ни федеральным властным структурам. Законодательство о ЗАТО находилось в противоречии с некоторыми федеральными законами. Для решения этих вопросов в октябре 1998 г. была создана Ассоциация закрытых городов России, Министерства среднего машиностроения и Министерства обороны. Первое совещание Ассоциации было проведено в г. Трехгорном, на нем присутствовали главы и председатели представительных органов всех закрытых городов Минатома и представители более 30 ЗАТО, подчинявшихся Министерству обороны России.

Ассоциация ЗАТО занималась изучением практики применения законодательства о ЗАТО и его совершенствованием, а также внесением предложений в органы законодательной инициативы по устранению противоречий, имеющихся в действующем законодательстве Российской Федерации.

В настоящее время ЗАТО, находящиеся на Урале, составляют обособленный и замкнутый ядерно-оружейный комплекс, объединивший в себе самые современные теоретические, конструкторские и производственные составляющие — от обогащения и производства урана и плутония до сборки ядерных боеприпасов.

С начала основания и до настоящего времени закрытые города не были похожи на другие города страны: строгая контрольно-пропускная система, колючая проволока по всему периметру вокруг них. Такие города не были обозначены на географических картах, ни один дорожный знак не указывал направление проезда к ним.

Все системы жизнедеятельности ЗАТО предполагают соблюдение требований секретности, которые обеспечивают особый режим безопасного функционирования предприятий и объектов, расположенных в них. Статус такого режима закреплён в специальных нормативно-правовых актах, а контроль за его соблюдением возложен на соответствующие государственные органы и спецслужбы.

Всего в России сорок два ЗАТО, десять из них находятся в ведомственной подчиненности Государственной корпорации «Росатом», пять из них

находятся на Урале. По состоянию на январь 1990 г. в закрытых городах проживало около 750 тыс. чел. [25, с. 3], а среди уральских закрытых городов особо выделяются г. Новоуральск и г. Озерск, население которых составляет около 100 тыс. чел. По состоянию на начало 2002 г. во всех ЗАТО России проживало 1 млн 345 тыс. чел. [5, с. 186].

Органам государственной и партийной власти Советского Союза, атомному ведомству удалось создать в целом благоприятные условия для жизни населения в закрытых городах, заинтересовать его творческой, хорошо оплачиваемой работой. Это было далеко не просто, так как, приезжая в такой город, человек добровольно брал на себя обязательства претерпевать ряд ограничений.

Жители закрытых городов давали подписку о неразглашении государственной тайны, обязывались ограничить общение с «открытым» миром (включая посещение родственников, выбор места отдыха и др.), становились «невъездными» за пределы государственных границ СССР. Причем это ограничение действовало даже спустя несколько лет после того, как возможный носитель секретной информации покидал секретное производство и уезжал на постоянное место жительства из закрытого населенного пункта.

Внутри закрытых городов можно было попасть только по специальным разрешениям — пропускам. Определенная изолированность от внешнего мира, усиленный контроль за въездом и выездом, специальный отбор населения, повышенные стандарты материально-бытового обеспечения, внедрение качественно новой техники и технологии на производстве долгие годы определяли условия жизни в закрытых городах.

В качестве компенсации за сложности, связанные с проживанием в закрытых городах, в советское время в них было лучше налажено снабжение, имелись в свободной продаже многие товары, которые в открытых населенных пунктах являлись дефицитом. Уровень благоустройства городов также превышал средний, была лучше развита социальная сфера и сфера обслуживания.

Тем не менее население охотно вербовалось на работу в закрытые города и поселки, оставалось там и после выхода на пенсию. Объяснением тому были значительные привилегии и льготы, более высокая заработная плата, чем на «большой земле». В советскую эпоху всеобщего дефицита вещей и продуктов в закрытых городах жители имели лучшее снабжение продовольственными и промышленными товарами, более высоким был уровень образования, медицинского и культурного обслуживания, существенно лучше обстояли дела с организацией досуга. Закрытые города были хорошо спроектированными и благоустроенными, в них с гораздо меньшей остротой стояла жилищная проблема, почти идеально работал городской транспорт. В общественном сознании жителей закрытых городов постепенно формировалось убеждение в том, что плюсы жизни в них значительно перекрывают минусы.

Характерной особенностью жизни в закрытых городах была относительно низкая преступность. Для многих горожан были неведомы такие понятия, как квартирные кражи. Дома, квартиры не запирались никогда ни изнутри, ни снаружи. Это социальное благо было характерно до начала

1990-х годов и являлось одной из главных причин того, что их жители дорожили проживанием за колючей проволокой. Если жители закрытых городов совершали преступления и осуждались к отбыванию уголовного наказания в местах лишения свободы, обратно в закрытую зону им въезд и проживание были запрещены. Как правило, они селились в городах-спутниках. Однако эти преимущества в 1990-е годы стали обесцениваться. Наблюдался отток населения, особенно молодежи, для проживания в областных центрах и крупных городах.

Сегодня закрытые административно-территориальные образования представляют собой своеобразные базовые точки реализации инновационных программ, сохраняя при этом выполнение оборонной функции. Среди инновационных проектов, которые могут быть реализованы на научно-производственной базе, выделяются проекты в области фундаментальных научных исследований по оборонной тематике и инновационные проекты разработки и опытной реализации новых технологий и материалов. Внедрение этих инновационных программ зависит не только от воли государства, но и от экономической ситуации в стране, так как финансирование проектов зависит напрямую от возможностей федерального бюджета.

Кроме того, современные ЗАТО являются потенциальными полигонами для реализации инновационных проектов. Преимущества этой категории городов выражаются в том, что для реализации инновационных программ имеется сохранившаяся мощная научно-производственная база, высококвалифицированный кадровый персонал, имеющий опыт выпуска наукоемкой продукции. Предприятия атомной отрасли всегда отличались высокой дисциплиной, культурой и эффективной организацией производства, активной научной деятельностью и экспериментальной базой.

В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» на территориях монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов), в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения, и монопрофильных муниципальных образований со стабильной социально-экономической ситуацией, включенных в перечень, утверждаемый Правительством РФ, разрешено создавать территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР). В ЗАТО Государственной корпорации «Росатом» ТОСЭР предусмотрено создавать с 1 января 2016 г.¹

Разработчики проекта создания ТОСЭР на территориях ЗАТО поставили цель: создание условий для диверсификации экономики территории, появления и развития новых направлений производства гражданской продукции и оказания инженерных услуг на базе высокого научно-производственного и кадрового потенциала ЗАТО, выравнивание инвестиционной привлекательности².

¹ *О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации* : федер. закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ (в ред. федеральных законов от 13 июля 2015 г. № 213-ФЗ, от 3 июля 2016 г. № 252-ФЗ).

² *Концепция ТОСЭР «Лесной» Госкорпорации «Росатом».*

В настоящее время в ЗАТО сформированы списки потенциальных резидентов и определены перспективные направления их деятельности. Предпочтение отдано предприятиям малого и среднего бизнеса. Одним из наиболее выгодных вариантов станет создание ТОСЭР на площадках уже действующих индустриальных парков, что даст их участникам дополнительные налоговые преференции.

Реализация проекта ТОСЭР позволит обеспечить инвестиционную привлекательность моногородов и ЗАТО, сформировать и ускоренно развивать высокотехнологичные кластеры по перспективным направлениям, увеличить объем производства импортозамещающей продукции, создать новые высокопроизводительные рабочие места, увеличить налоговые поступления в бюджеты всех уровней и снизить зависимость местных бюджетов от градообразующих предприятий.

Однако наряду с преимуществами перспективного развития закрытых городов имеются и негативные факторы, снижающие их экономическую привлекательность.

К таким факторам следует отнести: особенности производственной инфраструктуры, рассчитанной на обеспечение деятельности одного градообразующего предприятия; обособленность экономического пространства, минимизация экономических связей (за исключением жизнеобеспечивающих) с другими отраслями народного хозяйства и местной промышленностью, ориентация на самодостаточность, которая была оправданной на этапах возникновения и развития закрытых городов; человеческий фактор (проживание в закрытых городах небольшой доли людей с рыночной мотивацией поведения, ибо подавляющее большинство специалистов (а это ученые, инженеры — физики и химики, технологи, конструкторы) трудилось, движимое внерыночными (точнее, неприбыльными) мотивами); сохранение режимных ограничений, которые существенно снижают инвестиционную привлекательность закрытых городов [111, с. 139].

Современные ЗАТО продолжают быть крупнейшими в России центрами передовых научных исследований и высоких технологий как в военной, так и в гражданских областях науки и техники. В настоящее время принимается комплекс государственных мер по сохранению научно-производственного и интеллектуального потенциала, сосредоточенного на предприятиях атомной отрасли, и созданию на базе ЗАТО наукоградов и техноградов, как базовых элементов современной инновационной экономики.

В осуществлении этих новых для закрытых городов планов важная роль принадлежит органам местного самоуправления, которые будут заняты на всех этапах решения этой сложной государственной задачи — от создания законодательной базы до ее практической реализации.

2.6. НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИОННОЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

Градостроительство всегда играло большую роль в развитии промышленности нашего отечества. Промышленное освоение территории России XVIII–XIX веков, индустриализация СССР в XX веке были связаны с развитием системы расселения, преобразованием существующих и строительством новых городов. Градостроительство обеспечивало экономику территориальными и архитектурными ресурсами, а также производственной, социальной, транспортной и инженерной инфраструктурой. Более того, в условиях разработки и внедрения в производство новых технологий градостроительство само приобретало новаторский характер. Об этом свидетельствуют не только работы представителей советского архитектурно-градостроительного авангарда и индустриального градостроительства XX века, но и деятельность Петра I и Екатерины Великой, Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы (XVIII век), Статистического отделения Министерства внутренних дел России и Комитета для составления Строительного Устава при Главном управлении путей сообщения и публичных зданий (XIX век).

Подъемы в развитии инновационного градостроительства были связаны не только с ростом экономики страны, но и с существенным вниманием Правительства к состоянию градостроительного дела в стране. В истории России и СССР прорывы в развитии инновационного градостроительства явно связаны с государственной поддержкой его основных видов деятельности — научной, технической, проектно-творческой, нормативно-правовой, образовательной, управленческой и инвестиционно-строительной. Градостроительство отвечало на такую поддержку весомым вкладом в развитие экономики и национальной безопасности страны, вхождение ее в мировое пространство, а также в улучшение условий жизнедеятельности людей.

К сожалению, современный этап развития отечественного градостроительства характеризуется комплексным и глубоким кризисом. Сказано и написано специалистами об этом много. Однако стратегические задачи инновационного и пространственного развития России надо решать. И решать прежде всего в увязке с новой индустриализацией страны и преодолением мифов о глобализации и «счастливым постиндустриальном обществе».

Для моделирования перспектив развития в XXI веке инновационного градостроительства России существенное значение имеет прогнозирование преобразования промышленности страны на основе теории циклов. Концепция преобразования промышленности на различных этапах развития нашей

страны подробно рассмотрена на примере Урала доктором географических наук, профессором, заслуженным деятелем наук РФ Е. Г. Анимицей в статье «Феномен кондратьевских волн и циклов в развитии промышленности Уральского макрорегиона». Исследователь в своей концепции прежде всего раскрывает понятие цикличности как процесса. Некоторые его характеристики вполне можно перенести на инновационное градостроительство: «цикл — повторяемость явления», «цикличность означает нелинейность развития», «циклы в промышленном производстве взаимосвязаны с циклами в смежных сферах деятельности» [12, с. 12]. К этому следует добавить идею Н. Д. Кондратьева «четыре фазы цикла: оживление, подъем, спад, депрессия» и ее архитектурно-градостроительную интерпретацию в инновационном развитии страны [282, с. 7].

Нелинейность в развитии инновационного градостроительства можно объяснить взаимосвязью с циклами в промышленном производстве. Однако следует учитывать, что источником новаций в градостроительстве являются не только наука и техника, но и градостроительная культура и градостроительное искусство с их новаторством и традициями, изменениями творческой направленности и с установлением «баланса традиций инноваторства как динамического феномена профессионального сознания» [173, с. 44].

Анализ циклов развития инновационного градостроительства в XX веке показывает, что они почти точно совпадают с циклами эпох индустриального и постиндустриального развития, рассмотренных Е. Г. Анимицей. Многие исходные положения, объясняющие причины, динамику, движение производственных циклов, представленных исследователем, можно использовать при установлении и обосновании определенных принципов процесса цикличности инновационного градостроительства. Таких принципов в соответствующей градостроительной интерпретации можно выделить семь:

1) в фазах подъема и расцвета инновационного градостроительства важно установить базисные инновации, которые обеспечивают обновление всех видов градостроительной деятельности;

2) на реальный подъем инновационного градостроительства влияют как градостроительная политика (управление, право), так и конкретные предприниматели и градостроители-новаторы, добивающиеся внедрения новаций в проектирование и реальное строительство;

3) подъем инновационного градостроительства следует за его кризисом, когда исчерпаны возможности (принципы, идеи, подходы, технологии и методы проектирования); сегодня технология территориального планирования стала барьером в пространственном развитии экономики, систем расселения и городов; кризис в градостроительстве связан с кризисом «постиндустриальной фазы» экономики, крушением идей «постиндустриального расселения» и «постиндустриального города»;

4) влияние трех революций в производительных силах общества наблюдается, но необходимо уточнить время скачков в развитии инновационного градостроительства, а также связи их с другими условиями;

5) «большие циклы» в развитии инновационного градостроительства связаны с обеспечением международного сотрудничества в области геоэкономики, геополитики, геоэкологии и геокультуры; сопровождаются между-

народными контактами градостроителей и поддержкой государства ответственных участников этих контактов;

6) история развития отечественного инновационного градостроительства показывает, что его подъемы иницируются войнами, конфликтами, техническими изобретениями, достижениями культуры и искусства;

7) исследование волновых колебаний в развитии инновационного градостроительства должно базироваться на определенных показателях; возможно, индикаторами инновационного развития градостроительства станут показатели качества жизни людей, объемы ВВП, экономический эффект инновационного градостроительного объекта (например, Сколково).

Для прогноза развития инновационного градостроительства в XXI веке важное значение имеет выделение Е. Г. Анимицей трех этапов перспективного развития промышленности:

- 1) «кризисный» (1990–2018 гг.);
- 2) «переход в шестой технологический уклад», «новоиндустриальный», «модернизационно-инновационный» (2018–2025 гг.);
- 3) «наступление седьмого технологического уклада, центром которого будет человек как главный объект технологий и инноваций» (2025–2035/2040 гг.); с градостроительной точки зрения — это оптимистический прогноз исследователя, стимулирующий научную, техническую и художественную деятельность в рамках позитивной программы развития градостроительства.

При описании указанных этапов автор дает конкретные прогнозы по модернизации систем расселения, городов, производственной, социальной и транспортной инфраструктуры. Уже сегодня данные предложения можно использовать в градостроительном планировании. Важным для градостроителей является и толкование термина «новая индустриализация», приведенное при характеристике второго этапа. Это «создание новой производственной инфраструктуры», «разработка новых технологий и ресурсосберегающих решений», «трансфер зарубежных технологий», «подготовка новых кадров», формирование «нового организационно-производственного процесса (в частности, промышленно-инновационных кластеров, промышленных парков и особых экономических зон)», переход на «модернизационно-инновационную модель развития» [12, с. 47].

Новая индустриализация — понятие комплексное, междисциплинарное. Такой вывод можно сделать из его трактовки Е. Г. Анимицей и некоторыми другими специалистами в области экономики. Так, А. И. Татаркин и О. А. Романова определяют новую индустриализацию как «синхронный процесс не только создания новых секторов наукоемкой высокотехнологичной продукции, но и эффективного инновационного обновления традиционных секторов экономики при согласованных качественных изменений во всей системе общественных отношений» [242, с. 91].

В градостроительном отношении новая индустриализация — это модернизация существующих и создание новых типов систем расселения и поселений, инновационных объектов производственной, социальной, транспортной и экологической инфраструктуры. Это тесная связь градостроительства с экономикой страны, геоэкономикой, геополитикой, социокульту-

рой, экологией и технологиями. В экономическом отношении это фаза развития индустриализации, связанная с переходом к шестому и седьмому укладам; в геополитическом и геоэкономическом — с переходом от глобализации к международному сотрудничеству; в социокультурном — с бережным отношением к национальным традициям, историко-культурному наследию народов, уникальности региона и места. Экологический приоритет новой индустриализации — объединение государств и людей в борьбе с терроризмом и ядерной угрозой, наземными, космическими и информационными войнами. Новая индустриализация — единство гуманитарных (прежде всего проектных), информационных и промышленных технологий. И все это должно быть связано с восстановлением нравственных критериев деятельности людей.

Развитие промышленности во второй половине XXI века Е. Г. Анимица и ряд других экономистов связывают с формированием эпохи инноваций. Однако детального прогноза этой эпохи нет. Возможно, прогноз развития инновационного градостроительства позволит ответить и на некоторые вопросы развития промышленности во второй половине XXI века. Ведь была разработана и утверждена в 2009 г. Схема территориального планирования Свердловской области на отдаленную перспективу — на конец XXI века. Может быть, научные знания, профессиональная творческая интуиция и художественно-образное мышление градостроителей уже дали конкретные описания эпохи инноваций?

2.7. К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ГРАДООБРАЗУЮЩЕЕ ПРЕДПРИЯТИЕ»

Социально-экономическое развитие каждого города имеет свои отличительные черты, определяемые природными, климатическими факторами, уровнем социальной активности населения и экономического развития, степенью диверсификации производства. В совокупности разнообразных типов городских поселений особой спецификой обладают «моногорода», жизнеспособность которых жестко детерминирована перспективами развития градообразующей организации. Моногорода (монопрофильные города) являются одной из широко распространенных форм городских поселений в РФ. Так, согласно официальным данным Правительства РФ¹ в России на 2017 г. насчитывается свыше трехсот муниципальных образований монопрофильного типа. При этом Уральский федеральный округ является одним из лидеров по количеству и концентрации монопрофильных территорий [286, с. 88].

Вопросы развития моногородов уже длительное время привлекают активное внимание исследователей. Предметом изучения выступают проблемы социально-экономического развития моногородов [9; 13; 285; 287; 288], отдельные вопросы стратегического управления социально-экономическим развитием и трудовыми ресурсами моногородов [97; 182], особенности комплексной диагностики социально-экономического развития [231], также некоторыми зарубежными авторами рассматривается комплекс проблем монопрофильных территорий, затрагивающих как особенности их социального развития, специфику архитектуры, так и роль в экономическом развитии отдельных стран [335; 339]. При этом, хотя моногород демонстрирует особые прочные взаимосвязи между развитием города как центра расселения и производства, вопросы разработки критериев выделения именно градообразующих предприятий пока меньше привлекают внимание исследователей. Сложившаяся ситуация создает правовые и организационные трудности при реализации государственной политики развития монопрофильных территорий, проведении процедур банкротства, обосновании мер государственной поддержки градообразующих предприятий. Необходимость более четкого понимания пространственной сети размещения градообразующих предприятий, специфики взаимосвязи территории локализации и производ-

¹ Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) : распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р.

ственных центров российских корпоративных структур важна и для реализации политики новой индустриализации в старопромышленном регионе.

В 1990-е годы при регулировании вопросов банкротства законодателем применялся термин «градообразующее предприятие», при определении которого использовался параметр соотношения работников предприятия и общей численности работающего населения поселения, составлявший 30 %, или для признания предприятия градообразующим было необходимо, чтобы оно обслуживало не менее 30 % объектов коммунальной инфраструктуры поселения¹.

Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» заменил понятие «градообразующее предприятие» термином «градообразующая организация» и установил, что для определения градообразующей организации применяется отношение численности работников организации не к количеству работающего населения, а к общей численности населения поселения, составляющее не менее 50 %.

В последующем был принят другой Федеральный закон о банкротстве от 26 октября 2002 г., который для определения градообразующей организации вновь вернулся к показателю соотношения численности работников организации и численности работающего населения, при этом уменьшил его до 25 % по сравнению с постановлением Правительства РФ № 1001.

Аналогичное понимание градообразующей организации можно встретить и в других нормативно-правовых актах. В частности, Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 219-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об охране окружающей среды“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» устанавливается, что градообразующей организацией является объект, который негативно воздействует на окружающую среду и на котором занято свыше 25 % работающего населения соответствующего муниципального образования (далее по тексту — МО). Однако встречается и иная трактовка рассматриваемого понятия (табл. 14).

Таким образом, в настоящий момент на федеральном уровне выделяются следующие параметры градообразующих предприятий/организаций: доля работающих на градообразующем предприятии по отношению к работающему населению поселения; численность работников организации по отношению к среднесписочной численности работников всех организаций, осуществляющих деятельность на территории МО; период, за который определяется численность занятых на градообразующем предприятии.

Обращает на себя внимание отсутствие единообразия в понимании термина «градообразующее предприятие/организация», определяемого на федеральном уровне. Так, доля работающих на градообразующем предприятии по отношению к работающему населению поселения составляет 25 % в соответствии с Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 219-ФЗ и с Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ и 30 % согласно Отраслевому тарифному соглашению в электроэнергетике РФ.

¹ О порядке отнесения предприятий к градообразующим и особенностях продажи предприятий-должников, являющихся градообразующими: постановление Правительства РФ от 29 августа 1994 г. № 1001.

**Понятие «градообразующее предприятие/организация»
на федеральном уровне**

Критерии выделения градообразующего предприятия/организации	Показатель	Нормативно-правовой акт
Доля работающих на градообразующем предприятии по отношению к работающему населению поселения	30 %	Постановление Правительства РФ от 29 августа 1994 г. № 1001
Доля населения, которая обслуживается объектами социальной и коммунальной инфраструктуры	30 %	
Доля работников градообразующей организации и членов их семей по отношению к численности населения поселения	50 %	Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ (утратил силу)
Доля работников градообразующего предприятия по отношению к работающему населению поселения	25 %	Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ
Доля работающих на градообразующем предприятии по отношению к работающему населению поселения	25 %	Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 219-ФЗ
	30 %	Отраслевое тарифное соглашение в электроэнергетике на 2013–2015 гг.
Численность работников организации по отношению к среднесписочной численности работников всех организаций, осуществляющих деятельность на территории МО	20 %	Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ
Численность работников организации по отношению к среднесписочной численности работников всех организаций, осуществляющих деятельность на территории МО	20 %	Постановление Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 709
	Период, за который определяется численность занятых на градообразующем предприятии	

Вместе с тем постановлением Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 709 вводится дополнительный признак градообразующего предприятия — временной промежуток, в течение которого исчисляется численность работников, вследствие чего возникает неопределенность относительного того, за какой период времени должно происходить исчисление численности работников в соответствии с иными правовыми актами. Следовательно, ввиду отсутствия единых критериев определения градообразующих предприятий, может возникнуть ситуация, когда согласно постановлению Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 709 имеется моногород, однако в силу Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ градообразующее предприятие отсутствует.

Субъекты РФ могут самостоятельно принимать нормативные акты, направленные на поддержку градообразующих организаций. Рассмотрим некоторые из них.

В силу ст. 1 Закона Ивановской области от 14 декабря 2000 г. № 89-ОЗ «О поддержке градообразующих предприятий (организаций), расположенных на территории Ивановской области» градообразующими предприятиями (организациями) являются такие юридические лица, доля работников которых составляет не менее 25 % трудоспособного населения данного поселения, а также юридические лица, доля налоговых поступлений которых в бюджет МО составляет не менее 25 %.

Таким образом, законодатель Ивановской области использовал два критерия: доля работников организации по отношению к работающему населению; доля налоговых поступлений в бюджет МО.

В Волгоградской области (Закон Волгоградской области от 4 мая 2001 г. № 534-ОД «О градообразующих организациях Волгоградской области») значительно больше критериев отнесения организации к градообразующей по сравнению с Ивановской областью:

1) средняя численность работников, рассчитываемая исходя из процентного отношения ко всему населению;

2) численный состав работников, работающих в организации, по отношению к работающему населению, причем данный параметр на 5 % больше, чем в Ивановской области (в Волгоградской области — 30 %, в Ивановской — 25 %). Вместе с тем указанный критерий применяется при одновременном соответствии следующему признаку;

3) обслуживание не менее 30 % населения МО;

4) удельный вес налоговых поступлений. Причем, в отличие от Ивановской области, в которой прописывается количество налоговых поступления в бюджет МО (для сравнения: в Ивановской области — 25 %, в Волгоградской — 15%), в Волгоградской области также имеет значимость количество налоговых поступлений в областной бюджет и бюджет района.

В Законе Забайкальского края от 18 февраля 2009 г. № 136-ЗЗК «О государственной поддержке градообразующих организаций промышленности» количество признаков градообразующей организации еще больше, чем в Волгоградской области:

1) средняя численность работников по отношению ко всему населению, составляющая 1/3, т. е. в отличие от Волгоградской области данный критерий более низкий (Волгоградская область — 50 %, Забайкальский край — 33,33 %);

2) численность работников по отношению к трудоспособному населению совпадает с Ивановской областью — 25 % (Волгоградская область — 30 %);

3) удельный вес поступлений налоговых платежей в бюджет МО, составляющий 30 % (для сравнения: Ивановская область — 25 %, Волгоградская область — 15 %).

Иные отличия носят качественный характер и не совпадают с ранее рассмотренными параметрами определения градообразующих организаций в Ивановской и Волгоградской областях (табл. 15).

Таким образом, в нормативно-правовых актах РФ нет четкого понимания термина «градообразующая организация», и кроме того, встречается устаревший термин «градообразующее предприятие». Отметим, что при разрешении вопросов, связанных с налоговым законодательством, применяются критерии, установленные Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹. Вместе с тем при разрешении вопросов, связанных с ТОСЭР, применяются положения соответствующего закона. Кроме того, субъекты РФ также по-разному определяют поня-

¹ См.: *Письма* Минфина России от 31 марта 2011 г. № 03-03-06/1/192, от 1 апреля 2011 г. № 03-03-06/1/203, от 6 апреля 2011 г. № 03-03-06/1/219.

тие «градообразующая организация», причем количество применяемых критериев тоже неоднородно и отличается как количественно, так и качественно. Так, в Забайкальском крае применяются 7 параметров, в Волгоградской области — 4, в Ивановской области — 2.

Таблица 15

**Критерии определения градообразующих предприятий/организаций
в некоторых законах субъектов РФ**

Критерии выделения градообразующего предприятия/организации	Показатель	Нормативно-правовой акт
Доля работников по отношению к работающему населению поселения	25 %	Закон Ивановской области от 14 декабря 2000 г. № 89-ОЗ
Доля налоговых поступлений в бюджет МО	25 %	Закон Волгоградской области от 4 мая 2001 г. № 534-ОД
Средняя численность работников с учетом членов их семей к численности населения	50 %	
Доля занятых на предприятии к работающему населению	30 %	
Доля населения, которая обслуживается объектами социально-коммунальной сферы и инженерной инфраструктуры предприятия	30 %	
Доля налоговых поступлений в бюджет	Областной бюджет — 10 %; городской бюджет — 15 %, районный бюджет — 30 %	
Численность работников организации и членов их семей к численности населения	1/3	Закон Забайкальского края от 18 февраля 2009 г. № 136-ЗЗК
Численность работников организации от общего числа трудоспособного населения	25 %	
Доля жилищного фонда, которая обслуживается объектами коммунальной инфраструктуры	30 %	
Объем налоговых поступлений	30 %	
Численность работников организации	300 чел.	
Промышленная организация, осуществляющая деятельность в моногороде, который входит в список, определенный федеральным законодателем, и в ней работают по основному месту работы свыше 25 % трудоспособного населения, или организация, которая производит свыше 50 % объема промышленного производства населенного пункта		
Промышленная организация, осуществляющая деятельность в моногороде, который входит в список, определенный федеральным законодателем, и является звеном одного производственного процесса, и в ней работают по основному месту работы свыше 25 % трудоспособного населения, а также которая производит свыше 50 % объема промышленного производства населенного пункта		

Использование понятия «градообразующая организация/предприятие» известно также и в некоторых законодательных актах стран СНГ. В частности, в силу ст. 1 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» градообразующей организацией является юридическое лицо, численность работников которого составляет свыше 1/4 работающего населения населенного пункта или за

счет деятельности которого осуществляется поддержка жизнеобеспечения населенного пункта.

Согласно ст. 4 Закона Республики Узбекистан от 5 мая 1994 г. № 1054-ХП «О банкротстве» градообразующим предприятием является юридическое лицо, работники которого с учетом членов их семей составляют не менее 50 % населения населенного пункта, или на котором работают не менее 3 тыс. чел., или которое обеспечивает поддержание обороноспособности и безопасности государства либо является субъектом естественных монополий.

В силу постановления Правительства Республики Казахстан от 18 марта 2002 г. № 325 «Об утверждении Правил отнесения юридических лиц к градообразующим и ведения их перечня» юридические лица включаются в перечень градообразующих по одному из следующих критериев:

- 1) доля объема производства свыше 14 % общегородского объема производства;
- 2) численность работников юридического лица свыше 14 % численности трудоспособного населения города.

Таким образом, в анализируемых нормативно-правовых актах стран СНГ используются следующие критерии: доля работающих на предприятии по отношению к работающему населению поселения (Республика Беларусь); за счет осуществления хозяйственной (экономической) деятельности которого поддерживается жизнеобеспечение соответствующего населенного пункта (Республика Беларусь); доля работающих и членов их семей по отношению к численности населения поселения (Республика Узбекистан); обеспечивающее поддержание обороноспособности и безопасности государства (Республика Узбекистан); являющееся субъектом естественных монополий (Республика Узбекистан); объем производства юридического лица (Республика Казахстан); доля работающих по отношению к трудоспособному населению (Республика Казахстан); сложносоставной показатель — доля работающих по отношению к трудоспособному населению и доля в общегородском объеме производства (Республика Казахстан).

Параметры отнесения организации к градообразующим, применяемые в Республике Беларусь, Республике Узбекистан, Республике Казахстан, носят качественные отличия, вследствие чего сравнение количественных показателей не представляется возможным. Вместе с тем обращает на себя внимание пространность некоторых критериев, таких как поддержание жизнеобеспечение населенного пункта (Республика Беларусь), обеспечение поддержания обороноспособности и безопасности государства (Республика Узбекистан).

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. В нормативно-правовых актах РФ нет четкого понимания термина «градообразующая организация/предприятие», что прослеживается как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ. Отсутствие единообразия в понимании градообразующего предприятия может создать ряд коллизий, в частности, когда в соответствии с одним нормативно-правовым актом на территории моногорода есть градообразующее предприятие, а согласно другому акту — отсутствует.

2. Используемые в РФ критерии определения «градообразующей организации/предприятия» носят количественный характер, в отличие от некоторых стран СНГ. Применение количественных показателей, на наш взгляд, позволяет более четко выявлять градообразующие предприятия моногородов.

3. На уровне субъектов РФ применяется также экономический критерий деятельности градообразующего предприятия как его доля в объеме промышленного производства в населенном пункте. Данный показатель очень важен, поскольку определяет значение градообразующего предприятия для развития промышленного сектора моногорода, и необходимость его расчета можно закрепить на федеральном уровне.

4. Требуется расширение перечня социально-экономических показателей муниципальных образований, рассчитываемых и публикуемых Росстатом (в том числе за счет показателя валового муниципального продукта). На сегодня интегральный показатель, оценивающий общий уровень экономической активности, рассчитывается только для субъектов РФ (валовый региональный продукт). В результате мы не в состоянии оценить долю градообразующего предприятия в совокупном объеме товаров и услуг, выпускаемых на территории города.

5. Необходима унификация как дефиниций, используемых в отношении монопрофильных территорий, так и критериев их выделения в различных нормативно-правовых источниках (как одного уровня публичной власти, так и между нормативными актами разных уровней).

6. Желательным является нормативное закрепление соотношения понятий «градообразующее предприятие (организация)» и «моногород (монопрофильная территория)» с целью исключения противоречащих методических подходов к их выделению.

2.8. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ В ГОРОДЕ

Изучение соответствующей научной литературы показало, что формирование системы жизнеобеспечения человека базировалось в основном на необходимости удовлетворения его физических потребностей. Но человек не только является носителем биологических свойств, но и обладает социальной сущностью. Именно двойственная природа человека оказала определяющее влияние на возникновение и становление человека как социально-природного существа. Ибо развитие организма человека на протяжении его жизни (витальный цикл) характеризуется двумя важнейшими программами. Одна из них отражает преимущественно социальные деяния данного человека, а вторая — его биологическое назначение [26, с. 29]. Первая программа является социально-трудовым, культурным, творческим вкладом человека в становление цивилизации, вторая — биосоциальная, связанная с воспроизводством потомства. Сочетание этих двух программ может быть либо гармонизированным, либо контрастным, противоречивым.

Биологическое начало лишь средство в выполнении человеком его социально-исторических целей. Их реализация невозможна при отсутствии здоровья, однако социально-психическое доминирование этих целей, настойчивость в их выполнении, связанная с напряжением, риском, является важнейшим механизмом индивидуального раскрытия всех возможных резервов, как психики, так и физических возможностей организма. Неправомерно рассматривать индивида изолированно от социальной среды, потому что, несмотря на его индивидуальность, неповторимость, индивид всегда является членом определенной социальной общности, в которой он выполняет определенные функции, реализует в своей деятельности социально значимые свойства и качества.

В течение тысячелетий люди объединялись в общности для удовлетворения своих потребностей и стремлений, достижения целей и утверждения ценностей. И хотя отдельный индивид способен выжить в дикой природе, человек предпочитает совместный образ жизни. История развития человечества показывает, что разрушение города, уничтожение библиотек, запрет выполнения обычаев и использования национального языка приводят общество в состояние упадка, деградации. И наоборот, развитие образования, науки и культурного творчества помогает достигать большего социального совершенства и экономического процветания общества.

Разнообразные потребности людей требуют своего удовлетворения в каком-либо локализованном пространстве, причем затраты времени на их реализацию должны быть по возможности минимальными. Это способствовало созданию людьми населенных пунктов разного типа: от небольших (деревни, села, поселки) до огромных (города-миллионники, мегалополисы) [229]. Следует отметить, что именно в городском поселении проявились и реализовались два основополагающих признака человека как социобиологического существа: коллективистский характер существования человеческого сообщества; развертывание социальной (общественной) сущности личности.

Таким образом, решение задачи исследования жизнеобеспечения человека несколько затруднено кажущейся простотой исходного термина, в данном случае — «жизнеобеспечение», сводящегося в его бытовом смысле к пище, одежде и т. п., тогда как в действительности за этой внешней простотой скрывается сложная структура процессов и явлений. Человек жив «не хлебом единым» (жизнеобеспечение база, фундамент жизнедеятельности человека как социально-биологического существа), он представляет собой социально-биологическое существо, и его жизнеобеспечение требует удовлетворения как биологических или «физических», так и социально-культурных, в частности духовных, потребностей. Удовлетворение тех или иных потребностей органически связано между собой, причем во многих случаях биологическое жизнеобеспечение не только побуждает социально-культурную деятельность, но и регламентируется в той или иной степени социально-культурными параметрами и установками, складывающимися в территориальных рамках (например, города).

Структуру жизнеобеспечения человека целесообразно рассмотреть через структуру потребностей как основного фактора активной деятельности людей. Начинать здесь приходится, конечно, с той стороны жизнеобеспечения, которая сводится к удовлетворению биологических или «физических» потребностей: в пище, в защите от неблагоприятных для организма воздействий внешней среды и т. п. Такие потребности определяются особенностями человека как биологического существа.

Городское пространство организовано определенным образом, и условия жизни в нем людей существенно отличаются от мест обитания этносов, образа жизни сельских жителей, поэтому и понимание термина «жизнеобеспечение» носит иной характер, он наделен другим смыслом. Различия образа жизни формируют разные представления, требования к системе жизнеобеспечения у горожан, сельских жителей, этносов и т. д. Организация пространства города существенно меняет жизнедеятельность человека, и на первый план выходят другие задачи. У этнических народов, проживающих в условиях, максимально приближенных к естественной природной среде, возникает необходимость биологической адаптации к природным зонам, а во главу угла может быть положен труд как основа выживания, добыча пищи, постройка жилища, создание одежды. У городского жителя организация жизни построена по-иному. Ему не надо добывать пищу, шить одежду, он покупает их в магазине, он не строит сам жилье, для этого есть строительная индустрия и т. д. Именно город создает ту систему обеспечения жизни человека, которая во многом определяет его образ жизни [162, с. 9].

И в зависимости от качества этой системы у человека появляются возможности наиболее полно удовлетворять собственные потребности, достойные уровень и качество жизни.

Биологические потребности человека связаны с обеспечением личного существования (самосохранения) и с обеспечением сохранения вида. Удовлетворение этих потребностей у человека поддерживается мощными инстинктами, но благодаря наличию высшей нервной деятельности человек осмысливает и направляет свои действия.

Существование городского сообщества можно определить как совокупность способов, которыми институционализируются различные виды человеческой деятельности и которые обеспечивают функционирование и развитие данного сообщества как социального организма. Система жизнеобеспечения должна развиваться исходя из интересов жителей города [65]. Сегодня развитие основных сфер городской жизни во многом, к сожалению, не отвечает требованиям горожан и не удовлетворяет в полной мере их потребности. Но именно горожанина следует рассматривать в качестве главной цели развития города.

Система жизнеобеспечения непосредственно направлена на поддержание жизнедеятельности людей. Разумеется, деятельность людей не сводится к обеспечению своей элементарной жизнедеятельности. Однако эта жизнедеятельность в своей самой элементарной биологической форме служит неперенным условием любой другой человеческой деятельности.

Система жизнеобеспечения функционирует для удовлетворения потребностей человека, которые имеют не только чисто биологический, функциональный, но и социальный характер. Поэтому ей принадлежит особая роль в физическом обеспечении жизнедеятельности людей, а создание достаточно комфортных базисных условий для нормальной жизнедеятельности человека является главной целью функционирования системы жизнеобеспечения горожанина.

Бесспорно, производство материальных благ лежит в основе существования любой общности людей, однако сами эти блага в своей первичной форме еще не обеспечивают воспроизводства жизнедеятельности своих создателей; для этого они должны приобрести специфическую, приспособленную к определенным условиям потребления форму. К числу таких форм относятся жилища, одежда, пища, транспорт, учреждения здравоохранения и образования с их необходимыми дополнительными территориальными компонентами. Именно эти компоненты составляют основу системы жизнеобеспечения человека на территории города.

Из целевого назначения системы жизнеобеспечения ясно, что эта система призвана обеспечить потребление людьми наиболее насущно необходимых для них благ, хотя обычно любой конкретно взятый человек всегда потребляет не только материальные блага, но и духовные. Однако осуществляется обеспечение людей первично необходимыми средствами поддержания их жизни.

Рассматривая жизнеобеспечение как систему удовлетворения потребностей общественного человека, мы должны постоянно иметь в виду, что эти потребности являются не только физиологическими, но и в огромной

мере социально обусловленными, что и накладывает свою специфику на изучение системы жизнеобеспечения города как определенной целостности. Поэтому, изучая жилище, одежду, пищу, транспорт, экологию, мы должны концентрировать наше внимание не только на чисто витальных функциях, но и на том, как в них отразились эстетические, этические, идеологические престижно-знаковые установки общества, входящие в его соционормативную и гуманитарную культуру.

Учитывая все вышесказанное, по нашему мнению, можно дать следующее определение. Система жизнеобеспечения — это совокупность объектов и видов деятельности, функционирование которых обеспечивает удовлетворение неотложных нужд человека и создает минимальные условия его жизнедеятельности.

Яркая черта системы жизнеобеспечения комплексность использования ресурсов среды обитания несмотря на региональные и структурные различия. Комплексность системы жизнеобеспечения тесно связана с системой расселения и использования территории города (в точках повышенной концентрации населения, вокруг мест приложения труда, жилья).

Для поддержания нормального жизненного цикла можно выделить семь основных компонентов системы жизнеобеспечения:

- 1) продукты питания;
- 2) жилище с комплексом жилищных услуг (отопление, электроэнергия, водоснабжение, водоотведение и т. д.);
- 3) одежда;
- 4) транспорт;
- 5) здравоохранение;
- 6) образование;
- 7) экология.

Особенностью организации жизнедеятельности человека является его всевозрастающая способность изменять среду обитания, приспособлять ее не только для биологически необходимой адаптации, но и для все более разностороннего жизнеобеспечения [318, с. 7–8].

В основные задачи включаются изучение особенностей территориальных систем жизнеобеспечения населения в социально-экономических условиях их существования (или организации жизнедеятельности). А также закономерности формирования и функционирования территориальных систем. При изучении особенностей жизнеобеспечения людей можно выделить материальную и духовную стороны существования населения. К первой относится биологическая адаптация людей к природной среде и социально-культурная адаптация, которая связана с их хозяйственной деятельностью и отражается в особенностях материальной культуры (пище, одежде, жилище и т. д.). Ко второй относится главным образом психологическая адаптация людей к окружающей среде и социально-культурному окружению, способность к ослаблению стрессовых ситуаций и т. п. [356].

Вместе с тем не менее важно создавать условия, необходимые для комфортного проживания. Ибо развитие человека во многом зависит от тех условий, в которых он живет, работает, отдыхает, учится и воспитывается.

Условия человеческой жизни должны быть, конечно, комфортными. Однако для большинства людей, живущих в наш век научно-технического прогресса и связанного с ним процесса урбанизации, они все еще таковыми не являются. Особенно те из них, которые отравляют организм, убивают положительные эмоции, пробуждают инстинкты стадности, порождают чувства тревоги, страха и агрессивности. Ничто, пожалуй, так не влияет на человека в этом плане, как современный научно-технический прогресс, а также связанные с ним процессы урбанизации и экологического кризиса, которые изменили образ жизни самого человека.

Следует отметить, что в условиях больших городов существование человека сопряжено с дополнительными существенными затратами здоровья, с напряженной деятельностью биологических и физиологических механизмов организма человека [244]. Высокая плотность индустриальных объектов, непрерывно функционирующие мощные ресурсы, энергетические, транспортные потоки, перемещение значительной массы людей, рост городских коммуникаций, неполадки крупных технических систем (аварии трубопроводов, энерго-, водо-, теплоснабжения и т. д., дорожно-транспортные происшествия и т. п.), увеличение информации, высокая степень загрязнения атмосферы, вод, почвенного покрова неизбежно вызывают у горожанина стрессы, психологическое и эмоциональное напряжение и увеличение числа заболеваний. Мощными стрессовыми факторами в городах являются скученность населения (теснота), нерешенные социально-экономические проблемы, загазованность воздушной среды и шум [176, с. 57]. В условиях ограниченного пространства, а тем более тесноты, у людей появляются чувства потери собственной индивидуальности, неудовлетворенности, раздражения [329; 351].

Нерешенные социально-экономические проблемы, трудности (такие как безработица, неуверенность в завтрашнем дне, невозможность удовлетворения элементарных жизненных потребностей, высокие цены, низкое качество услуг и т. д.) выводят человека из нормального внутреннего состояния, приводят к тяжелым последствиям.

Прямые и косвенные воздействия атмосферных загрязнений отходами производства, а также транспорта приводят к увеличению заболеваемости и даже смертности. Безжалостно убивающим человеческую психику фактором городской среды является шум, который преследует людей повсюду и постоянно. Даже в домах, квартирах, начиненных различного рода техникой (телевизорами, радиоприемниками, магнитофонами, холодильниками, стиральными машинами), окруженных потоками транспорта, заводами, фабриками и другими использующими шумную технику предприятиями, они лишены условий для нормального, здорового отдыха. Эти изменения влияют на социальную активность человека, на возможности его творческой деятельности.

Система жизнеобеспечения в городе должна способствовать уменьшению риска для людей в критических ситуациях, уметь прогнозировать возможные социальные и эколого-природные события, изыскивать возможности совершенствования здоровья людей, способствовать адаптации к меняющимся условиям социальной и экономической среды.

ГЛАВА 3

ИССЛЕДОВАНИЕ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ПОЛЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

3.1. ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ К ИССЛЕДОВАНИЮ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ¹

Тема новой индустриализации активно обсуждается в отечественной науке и практике с 2011 г. и является достаточно дискуссионной, о чем свидетельствует наличие разнообразных точек зрения относительно сущности самого понятия «новая индустриализация». Как минимум, можно констатировать наличие «отраслевого» и «комплексного» подходов к рассмотрению сущности новой индустриализации.

Представители «отраслевого» подхода изучают новую индустриализацию как «совокупность долговременных технических и технологических процессов, позволяющих количественно и качественно обновлять промышленную сферу, включая материально-техническую базу, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), управление, подготовку кадров» [253, с. 16].

Представители «комплексного» подхода дают широкое толкование новой индустриализации, связывают ее с повышением комплексной производительности и качества жизни населения, «...объектом новой индустриализации становятся не только высокотехнологичное производство, но и традиционные отрасли промышленности, сферы услуг, АПК, осваивающие новые технологии. При этом основным объектом индустриализации становится не отрасль с ее специфичным сырьем, оборудованием и технологиями, а глобальный потребительский комплекс, товарные рынки, цепи поставок и создания стоимости...» [36].

Приведем еще одно определение понятия «новая индустриализация», существенного для дальнейшего раскрытия его взаимосвязей с местным самоуправлением: это «синхронный процесс создания новых высокотехнологичных секторов экономики и эффективного инновационного обновления традиционных секторов при общественно согласованных качественных изменениях технико-экономической и социально-институциональной сфер посредством интерактивных технологических, социальных, политических и управленческих изменений» [272, с. 24].

Для изучения процессов новой индустриализации России особое значение приобретает пространственный аспект. Конкретными пространственными формами осуществления новой индустриализации являются регионы и муниципальные образования, среди которых безусловными лидерами вы-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-32-00016 «Исследование реакций периферийных городских округов на изменение региональных экономических параметров в условиях реформирования местного самоуправления».

ступают города как ядра экономического роста и как территории осуществления местного самоуправления. Соответственно, методологически продуктивным, с нашей точки зрения, будет являться использование пространственных концепций (подходов) для исследования процессов новой индустриализации в экономическом пространстве регионов и городов.

Анализ трудов российских ученых, посвященных проблемам экономического пространства, позволяет нам сделать вывод, что существуют различные концепции (подходы) к изучению экономического пространства, а также различные варианты их обобщения и структурирования.

Например, Н. М. Сурнина — автор одного из первых российских исследований в сфере пространственной экономики — выделяет социологический, глобалистический, геополитический (геостратегический), когнитивный, геокультурный (интеркультурный, этноэкономический, неоэкономический, культурологический), геоинформационный, геоэкономический, геоэкологический, цивилизационный (эволюционный, эволюционно-стадийный, циклический), геурбанистический, геосистемный макроподходы [266, с. 36].

Е. Г. Анимидца и В. А. Сухих дополняют перечень теоретических подходов такими, как хозяйственный (деятельностный), процессный, институциональный [19, с. 44–53].

О. А. Бияков, анализируя взгляды современных экономистов на категорию «экономическое пространство», в качестве основных подходов выделяет: ресурсный, территориальный и информационный [34]. Аналогичной точки зрения придерживаются А. В. Митрофанов [198], Е. А. Семак [249], С. В. Захаров [113].

А. Г. Каримов и Э. Р. Чувашаева на основе обобщения существующих точек зрения относительно подходов к исследованию экономического пространства приходят к выводу, что необходимо выделять территориальный, ресурсный, информационный и процессный подходы [128].

А. Ю. Волошина отмечает, что изучение экономического пространства российскими исследователями осуществляется преимущественно в рамках территориальной, ресурсной, факторной и информационной концепций [62].

В. А. Экова, кроме уже указанных, включает в перечень теоретических подходов объектно-субъектный, институциональный, процессный, эволюционно-генетический [312]. И. Н. Корабейников предлагает дополнительно выделять распределительный, социоэкономический, объектный подходы [143].

Следует также упомянуть точку зрения О. В. Иншакова и Д. П. Фролова, считающих, что в экономическом пространстве выделяются шесть компонентов-факторов: человеческий, технический, природный, институциональный, организационный и информационный [122].

Обобщая представленные точки зрения относительно научных подходов к исследованию экономического пространства региона, следует выделить группу базовых концепций (подходов), в которую входят территориальный, ресурсный, информационный и процессный подходы, а также группу дополнительных (вспомогательных) подходов, применение которых зависит от конкретных исследовательских задач. Представим ниже характеристику базовых теоретических концепций (подходов) исследования экономического пространства и интерпретацию их в контексте исследования новой индустриализации.

Наиболее распространенной в экономической науке является *территориальная концепция*. Она основана на использовании в качестве базового детерминанта понятия «территория» при определении экономического пространства, на идентификации географических характеристик (критериев) развития экономических процессов. Классическое определение экономического пространства в духе *территориальной концепции* было дано А. Г. Гранбергом. Согласно ему «экономическое пространство — это насыщенная территория, вмещающая множество объектов и связей между ними: населенные пункты, промышленные предприятия, хозяйственно освоенные и рекреационные площади, транспортные и инженерные сети и т. д.» [81].

П. А. Минакир, глубоко исследуя теоретические аспекты экономического пространства, формулирует такое определение: «пространственная экономика есть форма существования экономики как совокупности взаимодействующих экономических агентов, определенным образом распределенных в географическом пространстве» [197], причем экономическое пространство не является однородным. «Существуют „сгустки“ экономической деятельности, возникающие в местах наилучших с географической, климатической, ресурсной точек зрения условий для ее осуществления» [197, с. 20].

О. Б. Малахова также придерживается территориальной концепции и характеризует экономическое пространство как «определенную географическую территорию, границами которой являются экономические или иные выгоды потребителей продукции и услуг, производимых в рассматриваемом регионе» [189].

В рамках территориальной концепции понятия «пространство» и «территория» зачастую отождествляются. Соотнося между собой понятия пространства, территории и района, Г. Д. Костинский указывает: «Территория есть определенная совокупность мест, получаемая путем их объединения, агрегирования по какому-то единому основанию. Район же — это то, что обязательно выделяется, вычленяется из целостного объекта» [144]. Е. Е. Лейзерович выделяет такие виды пространства, как слабо организованное и строго организованное пространство, как «территории, в границах которых взаиморасположение каких-либо вновь возникающих объектов предопределено предшествующим развитием или набором твердых правил» [167].

Территориальная концепция дает возможность рассмотрения процессов новой индустриализации в рамках определенных границ — географических, государственных и иных. Поскольку в данной концепции базовым параметром определения экономического пространства является территория как место для размещения производительных сил, ведения хозяйственной деятельности, то и идентификация процессов новой индустриализации будет происходить по территориальному признаку. В качестве территорий осуществления новой индустриализации можно рассматривать макрорегионы, регионы, города и т. д.

Следующей в группе базовых концепций (подходов) к исследованию экономического пространства является *ресурсная концепция*, суть которой заключается в идентификации в качестве ключевого фактора, определяющего экономическое пространство, наличия ресурсов в регионе и отношений по поводу их использования, распределения и перераспределения. Для ис-

следования процессов новой индустриализации данная концепция также будет одной из основных, поскольку эти процессы достаточно ресурсоемкие.

В. В. Радаев определяет экономическое пространство как «совокупность экономических действий» [232, с. 20, 21]. Под экономическим действием он понимает «ненасильственное использование ограниченных ресурсов, имеющих различное употребление, для достижения количественно определенной цели, связанной с обеспечением жизнедеятельности людей» [232, с. 20, 21]. В работе В. И. Певтиева экономическое пространство определено через систему отношений по использованию экономических ресурсов [218, с. 34].

И. А. Кучин и А. И. Лебедев представляют экономическое пространство как «дискретное распределение... источников сырья, предприятий по его переработке и рынков реализации продукции» [160].

Развернутая трактовка экономического пространства с позиций ресурсного подхода представлена В. В. Чекмаревым, по мнению которого экономическое пространство — это «пространство, образованное: а) физическими и юридическими лицами (субъектами), которые для реализации своих экономических потребностей и выражающих эти потребности экономических интересов вступают в экономические отношения; б) физическими и нефизическими объектами, являющимися источниками экономических интересов и экономических отношений» [297]. Источниками же экономических интересов выступают экономические ресурсы.

В рамках ресурсной концепции весьма интересен феномен «региональной идентичности», материальные и нематериальные аспекты которой связаны с пространственным размещением и освоением региональных социально-экономических ресурсов. По мнению С. С. Галазовой, региональная идентичность является одним из пространственных факторов экономического развития [64]. В этом контексте приведем конкретный пример. Так, для Свердловской области, как традиционно-промышленного или индустриального региона, процессы индустриализации являются фактором проявления региональной идентичности: взаимосвязь понятий «город» и «индустриализация» имеет ярко выраженную степень проявления. Промышленность локализуется в городах и определяет также тип города, выступая в качестве градообразующего фактора. В Свердловской области насчитывается 68 городских округов, что больше, чем в каком-либо другом субъекте Российской Федерации, и истоки присвоения статуса городского округа восходят именно к процессу индустриализации 1930-х годов [97].

В рамках *информационной концепции* при идентификации экономического пространства в качестве главенствующего рассматривается информационный фактор.

С. И. Паринов говорит о том, что экономическое пространство формируется экономическими агентами, которые обмениваются информацией¹. И. М. Сыроежин рассматривает экономическую систему с позиций экономической кибернетики, уделяет внимание информационному обмену между элементами хозяйственной системы [269; 270; 313].

¹ Паринов С. И. Информационные взаимодействия в экономическом пространстве. — URL: http://rvles.ieie.nsc.ru/parinov/net-model.htm#_Toc444232158

Е. Ю. Иванов в своем исследовании отмечает, что экономическое пространство формируется информационными потоками, которые циркулируют между хозяйствующими субъектами и определяют структуру этого пространства¹.

С. В. Макар, развивая мысль об информационном факторе и его значимости для экономического пространства, предлагает сформировать *информационно-экологический подход*, суть которого заключается в накоплении и обобщении знаний о пространственных слоях — субпространствах — на базе преимуществ экологического подхода, т. е. исследований последствий развития отношений между пространственными элементами и структурами [186].

Отметим, что на современном этапе развития экономической науки значимость информационного фактора возрастает. Информационное обеспечение и информационное обслуживание выступают в качестве самостоятельных видов экономической деятельности, значение которых в процессах новой индустриализации и цифровизации экономики значительно усиливается. На региональном и локальном уровнях взаимодействие хозяйствующих субъектов с экономическим пространством осуществляется в том числе в форме обмена информацией и встраивания в информационные потоки.

Процессная концепция исследования экономического пространства региона предложена О. А. Бияковым. Он определяет экономическое пространство как «отношение между экономическими процессами субъектов хозяйствования и совокупным экономическим процессом (V-процессом) по формированию возможных результатов экономической деятельности» [34]. Элементами экономического пространства являются экономический процесс, экономическое время, экономическая конкуренция. Новая индустриализация, с одной стороны, сама по себе является экономическим процессом, а с другой стороны, генерирует новые экономические процессы в пространстве региона или города. Кроме того, новая индустриализация приводит к сжатию экономического времени.

Н. С. Чернецова рассматривает экономическое пространство как систему «взаимосвязей внешних упорядочивающих и внутренних организующих факторов деловой активности хозяйствующих субъектов и обеспечивающих их механизмов в социоэкосистемах „природа — человек — общество“» [298].

В рамках процессной концепции О. П. Звягинцева трактует экономическое пространство как систему, уровни которой «в разной степени заполнены реальными хозяйственными системами, формами их взаимодействия и происходящими внутри них хозяйственными процессами, выражающими их экономические отношения... Другими словами, экономическое пространство заполнено механизмами воспроизводства экономических благ, адекватных человеческим потребностям, их структуре и содержанию» [114]. В этой связи особо отметим, что идея и задача новой индустриализации должна быть понятна населению страны, и в этой связи от органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления будет

¹ Иванов Е. Ю. Информация как категория экономической теории. — URL : <http://rvles.ieie.nsc.ru/parinov/ivanov/ivanov1.htm>.

зависеть очень многое, так как именно они являются самыми близкими населению органами управления. В каждом регионе или муниципальном образовании формируется особое социокультурное пространство. В муниципальных образованиях функционируют объекты здравоохранения, образования, жилищно-коммунального хозяйства, социальной защиты, культуры и искусства, торговли и общественного питания, бытового обслуживания населения и т. д. В контексте новой индустриализации важно определиться с тем, какие механизмы и инструменты инновационного развития объектов сферы жизнеобеспечения могут реально применять и реализовать органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления на подведомственных территориях. Обеспечение надлежащего качества жизни населения тоже одна из задач новой индустриализации.

В заключение отметим, что новая индустриализация, как сравнительно недавно возникший объект в экономических исследованиях, пока имеет весьма неоднозначное толкование, и сейчас идет поиск подходов и методов ее исследования. Пространственные концепции, безусловно, станут одним из компонентов данного научного дискурса.

3.2. ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ ФАКТОРОВ РАЗМЕЩЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Любая теория базируется на основополагающих терминах и понятиях, которые составляют сущность, фундамент этой науки. К одному из таких понятий в региональной экономике относятся факторы размещения. Л. В. Смирнягин говорил о том, что расстояние и место являются фундаментальными понятиями географии, составляя ядро науки. Безусловно, факторы размещения находятся в тесной взаимосвязи с этими базовыми понятиями [254].

Под факторами размещения в самом общем виде понимают совокупность многочисленных разнокачественных условий, ресурсов, предпосылок, необходимых для выбора места размещения или дальнейшего развития какого-либо социально-экономического объекта с точки зрения его особенностей, избранных критериев и поставленной цели.

Анализ факторов размещения позволяет предприятиям минимизировать издержки и максимизировать прибыль, размещаясь на определенной территории, вне зависимости от результатов производственной деятельности предприятия. Региональным и местным органам власти понимание совокупности факторов размещения дает возможность четче сформулировать стратегию экономического развития территории, помогает разрабатывать механизмы регулирования регионального развития. Инвестиционные стратегии, особенно крупного бизнеса, ориентированные во многом на страновые и региональные факторы размещения, приводят к формированию пространственной структуры региональной и национальной экономики, формируют современную географию отраслей реального сектора российской экономики, создают кластеры, центры, точки экономического роста, с одной стороны, и проблемные территории — с другой [119; 153]. Соответственно, путем воздействия на факторы размещения создается благоприятный деловой, инвестиционный климат на территории.

Однако сущность теории факторов размещения модифицируется со временем и наполняется новым содержанием, отражающим современные тенденции и особенности социально-экономического и политического развития.

3.2.1. ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ ФАКТОРОВ РАЗМЕЩЕНИЯ

Существует длительная история исследования влияния различных факторов на выбор места размещения тех или иных видов деятельности. К одной из первых работ относится исследование Иоганна фон Тюнена «Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике» (1826 г.), где предложена абстрактная модель размещения различных видов сельскохозяйственного производства в зависимости от расстояния от рынка сбыта и величины транспортных издержек [289].

Развивая идею влияния транспортных издержек, В. Лаунхардт в своем исследовании «Практика эффективного размещения предприятий» (1882 г.) предложил метод локационного треугольника, позволяющего решать задачу минимизации транспортных издержек и нахождения пункта оптимального размещения производства относительно источников сырья и рынков сбыта продукции [35; 236].

Альфред Вебер сфокусировал свое внимание на факторах, влияющих на размещение промышленного производства, и обосновал так называемую штандортную теорию оптимального размещения [55]. Вальтер Кристаллер дополнил классическую штандортную теорию функциями и положениями размещения системы населенных пунктов и сформулировал теорию размещения в рыночном пространстве системы населенных пунктов (центральных мест). Под «Кристаллеровской решеткой» понимают территорию, которая покрывается шестиугольниками с городами-центрами внутри, что позволяет минимизировать расстояние и транспортные затраты при перевозке продукции и при поездках населения в центральные места за покупками и обслуживанием [322].

А. Леш в работе «Географическое размещение хозяйства» дал системное описание процессов размещения производства на территории и образования экономических районов [170].

Исследования в первую очередь были направлены на определение правил и принципов рационального поведения экономических агентов при размещении производства на определенной территории.

Однако исследователи постепенно переходили от анализа единичного промышленного предприятия к их взаимосвязанной совокупности. Здесь следует отметить труды О. Энглендера и Т. Паландера, которые от принципа минимизации транспортных издержек перешли к принципу максимизации прибыли, что потребовало дополнительно вводить в разрабатываемые модели показатели цены, ренты, а также учитывать спрос и предложение [35].

Наконец, исследователи подошли к построению модели общего пространственного экономического равновесия, которая объединяла частные теории размещения производства и содержала математическое описание множества факторов, включая транспортную инфраструктуру, размещение региональных рынков, миграционные потоки населения, уровень цен и т. п. Среди наиболее известных — модель общего экономического равновесия Л. Вальраса.

В советский период факторам размещения придавалось решающее значение, поскольку одной из главных целей развития народного хозяйства

страны было оптимальное размещение предприятий и организаций на территории страны. Обоснованию процессов размещения советских предприятий посвящали свои работы А. Е. Пробст [228], П. Я. Бакланов [28], В. В. Покшишевский [222], А. Т. Хрущев [296], Ю. А. Шаталин [302] и др.

В ряду данных теорий следует отметить концепцию экономико-географического положения (ЭГП), которая фактически является совокупностью, квинтэссенцией факторов размещения, работающих именно в данном, конкретном месте. К основоположникам данной концепции относятся И. М. Маергойз [184] и Н. Н. Баранский [29]. ЭГП — это совокупность пространственных отношений к внешним природным, хозяйственным и иным объектам, внешним данностям, имеющим для какого-либо объекта определяющее социально-экономическое значение. При изучении ЭГП акцент делается на то, как объект располагается по отношению к тому, что находится за его пределами. ЭГП включает несколько основных видов, в том числе: промышленно-географическое, т. е. положение по отношению к источникам энергии, источникам основных видов сырья и материалов, местам концентрации предприятий обрабатывающей промышленности; аграрно-географическое — относительно баз продовольствия и сельскохозяйственного сырья; транспортно-географическое — относительно магистральных путей и транспортных узлов; рыночное — по отношению к рынкам поставки и сбыта товаров и оказания услуг; демогеографическое — относительно трудовых ресурсов, научно-технических кадров; информационно-географическое; геополитическое — относительно дислокации органов власти международного, национального (государственного) и местного уровня, местожительства лиц, олицетворяющих мощь государства, и т. п. [14].

3.2.2. ФАКТОРЫ РАЗМЕЩЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ

Исследования и практика доказывают, что факторы производства имеют разную значимость для производства различных видов товаров и услуг. Технологические особенности производства и структура затрат на производство той или иной продукции формируют особые требования к факторам производства. Существуют материалоемкие, топливоемкие, энергоемкие, водоемкие, трудоемкие, наукоемкие производства, которые зависят именно от данных видов ресурсов и особенно чувствительны к стоимости этих ресурсов, их доступности и качеству. Кроме того, надо учитывать такой момент, как транспортабельность продукции (или транспортабельность ресурсов и сырья).

Промышленные предприятия по их отношению к факторам размещения можно условно разделить на следующие типы.

1. Транспортно-ориентированные предприятия — те, для которых транспортные затраты составляют значительную долю в общих производственных затратах. Этот тип в свою очередь делится на два подтипа:

а) предприятия, размещающиеся около источников сырья (ориентированные на сырье). В этом случае затраты на транспортировку сырья превышают затраты на транспортировку готовой продукции, поэтому предприятия

экономят на транспортных затратах, размещаясь ближе к источникам сырья. К такому типу относятся предприятия, имеющие следующие особенности в технологических процессах: в процессе производства сырье теряет вес; в процессе производства сырье теряет объем; сырье портится быстрее, чем готовая продукция. В «перетягивании каната» в этом случае также будет выигрывать сырье, но не потому, что оно тяжелее, а потому, что его транспортировка является более дорогой;

б) предприятия, размещающиеся около рынков сбыта (рыночно-ориентированные), если в транспортных затратах преобладают затраты на перевозку готовой продукции. Это происходит в тех случаях, когда в процессе производства готовая продукция получает дополнительный вес за счет использования повсеместных факторов производства (например, добавления воды); когда готовая продукция имеет больший объем, чем исходное сырье и материалы (например, сборочные технологии, особенно сельскохозяйственная и строительная техника); когда готовая продукция быстрее портится, более хрупкая, чем сырье, или более опасна при транспортировке. Такие производства имеют тенденцию размещаться около рынка сбыта не потому, что готовая продукция тяжелее, а потому, что ее транспортировка обходится дороже.

2. Предприятия, ориентированные на локальные ресурсы. Ресурс рассматривается как локальный, если он не может быть эффективно транспортирован. Здесь можно выделить следующие основные подтипы:

а) трудоемкое производство имеет тенденцию размещаться в регионах с дешевой рабочей силой;

б) предприятия, использующие высококвалифицированную рабочую силу, ориентируются на качество городской среды, которое генерирует и привлекает рабочую силу более высокой квалификации;

в) энергоемкие производства размещаются в регионах с дешевой энергией и т. п.

Именно предприятия, ориентированные на локальные ресурсы, чувствительны к агломерационному фактору, поскольку крупные города и городские агломерации концентрируют разнообразные локальные ресурсы. О важности агломерационных факторов при принятии решения о размещении предприятий разной специализации говорят многие исследователи [33].

3.2.3. ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ ФАКТОРОВ РАЗМЕЩЕНИЯ

Существует множество различных подходов к классификации факторов размещения. В российской практике нередко факторы классифицируют по ресурсным признакам (сырье, водные ресурсы, рабочая сила, транспортная инфраструктура и т. п.).

В западной практике принято деление факторов размещения на так называемые «твердые (жесткие)» и «мягкие» [355]. Под «твердыми» факторами понимаются те, которые заданы природно-климатическими, геологическими условиями, а также капитальными вложениями в экономику — климат, наличие и стоимость природных ресурсов, транспортная инфраструктура, энергетическое обеспечение, водоснабжение и т. п. Такие факто-

ры достаточно постоянны, их изменение или невозможно, или требует значительных капитальных вложений и долгосрочной перспективы. К «твердым» факторам относят те, которые непосредственно влияют на стоимость производства и которые можно измерить. К «мягким» факторам относят те, которые влияют на стоимость продукции опосредованно, и это влияние сложно измерить. Например, исследования, с одной стороны, подчеркивают важность имиджа места размещения, с другой — говорят о сложности его количественного измерения¹. «Мягкие» факторы можно достаточно быстро модифицировать, создав более благоприятную среду для предприятий. К таким факторам обычно относят законодательство, институциональную среду, качество рабочей силы, имидж региона или города, качество жизни на территории, в том числе возможности для отдыха и развлечений, наличие сектора исследований и разработок, традиции и историю места и т. п. Многие исследователи подчеркивают, что именно «мягкие» факторы приобретают в последнее время решающее значение [348].

Еще один «мягкий» пространственный фактор, о котором необходимо сказать отдельно, отражает административные и экономические барьеры взаимодействия в пространстве. Под барьером понимаются любые препятствия, вызывающие нарушения взаимодействия во времени и пространстве. Барьеры связываются с более высокими издержками, которые возникают в начале и в последующем периоде осуществления деятельности в пределах соответствующего локального рынка.

Питер Нийкамп выделяет несколько видов барьеров: физические (связанные с наличием природных препятствий, неразвитостью транспортной инфраструктуры или просто с пространственной удаленностью каких-либо территорий); экономико-политико-правовое (связанные с наличием различных валютных систем, тарифными системами, пограничными таможенными требованиями, правилами рыночного регулирования и т. п.); социокультурные (связанные с языковыми, ментальными и культурными различиями, различиями в уровне образования и доходах населения, социальными группами и сетями и т. п.) [355].

Экономико-политико-правовые и социокультурные барьеры, или барьеры входа, важнейшие структурообразующие факторы экономики территории, во многом определяющие уровень ее конкурентоспособности, условия равновесия, эффективность размещения ресурсов, динамику развития в целом.

Административные барьеры возникают в результате действий органов власти в процессе регулирования экономики: лицензирования, регистрации, налогообложения, регулирования цен, ограничения по перемещению товаров и т. п. В самом широком смысле под административными барьерами понимают специфические трудности, препятствующие входу предпринимателей на рынок, осуществлению и развитию предпринимательской деятельности, обусловленные несовершенством проводимой политики либо сознательным ущемлением интересов хозяйствующих субъектов со стороны различных органов власти путем принятия актов, совершения действий

¹ *Enquiry of Enterprises*. — URL : http://www.oeaw.ac.at/isr/comet/documents/Final_Results/COMET_deliv_no07_WP6_Enquiry%20of%20Enterprises.pdf.

или, наоборот, бездействия. Административные барьеры могут создаваться на различных уровнях власти.

Несмотря на значимость административных барьеров, не менее важны экономические барьеры, связанные с поиском стартового капитала, арендой помещений, подбором кадров и т. п. Издержки, обусловленные экономическими барьерами, имеют значительные пространственные различия. Например, в крупнейших городах концентрация квалифицированной рабочей силы, финансовых ресурсов, развитый рынок нежилых помещений дают большую свободу выбора и в определенном смысле снижают издержки. Здесь же преимущественно действуют программы поддержки малого предпринимательства. Различные ассоциации малого бизнеса в основном функционируют также в крупнейших городах. Напротив, более высокая арендная плата, повышенный уровень заработной платы усиливают экономические барьеры.

Важность административных факторов подчеркивают многие исследователи, анализируя различия в структуре факторов размещения и пространственной структуре экономики и общества в разных административно-хозяйственных системах [33; 115; 239]. Советская система значительно трансформировала рыночные факторы размещения, что приводило к формированию специфической пространственной структуры советской экономики, отличавшейся более равномерным размещением производства и населения по территории страны.

Близкий подход к классификации факторов на «твердые» и «мягкие» — деление факторов на относительно постоянные и относительно переменные. Постоянные факторы (которые во многом совпадают с перечнем «твердых» факторов) представляют основу специализации хозяйства территорий. Это инженерно-геологические условия строительства (например, тектонические характеристики), климатические условия, месторождения полезных ископаемых и др. К переменным факторам относятся количество и качество трудовых ресурсов, обеспеченность инфраструктурой, темпы экономического роста и т. п. Их отличительная особенность — они наиболее управляемы. В каждый данный период переменные факторы отражают результаты хозяйственной деятельности людей.

Существует также ряд других подходов к классификации факторов размещения.

Например, по территориальному уровню факторы размещения принято разделять на мировые, национальные, региональные и локальные. Мировые факторы в целом влияют на изменение приоритетов и принципов размещения, трансформируя географию мирового хозяйства. Среди наиболее значимых мировых факторов — информатизация общества, снижение транспортных издержек и как следствие увеличение мобильности населения и капитала и ряд других. Л. В. Азарова, анализируя влияние различных факторов на развитие отраслевой структуры Омской области, выделяет такие факторы, как процесс перемещения предприятий в годы Великой Отечественной войны или факторы рыночной экономики [2]. Однако подобные факторы являются общенациональными и влияли в той или иной степени и в том или ином направлении (в зависимости от региональных

особенностей и условий) на все территории страны. Л. Ф. Сухова рассматривает факторы, влияющие на размещение предприятий автотранспортных услуг, подчеркивая необходимость оптимального размещения различных предприятий сферы услуг в пространстве города, т. е. на локальном уровне [268].

Еще один подход к классификации факторов — деление их на производственные и градостроительные. Производственные факторы, как правило, зависят от отраслевой принадлежности предприятия. Градостроительные факторы действуют независимо от вида отрасли. Для каждого предприятия более предпочтительны площадки, благоприятные по инженерно-геологическим условиям, имеющие возможности для дальнейшего расширения, а также площадки, освоение которых гарантирует соблюдение санитарно-гигиенических требований. Для размещения каждого предприятия важны наличие строительной базы, условия транспортного и инженерного обеспечения, развитие системы научно-технического потенциала, образования и сферы культурно-бытового обслуживания.

Также можно делать разграничение между положительно влияющими и отрицательно влияющими факторами. Два полюса работают подобно перетягиванию каната. Какая группа факторов будет преобладать, такой кумулятивный эффект в данном месте и будет наблюдаться. Положительно влияющие факторы выступают в качестве «притягивающего» стимула, отрицательно влияющие факторы, напротив, могут приводить к «выталкиванию», вытеснению бизнеса с территории или исключению этой территории из перечня возможных мест размещения. Если разделить все факторы размещения на притягивающие и выталкивающие, то среди выталкивающих необходимо на первое место поставить экологические. Высокие требования к экологическим параметрам производства выталкивают «грязные» производства в страны с более гибкими и мягкими условиями регулирования, а также с менее требовательным населением, которое не будет возражать против размещения такого типа производств. Показательно, что в последнее время наблюдается волна протестов против размещения экологически опасных предприятий в России, в частности в Свердловской области.

По степени влияния на размещаемый объект выделяют определяющие и влияющие, или главные и не главные, факторы. При этом важен удельный вес данной составляющей в производственных затратах. Можно говорить о «весе фактора». Например, отрасли энергоемкой или трудоемкой ориентации — это по сути качественные характеристики веса фактора. Используя многомерный факторный анализ, можно определить вес (значение) того или иного фактора.

По возможности транспортировки факторы делятся на транспортируемые и нетранспортируемые (локальные). По мере снижения транспортных затрат все больше снижается значимость транспортируемых факторов и усиливается важность локальных факторов. В последние десятилетия транспортные затраты становятся относительно менее важными по ряду причин. Во-первых, в структуре экономики снижается доля производства продукции, а поскольку производство продукции имеет тенденцию быть более транспортно-ориентированным, чем производство услуг, совокупная значи-

мость транспортных затрат для экономики в целом снижается. Во-вторых, инновации на транспорте, такие как контейнерные технологии, автоматизация погрузочно-разгрузочных работ и т. п., снижают затраты на транспортировку. Инновации в производстве снижают физический вес необходимого для производства сырья, вследствие чего снижаются общие транспортные затраты, кроме того, некоторые транспортно-ориентированные фирмы переключаются на местные ресурсы. Например, в сталеплавильной промышленности количество угля и руды необходимых для выплавки одной тонны стали сократилось в результате использования вместо руды металлолома. По мере снижения уровня транспортных затрат уменьшается относительная значимость регионов богатых природными ресурсами и увеличивается привлекательность регионов, имеющих необходимые локальные ресурсы (дешевую или высококвалифицированную рабочую силу, развитую инфраструктуру, качественную среду).

Развитие Интернета и коммуникационных технологий привело к формированию мнений о потере значимости пространства. Исследователи предсказывали, что возможность работать удаленно (по Интернету) способна приводить к сокращению численности работников в традиционных офисах. Однако эти прогнозы не оправдались. Даже электронная торговля, набирающая обороты, не сможет полностью заменить традиционный «шопинг», который во многом является способом проведения свободного времени. Как верно подчеркивал Л. В. Смирнягин, в западной экономической литературе принято различать две стадии приобретения товара потребителем: «найти товар» и «опробовать товар» (search goods and experience goods) [254, с. 432]. Если в первом случае личное присутствие вполне может быть заменено поиском товаров в Интернете, то во втором случае потребитель предпочитает непосредственный контакт. В результате к пространству стали предъявляться едва ли не большие требования, именно в силу того, что расстояние преодолевается гораздо быстрее и все большее количество мест вовлекается в совокупное мировое пространство.

Вследствие сокращения транспортных издержек предприятия могут следовать за другими факторами размещения (природными ресурсами, дешевой рабочей силой, рынками сбыта и т. п.). В научной литературе такой процесс характеризуется термином «делокализация». В частности, К. Мерсье-Сюисса выделяет четыре стратегии делокализации предприятий [196]. Первая стратегия — следование за менее дорогим сырьем. Так, многие китайские предприятия работают в Африке в нефтяной и горнодобывающей отрасли.

Вторая стратегия — следование за дешевой рабочей силой с целью снижения издержек развития массового производства. Как правило, на таких предприятиях используется неквалифицированная и низкоквалифицированная рабочая сила. В частности, многие европейские предприятия размещали свои производственные мощности в странах с низким уровнем заработной платы. Китай, Таиланд, Мексика и Индия традиционно рассматривались как страны с дешевой рабочей силой, куда в последние годы активно перемещаются американские компании¹.

¹ *Global Wage Report 2016/17: Wage inequality in the workplace*. International Labour Office — Geneva: ILO, 2016. — URL : http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_537846.pdf.

Третья стратегия — коммерческая, когда предприятия, выходя на местный рынок, избегают ограничений, связанных с экспортом своей продукции. Предприятие в этом случае стремится проникнуть на новые закрытые рынки, где предпринимаются протекционистские действия. Обход протекционистских торговых барьеров, таможенных пошлин и квот является решающим фактором деллокализации. Подобная стратегия актуальна для России, когда ряд зарубежных инвесторов размещают производство продуктов питания, запрещенных к ввозу в нашу страну вследствие санкций. Во многих случаях происходит комбинация производственной (с целью снижения издержек) и коммерческой (выход на новые рынки сбыта) стратегий.

Наконец, четвертая стратегия — кластеризация предприятий и выход на новые рынки в качестве объединенного кластера с целью повышения совокупной конкурентоспособности.

Перемещение предприятий, следующих за более экономичными факторами производства и за новыми рынками сбыта, привело к формированию новой пространственной структуры промышленного производства. Однако сравнительный анализ деятельности предприятий, работающих в странах, предоставляющих разнокачественные факторы размещения, показал, что оценка эффективности должна учитывать полные издержки, связанные как с производством, так и с управлением, а также возможные риски, связанные с удаленностью производства от штаб-квартиры компании. В частности, отмечается, что удаленность не только усложняет систему управления, но и повышает риски утраты или кражи товаров, замораживания инвестиций, что в совокупности может нивелировать полученные выгоды от более дешевых факторов производства. В последнее время наблюдается обратная тенденция — перенос производственных мощностей в европейские страны. Подобные процессы характерны для Германии. Привлекательность ряда стран также может снижаться, например, вследствие укрепления валюты по отношению к доллару, инфляции.

При реализации стратегии перемещения предприятий за рубеж зачастую национальные, региональные интересы и интересы компаний вступают в противоречие, поскольку в этом случае территория теряет налоговую базу, а также потенциальные рабочие места. Именно поэтому усиливается межстрановая и межрегиональная конкуренция за инвестиции. Однако возможна и противоположная ситуация, когда чрезмерная экспансия каких-либо предприятий может рассматриваться как угроза экономической безопасности. Так, в Великобритании высказывают беспокойство относительно растущей экспансии Китая в энергетический сектор страны [322].

Ряд исследователей выделяет традиционные или классические факторы (к которым можно отнести наличие рынков сбыта, развитость транспортной инфраструктуры, рынок труда) и современные (экономический климат, наличие институтов поддержки бизнеса, рынок капитала, уровень и качество жизни, инфраструктура информатизации и телекоммуникаций и т. п.). Так, П. Дуналь, М. Плазьяк и А. Шиманьска провели опрос среди представителей архитектурных и строительных компаний и выяснили, что классические факторы сохраняют свою значимость, однако все большее значение приобретают современные факторы. В исследовании было еще раз доказано,

что иерархия различных факторов определяется сферой экономической деятельности [107].

По наличию факторы делятся на точно размещенные (редкие) и повсеместно размещенные. С данной классификацией связано понятие «потенциал фактора», т. е. величина различий от места к месту. Некоторые факторы становятся настолько повсеместными, что перестают оказывать влияние на размещение производства, поскольку не меняются в зависимости от места. Например, наблюдается тенденция выравнивания различий в уровне обеспеченности отдельных мест объектами инфраструктуры. Нельзя говорить об исчезновении влияния этих факторов, однако налицо снижение их потенциала, т. е. уменьшение силы тяготения фактора в пределах данной территории. В качестве примера можно привести телефонную связь. Если еще десять лет назад обеспеченность населения (территории) стационарными телефонами являлась одним из показателей, характеризующих уровень инвестиционной и инновационной привлекательности территории, и повышение этого уровня входило в стратегические приоритеты многих регионов и городов, то с развитием мобильной связи этот показатель утратил значимость. В итоге стали появляться исследования, утверждающие, что место само по себе не важно и что производство любых товаров и услуг может быть размещено в любом месте.

С другой стороны, современные исследования доказывают значимость расстояния при изучении агломерационных эффектов и при анализе размещения объектов сферы услуг. Деловые услуги особенно чувствительны к расстоянию. Возможность быстрого личного контакта с партнерами по бизнесу и с клиентами является одним из важнейших факторов успеха. Большинство предприятий сферы услуг ориентируется на платежеспособный спрос и стремится размещаться в тех местах, которые обеспечивают максимальный доступ к потребителям с высокими доходами. В рекламе некоторых площадок для размещения именно фактор контактности с потребителем (иногда с потребителем особого класса) ставится на одно из первых мест. Это приводит к концентрации данных объектов и формированию иерархических центров обслуживания. Данное обстоятельство удивительным образом повторяет дореволюционные закономерности размещения предприятий. Например, исследование по размещению предприятий в Санкт-Петербурге в XVIII–XIX веках показало, что в центральных районах города располагались объекты, ориентированные на платежеспособную дворянскую верхушку и царский двор [222].

3.2.4. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И ФАКТОРЫ РАЗМЕЩЕНИЯ

Влияние кризисных явлений и растущая неопределенность накладывают отпечаток на процессы экономического развития и выбор тех или иных локаций для размещения и развития различных видов деятельности. Современные тенденции развития экономики на мировом и региональном уровне описываются концепцией «новой нормальности» («new normal»), включающей низкие темпы экономического роста, сопровождающиеся до-

статочно высоким уровнем безработицы и, соответственно, падением реальных доходов населения, что меняет ожидания населения и его потребительское поведение. Как отмечают Е. Г. Анимица, Я. П. Силин и Н. В. Новикова, проявление «новой нормальности» Урала и Свердловской области заключается в достижении точки невозврата, и многие территории уже не смогут вернуться к предыдущей динамике развития, «если не будут предприняты совершенно новые экстраординарные меры, позволяющие вывести экономику региона из лабиринта „new normal“ и перевести ее на принципиально новый тип и уровень развития» [252].

Все это приводит к ухудшению совокупного инвестиционного климата и модификации факторов размещения. Соответственно, территории должны адекватно реагировать на эти вызовы и формировать новые точки роста и современные аттракции для бизнеса и населения.

Кроме того, практически все виды деятельности, в том числе промышленность, переживают внутреннюю трансформацию, которая связана с внедрением новых технологий. Меняется не только внешняя среда, но и внутренние процессы. Современная промышленность переживает существенную трансформацию, выражающуюся, во-первых, во внедрении креативных элементов в традиционные технологические процессы; во-вторых, в активном внедрении креативных видов деятельности в сопутствующие и обслуживающие процессы.

Новая индустриализация, которая также оказывает влияние на трансформацию определяющих факторов размещения, все больше проявляется и в экономике РФ. Усиливается инновационная и интеллектуальная составляющая происходящих процессов, все в большей степени просматривается нестандартный характер производства, индивидуализация технологических процессов. Акцент все больше ставится на развитии приборостроения и производства сложного медицинского оборудования, химико-фармацевтической, микробиологической и химической отраслей, высокотехнологичного сектора в сфере услуг (оптико-волоконная и космическая связь, интернет-услуги и др.), наукоемких услуг в здравоохранении, образовании и в финансовом секторе. Подобные виды деятельности предъявляют особые требования к качеству рабочей силы, которая, в свою очередь, чувствительна к параметрам городской среды [243].

Сущностные характеристики креативной экономики включают такие параметры, как инновационное развитие и инвестиции в НИОКР, опора на человеческий капитал, высокая доля наукоемких производств в ВВП.

Внедрение информационных технологий, с одной стороны, позволило отойти от стандартизированного массового процесса производства, но с другой — предъявляет иные требования к качеству рабочей силы. Все большее значение придается креативному дизайну изделий, креативной рекламе и продвижению промышленной продукции, креативной упаковке и т. п.

В этом контексте должна переосмысливаться роль человека, с одной стороны, как одного из основных факторов новой (креативной) индустриализации, с другой — как потребителя ее результатов. В результате акцент смещается с совокупности факторов размещения на изучение влияния региональной (городской) среды в целом. Все большее внимание исследователей и практиков привлекает феномен креативности регионов и городов [117; 180].

Как уже отмечалось, стратегия, базирующаяся на использовании факторов размещения, была в основном нацелена на привлечение внешних инвестиций, создание стимулов для перемещения уже существующих предприятий, ориентированных на те или иные факторы размещения и в целом на снижение издержек производства. В таких случаях типичными стимулами являлись развитие транспортной и инженерной инфраструктуры, регулирование стоимости важнейших ресурсов необходимых для производства. Второй тип стратегии, базирующийся на формировании креативной среды (*milieu*), в большей степени направлен на выращивание собственных предприятий, стартапов, уделяет внимание культуре, коммуникациям и другим факторам, влияющему на креативность места [365]. Так, в условиях цифровизации всех видов деятельности все большее значение приобретает инфраструктура, которая обеспечивает синергетическое взаимодействие различных технических решений, совместимость, обработку, обмен и хранение данных. Ключевым фактором инновационного развития становится создание условий для внедрения прорывных технологий, таких как Интернет вещей, искусственный интеллект, виртуальная и дополненная реальность, системы идентификации, распределенные реестры и др., что обеспечивает создание добавленной стоимости на основе анализа большого объема цифровых данных (*big data*). Именно эти факторы становятся предопределяющими факторами размещения и факторами инновационного развития территорий.

Таким образом, за более чем сто лет теория факторов размещения претерпела значительные изменения и продолжает трансформироваться, отражая реалии и вызовы времени. Понимание данной теории может стать действенным инструментом в повышении конкурентоспособности стран, регионов и городов.

3.3. МЕТОДОЛОГИЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ПОТЕНЦИАЛА НОВОЙ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ МАКРОРЕГИОНА

Проблема изучения потенциала территории (региона) представляется достаточно сложной, поскольку, во-первых, имеется множество противоречивых, часто взаимоисключающих толкований данного понятия, что не дает возможности определиться с его составляющими; во-вторых, не существует общепринятого подхода к анализу потенциала и его оценке. Проблема выявления потенциала новой индустриальной модернизации региона (макро-региона) представляется как еще более сложный и малопроработанный объект исследования. Методология выявления потенциала новой индустриальной модернизации требует решения следующих основных вопросов:

1) определение экономической сущности понятия «потенциал новой индустриальной модернизации региона»;

2) изучение способов и методов выявления и анализа потенциала новой индустриальной модернизации региона.

Для выявления экономической сущности потенциала новой индустриальной модернизации региона нами использован «категориальный» методологический подход.

В этимологическом значении термин «потенциал» происходит от латинского *potentia* — сила, возможность и трактуется как [290, с. 764]:

1) физическое понятие, характеризующее величину потенциальной энергии в определенной точке пространства;

2) совокупность средств, условий, необходимых для ведения, поддержания, сохранения чего-нибудь.

Большая советская энциклопедия формулирует потенциал значительно шире — как «средства, запасы, источники, имеющиеся в наличии и могущие быть мобилизованы, приведены в действие, использованы для достижения определенных целей, осуществления плана, решения какой-либо задачи; возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области» [47].

В экономической литературе в терминологическом плане «потенциал» используется для обозначения разнообразных понятий, имеющих различную смысловую нагрузку (например, экономический потенциал, производственный потенциал, ресурсный потенциал, трудовой потенциал, научно-технический потенциал, потенциал рынка, экспортный потенциал, потенциал страны, региональный потенциал, потенциал фирмы и т. д.).

Новая экономическая энциклопедия понятие «потенциал» трактует в двух аспектах — широком и узком [245, с. 401]:

1) энергетическая характеристика параметра;

2) в экономике — совокупность различных видов ресурсов, включая материальные, финансовые, интеллектуальные, научно-технические и иные, с помощью которых можно получить определенные результаты, например, интеллектуальный потенциал, производственный потенциал, предпринимательский потенциал.

Потенциал может оставаться без изменений, увеличиваться или уменьшаться. Анализ потенциала следует проводить в увязке с периодом времени. Количественные оценки потенциала единой методики не имеют и осуществляются экспертным путем. Следовательно, одна из задач экономической политики — найти инструменты, которые бы обеспечили раскрытие имеющихся потенциалов — производственного, предпринимательского, экспортного и пр. — и способствовали их реализации.

Большой экономический словарь раскрывает экономический потенциал как совокупную способность экономики страны, ее отраслей, предприятий, хозяйств осуществлять производственно-экономическую деятельность, выпускать продукцию, товары, услуги, удовлетворять запросы населения, общественные потребности, обеспечивать развитие производства и потребления. Экономический потенциал страны определяется ее природными ресурсами, средствами производства, трудовым и научно-техническим потенциалом, накопленным национальным богатством. *Экономический потенциал страны* — способность наличных трудовых и материальных ресурсов страны обеспечить максимально возможный уровень производства продукции и услуг. Различают трудовой потенциал (трудовые ресурсы) и материально-вещественные ресурсы [48, с. 781].

Составная часть экономического потенциала — *производственный потенциал* — представляет собой объем производства продукции при полной загрузке имеющихся производственных мощностей. Чтобы увеличить производственный потенциал, необходимо соответственно увеличить (расширить, обновить) производственные мощности [245, с. 401].

Проведенный нами анализ научной литературы показал, что в большом количестве экономических исследований в словосочетаниях, использующих термин «потенциал», доминантой является именно «потенциал», в то время как связанные с ним определения характеризуют его с точки зрения либо факторной, либо пространственной привязки. При наличии терминологических производных понятия «потенциал» его общепринятое толкование в экономической науке отсутствует и достаточно часто употребляется с такими базовыми экономическими формулировками, как уровень социально-экономического развития, национальное богатство и экономическая эффективность (см., например: [8; 66; 291; 292] и др.).

В ряде научных исследований понятие «потенциал» достаточно часто употребляется как синоним слова «ресурсы».

В свою очередь понятие «ресурсы» представляет собой «запасы, возможности и источники средств» [256, с. 1133], «обладающих свойством потенциальной возможности их участия в производстве и потреблении» [177, с. 352].

Такая трактовка содержания понятия «ресурсы» граничит с содержанием понятия «потенциал», рассматриваемого как «источники, возможности, средства, запасы, которые могут быть приведены в действие, использованы для решения какой-либо задачи, достижения определенной цели» [256, с. 1058]. Нечеткое разделение в толковании данных категорий приводит к смешению понятий «ресурсы» и «потенциал», их подмене при проведении научных исследований.

В экономических словарях понятие «ресурсы» трактуется как денежные средства, ценности, запасы, возможности, источники средств, доходов. Экономические ресурсы — совокупность основных средств, нематериальных активов, прочих ценностей, денежных средств, находящихся в собственности фирмы и используемых для извлечения прибыли [48, с. 952, 954].

Мы согласны с позицией профессора Н. И. Климовой о признании различной смысловой нагрузки понятий «ресурсы» и «потенциал» (см. подробнее: [132; 133]). Осуществление процесса общественного производства предполагает наличие экономических ресурсов (источников средств, обладающих свойством их участия в производстве и потреблении) в объемах и структуре, предопределяемых масштабами потребностей в производстве материальных и нематериальных благ. Опираясь на общепринятое толкование ресурсов [213, с. 743], содержание экономических ресурсов можно представить как совокупность элементов (факторов) общественного производства (в состав которых в макроэкономике включаются земля, труд, капитал и предпринимательские способности) с присущими им свойствами и взаимосвязями, существующими в характерной для них форме и неотделимыми от нее.

Сущность экономических ресурсов как благ высшего порядка проявляется в их способности участвовать в общественном производстве в качестве средств (источника) достижения конкретного экономического результата для прямого или косвенного удовлетворения общественных потребностей [191]. Составные элементы экономических ресурсов на разных стадиях процесса воспроизводства могут принимать различные состояния и трактоваться как потенциальный (возможный или максимально возможный к использованию), использованный (потребленный при производстве товаров и услуг) или резервный (временно выведенный из процесса общественного производства) ресурс. Следовательно, использование термина «потенциальный ресурс» с позиций оценки участия какого-либо из видов экономических ресурсов в процессе его движения по стадиям воспроизводства является экономически правомерным. При этом оценка какого-либо из видов экономических ресурсов может быть осуществлена либо в унифицированных стоимостных единицах, либо в характерных для данного элемента измерителях.

В отличие от понятия «ресурсы» и его частной формы «потенциальные ресурсы», сущность и содержание понятия «потенциал» тяготеет к *результату*, несет в себе *результатирующую нагрузку*.

Систематизация имеющихся в настоящее время публикаций, посвященных научно-теоретическому изучению понятия «потенциал» в различных модифицированных формах, позволяет в качестве наиболее распространенного выделить понятие «социально-экономический потенциал», базирующееся на двух подходах — *ресурсном* и *результативном*.

Ресурсный подход задействован в разработках ведущих научных центров по проблемам региональной экономики. Так, в работах Сибирского отделения РАН, представленных исследованиями Р. И. Шнипера, социально-экономический потенциал региона трактуется как совокупность элементов, в состав которых включены [306]:

- основные производственные фонды;
- непроизводственные фонды;
- оборотные фонды;
- трудовые ресурсы, их образовательный и профессиональный уровень;
- природные ресурсы (с учетом их изученности и характера использования и воспроизводства);
- знания и информация о производительных силах и производственных отношениях региона.

Исследованию понятия «совокупный социально-экономический потенциал региона» посвящены работы Уральского отделения РАН, выполненные под руководством А. И. Татаркина, в которых термин рассматривается несколько иначе — как «возможность геополитического, природно-ресурсного, агропромышленного, социального, управленческого и других видов потенциала обеспечивать устойчивый экономический рост в Уральском регионе и его территориальных образованиях, комплексное их развитие» [261, с. 3].

Справедливо отмечая двойственный характер понятия «социально-экономический потенциал» в части наличия прямой и обратной взаимосвязи между потенциалом и производимой на его основе продукцией, которая является, с одной стороны, следствием использования экономического потенциала, а с другой — условием накопления и изменения его структуры и качества, уральские ученые определяющей принимают ресурсную природу потенциала территории. В частности, они отмечают: «под социально-экономическим потенциалом территории (региона) логично понимать совокупность всех имеющихся в ее границах ресурсов (средств, запасов, источников) — материальных и духовных, природных и человеческих, как уже вовлеченных в процессы общественного производства и социального развития, так и тех, которые могут быть использованы для роста экономической мощи, установления и укрепления социально-политической стабильности, повышения уровня и качества жизни населения данной территории» [261, с. 8]. Именно ресурсная природа потенциала территории просматривается при его формализации, когда экономический потенциал рассматривается как совокупность составляющих его частей, различающихся, по мнению авторов, по степени участия в создании продукции: во-первых, как масса функционирующих производительных сил (ПС), таких как годовое потребление предметов труда в стоимостной форме (C_1), среднегодовая стоимость основных фондов (C_2) и годовой расход рабочей силы (труда) в форме годовых расходов на оплату труда ($У$); во-вторых, как запасы производственных ресурсов ($З$).

В результате массу функционирующих производительных сил предлагается рассчитывать по формуле

$$ПС = C_1 + C_2 + У.$$

Оценка экономического потенциала, по мнению ученых УрО РАН, может быть получена из выражения

$$\text{ЭП} = \text{ПС} + \text{З},$$

а степень его использования (И) рассчитана по формуле

$$И = \frac{\text{ПС}}{\text{ЭП}}.$$

Основными принципами оценки экономического потенциала в приведенной конструкции являются, во-первых, объединение в интегрированном показателе производительных сил (ПС) различных видов экономических ресурсов, различающихся периодом оборота (суммирование годового потребления средств и предметов труда в размере среднегодовой стоимости основных фондов и годового потребления «примененных предметов труда», а также топлива и энергии); во-вторых, расчет суммарной величины запасов, а именно, материалов и топлива; бездействующих основных фондов всех видов; безработного дееспособного населения; свободных денежных средств, сведение которых в едином показателе в методическом отношении представляется достаточно сложным.

Аналогичной позиции относительно содержания рассматриваемого понятия придерживается авторский коллектив под руководством Г. П. Лузина, в трактовке которого «экономический потенциал есть совокупность массы производительных сил в денежном исчислении, заключающая в себе применяемые основные промышленно-производственные фонды и массу запасов во всех формах — запасы средств производства, незавершенного производства и готовой продукции на складах, в пути, в расчетах» [262, с. 94].

Схожую точку зрения выражают Х. Н. Гизатуллин и Ф. Ф. Калимуллина [69, с. 17], а также О. Г. Дмитриева, полагающие, что «экономический потенциал характеризуется потенциальными резервами, возможностями региона при задействовании всего комплекса ресурсов, имеющихся на территории» [104, с. 49].

Понятие «потенциал» активно используется в научных исследованиях при типологизации и рейтинговой оценке регионов и сложившегося в них инвестиционного климата (см., например: [94; 159] и др.). Изложенные в данных исследованиях подходы, хотя и различаются по трактовке понятия «потенциал», его структуризации, перечню включаемых в предмет оценки факторов и используемому методическому аппарату, тем не менее базируются либо на ресурсном подходе, либо на его «конгломеративной» модификации. Последняя интерпретирует категорию «социально-экономический потенциал» как совокупность финансового, производственного, природно-ресурсного и трудового потенциалов, а также производственной, транспортной и рыночной инфраструктуры и социальной сферы [94, с. 111]. Причем в имеющихся попытках количественной характеристики данной категории в ряде случаев одновременно задействованы оценки и ресурсного, и результативного плана, а также показатели эффективности (см., например: [94, с. 116; 134; 149]).

Обобщая вышеизложенное, отметим, что *ресурсный подход* к толкованию понятия «экономический потенциал» характерен для большинства работ. При этом достаточно часто практически не проводится различий между понятиями «ресурс» и «потенциал», а их количественная идентификация сводится к сумме имеющихся в рамках территории трудовых, материальных и финансовых ресурсов.

Мы поддерживаем позицию Н. И. Климовой, считающей, что понятие «потенциал» в экономике имеет собственную нагрузку, обусловленную *спецификой* его экономического содержания. «Выражение данной специфики просматривается достаточно четко, если толковать категорию „потенциал“ как возможный результат деятельности конкретного иерархического уровня хозяйствования при задействовании всего комплекса ресурсов, которым он располагает <...> Содержание категории „потенциал“ <...> может быть сформулировано четче с позиции результативного подхода, предполагающего возможность (способность) экономической системы любого иерархического уровня к достижению максимально возможного результата от использования каких-либо ресурсов (на микроуровне — факторов) производства» [132, с. 20].

Сравнительная характеристика понятий «потенциал» и «результат» позволяет выделить их отличительные аспекты. В частности, «потенциал» — это возможно достижимый (максимально достижимый) результат от использования всего комплекса имеющихся ресурсов при задействованных оптимальных условиях (возможностях) такого использования. Исследуя экономический результат в любой его форме (фактически полученный, ожидаемый, планируемый и т. д.), следует иметь в виду, что в определенной степени речь всегда идет о косвенной характеристике степени использования потенциала.

Сравнительный анализ понятий «потенциал» и «эффективность» выявляет отличительные аспекты в следующем. Смысловая нагрузка понятия «потенциал» сводится к максимально достижимому результату от использования всего комплекса имеющихся (а не только использованных) ресурсов. В то время как понятие эффективности предполагает соотношение полученного результата и использованных при этом ресурсов.

Н. И. Климова вводит в научный оборот формы экономического потенциала, выделенные по четырем классификационным признакам, исходя из принадлежности [133, с. 32]:

- к составляющим *элементам общественного производства*, согласно которым следует выделить ресурсную, инфраструктурную и институциональную компоненты потенциала, являющиеся универсальными по отношению к нижеизложенным классификационным элементам;
- к *отраслям экономики* — как промышленный, строительный, сельскохозяйственный, транспортный и другие потенциалы, характеризующие степень участия каждой конкретной отрасли экономики и получения макрорезультатов от экономической деятельности;
- к *сферам деятельности* вне зависимости от их отраслевой привязки как инновационный, инвестиционный и информационный потенциалы;
- к *иерархическому уровню хозяйствования* как первичный, мезо- и макроуровневый потенциал.

Приведенные формы экономического потенциала характеризуют данное понятие с различных сторон, по сути, подводя к тому срезу результата от его использования, который может быть получен при задействовании ресурсной, инфраструктурной и институциональной компоненты либо конкретного иерархического уровня, либо отдельной отрасли, либо определенной сферы деятельности.

В контексте выявления *потенциала новой индустриальной модернизации* интересным считаем аргумент Н. И. Климовой об использовании в качестве оценочного показателя для промышленного потенциала объема создаваемой в данной отрасли добавленной стоимости, для регионального потенциала — объема валового регионального продукта. Данные показатели будут нами в дальнейшем учтены при разработке совокупности показателей методики выявления потенциала новой индустриальной модернизации.

В исследованиях профессора И. В. Макаровой введено в научный оборот понятие «носители потенциала», которыми выступают достаточно сложные системы и их элементы [187; 188]. Ею выделены виды потенциалов:

1) *экономический потенциал систем или производных от них* (потенциал развития, потенциал экономического роста и т. д.), структурно определяемый совокупностью потенциалов более низкого уровня. К системам в данном случае отнесены территории, промышленность, производства и отдельные предприятия;

2) *потенциалы отдельных составляющих систем* (кадровый, финансовый, инвестиционный и прочие виды потенциала), характеризующихся как совокупность ресурсов, способностей и возможностей.

И. В. Макарова и А. Д. Максимов для каждого выделенного вида потенциалов (экономический потенциал систем и потенциалы отдельных составляющих систем) предлагают следующие группы показателей оценки экономического потенциала [188, с. 99]:

1) *результатирующие*, представляющие собой отдельные макроэкономические показатели (в том числе рассчитанные на душу населения исследуемой территории) — ВВП и ВРП, объем природных ресурсов, количество и качество трудовых ресурсов, уровень развития базовых и инфраструктурных отраслей, потенциальная прибыль, остающаяся в распоряжении предприятия, показатели, характеризующие состояние научно-технического потенциала и др.;

2) *ресурсные*, характеризующие ресурсную эффективность — соотношения между величиной полученных результатов и массой ресурсов (производительность труда, фондоотдача и др.);

3) *экспертные*, в том числе рейтинговые, характеризующие объем и доступность, достигнутый уровень развития, качество и интенсивность использования ресурсов (например, Методика рейтинга российских регионов рейтингового агентства «Эксперт»);

4) *интегральные*, определяемые приращением суммы величины составляющих потенциалов (например, Комплексная оценка регионального развития, Методика Всемирного банка, Моделирование социально-экономического развития регионов) (см. также: [316]).

По мнению ученых, для потенциалов отдельных составляющих систем характерна ресурсная структура, включающая такие виды потенциалов, как производственный; финансовый; трудовой (кадровый, человеческий); организационный; управленческий; сбытовой (рыночный).

Выбор методов анализа и оценки потенциала обусловлен тем, что для развития потенциала необходимо не просто наличие ресурсов, а обеспечение их эффективной комбинации, полного и рационального использования.

Различают следующие методы оценки: *ресурсный* (использование ограниченных ресурсов) и *результативный* (удовлетворение потребностей), интегральный. Ресурсный основывается на методах количественной интерпретации полученных результатов и вовлечения скрытых возможностей, т. е. имеющихся резервов. Второй методический подход — результативный — предполагает достижение наиболее высоких результатов при фиксированном объеме и использовании всех видов ресурсов системы. В рамках данного подхода определение и измерение потенциала заключается в выявлении потенциальной результативности использования каждого отдельно взятого ресурса, необходимости их соизмерения между собой, приведения их к интегральному виду, установления рациональной комбинации ресурсов для получения максимально возможного эффекта.

Потенциал новой индустриальной модернизации. Наиболее близким по содержанию к понятию «потенциал новой индустриальной модернизации» являются понятия «потенциал модернизации промышленного комплекса», «потенциал модернизации промышленности». Исследователи рассматривают потенциал модернизации промышленности преимущественно с технократических позиций, а также как совокупность ресурсов и потенциалов. Коллектив авторов под руководством И. В. Липсица, А. А. Нецадина предлагает оценивать потенциал модернизации промышленности как несколько взаимопереплетенных процессов [172]:

- *технологической модернизации*, связанной с изменением того набора способов, с помощью которых территория решает проблему своего обеспечения необходимыми благами и ресурсами;
- *социальной модернизации*, предполагающей изменение профессиональной, социальной и образовательной структуры общества в ответ на требования, предъявляемые технологической модернизацией;
- *институциональной модернизации*, связанной с изменением экономических, правовых механизмов регулирования хозяйственной жизни общества исходя из требований, предъявляемых технологической и социальной модернизацией;
- *политической модернизации*, направленной на создание в стране благоприятных условий для осуществления институциональной модернизации и поддержания общественного консенсуса как условия непрерывного и поступательного характера развития;
- *нравственно-этической и культурной модернизации*, обеспечивающей воспитание общественного сознания и формирование культурно-образовательного уровня населения, адекватного требованиям всех остальных разновидностей модернизации.

Потенциал модернизации промышленного комплекса профессором И. В. Макаровой рассматривается как совокупность *реальных* (система сил, существующих и действующих в случае возникновения или создания дополнительных условий) и *скрытых* (система сил, действие которых признается, но не обнаруживается в реальности) ресурсов, непрерывно или циклично трансформируемых под влиянием внешних сил, обеспечивающих формирование современного технологического облика промышленности, который определяет изменение ее качественной структуры, смену технологических укладов и формирование нового человека [188, с. 103]. По мнению авторов, данное определение является отступлением от традиционных подходов, что позволяет охватить все основные внутрифирменные процессы, протекающие в различных функциональных областях деятельности предприятий промышленного комплекса в процессе модернизации, и отразить изменения, вызванные воздействием внешних факторов, что позволяет обеспечить системный взгляд на модернизацию.

Исходя из разработок по проблемам выявления потенциала экономических систем нами в исследовании под *потенциалом новой индустриальной модернизации региона (макрорегиона)* понимается совокупность *реальных и скрытых ресурсов, с помощью которых можно активизировать процесс новой индустриальной модернизации в данном регионе. Следствием реализации потенциала новой индустриальной модернизации должно стать:*

- 1) *техническое обновление традиционных отраслей экономики региона;*
- 2) *развитие новых высокотехнологичных производств, относящихся к пятому и шестому технологическим укладам.*

В научных исследованиях, посвященных проблемам новой индустриализации, новой индустриальной модернизации, авторы косвенно затрагивают вопросы выделения потенциала новой индустриальной модернизации. Это вызвано необходимостью выявления перспективных, прорывных направлений, разработки стратегических ориентиров промышленной политики.

Отметим ряд работ и их ключевые выводы по данной проблематике, которые позволили нам предложить систему показателей для выделения потенциала новой индустриальной модернизации на территории региона (макрорегиона).

С. Д. Бодрунов, Р. С. Гринберг, Д. Е. Сорокин в рамках своих исследований выделяют кадровый, финансовый, внешнеэкономический, инновационный потенциалы и организационный механизм политики новой индустриализации (см., например: [39; 40; 42; 46] и др.).

Е. Б. Ленчук и ее сторонники акцентируют внимание на технологическом, инвестиционном, институциональном, кадровом потенциалах новой индустриализации [121; 168; 208; 210; 314].

Профессор С. С. Губанов — один из первых идеологов новой индустриализации в нашей стране, также акцентирует внимание на технологической, инновационной составляющей новой индустриализации. В частности, он отмечает, что сегодняшняя индустриализация — инновационная и высокотехнологичная. Новая индустриализация представляет собой *замещение трудоемкого машиноёмким*, что означает, что один машинный труд

замещается другим, качественно более высоким и передовым (см. подробнее: [88–91]). Например, один программируемый обрабатывающий центр заменяет семь универсальных станков.

Уральские ученые, исследующие процессы новой индустриализации (А. И. Татаркин, О. А. Романова, Е. Г. Анимица, Я. П. Силин, Ю. Г. Лаврикова, Е. Б. Дворяжкина, И. В. Макарова, В. В. Акбердина и др.), подчеркивают значимость *научно-технологического и кадрового потенциалов* новой индустриализации (см., например: [17; 240; 241; 251; 274; 276]).

В частности, профессор О.А. Романова отмечает: «Потенциал новой индустриализации обеспечивает инновационное перманентное технологическое и институциональное обновление реального сектора экономики, что позволяет рассматривать новую индустриализацию в качестве процесса непрерывных инноваций. Отмеченные процессы „цифровизации“ производства, роботизации, микропроцессорной революции являются одними из определяющих признаков новой индустриализации. <...> учет возрастающей значимости роли человека во всех процессах новой индустриализации актуализировал проблему развития социогуманитарных технологий и конвергенцию гуманитарного и естественного научного знания, что получило название NBICS-технологий» [240].

Профессора Е. Г. Анимица и Я. П. Силин, исследуя ресурсы новой индустриальной модернизации Уральского макрорегиона, выделяют следующие его реальные и скрытые потенциальные возможности: «Во-первых, наличие десятков крупных корпораций (например, УГМК, ВСМПО-АВИСМА, ОАО «Метафракс», ОАО «Мечел» и др.) с собственными мощностями, позволяющими переходить на новые технологии. Во-вторых, наличие человеческого капитала (кадрового и интеллектуального), достаточного количества профессиональных работников. <...>. В-третьих, активная роль государственных, региональных и муниципальных властных структур в развитии промышленности, в реализации региональных стратегических программ и проектов» [251, с. 39].

По мнению ученых, особый драйвер новой индустриализации на Урале представляет оборонно-промышленный комплекс. Опережающий рост оборонной промышленности красной линией проходил через две российские модернизации экономики Урала. Концентрация в Уральском макрорегионе крупнейших оборонных предприятий, закрытых административно-территориальных образований, а также городских агломераций — это значительные ресурсы как реального, так и скрытого характера, формирующие потенциал новой индустриальной модернизации макрорегиона.

Следует отметить, что в настоящее время мы являемся свидетелями зарождения еще одного ресурса новой индустриализации в современной России — *мегапроектов*.

Изучение феномена мегапроектов актуально для России и ее регионов, где были реализованы и реализуются сейчас ряд проектов, которые либо являются, либо по своему масштабу и значению приближаются к мегапроектам. В конце XX — начале XXI века мегапроекты стали своего рода визитной карточкой быстрорастущих экономик мира. Все чаще они рассматриваются в качестве инструмента социально-экономического развития территорий (см., например: [61; 126; 178; 199]).

Ключевые показатели выявления потенциала новой индустриальной модернизации региона (макрорегиона)

Элемент потенциала	Показатели оценки потенциала	Формула расчета	Источники статистических данных	Интерпретация показателя для оценки потенциала новой индустриализации
	Показатели оценки потенциала			
	Производственные	<p>Удельные показатели потенциала (макрорегиона) от общероссийского значения</p> <p>Доля региона (макрорегиона) в общероссийском значении объема отгруженной промышленной продукции (виды деятельности <i>C, D, E</i>)</p> <p>Доля стоимости основных фондов промышленности (виды деятельности <i>C, D, E</i>) региона (макрорегиона) в общей стоимости основных фондов промышленности страны</p>	$Share_{int} = \frac{V_{region}}{V_{total}} \times 100,$ <p>где V_{region}, V_{total} — соответственно объем отгруженной промышленной продукции рассматриваемого региона (макрорегиона) и страны в целом</p> $Share_{cap} = \frac{Cap_{region}}{Cap_{total}} \times 100,$ <p>где Cap_{region}, Cap_{total} — соответственно стоимость основных фондов промышленности рассматриваемого региона (макрорегиона) и страны в целом</p>	<p>Регионы России. Социально-экономические показатели. Раздел 10</p> <p>Регионы России. Социально-экономические показатели. Раздел 11</p>
		<p>Структурные показатели промышленного производства в региональной экономике</p> <p>Удельный вес валовой добавленной стоимости промышленного производства (виды деятельности <i>C, D, E</i>) в общем объеме валовой добавленной стоимости (валового регионального продукта)</p> <p>Удельный вес отгруженной продукции по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» (<i>D</i>) в общем объеме отгруженной промышленной продукции</p>	$Share_{reg ind} = \frac{GRP_{ind}}{GRP_{region}} \times 100,$ <p>где GRP_{ind}, GRP_{region} — соответственно объем ВДС промышленного производства рассматриваемого региона (макрорегиона) и ВРП (ВДС) всего региона в целом</p> $Share_{ind D} = \frac{V_{ind D}}{V_{ind C, D, E}} \times 100,$ <p>где $V_{ind D}$ — объем отгруженной продукции по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» (<i>D</i>); $V_{ind C, D, E}$ — объем отгруженной промышленной продукции рассматриваемого региона (макрорегиона) (<i>C, D, E</i>) в целом</p>	<p>Регионы России. Социально-экономические показатели. Раздел 10</p> <p>Регионы России. Социально-экономические показатели. Раздел 13</p>

Продолжение табл. 16

Элемент потенциала	Показатели оценки потенциала	Формула расчета	Источники статистических данных	Интерпретация показателя для оценки потенциала новой индустриализации
	Удельный вес стоимости основных фондов промышленности (виды деятельности C, D, E) в общей стоимости основных фондов региона	$Share_{ind\ op} = \frac{Cap_{ind}}{Cap_{region}} \times 100,$ <p>где Cap_{ind}, Cap_{region} — соответственно стоимость основных фондов промышленности рассматриваемого региона (макрорегиона) и стоимости основных фондов всего региона в целом</p>	Регионы России. Социально-экономические показатели. Раздел 11	Относительные размеры активов предприятий сферы промышленного производства региона (макрорегиона) в общерегиональном значении
	Кoeffициент обновления основных фондов в промышленном производстве	$K_{об} = \frac{B}{H_{кр}} \times 100,$ <p>где B — показатель ввода в действие новых основных фондов в промышленном производстве; $H_{кр}$ — показатель наличия основных фондов на конец года в промышленном производстве</p>	Регионы России. Социально-экономические показатели. Раздел 11	Имеющиеся материальные ресурсы для развития промышленного производства в будущем. <i>Справочно.</i> Показатель включен в Перечень показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности
	Степень износа основных фондов в промышленном производстве	Данные публикуются	Регионы России. Социально-экономические показатели. Раздел 11	Имеющиеся материальные ресурсы для развития промышленного производства в будущем. Отношение накопленного к определенной дате износа имеющихся основных фондов (разницы их полной учетной и остаточной балансовой стоимости) к полной учетной стоимости этих основных фондов

Продолжение табл. 16

Элемент потенциала	Показатели оценки потенциала	Формула расчета	Источники статистических данных	Интерпретация показателя для оценки потенциала новой индустриализации
	Удельный вес полностью изношенных основных фондов в промышленном производстве	Данные публикуются	Регионы России. Социально-экономические показатели. Раздел 11	Имеющиеся материальные ресурсы для развития промышленного производства в будущем. Отношение полной учетной стоимости тех основных фондов, остаточная балансовая стоимость которых достигла нуля, к полной учетной стоимости всех основных фондов
Индексные показатели				
Индексы промышленного производства	Данные публикуются		Регионы России. Социально-экономические показатели. Раздел 13	Оценка характера промышленной динамики (например, выявление восстановления (стабильности роста) и ее стабильности позволяет определить устойчивость регионального хозяйства, возможности и перспективы создания новых производств и их интеграцию в региональную экономику
Индексы производства по виду деятельности «Обрабатывающие производства»	Данные публикуются		Регионы России. Социально-экономические показатели. Раздел 13	Оценка характера промышленной динамики и ее стабильности в секторе наиболее высокотехнологичного производства в регионе

Продолжение табл. 16

Элемент потенциала	Показатели оценки потенциала	Формула расчета	Источники статистических данных	Интерпретация показателя для оценки потенциала новой индустриализации
	<p>Динамика производства основных видов промышленной продукции региона (макрорегиона)</p>	<p>Натуральные показатели (продуктовая динамика) Данные публикуются по нескольким десяткам товаров. С 2008 г. данные публикуются исключительно в разрезе федеральных округов</p>	<p>Регионы России. Социально-экономические показатели. Раздел 13. Информация, запрашиваемая в Управлении статистики предприятий Федеральной службы государственной статистики</p>	<p>Продуктовая динамика производства основных видов промышленной продукции предприятиями региона. Более точная оценка отраслевой структуры промышленности региона; выявление процессов зарождения новых подотраслей или восстановления сокративших свое производство в период рыночных трансформаций; выявление процессов деиндустриализации в рамках региональной экономики; получение исходных данных для дальнейшего анализа эффективности деятельности предприятий и результативности экономической политики регионов с целью разработки мер экономической политики региональных властей; деиндустриализации анализа промышленного производства в регионе; совершенствования стратегии развития новой индустриализации</p>

Продолжение табл. 16

Элемент потенциала	Показатели оценки потенциала	Формула расчета	Источники статистических данных	Интерпретация показателя для оценки потенциала новой индустриализации
Научно-технологический	<p>Удельные показатели региона (макрорегиона) от общероссийского значения</p> <p>Доля региона (макрорегиона) в общероссийском значении внутренних затрат на НИОКР</p>	$Share_{R\&D} = \frac{R \& D_{region}}{R \& D_{total}} \times 100,$ <p>где $R\&D_{region}$, $R\&D_{total}$ — соответственно объем внутренних затрат на НИОКР рассматриваемого региона (макрорегиона) и страны в целом</p>	<p>Регионы России. Социально-экономические показатели. Раздел 21</p>	<p>Наукоёмкость региона (макрорегиона) в сравнении с общенациональным значением</p>
	<p>Доля региона (макрорегиона) в общероссийском значении затрат на технологические инновации</p>	$Share_{Tech} = \frac{Tech_{region}}{Tech_{total}} \times 100,$ <p>где $Tech_{region}$, $Tech_{total}$ — соответственно объем затрат на технологические инновации рассматриваемого региона (макрорегиона) и страны в целом</p>	<p>Регионы России. Социально-экономические показатели. Раздел 21</p>	<p>Наукоёмкость региона (макрорегиона) в сравнении с общенациональным значением.</p> <p>Показатель иллюстрирует выраженные в денежной форме фактические расходы, связанные с осуществлением различных видов инновационной деятельности, получивших воплощение в виде нового либо усовершенствованного продукта или услуги, нового либо усовершенствованного процесса или способа производства (передачи) услуг, используемых в практической деятельности на территории региона</p>

Продолжение табл. 16

Элемент потенциала	Показатели оценки потенциала	Формула расчета	Источники статистических данных	Интерпретация показателя для оценки потенциала новой индустриализации
	Доля региона (макрорегиона) в общероссийском значении объема произведенной инновационной продукции (услуг)	$Share_{Innov} = \frac{Innov_{region}}{Innov_{total}} \times 100,$ <p>где $Innov_{region}$, $Innov_{total}$ — соответственно объем произведенной инновационной продукции рассматриваемого региона (макрорегиона) и страны в целом</p>	Регионы России. Социально-экономические показатели. Раздел 21	Наукоемкость региона (макрорегиона) в сравнении с общенациональным значением по показателю количества новых или под-вергавшихся в течение последних трех лет разной степени технологическим изменениям товаров, работ, услуг
	Доля расходов на НИОКР в ВВП	<p align="center">Наукоемкость региональной экономики</p> $Share_{Reg_R\&D} = \frac{Reg_R \& D}{GRP} \times 100,$ <p>где $Reg_R\&D$ — внутренние затраты на НИОКР, GRP — ВВП</p>	Регионы России. Социально-экономические показатели. Разделы 10 и 21	Наукоемкость региональной экономики, в частности, косвенно показывающая возможность осуществления технологического прорыва, повышения конкурентоспособности производства, что важно для выявления направлений технологического прорыва, выявления передовых производств
Инновационная активность организаций	Показатель публикуется		Регионы России. Социально-экономические показатели. Раздел 21	Наукоемкость региональной экономики по средству характеристики степени участия организации в осуществлении инновационной деятельности ее в целом или отдельных ее видов в течение определенного периода времени

Продолжение табл. 16

Элемент потенциала	Показатели оценки потенциала	Формула расчета	Источники статистических данных	Интерпретация показателя для оценки потенциала новой индустриализации
				Показатель иллюстрирует отношение числа организаций, осуществляющих технологические, организационные или маркетинговые инновации, к общему числу обследованных за определенный период времени организаций в регионе
Кадровые				
	Удельные показатели региона (макрорегиона) от общероссийского значения	$Share_{emp, ind_empl} = \frac{Ind_empl_{region}}{Ind_empl_{total}} \times 100,$ <p>где Ind_empl_{region}, Ind_empl_{total} — соответственно численность занятых в промышленном производстве рассматриваемого региона (макрорегиона) и страны в целом</p>	Регионы России. Социально-экономические показатели. Раздел 23	Сравнение индустриальной составляющей региона в сопоставлении со средним значением по стране
	Удельный вес занятых в промышленном производстве от общей численности занятых в экономике региона	Данные публикуются	Регионы России. Социально-экономические показатели. Раздел 3	Уровень развития промышленного производства на территории региона
	Удельные показатели региона (макрорегиона) от общероссийского значения	$Share_{inv} = \frac{Inv_{region}}{Inv_{total}} \times 100,$ <p>где Inv_{region}, Inv_{total} — соответственно объем инвестиций в основной капитал рассматриваемого региона (макрорегиона) и страны в целом</p>	Регионы России. Социально-экономические показатели. Раздел 23	Активность инвестиционного процесса региона (макрорегиона) в сопоставлении со средним значением по стране
Инвестиционные				

Продолжение табл. 16

Элемент потенциала	Показатели оценки потенциала	Формула расчета	Источники статистических данных	Интерпретация показателя для оценки потенциала новой индустриализации
	Доля региона (макрорегиона) в общероссийском значении валового накопления основного капитала	$Share_v = \frac{V_{region}}{V_{total}} \times 100,$ <p>где V_{region}, V_{total} — соответственно объем валового накопления основного капитала рассматриваемого региона (макрорегиона) и страны в целом</p>	Регионы России. Социально-экономические показатели. Раздел 10	<p>Активность инвестиционного процесса региона (макрорегиона) в сопоставлении со средним значением по стране.</p> <p>Вложение резидентными единицами средств в объект основного капитала для создания нового дохода в будущем путем использования их в производстве.</p> <p>Вложения в развитие</p>
Региональные относительные показатели				
Инвестиции в основной капитал на одного занятого		$Share_{Act} = \frac{Inv_{region}}{Act_{total}} \times 100,$ <p>где Inv_{region} — объем инвестиций в основной капитал на территории региона; Act_{region} — средняя годовая численность занятых в экономике региона</p>	Регионы России. Социально-экономические показатели. Разделы 3 и 23	Активность инвестиционного процесса региона (макрорегиона). Корректировка, важная для оценки косвенного влияния на рост производительности труда, хотя такой рост может быть связан как с повышением технической вооруженности работников, так и с сокращением занятости либо повышением удельного веса старых капиталоемких отраслей
Отношение инвестиций в основной капитал к ВРП		$Share_{GPR} = \frac{Inv_{region}}{GPR} \times 100,$ <p>где Inv_{region} — объем инвестиций в основной капитал на территории региона; GPR — ВРП</p>	Регионы России. Социально-экономические показатели. Разделы 10 и 23	Корректировка, важная для оценки влияния на расширение производственного потенциала

О к о н ч а н и е т а б л . 1 6

Элемент потенциала	Показатели оценки потенциала	Формула расчета	Источники статистических данных	Интерпретация показателя для оценки потенциала новой индустриализации
Индексные показатели				
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал	Данные публикуются	Регионы России. Социально-экономические показатели. Раздел 23	Оценка динамики инвестиционного процесса, причем для учета компенсации нетипичного роста (спада) в предыдущие годы необходимо сопоставление индексов за ряд лет; для углубления анализа продуктивно сравнение с изменениями в структуре инвестиций	
Структурные региональные показатели				
Структура инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности	Данные публикуются	Регионы России. Социально-экономические показатели. Раздел 23	Материал для оценки будущих сдвигов в структуре экономики, показатели позволяют оценить перспективы конкретных секторов экономики и изменить специфички экономического потенциала	
Структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования	Данные публикуются	Регионы России. Социально-экономические показатели. Раздел 23	Характеристика существующей в регионе модели экономического развития (включая оценку вклада бюджетных средств, финансирования крупных холдинговых структур и т.п.) с целью корректировки региональной политики, разработки стратегии развития	

Именно мегапроекты содержат в себе значительный экономический, финансовый потенциалы новой индустриальной модернизации на территории старопромышленного региона. В частности, проведение ряда мероприятий Чемпионата мира по футболу (2018 г.) в Екатеринбурге способствует активному продвижению города и Свердловской области, привлечению значительных финансовых, материальных, научно-технических и кадровых ресурсов, в том числе для осуществления процессов новой индустриальной модернизации.

На основе разработок научных школ по проблемам новой индустриализации нами предложена совокупность показателей выявления *потенциала новой индустриальной модернизации*, представленная в табл. 16.

Считаем, что для оценки потенциала новой индустриальной модернизации старопромышленного региона — Уральского макроэкономического региона — наибольший интерес представляют четыре потенциала: *производственный, научно-технический, кадровый и инвестиционный*. Для оценки каждого из них предложены показатели, значения которых либо публикуются Федеральной службой государственной статистики, либо могут быть вычислены на основании опубликованных официальных статистических показателей.

Апробация совокупности предложенных показателей представляет собой объект нашего дальнейшего исследования.

3.4. БАЗОВЫЕ УСЛОВИЯ РАЗВЕРТЫВАНИЯ УМНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИИ И НА УРАЛЕ

Исходной базой для анализа экономических условий и способов развертывания умных технологий в России и на Урале является разделяемое автором положение, согласно которому в нашей стране уже произошли мощные социально-экономические, интеллектуальные и психологические сдвиги, обеспечивающие формирование в обществе новых технологических и цивилизационных отношений. Это значит, что среди различных социальных групп населения возникла готовность к переходу на более высокий производственно-технический уровень деятельности. Поэтому настало время включения в повседневную жизнь общества соответствующих организационных и практических мер. Их должны осуществлять органы всех уровней власти, а также представители крупного и среднего бизнеса. Малый бизнес тоже должен участвовать в этих мероприятиях, но в пределах своей экономической мощи.

Под *умными технологиями* в дальнейшем мы будем понимать совокупность научных знаний, которые уже применяются в сфере производства, быта и отдыха для повышения эффективности экономической деятельности, роста производительности труда, улучшения среды обитания и увеличения благосостояния населения.

Основным направлением дальнейшего развертывания умных технологий должно стать создание дополнительных условий для повышения профессионально-технологической интеллектуализации работников, увеличения востребованности науки, подготовки инженерных кадров, расширения внимания к обрабатывающей промышленности.

В методологическом отношении при решении вопросов распространения умных технологий в производстве, быту и отдыхе важно исходить из *учета сложившегося уровня ментальности населения и степени его интеллектуально-инновационного сознания*. Данное положение очень часто обходится стороной, поскольку считается само собой разумеющимся. Однако его игнорирование, во-первых, ведет к устаревшему пониманию сущности технологического развития. Во-вторых, оно фактически (вольно или невольно) убирает из аналитической работы фактор спроса, который отражает наличие у людей желаний опираться на умные технологии на основе реального понимания их полезности. Другими словами, из анализа ускользает мотивационная основа развертывания умных технологий.

Рассмотрим эти утверждения подробнее. В нашей научной литературе и среди практических работников освоение новых технологий понимается как внедрение новшеств в производство. На первый взгляд это кажется правильным. Но, полагаем, *такая правильность уже устарела*. Она была верной в XX веке. Сейчас просто внедрения новшеств в производство уже недостаточно. Больше того, такое понимание является *тупиковым мышлением*, поскольку не дает направленности внедрения новшеств.

В XXI веке внедрение новых промышленных технологий состоит в *кастомизации производства* (от англ. to customize — настраивать, изменять что-то, делая более подходящим под нужды конкретного потребителя) [53]. В экономической литературе такие производственно-маркетинговые действия изучаются уже несколько десятилетий. Они характеризуют *индивидуализацию производства продукции* под заказы конкретных потребителей путем внесения конструктивных или дизайнерских изменений. Другими словами, кастомизация есть работа на *текущий индивидуализированный заказ* путем выпуска продукции небольшими партиями с быстрой сменой типа, вида и оформления выпускаемых товаров под конкретные пожелания покупателя.

В случаях промышленного выпуска продукции используется понятие «массовая кастомизация». Она представляет массовый выпуск товаров, но с заложенной в производство возможностью поменять в них что-то с учетом желаний конкретных потребителей. Наряду с термином «кастомизация» используется равнозначный ему термин *«сервисная фабрика»* [324].

Деятельность на основе кастомизации или сервисной фабрики является для производителя экономически выгодной, поскольку создает у клиента ощущение индивидуального, личностного подхода к нему, а поэтому формирует у него готовность оплачивать товар по более высокой цене.

Как у всякого экономического явления у кастомизации имеются и положительные, и отрицательные черты. Но в данном случае в нашу задачу не входит их рассмотрение. Мы лишь обращаем внимание на то, что умные технологии вошли в массовое производство и стали частью нашей повседневной экономической жизни. Считается, что основным инструментом, используемым для улучшения взаимодействия между производителем и потребителем, являются CRM-системы [83].

В современный период на индивидуальный подход к запросам потребителей, т. е. на кастомизацию, переходят не только производители одежды, обуви и других товаров легкой промышленности, но и производители автомобилей (например, компании Nissan, Toyota), а также разнообразной техники для личного пользования. Получается, что кастомизация породила феномен «массовых индивидуальностей». Поэтому если реальное производство не перейдет на принципы кастомизации, оно будет двигаться вперед как человек с закрытыми глазами.

Одной из крупнейших проблем успешности инновационного развития российской экономики является *психологическое неприятие населением отечественных инновационных продуктов*. Следствием этого становится сложное взаимоотношение создателей инновационной продукции (науки) с реальным сектором экономики, который должен организовать ее массовое производство и поставлять товар на рынок.

Конечный потребитель отечественной инновационной продукции многими десятилетиями приучен к тому, что наши изделия, как правило, уступают импортным. Поэтому он не стремится их приобретать, а производитель не хочет их создавать, боясь не окупить инвестиции. Приведем пример из текущей деятельности научного института. В Институте химии Коми Научного центра УрО РАН (Сыктывкар) на основе компонентов пихтовой хвои разработан биостимулятор для животноводства, в частности, для увеличения продуктивности быков-производителей, наращивания удоев у коров, повышения качества мяса. Его эффективность подтверждена в отраслевых институтах Сергиева Посада, Ленинградской области, Екатеринбурга, Кировской сельхозакадемии. Но многие животноводы, приобретающие семя племенных быков в США, заранее критикуют биостимулятор, не увидев его результаты на практике [264].

Из сказанного следует важный вывод: *переход на инновационное развитие следует рассматривать не как механическое действие, а как интеллектуально-человеческое*. Такое утверждение вытекает из понимания, что экономические отношения являются отношениями между людьми по поводу производства и присвоения материальных благ. Следовательно, эти отношения включают менталитет людей как конкретной страны, так и конкретного региона и их интеллектуальный уровень. Успех или провал в инновационном развитии зависит от знаний, умений, навыков, обычаев, поведения людей определенной страны или территории.

Необходимо заметить, что психологически народ созревает до кастомизации при любом уровне общего и профессионального образования, сложившемся в государстве, поскольку на кастомизацию сильное влияние оказывает глобализация мировых процессов. Но «привозная» кастомизация не равняется внутренней кастомизации, т. е. когда национальное производство в состоянии самостоятельно воспроизводить технологическое развитие на новом уровне его понимания, обладает умением создавать умную продукцию и обслуживать ее. Поэтому нужен переход *от интеллектуально-инновационного сознания населения к интеллектуально-инновационному знанию*. Для этого требуется повышение интеллектуально-профессионального уровня всех работников.

Одним из показателей такого процесса выступает рост численности населения с высшим профессиональным образованием, занятого в экономике. Мы хорошо понимаем, что увеличение количества дипломированных специалистов не всегда сопровождается адекватным ростом их профессиональной грамотности. Но мы исходим из того, что даже слабый специалист с дипломом о высшем образовании является более сведущим в определенных вопросах, чем, например, специалист с общим средним образованием. Другими словами, повышение количества дипломированных специалистов объективно формирует в стране положительный интеллектуальный фон, количественные процессы в котором постепенно перерастут в качественные изменения. Естественно, для этого потребуются значительное время, но главное, что этот процесс идет. Он выступает как действительный, а не как желаемый.

Проанализируем изменения в уровне занятого населения, имеющего высшее профессиональное образование, в регионах Урала (табл. 17).

**Динамика занятого населения,
имеющего высшее профессиональное образование, в регионах Урала,
% ко всему занятому населению**

Субъект	2001	2005	2010	2015	Коэффициент роста: 2015 к 2001
Российская Федерация	22,6	24,3	28,7	33,0	1,46
Уральский федеральный округ	19,3	19,7	25,6	31,2	1,62
Курганская область	12,4	14,5	21,9	30,4	2,45
Свердловская область	18,0	18,2	23,0	28,7	1,60
Тюменская область (Юг)	21,2	21,1	28,4	34,9	1,65
В том числе:					
Ханты-Мансийский автономный округ	21,3	22,7	29,4	37,5	1,76
Ямало-Ненецкий автономный округ	20,3	24,2	32,9	36,5	1,80
Челябинская область	21,3	21,4	26,7	30,7	1,44
Другие регионы Урала					
Республика Башкортостан	15,7	18,4	22,5	26,8	1,71
Удмуртская Республика	16,5	17,6	23,8	25,1	1,52
Оренбургская область	15,8	18,2	21,8	26,2	1,66
Пермская область	16,9	16,5	21,4	26,5	1,57

Примечание. Составлено и рассчитано на основе: *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002* : стат. сб. / Госкомстат России. — М., 2002. — 863 с.; *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006* : стат. сб. / Росстат. — М., 2007. — 981 с.; *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011* : стат. сб. / Росстат. — М., 2011. — 990 с.; *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016* : стат. сб. / Росстат. — М., 2016. — 1326 с.

Из табл. 17 видно, что если в 2001 г. по России в целом занятое население, имеющее высшее профессиональное образование, составляло *пятую часть* от всех занятых в экономике (22,6 %), то в 2015 г. уже *каждый третий* работник (33,0 %) имел высшее образование. Это очень существенное продвижение в сфере интеллектуализации работников страны.

В то же время положение в Уральском федеральном округе несколько хуже, чем по России в целом, хотя и находится в общероссийском тренде. В Свердловской области обстановка еще хуже. В 2001 г. в экономике области работало 18,0 % специалистов с высшим профессиональным образованием, а в 2015 г. их было 28,7 %. Это означает, что область находится на последнем месте среди субъектов РФ, входящих в Уральский федеральный округ.

Такие данные свидетельствуют о том, что развертывание умных технологий не должно *рассматриваться только как своего рода организационно-механическое действие*. Его надо воспринимать как результат усилий человеческого интеллекта. Недостаточно лишь правильно все организовать. Необходимы люди, которые знают суть умных технологий, т. е. нужно постоянно готовить инженерные кадры, способные в интеллектуальном отношении их создавать и самостоятельно обслуживать [49].

Для успешного инновационного развития *нужна мотивация большинства населения региона*, а не отдельной личности или группы согласованно мыслящих предпринимателей. Роль психологических факторов подчеркивал еще немецкий военачальник Карл фон Клаузевиц (1780–1831) в работе «О войне» (1832 г.), на которую ссылались многие ученые и поли-

тики. Он показал, что человеческий дух безгранично важнее, чем линии и углы оперативных построений [131].

Для настроя на создание умных технологий в обществе *должна быть создана атмосфера творческого преобразования* как производства, так и всех других общественных отношений. С этой целью в стране необходимо *сформировать устную договоренность между государством, бизнесом и гражданами по поводу взаимодействий и развертывания умных технологий*. Цель такой договоренности состоит в создании спроса на идеи и на готовые разработки. Обсуждение идей и предложений должно происходить в большинстве научных и хозяйственных структур страны, в СМИ, в органах власти и управления, на всех уровнях гражданского общества.

Можно возразить, что в стране существуют институты развития, которые призваны решать такого рода задачи. К ним относятся Российская венчурная компания, Агентство стратегических инициатив, Ростехнологии, РосНано, Фонд «Сколково», фонды под контролем Министерства образования РФ, региональные организации в субъектах РФ. Но они слабо выполняют свои функции. Главной причиной значительной неуспешности указанных институтов развития является их нацеленность на быстрый результат и сиюминутную прибыль.

Мы же говорим о развертывании в обществе чувства и желания творчества. Такая созидательная энергия начнет перерастать в реальные проекты по мере увеличения спроса на новшества. Она же станет побуждать общество к формированию специальных научно-исследовательских структур, которые начнут вырабатывать законченные проекты, готовые к использованию в практической деятельности.

Такая договоренность не должна быть бумажно-бюрократической, за которой кроме официального документа ничего реального нет. Естественно, что по указанию соответствующего начальства такой документ с необходимыми правильными словами появится, но срок его жизни будет коротким: день рождения совпадет с написанием первых строчек, а день ухода на покой определится временем постановки на нем синей печати. После этого жизненный путь документа завершится в архивных фондах правительственных решений.

Поэтому, когда мы говорим о необходимости договоренности в обществе по поводу развертывания умных технологий, то имеем в виду, во-первых, *устную договоренность*, которая выступает как согласованное общественное мнение, во-вторых, договоренность, построенную на *добровольном согласии* основной части общества действовать скоординировано и на базе взаимной выгоды. Это должна быть договоренность в стиле римской *стипуляции* (лат. *stipulatio* — выпрашивание). *Стипуляцией в римском праве* назывался формальный, абстрактный устный договор (контракт) в виде строгой словесной формулы, устанавливающий обязательство сторон и заключавшийся в необходимости спрощенным совершать то, о чем его просят.

В современных российских условиях такой стипуляцией должно стать формирование общественного согласия наподобие общественного договора, предложенного французским философом Жан-Жаком Руссо (1712–1778). Он под общественным договором понимал не документ, который должны подписать все члены общества, что практически невозможно, поскольку у каж-

дого имеется отдельное мнение, с которым другой член общества может не согласиться. Он имел в виду согласие по тому общему, что имеется в различных интересах. «Общественную связь, — писал он, — образует как раз то, что есть общего в этих различных интересах; и не будь такого пункта, в котором согласны все интересы, никакое общество не могло бы существовать» [246, с. 216].

Следующим фактором развертывания умных технологий является *активизация научной деятельности* со стороны бизнеса. Сейчас научные разработки, кроме узкого круга специальных исследований, мало востребованы как государством, так и бизнесом. При этом бизнес не заинтересован финансировать научные исследования. Он руководствуется принципом примитивного бизнеса прошлых веков, который состоит в получении текущей выгоды без вложения денег в исследования. Бизнесмены говорят, что они готовы приобрести результаты готовых исследований, а откуда такие появятся, их не заботит. Но ориентация на быструю выгоду обычно приводит к негативным стратегическим, долговременным последствиям. Например, в работе «Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных» (1953 г.), переизданной в России в 1998 г. [123], сказано, что в Германии запрет финансирования научно-исследовательских работ, которые не могли быть завершены в течение одного года, подрвал фундаментальную науку, в том числе связанную с изготовлением ядерного оружия.

Считаем, что подключить бизнес к научным исследованиям возможно путем создания такого налогово-финансового механизма, который отвечал бы интересам самих предпринимателей. Например, можно пойти по пути создания *фонда развития российской науки*. Но это должен быть не традиционный фонд, в который одни сбрасывают деньги, а другие ими распоряжаются. Это должен быть научный фонд нации. При этом не следует сосредотачивать все его деньги в едином федеральном центре. Оригинальность его функционирования состоит в особенностях формирования и использования средств, направляемых на научные исследования и разработки.

Необходимо, чтобы принципы создания фонда соответствовали реализации *интересов предпринимателей*. Например, законом можно обязать крупных и средних предпринимателей отчислять на развитие научных исследований определенную долю доходов. Но установленная величина средств на науку должна оставаться в распоряжении предприятия на определенных условиях. Так, предприятие должно зафиксированную законом сумму денег обязательно направить на научные разработки для улучшения собственного развития. Подчеркиваем: именно собственного, а не кого-то другого, не соседнего предприятия, не муниципалитета, не региона, не страны.

Оно может сделать это различными методами. Один из них — создание собственного научно-исследовательского подразделения по своей проблематике. Можно сформировать научный коллектив и поручить решать ему проблемы организационно-экономического и производственно-технологического развития.

Если предприятие не хочет создавать собственное научное подразделение, то оно должно на сумму денег, зафиксированную нормой закона для научных исследований, заказать выполнение научных разработок (опять

же для своих нужд) исследователям из специальных научных учреждений. И в первом, и во втором случае деньги используются исключительно в интересах предприятия.

Если же предприятие не желает ни в какой форме заниматься научными разработками, то тогда зафиксированные нормой закона суммы денег *должны изыматься у него для передачи в централизованную часть фонда* развития российской науки и использоваться целевым образом в соответствии с научно-исследовательской программой государства.

Хотя мы и перешли на рыночные экономические основы, но отношение людей к эффективной и под свою ответственность деятельности еще не соответствует нормам современного цивилизованного рынка. До сих пор сохраняется или патерналистское отношение к жизни, когда «высшие» руководители помогают выжить, или же низкокачественное выполнение работы независимо от уровня ее оплаты. Это означает, что следует вновь *поднять вопрос о хозяйственном воспитании народа*. И не надо думать, что такой подход обязательно присущ лишь централизованно управляемой экономике. Если обратиться к опыту социальных мер американского производителя автомобилей Генри Форда (1863–1947), описанных в книге «Моя жизнь. Мои достижения» (1922 г.), где он также призывал «делать что-либо правильно, даже когда никто не смотрит», или автомобильного менеджера Ли Якокка, писавшего в автобиографии «Карьера менеджера» (1984 г.) о важности усердного труда и творческого подхода к работе, или сингапурского руководителя Ли Куан Ю (1923–2015), выведшего свою страну всего за 35 лет из «третьего» мира в «первый» (его книга «Сингапурская история. 1965–2000 гг. Из третьего мира — в первый», 2000 г.), то станет понятно, что хозяйственное воспитание людей даже в большей мере необходимо рыночной экономике, чем централизованно-плановой.

Поскольку умные технологии делаются умными людьми, то следует их ум постоянно поддерживать в творческом состоянии. Для этого необходимо организовать *непрерывное обучение* технологиям решения задач. Сейчас это обучение сводится к объявлению им задач, т. е. им объясняют, *что надо делать*. Предлагается перейти к объяснению технологии исполнения дел, т. е. объяснять, *как надо делать*. Такое непрерывное обучение должно касаться не только инженерных кадров, но и всех государственных и муниципальных служащих, поскольку они все вместе организуют создание, распространение и повсеместное использование умных технологий в производстве, в быту и на отдыхе.

В рамках таких мер важно снова поставить вопрос о распространении в России и на Урале, как это было в 1960-е годы, *научной организации труда и управления производством (НОТ и УП)*, давшим хорошие результаты как в американской и европейской экономике, так и в советской плановой системе. Вместе с НОТ и УП можно сформировать на предприятиях и в организациях интеллектуальные службы развертывания умных технологий. Они будут не только выполнять непосредственные производственные функции, но и станут заниматься активным поиском, вербовкой и стимулирующим удержанием талантов на предприятии и в регионе.

3.5. СПЕЦИФИКА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

После создания указом Президента РФ Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) интерес к происходящему в данном регионе со стороны политического и экспертного сообщества значительно возрос.

В то же время выполнение главной задачи, поставленной руководством страны, — модернизации Северо-Кавказского федерального округа — осложняется в первую очередь тем, что отток русского населения из республик Северного Кавказа, а именно, наиболее квалифицированных кадров, которые так необходимы сегодня для модернизационного скачка, продолжается по сей день. Подавляющее большинство русских, покинувших эти республики в период с 1989 по 2015 г., как раз и представляли собой квалифицированную прослойку — учителей, врачей, инженеров, специалистов в области высоких технологий, научных работников. В частности, по этой причине почти полностью остановлены предприятия оборонно-промышленного комплекса в Дагестане, обеспечивавшие до 80 % экономики республики. И это лишь один из примеров. Совокупность подобных факторов в значительной степени и привела ситуацию к тому экономически депрессивному состоянию, с которым сегодня столкнулось руководство республик Северного Кавказа¹.

В результате анализа протекающих социально-политических процессов на Северном Кавказе как в советский, так и в постсоветский период, а также с учетом сложившейся на текущий момент ситуации оттока русского населения можно сформировать три системных проекта возможного социально-политического развития региона. Данные проекты включают итоги исследований, проводившихся на протяжении нескольких последних лет, и выводы, сделанные на их основе.

Анализируя полученные факты, а также суммируя изложенные обобщения, можно спрогнозировать, как с учетом русского фактора, являющегося предметом исследования, мог бы развиваться Северный Кавказ в обозримой перспективе, как может сложиться ситуация в регионе с русскими, и что необходимо сделать для обеспечения такого развития событий, или же без русских, с учетом сложившейся данности, и тогда каковы могут быть позитивные (или негативные) сценарии в этом случае. Рассмотрим возможные и наиболее вероятные сценарии развития ситуации в социально-политической сфере.

¹ Савченко И. Как решалась проблема русского населения на Кавказе // Бета Пресс. — URL: <http://beta-press.ru/article/128>.

Первый сценарий — это сохранение статус-кво, дальнейшее продление той ситуации, какой она является на данный момент. Его можно условно обозначить как сценарий потери Северного Кавказа для России. Это, конечно, неприятный вывод, но здесь следует нарочно заострить эту тему, чтобы утрированно подчеркнуть суть происходящих процессов.

Нынешняя ситуация, которая сложилась на Северном Кавказе, сформировалась не за последние годы, истоки ее происхождения связаны с советским периодом [195]. Политическая, советская, идеологически марксистская элита, которая держала в руках ситуацию в республиках СССР, в целом в стране, создав Советский Союз, формально исходила из марксистской догматики. Как отмечалось, суть ее сводилась к тому, что социализм, который мы строили в СССР, следует за капиталистическим, буржуазным периодом. Другими словами, социальная последовательность формаций развития общества согласно марксистскому подходу выглядела таким образом: архаичное общество, затем условно «феодальное», которое за ним следует и преодолевает архаичное полностью, отменяет его; затем феодальное общество трансформируется в буржуазное общество — формат буржуазных национальных государств. И уже за буржуазным обществом вследствие пролетарских революций возникает социалистическое общество.

Эту модель приняло русское большинство, хотя даже русские не вжились в нее, но приняли ее по факту. Став некими поверхностными носителями индустриальной модели, русские двинулись на Северный Кавказ именно как строители этой индустриальной социалистической модели северокавказского общества. Отправив русских на Северный Кавказ в довольно большом количестве — по распределению, по разрядке, силовым образом, советская элита осуществляла тем самым ускоренную модернизацию региона путем принудительной индустриализации, через привнесение социально-политической модели, которую и выражали русские на тот момент, сами уже номинально развившиеся ускоренным образом до социалистического уровня.

По сути, Кавказ был индустриализирован еще более ускоренно, чем вся остальная Россия. Такой темп был взят именно потому, что в значительной степени кавказское общество в представлении советской элиты было нарочито «феодальным», в марксистской терминологии, и в значительной степени архаичным. Но, по сути, эти фактические характеристики упускались из внимания, умалчивались, так как считалось, что, если социалистическая модель общества присутствует на Северном Кавказе хотя бы в минимальной концентрации, значит, все остальное преодолено, и остатки архаики в итоге сами рассосутся.

В момент распада Советского Союза это директивно-принудительное навязывание социалистических марксистских моделей через урбанизацию и индустриализацию в одночасье исчезло. Центр больше не настаивал на том, что Кавказ является социалистическим, гомогенным, индустриально развитым урбанизованным обществом. В момент, когда это давление ослабло, кавказское общество начало самовосстанавливаться. Начались процессы социального выздоровления, а именно оно начало, во-первых, принимать те естественные формы, которые ему всегда были свойственны: традиционные

формы социального устройства, аграрные способы ведения хозяйства стали возвращаться как данность. Больше никто не заставлял людей от них отказываться, не насилывал их утверждениями, что они марксистское, индустриально развитое, прогрессивное социалистическое общество. Данной фактор был снят, и все начало возвращаться на круги своя, т. е. восстанавливаться.

Религиозный фактор занял подобающее ему место, и этот процесс продолжается по сей день. Без силового навязывания индустриального развития все начало двигаться к своим естественным формам. Однако на фоне такого восстановления возникли еще и отголоски «преодоленных» формаций, в первую очередь националистические тенденции, т. е. попытки создать национальные государства на Северном Кавказе по буржуазной модели наперстывания того периода, который советским проектом был преодолен экстерном. Начался процесс создания из так называемых республик, которые считались в советский период отмирающим элементом, полноценных буржуазных государств с жесткими административными границами, соответствующей титульным этносам политической национальной администрацией, с парламентами, президентами, конституциями, что особо проявилось в 1990-е годы, и со всеми полноценными атрибутами суверенитета, такими, какими они и должны быть у государства-нации. Но поскольку этот период Кавказ в начале двадцатого столетия прошел за 2–3 года, то национальные государства тогда, по сути, и не были созданы. Реальные буржуазные государства начали формироваться на Кавказе именно в 1990-е годы. Так, как это и должно было бы происходить, если бы республики Северного Кавказа полноценно пережили этот буржуазный период, который Европа прошла за 2–3 столетия, на обломках империй формируя национальные государства, или государства-нации.

Таким образом, этап становления национальных государств начался на Кавказе только после развала Советского Союза. Марксистская же логика, которая говорила о том, что социалистический период следует за буржуазным и обратной дороги быть не может, была полностью поправа. Мы по факту вернулись к буржуазному строю после социалистического. Это был реальный крах марксизма и его догматики в одной отдельно взятой стране.

Две тенденции, которые и сформировали нынешнюю ситуацию, перешедшую в стадию *status quo*, можно определить следующим образом: первая — архаизация Северного Кавказа, вторая — создание полноценных национальных государств на базе северокавказских республик. Сегодня эти два процесса происходят параллельно.

Жители Северного Кавказа продолжают по инерции находиться на уровне потребления даже не социалистических, с их системой самоограничения и перераспределения, но буржуазных, индустриально развитых государств. При этом производственный сектор постепенно приходит в состояние деиндустриализации и уже не в состоянии обеспечивать тот уровень урбанизации и потребления, который был сформирован на Северном Кавказе в советский период. Необходимы постоянные финансовые вливания. Иными словами, сам по себе регион в автономном режиме не может обеспечить прежний уровень потребления для своего населения, которое стало в значительной степени городским и урбанистским, с высокими запросами к комфортности, обеспеченности и инфраструктурному развитию.

В момент, когда финансовые вливания федерального центра будут ослаблены, станут менее масштабными, Северный Кавказ утратит возможность обеспечивать тот уровень потребления, на котором население региона привыкло существовать, и это станет весьма заметно. Самый «простой» выход из этой ситуации, лежащий на поверхности, — начать поиски альтернативных источников поддержания прежнего уровня жизни. В основном такие попытки всегда заканчиваются обращением к Западу как потенциальному источнику поддержания благосостояния на привычном уровне. Это мы не раз наблюдали, в том числе, в отношении республик Закавказья, в целом постсоветского пространства, когда после распада Советского Союза и потери централизованного финансирования со стороны России бывшие советские республики обратились на Запад, в структуры Евросоюза, сложившегося на тот момент, НАТО, Соединенных Штатов Америки и т. д., ожидая в первую очередь финансовой поддержки. Ни одно из этих обращений не закончилось удовлетворением ожиданий, зато во всех случаях произошла смена геополитической ориентации с пророссийской на атлантистскую, прозападную.

Отсюда следует, что сохранение текущей ситуации и разворачивающихся тенденций на том же уровне приведет в итоге при снижении уровня ассигнований в отношении Северного Кавказа к потере его для России. Сначала начнется недовольство падением привычного уровня жизни со всеми вытекающими последствиями, а затем, что уже закономерно, взгляды местных элит начнут обращаться за пределы России, с постепенной трансформацией северокавказского общества и переориентацией на атлантистские пути развития.

Это первый сценарий, и он самый пагубный, потому что в момент отложения Северного Кавказа от России может начаться неконтролируемый процесс распада России и дробление Северного Кавказа в целом, ибо это создаст прецедент выхода национальных республик из состава Российской Федерации. Соответственно за этим последует отделение Башкирии, Татарстана, Калмыкии, Якутии и других национальных республик, которые все еще существуют как наследие советского периода, как то, что должно было быть преодолено, но тем не менее не было устранено как явление, а, наоборот, развернулось во всей полноте в 1990-х годах в качестве потенциальных национальных государств. Все это будет сопровождаться процессами распада существующих национальных республик Северного Кавказа, дробления и трайболизации.

Первый сценарий, таким образом, — это сохранение статус-кво, нынешнего уровня потребления при наличии финансовых вливаний из федерального центра, за счет которых его и можно поддерживать. Как только этот поток вливаний ослабнет и у России начнутся какие-то финансовые трудности, допустим, цена на нефть упадет, или вторая волна кризиса докатится до РФ, истощив этот поток, возникнет диссонанс между нынешним уровнем потребления и отсутствием финансовых возможностей его обеспечения. А это незамедлительно всколыхнет центробежные проявления при задействовании нашими геополитическими оппонентами таких инструментов дестабилизации, как исламизм, являющийся геополитическим инстру-

ментарием Запада, и подстегнет попытки создания суверенных национальных государств на базе нынешних республик. Но, самое главное, сменился ориентация Северного Кавказа, устремившегося на Запад, в его структуры — вождеденный для всех «несостоявшихся государств» Евросоюз, в НАТО с ориентацией на США, в целом на западный мир или, может быть, на Турцию. В результате потеря Кавказа произойдет рано или поздно, если все останется, как есть.

Второй сценарий — это сценарий реиндустриализации¹. Его реализация требует волевого решения со стороны федерального центра и общего мобилизационного подхода. Что он собой представляет? Это восстановление индустриального потенциала Северного Кавказа волевым путем, т. е. восстановление наследия, которое Северный Кавказ получил от советского периода, с одновременным созданием новых промышленных и индустриальных объектов. Данный процесс подразумевает гомогенизацию северокавказского населения, создание полноценного гражданского общества, окончательный демонтаж архаичных моделей, разрушение клановости, которая сегодня присутствует во всей полноте в регионе, и в итоге приведение Северного Кавказа в то состояние, в котором находятся многие регионы центральной части РФ. Хотя и они не соответствуют своему номиналу: декларируется, что Россия пережила либеральный период развития, такой же интернациональный, как и коммунистическая модель, который следует за социалистическим периодом, но с обратным знаком. Однако при этом ничего подобного в России не произошло. В центральных регионах, особенно в социальном плане, так же, как и на Кавказе, наблюдается ситуация археомодерна — значительное присутствие архаичных элементов при внешнем модернистском фасаде [106].

Следовательно, в случае реализации проекта реиндустриализации необходимо привести Северный Кавказ в состояние остальных российских регионов, которые при этом соответствуют заявленному нормативу либеральной «гражданской политической нации» лишь номинально. При этом, учитывая наличие клановости как решающего фактора, в нынешнем состоянии Северный Кавказ представляет собой для федеральных инвестиций некую «черную дыру». Зачастую эти деньги возвращаются обратно, в Москву. На них покупаются квартиры в новостройках, туда переезжают «новые кавказцы», но никакой индустриализации на Кавказе не происходит. Эти деньги для Северного Кавказа в его нынешнем состоянии не впрок, они не будут обращены на индустриализацию. На них не будут построены промышленные предприятия, заводы и фабрики. Деньги будут освоены иным образом, вследствие чего промышленные предприятия и другие объекты урбанистического развития не появятся.

Для реальной реиндустриализации Северного Кавказа необходимо применить следующую формулу: инвестиции вместе с русскими. В этом случае инвестиции заводятся на Северный Кавказ для строительства предприятий и других объектов индустриального и технологического развития,

¹ Коровин В. Северный Кавказ: русский фактор // Изборский клуб. — URL : <https://izborsk-club.ru/12097>.

но одновременно вместе с ними в регион перемещаются специалисты — инженеры, технологи, экономисты и ответственные сотрудники — организационные комиссары, лично отвечающие за целевое освоение этих средств, т. е. носители некоего государственнического подхода — не локального, не местного, не кланового, а стратегического.

Итак, строительство необходимых предприятий и объектов, как и весь процесс реиндустриализации, будет контролироваться из федерального центра через институт ответственных представителей-комиссаров. Квалифицированные, технологически подготовленные специалисты будут взяты из регионов Центральной России, из среды русского стратегического большинства.

В таком формате это будет попытка внедрить тот процесс индустриализации, который осуществлялся в советский период, но уже на новом этапе, без социалистической идеологии, без довлеющей константы марксизма как модели, которая преодолела предыдущие стадии развития.

Другими словами, второй сценарий — это интенсивная реиндустриализация в мобилизационном режиме с опять-таки неким политическим, волевым возвращением русских на Северный Кавказ. В таком случае нужна не только финансовая поддержка, обеспечивающая процесс реиндустриализации, не только новые вливания для воссоздания индустриальной базы, необходимой для поддержания уровня потребления, который сложился на сегодняшнем Северном Кавказе, но и серьезный кадровый скачок, связанный с новой «русской волной» в регионе. Все это возможно реализовать только по формуле «инвестиции вместе с русскими».

Третий проект можно условно назвать традиционалистским¹. Связан он, в отличие от второго проекта, напротив, с отказом от попытки еще одной волны реиндустриализации Северного Кавказа. Но и сохранять статус-кво также не продуктивно.

Обращение к традиционалистскому проекту, который еще можно определить понятием «евразийский федерализм», связано с тем, что на Северном Кавказе начинается процесс восстановления традиции во всей ее полноте. Этому способствует и то, что традиционные формы существования для северокавказских этносов являются естественными и гармоничными.

Здесь следует обратить внимание на то, что в целом процесс десекуляризации происходит сегодня во всем мире. В терминах Питера Бергера, западного философа, это ситуация, когда народы (а сегодня это все большая часть человечества) обращаются к традиции, к религии, восстанавливая институты веры и традиции. Тяжелее всего это происходит в Европе, где общество уже почти полностью атомизировано, где оно оторвано от корней и разложено, а от идентичности остались только воспоминания. В условиях кризиса в европейских государствах человек оказывается в состоянии обездоленности. Он один, ему не к кому обратиться, ему не на что опереться, у него нет не то что кровнородственного клана, который бы его поддержал, или общины, которая бы за него вступилась в трудной ситуации, у него да-

¹ Доклад СКФOnews. Северный Кавказ: русский фактор // Русский обозреватель. — URL : <http://www.rus-obr.ru/library/6438>.

же зачастую нет семьи. А с легализацией однополых браков такое явление, как традиционная семья, в Европе в принципе движется к прекращению своего существования. Семья отмирает как социальное явление, как социальный институт.

Казалось бы, кровнородственный клан, с одной стороны, и однополые семьи, не способные к воспроизводству, с другой — это некие крайности. Однако процесс социальной модернизации, часть пути которой прошли не только светская секулярная Россия, но и Северный Кавказ, это неизбежный итог, который мы наблюдаем в нынешней Европе. Можно находиться в начале этого пути, можно в середине, но финиш всегда один — и Европа его практически достигла — бесполое общество бессмысленных биологических индивидуумов, не способных к воспроизводству и самосохранению.

Нынешний, пока еще не дошедший до критической, финальной точки, но критически приблизившийся к ней, одинокий, брошенный, обездоленный европейский человек понимает свою безысходность в ситуации кризиса и от этой безысходности... начинает обращаться к фундаменту, к корням, к изначальным основам существования человека, т. е. к традиции, религии и восстановлению своей этнической принадлежности. Ко всему тому, что практически во всей полноте сохранилось на российском Северном Кавказе.

Именно процесс новой этнизации очень активно развивается сегодня в Европе, которая, казалось бы, согласно прогрессистскому подходу преодолела эти этапы уже давно. Нынешнее глобальное либеральное общество имеет в качестве меры всех вещей то, к чему и стремилось, — атомизированного индивидуума. Этнос — это то, чего на Западе давно не существует, как не существует и народов, и даже практически уже нет политических наций — искусственной формы политической самоорганизации дискретных масс. Но тем не менее процессы выделения из нынешнего Европейского союза целых анклавов, сформированных на этнической основе, стали данностью. Начинается процесс выяснения того, какие этнические группы из каких государств выделяются сегодня, на наших глазах, в рамках нынешнего Евросоюза под воздействием кризиса.

Русские гораздо дальше прошли по пути социальной модернизации, чем народы Северного Кавказа. Но пока ушли не так далеко, как народы Европы.

На Северном Кавказе сохранились языки, вера, традиция, происхождение — идентичность. Каждый представитель традиционного северокавказского этноса знает свой род, откуда он произошел (особенно это проявляется в Чечне), что значит фамилия, своих родственников до седьмого колена, свой вар, как минимум свой тейп, свой тукхум, он может опереться на своих родственников, ведь это сила, которая в современном бурлящем мире либеральной постиндустриализации дает человеку возможность сохраниться, выжить, найти поддержку. Этот человек знает, кто он, он знает свой язык, свою традицию. В таком случае зачем ему та, сначала советская, которую кое-как пережили, а теперь уже нынешняя либеральная ломка? Зачем традиционного человека, укорененного в своей земле, живущего в своей идентичности, в гармонии с собой и с Богом, создавшим его, зачем понимающего, что такое не проходящие, но вечные ценности, помещать в ситуацию модер-

на? Зачем ему навязывать те материалистические ценностные суррогаты, к которым так стремилась, но которых лишилась сегодня современная, теперь уже не очень богатая Европа, которая больше всего кичилась своим материальным достатком, благосостоянием, тем, что они достигли пика индустриализации. Кризис все обнулil, смел в тартарары.

Несмотря ни на что, в России все же не до конца была разрушена традиционная форма устройства большого русского народа, а на Северном Кавказе некоторые этнические группы вообще остались практически нетронутыми, сохранив изначальные традиционные модели социального устройства. Это и есть социально устойчивые этнические группы, как сейчас выясняется.

В этом аспекте Кавказ является кладезем, хранилищем изначальных традиций и традиционных форм. Так зачем разрушать их ради какой-то эфемерной индустриализации? Ради того, чтобы пройти стадию индустриализации, как ее прошла Европа чуть раньше, потом пройти стадию постиндустриализации, как ее прошла Европа позже, локализовав лишь третичный сектор экономики, а все производство вытеснив в Юго-Восточную Азию, в Китай, на Тайвань. И, оставшись без промышленности, потом перейти в состояние постмодерна с его теперь уже не человеком, но постчеловеком — мутантом, клоном, киборгом? И мы сейчас всерьез говорим о том, что мы должны двигаться туда же, по этому же пути и в итоге к этому же краху, который сегодня переживает и Европа, и западный мир в целом?

Таким образом, третий сценарий — это сценарий традиционалистский: отказ от принудительной индустриализации, снятие проблемы необходимости возвращения русских на Кавказ и обращение к своим корням, традициям, восстановление гармоничного, полноценного, изначального базового общества таким, каким оно на Кавказе было всегда, сохраняясь в веках. Конечно, все это не отменяет наличия элитной прослойки, той, что в Советском Союзе называли интеллигенцией, или научным сообществом. Элитная политическая прослойка необходима, но строго ориентированная на федеральный центр, на некую более мобилизационную модель социального устройства, которая сегодня возможна на территории Центральной России в условиях многообразия форм, сложившихся на континентальных просторах нашего государства.

ГЛАВА 4

ИННОВАЦИОННЫЙ И ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

4.1. ГЕОГРАФИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В РОССИИ В ПЕРИОД КРИЗИСА: ПРИОРИТЕТЫ БИЗНЕСА И ГОСУДАРСТВА

Перспективы развития России формируются не многочисленными стратегиями, а реальными объемами, динамикой и географией инвестиций. Долгосрочная проблема недоинвестирования российской экономики хорошо известна. В период трансформационного кризиса произошел сильнейший спад инвестиций, к 1998 г. их физический объем сжался до 17 % от уровня 1990 г., а в 2014 г. восстановился только до 61 %¹. Для сравнения физический объем промышленного производства, сократившись до 48 % от уровня 1990 г., к 2014 г. восстановился до 92 %.

Кризисы всегда негативно влияют на инвестиционную активность, и начавшийся в 2014 г. новый экономический кризис не исключение. Уже в 2013 г. рост инвестиций был минимальным (0,8 %), с 2014 г. начался спад (1,5 % к предыдущему году), ускорившийся в 2015 г. до -8,4 %. В 2016 г. по предварительным данным спад инвестиций почти прекратился (-0,9 % к 2015 г.), но суммарно с 2013 по 2016 г. они сократились в реальном выражении почти на 12 %.

В период кризиса лучше видны инвестиционные приоритеты: когда денег меньше, а риски возрастают, бизнес, как правило, направляет средства на самое необходимое или устойчиво прибыльное, что отражается в географии инвестиций. Происходит жесткая проверка инвестиционной привлекательности крупных развитых регионов внутренней части страны, которые в концепции Е. Г. Анимиды отнесены к «срединным» [16]. Среди них и Свердловская область.

Очевидно, что два главных инвестиционных актора — бизнес и власти — могут проводить разную политику. Бизнес в условиях кризиса снижает инвестиционную активность и, как правило, готов инвестировать только в наиболее конкурентоспособные проекты, в воспроизводство сырьевой базы и др. У инвестиционной политики государства, которая реализуется через бюджетные инвестиции, чаще всего более долгосрочные приоритеты: финансирование проектов на менее развитых территориях для создания новых рабочих мест, обеспечение национальной безопасности и обороны, развитие инфраструктуры в удаленных территориях и т. д. Сокращение инвестиционных возможностей бюджетов в кризисный период вынуждает власти либо сужать число приоритетов, концентрируясь на важнейших, либо

¹ Данные Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП), представленные в докладе на экспертном совете Внешэкономбанка в 2016 г.

«размазывать» уменьшившийся объем инвестиций, плода «недострой». Последнее было типичным для советского времени.

Исследований инвестиций в регионах России в целом немного, а по данным за период нового кризиса их пока нет. И. В. Гришина анализировала региональные различия инвестиций в начале 2000-х годов [84]. В работах О. В. Кузнецовой детально рассмотрены все формы инвестиций из федерального бюджета в регионы — прямые инвестиции, инвестиционные субсидии и федеральные вложения в государственные корпорации и компании в 2000-х — начале 2010-х годов [151]. В другом исследовании этого автора показана роль зарубежных инвесторов в регионах России по данным об инвестициях организаций с участием иностранного капитала, сделана оценка привлекательности регионов для отечественных и иностранных инвесторов по отношению внебюджетных инвестиций к ВРП за 2009–2013 гг. [152]. По справедливому замечанию О. В. Кузнецовой, анализ затрудняется тем, что объемы инвестиций в регионах, особенно небольших по размерам, нестабильны по годам. Это обусловлено неравномерностью притока инвестиций при реализации крупных проектов.

Попытаемся понять, какую инвестиционную политику проводят бизнес и власти в период текущего кризиса. За 2015–2016 гг. использованы данные об инвестициях в основной капитал, их динамике и структуре по источникам финансирования без учета малого предпринимательства. Оценка приоритетов бизнеса сделана на основе всех инвестиций в основной капитал, поскольку доля бюджетных инвестиций в них относительно невелика.

Наиболее показательна динамика в регионах с большим объемом инвестиций. Суммарно с 2013 по 2016 г. более устойчиво росли инвестиции в главных нефтегазодобывающих регионах, чтобы поддержать уровень добычи, и в городах федерального значения с самой большой концентрацией платежеспособного спроса (табл. 18).

Таблица 18

**Динамика инвестиций из всех источников
за 2013–2016 гг. и за 2016 г. в регионах с наибольшим их объемом
(более 1 % от общероссийских инвестиций)**

Субъект	Динамика, %		Доля, % 2016
	2016 к 2013	2016 к 2015	
Российская Федерация	–11,7	–0,9	100,0
Центральный федеральный округ	–5,6	–1,3	25,9
Москва	2,4	0,7	11,6
Московская область	–14,5	–2,8	4,3
Воронежская область	8,4	0,1	1,9
Уральский федеральный округ	5,5	8,8	18,7
Ямало-Ненецкий автономный округ	20,0	22,5	7,5
Ханты-Мансийский автономный округ	4,9	2,6	5,5
Свердловская область	–20,0	–8,9	2,4
Тюменская область*	1,7	14,5	1,8
Челябинская область	–29,4	–15,3	1,3
Приволжский федеральный округ	–15,6	–7,7	16,6
Республика Татарстан	0,0	0,0	4,4

Субъект	Динамика, %		Доля, % 2016
	2016 к 2013	2016 к 2015	
Республика Башкортостан	8,7	4,2	2,5
Самарская область	-27,2	-21,7	1,8
Пермский край	-27,1	-3,3	1,6
Нижегородская область	-38,6	-14,2	1,5
Оренбургская область	-11,6	-10,4	1,1
Северо-Западный федеральный округ	-9,0	8,3	11,3
Санкт-Петербург	1,8	12,4	4,0
Ленинградская область	-19,1	11,6	1,8
Республика Коми	-12,8	12,8	1,4
Сибирский федеральный округ	-23,2	-4,2	9,6
Красноярский край	-15,0	0,9	2,9
Иркутская область	-4,4	17,5	1,8
Кемеровская область	-43,0	-13,4	1,1
Новосибирская область	-44,2	-18,9	1,0
Южный федеральный округ	-42,9	-16,4	7,6
Краснодарский край	-62,6	-29,3	2,9
Ростовская область	-12,7	-12,2	2,0
Волгоградская область	4,5	-9,1	1,2
Дальневосточный федеральный округ	-11,1	-2,9	6,7
Республика Саха (Якутия)	32,3	28,8	1,9
Сахалинская область	-5,8	-18,8	1,7
Северо-Кавказский федеральный округ	-2,0	-3,7	3,3
Республика Дагестан	13,2	0,8	1,4

Примечания. Составлено по данным Росстата. * Без автономных округов.

Доля двух автономных округов Тюменской области в общем объеме инвестиций в России в 2016 г. достигла 13 %, Москвы — приближается к 12 %, а совместно на эти три субъекта Российской Федерации приходится четверть всех инвестиций в стране. В результате в период кризиса инвестиции концентрируются в небольшом числе регионов с важнейшими конкурентными преимуществами — ресурсными и агломерационными, что усиливает пространственную поляризацию. В новых нефтегазодобывающих регионах на востоке страны динамика инвестиций нестабильна, за исключением Якутии, а в Сахалинской области усиливается спад.

В большинстве крупных «срединных» регионов Урала и Сибири спад инвестиций наиболее сильный, и он продолжался до 2016 г. включительно, в том числе, в Свердловской области. Это предопределяет замедление развития на ближайшие годы. Лучше динамика инвестиций в крупных регионах Европейской части России — Башкортостане, Татарстане и Воронежской области. Отчасти это следствие более активной политики по привлечению инвесторов, проводимой властями этих регионов.

В регионах, которые считаются «геополитически приоритетными» и получают особую поддержку федеральных властей, динамика была разной. Инвестиции в Дальневосточном федеральном округе сокращаются, «поворота на восток» не произошло. Доля Дальнего Востока в объеме инвестиций в Российской Федерации — всего 6,7 %, ненамного выше доли в населении (4,5 %). С учетом территориальных масштабов округа, занимающего более

трети территории страны, это очень мало. Пик инвестиций (9 %) пришелся на 2011 г. в период подготовки к Саммиту АТЭС и строительства восточного нефтепровода, в основном за счет инвестиций федерального бюджета и госкомпаний. Инвестиции в Крым существенно выросли в 2016 г., но их доля меньше 0,5 % всех инвестиций в России (доля Крыма в населении — 1,6 %) без учета расходов на строительство моста, которые финансируются федеральным агентством «Росавтодор». Доля Северокавказского федерального округа в инвестициях остается минимальной, рост в Дагестане обеспечен инвестициями бюджета и госкомпаний.

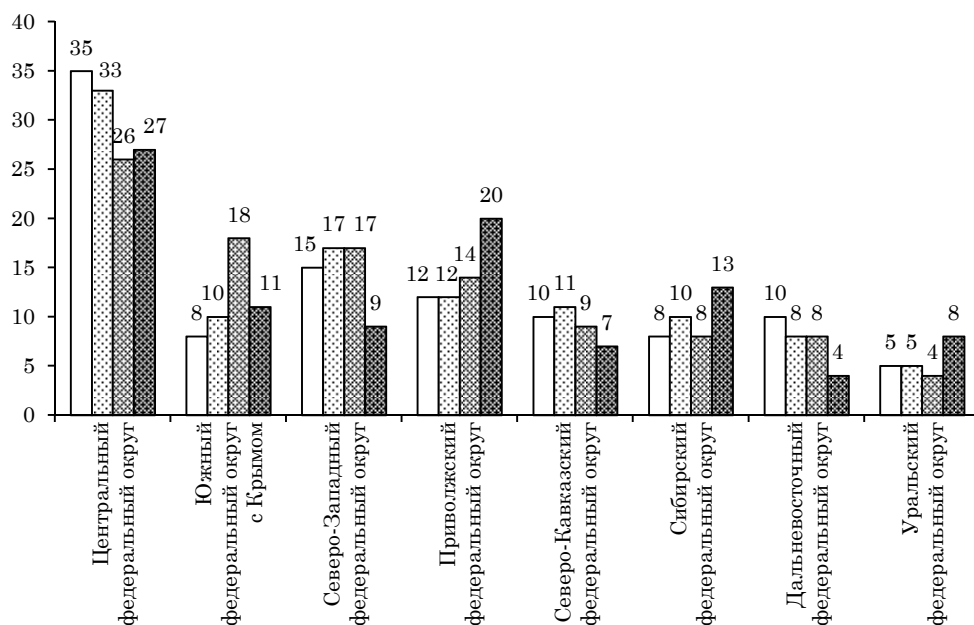
Инвестиционная активность государства снижалась еще до кризиса: если в конце 2000-х годов доля инвестиций из бюджетов всех уровней достигала 21 % от всех инвестиций, то в 2012 г. она сократилась до 18 %, в 2014 г. — до 17 %, в 2016 г. — 16 %. Наиболее значимы бюджетные инвестиции для слаборазвитых регионов, в Ингушетии их доля достигала 91 % в 2016 г., в других республиках Северного Кавказа, в Калмыкии, Тыве и Алтае, а также субъектах Крыма — 45–75 %. Вторая группа регионов с повышенной долей бюджетных инвестиций нестабильна, это регионы, в которых строятся объекты электроэнергетики (госкомпании «Росатом» и «Русгидро» получают финансирование из федерального бюджета), космодромы, крупные транспортные объекты и др. В 2015–2016 гг. повышенную долю бюджетных инвестиций (30–50 %) имели 12–13 регионов. Третья группа представлена только Москвой, в ней доля бюджетных инвестиций достигает 29 %, но и в основном они идут из бюджета города (21 %), это каждый пятый рубль всех инвестиций. Для сравнения в Санкт-Петербурге доля инвестиций из бюджетов всех уровней почти вдвое ниже (16 %).

Роль федерального бюджета наиболее значительна, на его долю в 2014–2016 гг. приходилось 9–10 % всех инвестиций в основной капитал. Используя данные Росстата, можно рассчитать распределение инвестиций из федерального бюджета по федеральным округам и регионам в период кризиса.

Анализ географии инвестиций из федерального бюджета опровергает представление о том, что для властей страны важнее всего поддержка менее развитых или «геополитически значимых» территорий. От трети до четверти всех инвестиций из федерального бюджета получает Центральный федеральный округ, в основном за счет Москвы (рис. 10).

Только в 2016 г. его доля снизилась и стала сопоставимой с долей в населении. Вторым до 2016 г. был Северо-Западный федеральный округ, при этом Санкт-Петербург перестал быть лидером, инвестиции из федерального бюджета в сопоставимых объемах получали Мурманская, Новгородская и Калининградская области. Приволжский, Сибирский и особенно Уральский федеральный округа получали значительно меньше инвестиций из федерального бюджета по сравнению с их долей в населении страны. Уральский федеральный округ является аутсайдером из-за нефтегазодобывающих автономных округов Тюменской области, в которых инвестиций из федерального бюджета немного (по данным Росстата об инвестициях в основной капитал по полному кругу предприятий и организаций за 2015 г., в Ямало-Ненецком АО доля инвестиций из федерального бюджета составила более 21 % всех инвестиций, все предыдущие годы — 1–2 %). В регио-

нальной статистике инвестиций очень много дефектов, особенно в данных по полному кругу предприятий и организаций, которые могут резко отличаться от данных по крупным и средним предприятиям и организациям. После сверки двух видов данных в расчетах использованы сведения за 2015 г. по крупным и средним предприятиям и организациям.

□ Инвестиции 2014 г. □ Инвестиции 2015 г. □ Инвестиции 2016 г. ■ Наследие 2016 г.

Рис. 10. Доля федеральных округов в инвестициях в основной капитал из федерального бюджета, %
(все инвестиции из федерального бюджета равны 100 %)

В течение многих лет приоритетными были Северный Кавказ, стабильно получающий 9–10 % всех инвестиций из федерального бюджета, и Дальний Восток, но доля последнего постепенно снижается, несмотря на заявленный российскими властями «поворот на восток». В 2016 г. к ним добавился Южный федеральный округ. Это не связано с включением в его состав Крыма, доля двух субъектов Крыма в 2014–2016 гг. почти не изменилась (0,5 % всех инвестиций из федерального бюджета). Федеральные инвестиции на Юге значительно выросли в 2016 г. в двух наиболее развитых регионах — Краснодарском крае и Ростовской области (табл. 19).

Это связано с реализацией проектов в оборонных отраслях («Роствертол» и др.), строительством спортивных сооружений к чемпионату мира по футболу, а также финансированием инфраструктуры строящегося моста через Керченский пролив со стороны Краснодарского края.

Распределение инвестиций из федерального бюджета по отдельным регионам позволяет лучше понять приоритеты. Главным остается Москва,

в течение последнего десятилетия ее доля не опускалась ниже 9–10 % (см. табл. 19). Скачок вверх в 2014–2015 гг. связан с дополнительными инвестициями из федерального бюджета в развитие транспортной инфраструктуры столицы. Доля Санкт-Петербурга и Московской области значительно ниже и менее стабильна, как и остальных регионов. Свердловская область только в 2014 г. получала более заметную долю федеральных инвестиций (3,1%), сопоставимую с долей области в населении страны, в 2016 г. она снизилась до 1,3 %. Доля Челябинской области еще меньше (1,8 % в 2015 г.) и также снизилась в 2016 г. до 1,3 %. Крупные «срединные» регионы Урала остаются на периферии внимания федеральных властей.

Таблица 19

**Лидеры по доле в инвестициях из федерального бюджета, %
(все инвестиции из федерального бюджета равны 100 %)**

Субъект	2014	Субъект	2015	Субъект	2016
Москва	18,2	Москва	14,9	Москва	10,6
Московская область	4,9	Воронежская область	4,9	Краснодарский край	7,7
Воронежская область	4,3	Московская область	4,8	Ростовская область	5,7
Краснодарский край	4,2	Санкт-Петербург	4,8	Московская область	3,7
Санкт-Петербург	4,1	Республика Дагестан	4,8	Воронежская область	3,5
Республика Дагестан	3,8	Краснодарский край	4,6	Республика Дагестан	3,3
Приморский край	3,4	Мурманская область	2,9	Новгородская область	3,1
Свердловская область	3,1	Амурская область	2,9	Мурманская область	3,0
Ленинградская область	2,2	Ростовская область	2,7	Нижегородская область	2,9
Республика Татарстан	2,0	Новгородская область	2,5	Иркутская область	2,7
Мурманская область	2,0	Нижегородская область	2,4	Санкт-Петербург	2,6
Амурская область	2,0	Ленинградская область	2,3	Калининградская область	2,3
Архангельская область	1,9	Приморский край	2,1	Ленинградская область	2,2
Тверская область	1,9	Республика Татарстан	2,1	Приморский край	2,1
Новгородская область	1,8	Челябинская область	1,8	Тверская область	2,1

Примечание. Составлено по данным Росстата.

Инвестиционная активность самих регионов снизилась наиболее сильно вследствие разбалансированности их бюджетов с 2013 г. Это произошло из-за необходимости выполнять зарплатные «майские» указы, в основном за счет средств бюджетов регионов. Дефициты бюджетов подавляющего большинства регионов (75–77 регионов в 2013–2015 гг. и 55 регионов в 2016 г.) и огромный накопленный долг (2,4 трлн р. на начало 2017 г.) ограничили инвестиционные возможности. Доля бюджетов регионов в общем объеме инвестиций в основной капитал сократилась с 7,1 % в 2012 г. до 6,5 % в 2014 г. и только в 2016 г. немного выросла — до 7 % (суммарные инвестиции из бюджетов регионов и муниципалитетов).

В России всего несколько регионов с высокой бюджетной обеспеченностью, которые имеют ресурсы для инвестиций даже в условиях кризиса и роста расходных обязательств. Прежде всего это Москва, бюджет которой в 2016 г. вырос почти на 200 млрд р. и достиг 1,86 трлн р. Это позволило увеличить расходы бюджета столицы по статье «национальная экономика»

на 18 %, а их доля достигла 28 % от всех расходов бюджета Москвы. Еще более показательно то, что на Москву приходится почти четверть расходов бюджетов всех регионов на национальную экономику. Второй сверхбогатый регион — Сахалин, в 2015 г. в его бюджете доля расходов на национальную экономику достигала 46 %. Доходы бюджета Сахалина резко выросли только в последние годы благодаря поступлениям налогов и роялти от нефтегазовых компаний, выплачиваемых по соглашениям о разделе продукции (СРП), этот режим не позволяет изъять нефтегазовую ренту полностью в федеральный бюджет.

Расчеты показывают, что лидерство Москвы подавляющее, на ее долю приходится 35–38 % инвестиций в основной капитал из бюджетов всех субъектов РФ (табл. 20).

Таблица 20

**Лидеры по доле во всех инвестициях из бюджетов регионов, %
(все инвестиции из бюджетов регионов равны 100 %)**

Субъект	2014	Субъект	2015	Субъект	2016
Москва	36,9	Москва	38,2	Москва	35,2
Санкт-Петербург	7,8	Санкт-Петербург	9,4	Республика Дагестан	8,0
Республика Дагестан	3,8	Республика Дагестан	8,8	Санкт-Петербург	5,7
Республика Татарстан	3,5	Республика Татарстан	5,0	Московская область	5,4
Тюменская область (без автономных округов)	3,4	Сахалинская область	3,0	Республика Татарстан	4,3
Республика Башкортостан	2,9	Республика Башкортостан	2,5	Сахалинская область	2,9
Сахалинская область	2,8	Свердловская область	2,5	Свердловская область	2,3
Ханты-Мансийский автономный округ	2,7	Тюменская область (без автономных округов)	2,3	Республика Башкортостан	2,2
Свердловская область	2,1	Ханты-Мансийский автономный округ	2,3	Ханты-Мансийский автономный округ	2,0
Ямало-Ненецкий автономный округ	2,1	Ростовская область	1,9	Республика Саха (Якутия)	2,0

Примечание. Составлено по данным Росстата.

Санкт-Петербург отстает от столицы в 4–5 раз, поскольку его бюджет меньше в 3,8 раза и, кроме того, власти города проводят менее активную инвестиционную политику. Попадание в тройку лидеров Дагестана и особенно высокая его доля в 2015–2016 гг. могут объясняться финансированием инфраструктурных объектов республики (гидросооружения, порт и др.) как напрямую из федерального бюджета, так и через субсидии, выделяемые бюджету республики из федерального бюджета, фактически это тоже федеральные средства. Есть также основания предполагать, что в случае Дагестана вероятен двойной счет инвестиций. Еще раз приходится отметить, что качество региональной статистики инвестиций невысокое.

Все остальные регионы в группе лидеров — относительно развитые субъекты РФ, бюджет которых позволяет инвестировать в развитие. Наиболее активной инвестиционной политикой отличается Татарстан. Среди регионов Уральского федерального округа выделяются более богатые Тюмен-

ская область и ее автономные округа. Свердловская область попадает в десятку в основном за счет размера бюджета, ее доля в инвестициях составляет только 2 % и сопоставима с менее крупными по численности населения автономными округами и югом Тюменской области.

Проведенный анализ географии и динамики инвестиций показывает, что инвестиционные приоритеты бизнеса в кризисных условиях концентрируются в регионах с наиболее явными конкурентными преимуществами — максимальной обеспеченностью нефтегазовыми ресурсами и самым мощным агломерационным эффектом (крупнейшие агломерации городов федерального значения). В большинстве крупных «срединных» регионов Урала и Сибири продолжается инвестиционный спад, что может замедлить их развитие в среднесрочной перспективе.

Кризисные ограничения почти не повлияли на географию инвестиций из федерального бюджета: заявленные властями «геополитические приоритеты» продолжают финансироваться, за исключением снижения инвестиций в Дальний Восток, доля инвестиций из федерального бюджета в сверхбогатую столицу страны не сокращается. В то же время «срединные» регионы Урала и Сибири остаются на периферии внимания федеральных властей.

Инвестиции из бюджетов регионов усугубляют региональное неравенство: на фоне Москвы все остальные регионы резко проигрывают, даже Санкт-Петербург. Это тем более касается «срединных» регионов, доля Свердловской и Челябинской областей в инвестициях из бюджетов регионов незначительна и в 2016 г. сократилась до 1,3 %.

Перспективы инвестиционного роста пока неясны, но отчасти они будут продолжением той политики, которую проводили в течение трех кризисных лет главные инвестиционные акторы: в первую очередь, это бизнес, а также федеральные и региональные власти. Анализ динамики инвестиций позволяет предположить, что поляризация пространственного развития в России будет усиливаться, за исключением «геополитически приоритетных» Северного Кавказа и Крыма (а также инфраструктурно связанных с Крымом регионов Южного федерального округа). Более негативно этот тренд отразится на развитых регионах горнозаводского Урала и Сибири, частично — Поволжья, которые в работах Е. Г. Анимиды отнесены к «срединным». Без заметного роста инвестиций они будут утрачивать свои относительные преимущества.

4.2. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Воспроизводство и модернизация экономического потенциала сопровождаются развитием и расширением (укреплением) сопряженного инновационного потенциала. Инновационный потенциал как составная часть экономического потенциала формируется в виде научно-исследовательских, проектно-конструкторских, технологических организаций, экспериментальных производств, опытных полигонов, учебных заведений, экономических и отраслевых институтов, общественных организаций, персонала и технических средств этих подразделений. Важным компонентом потенциала является информация о результатах научно-технических работ, открытий, усовершенствований, проектно-конструкторских разработок, изобретениях, образцах новой техники, продукции, технологий и др. На долю новых или усовершенствованных технологий, продукции, оборудования, содержащих новые знания и решения, в развитых странах приходится 70–85 % всего объема результатов экономической деятельности.

Главным источником богатства регионов и благосостояния населения наряду с природными ресурсами, производственными и финансовыми активами стали опыт, навыки, знания, нравственные, моральные, этические принципы и установки, позитивные черты ментальности и креативные свойства членов социума, реализующиеся в творческой деятельности людей.

В последнее десятилетие особую актуальность приобрели исследования конкурентного развития регионов, сбалансированное состояние которых предполагает создание максимально благоприятных условий для жизнедеятельности населения, повышение уровня и качества жизни людей, формирование социоэкономических комплексов, основанных на инновационных производствах, использующих высококвалифицированные трудовые ресурсы. Сбалансированность социоэкономики региона предполагает поддержание оптимальных пропорций между ее основными структурными подразделениями: природно-ресурсным потенциалом, производственным комплексом, сервисной сферой, финансовыми активами, территориальной общностью людей, качеством управления и имиджем территории. Трансформация природного потенциала в природный капитал, переток природной ренты в виде овеществленного труда, знаний, технологий и инвестиций в производство, сервисную деятельность, человеческий капитал формируют успешный, позитивный, инвестиционно- и миграционно привлекательный образ региона в глобальном экономическом пространстве и сознании людей. Це-

ленаправленные усилия по оптимизации и регулированию этого процесса дают возможность получить дополнительный эффект на каждой стадии трансформации.

Ценностно-ориентированное общественное воспроизводство территориальных общностей людей понимается как накопление, наращивание «виртуальных» региональных ценностей — моральных, нравственных, этических, эстетических, идеологических, политических, конфессиональных, креативных и прочих черт личности, обеспечивающих социуму устойчивое положение в общественном разделении труда. Таким образом, возрастает нематериальный региональный капитал, выполняющий функцию «мягкой силы» в процессе эволюции территории. «Мягкая сила» региона, транслируясь на сопредельные территории, расширяет зону его влияния, раздвигая границы и реструктурируя социоэкономическое пространство.

Границы социоэкономического пространства региона наряду с традиционными факторами (природно-ресурсным, транспортным, энергетическим и пр.) определяются такими показателями, как величина человеческого капитала; наличие научных, творческих и образовательных учреждений, инновационно-активных организаций и предприятий; размер средств, затрачиваемых на НИОКР; количество кандидатов и докторов наук; доля новой продукции в промышленном производстве и сфере услуг; число созданных и внедренных инноваций и др.

Россия, унаследовав от СССР громадный научно-технический потенциал (как по оценкам мировых экспертов, так и по свидетельствам отечественных ученых), сохранила достаточно высокий уровень развития науки, известные в мире научные школы, большую долю специалистов с высшим образованием в народном хозяйстве. В настоящее время на первое место выходит проблема сохранения и приумножения этого потенциала, а также адаптации его к рыночным условиям.

В связи с этим в Указе Президента РФ от 7 июля 2011 г. № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» выделено восемь приоритетных направлений и 27 критических технологий, развитие которых имеет особое значение для модернизации и технологического развития российской экономики, а также повышения ее конкурентоспособности.

Наиболее высокие результаты научно-технической деятельности характерны для Москвы, Санкт-Петербурга, Московской, Нижегородской, Свердловской, Калужской, Новосибирской, Томской областей, Республик Татарстан, Башкортостан, Удмуртия, Мордовия, Чувашия, Красноярского и Пермского краев (по данным Ассоциации инновационных регионов России, Пермский край занимает в рейтинге инновационных территорий 9-е место¹).

Современные реформы оживили инновационную деятельность и организацию подготовки научных кадров высокой квалификации. В регионах России функционируют два национальных университета, 9 федеральных

¹ *Иванова О., Сорокина А.* Рейтинг инновационных регионов. Версия 2013-2.0. — URL : <http://i-regions.kosmom.ru/programs/regions-development/rejting-innovacionnykh-regionov-2013-2-0>.

и 29 национальных исследовательских университетов, ставших инновационными центрами и генераторами новых идей. Начались процессы расширения и обогащения инновационного потенциала. Стала осознанной мысль, что переход России и ее регионов в постиндустриальную стадию развития возможен лишь на основе инновационного потенциала и активизации процессов его реализации.

Инновации как основа стратегии развития региона включают не только технические или технологические разработки, но и поиск и использование новых организационных форм бизнеса, новых методов работы на рынке, новых товаров и услуг, финансовых инструментов. Они характеризуются более высоким технологическим уровнем, более высокими потребительскими качествами товара или услуги по сравнению с предыдущим продуктом. Инновации являются важнейшим фактором стабильного функционирования предпринимательских, финансовых, кредитных, любых других структур, обеспечивая их экономический рост и конкурентоспособность.

Инновационный процесс — это единственный в своем роде процесс, объединяющий науку, технику, экономику, предпринимательство и управление. Он состоит в разработке и реализации нововведений и простирается от зарождения идеи до ее коммерческой реализации, охватывая, таким образом, всю систему отношений производства, распределения, обмена и потребления.

Инновационное развитие регионов целесообразно сконцентрировать на приоритетных направлениях. Отбор таких направлений включает анализ результатов научно-технической деятельности региона и мировых тенденций инновационных процессов, прогнозирование потребностей в наукоемкой продукции, предложения научных коллективов региона, развитие кадрового потенциала.

Ведущей движущей силой современной мировой экономики является качественный скачок в технологическом развитии, что объясняется новой волной научно-технической революции и переходом к очередному, VI технологическому укладу, в центре ядра которого находятся нано-, био- и информационно-коммуникационные технологии (рис. 11).

Важную роль в инновационном развитии играет информационное обеспечение. В регионах формируется информационно-телекоммуникационная инфраструктура, которая обеспечивает взаимодействие между наукой, образованием, бизнесом и предоставляет возможности дистанционного доступа к информационным ресурсам.

Эффективность инновационного развития во многом зависит от финансового, материально-технического, кадрового и организационного обеспечения. Финансирование инновационной деятельности осуществляется за счет государственных и рыночных источников.

Инновационная деятельность опирается на организацию инновационной инфраструктуры. Ее развитие предусматривает создание информационно-технологических центров, центров трансфера технологий, научно-технологических парков, бизнес-инкубаторов, сети других организаций, оказывающих консалтинговые, информационные, финансовые и прочие виды услуг, направленных на поддержку и развитие инновационной деятельности в регионе.

Рис. 11. Функционально-отраслевая структура VI технологического уклада¹

Важнейшей региональной проблемой инновационного развития является решение организационно-технологических задач, связанных с созданием центров инноваций типа Силиконовой долины. Примером такого центра стало «Сколково».

Мощными генераторами новаций стали особые центры инновационной специализации — наукограды, технополисы, технопарки, атомграды. Наибольшую роль в техническом перевооружении региональной экономики стали играть наукограды. По Федеральному закону от 7 апреля 1999 г. № 70-ФЗ (в ред. от 22 августа 2004 г.) «О статусе наукограда Российской Федерации» на такой статус может претендовать муниципальное образование — городской округ, имеющее высокий научно-технический потенциал, с градообразующим научно-производственным комплексом, в организациях которого трудятся не менее 15 % численности работающих на территории данного муниципального образования (с 1 января 2017 г. — 20 %), а «объем научно-технической продукции (соответствующей приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники Российской Федерации) в стоимостном выражении составляет не менее 50 % общего объема продукции всех хозяйствующих субъектов, расположенных на территории данного муниципального образования, или стоимость основных фондов комплекса, фактически используемых при производстве научно-технической продукции, составляет не менее 50 % стоимости фактически используемых основных фондов всех хозяйствующих субъектов, расположенных на территории муниципального образования, за исключением жилищно-коммунальной и социальной сферы».

¹ Глазьев С. Ю. Выход из хаоса. — Ч. I. — URL : <http://vpk-news.ru/articles/22623>.

Понятие «технополис» отражает специализированное территориально замкнутое научно-производственное сочетание, органически соединяющее научно-исследовательскую деятельность с наукоемким производством, хорошо развитой рыночной инфраструктурой и маркетинговой деятельностью, с подготовкой высококвалифицированных кадров. Технополисы рассматриваются в качестве эффективного инновационного механизма осуществления региональной политики в стране¹.

Традиционными принципами организации технополисов являются следующие²:

- создание технопарков на базе крупных научных центров (обычно университетов), включающих наряду с фундаментальными и прикладными исследованиями опытные производства;
- органичное сочетание использования научного и производственного потенциала;
- ориентация производства на новейшие наукоемкие технологии;
- активизация деятельности мелких и средних наукоемких предприятий;
- специализация на определенных видах современных производств и отраслей;
- создание комфортных условий жизни населения, прежде всего ученых и специалистов;
- активная поддержка со стороны государства (прямые субсидии, налоговые преференции, кредитные и амортизационные льготы);
- предоставление большей самостоятельности местным органам власти.

Создание технополисов, в которых происходила интеграция науки и производства, в ряде индустриальных стран стало одним из главных направлений государственной региональной политики в области экономики еще полвека назад. Целью таких программ провозглашалась реализация конкурентных преимуществ отдельных, большей частью проблемных, регионов, их развитие с учетом не только природно-ресурсного, но и производственного, финансового, человеческого (социально-демографического, трудового, интеллектуального) потенциалов. Сегодня в мире именно старопромышленные регионы выделяются масштабами создания чистой добавленной стоимости — ВРП. По уровню ВРП на душу населения в 2011 г. лидировали староосвоенные территории развитых стран — Германии и США. На первом месте — немецкая земля Рейнланд-Пфальц с 73,1 тыс. дол. на одного жителя. Затем идут американские штаты Нью-Йорк и Массачусетс (58,38 и 59,36 тыс. дол.), а также снова немецкий регион — Нижняя Саксония (59 тыс. дол.)³.

Для современной России характерны прямо противоположные тенденции. Вопреки желаниям правительства страны слезть с «нефтяной иглы»

¹ *Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации* : указ Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 803.

² *Технополис «Пермь»*. Пермь, 1992.

³ *Рейтинг регионов по уровню ВРП на душу населения*. World Organization of Creditors (WOC). Ежедневный финансовый журнал. — URL : <http://daily-finance.ru/articles/2013-02-08/df/25373>.

наиболее богатые регионы страны — нефтедобывающие. Причем по величине душевого ВРП они далеко превосходят самые инновационно продвинутые зарубежные территории. Лидер в стране по этому показателю — Ненецкий автономный округ (131,7 тыс. дол. в 2011 г. по среднегодовому курсу ЦБ), далеко опережающий следующие за ним Ямало-Ненецкий автономный округ (60,3 тыс. дол.), Ханты-Мансийский автономный округ (52,2 тыс. дол.) и Сахалинскую область (40,0 тыс. дол.). Самый инновационный субъект федерации — Санкт-Петербург — занимает в этом списке только 11-е место (14,0 тыс. дол.)¹.

Пермский край как классическая индустриальная территория и регион старопромышленного типа обладает определенными предпосылками для подобной трансформации. В крае началась реализация проекта «Новый Звездный», который был презентован в августе 2011 г. в рамках 10-го Международного авиационно-космического салона «МАКС».

В итоге проект «Инновационный территориальный кластер ракетного двигателестроения «Технополис „Новый Звездный“» по решению правительства РФ вошел в список 20 регионов, получивших право претендовать на получение господдержки в реализации мероприятий, предусмотренных программами развития пилотных инновационных территориальных кластеров.

Технополис объединит не только производственную базу, но и жилой комплекс со своей инфраструктурой, необходимой для создания благоприятной среды жизнедеятельности сотрудникам предприятий и членам их семей. В целом на мероприятия по развитию социальной и инновационной инфраструктуры, построение образовательной сети согласно Программе развития кластера в период с 2012 по 2016 г. планируется направить порядка 4,7 млрд р.² Главной целью развития кластера выступает создание на его базе центра ракетного двигателестроения федерального значения для обеспечения мирового уровня российской космонавтики и закрепления лидирующей роли России в этой сфере.

Наряду с наукоградами и технополисами в крупных городах формируются технопарки с конкретной специализацией на процессах генерирования или внедрения наукоемких технологий.

Центры инноваций размещены во многих регионах Российской Федерации. Среди них выделяются Московская, Архангельская, Мурманская, Нижегородская, Саратовская, Свердловская, Челябинская, Амурская и другие области, Красноярский, Приморский края, Республики Башкортостан, Татарстан, Удмуртия и т. д.

Большинство инновационных центров сформировалось на основе научно-технических исследований в интересах военно-промышленного комплекса: авиастроение, ракетно-космическое машиностроение, разработка новых видов вооружений и техники. В последние годы под влиянием конверсион-

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013 : стат. сб. / Росстат. — М., 2013. — 990 с. (2011 г. взят намеренно, для «чистоты» сравнения. К 2016 г. душевые показатели регионов страны снизились более чем в два раза из-за падения курса рубля).

² *Нанотехнологии* «Нового Звездного» поддержаны грантом. — URL : http://деловой-интерес.рф/home/?&tab=news_cat&id=305.

ных процессов функциональный профиль закрытых территориальных образований (ЗАО) существенно расширился и диверсифицировался. Эти тенденции хорошо прослеживаются на примере ряда уральских городов: Снежинска, Озерска, Трехгорного, Новоуральска, Лесного и др. [16].

Воздействие инноваций на развитие региональной экономики осуществляется по многим направлениям, научно обоснованным в теории диффузии нововведений Т. Хегерстранда, теории полюсов или фокусов роста Ф. Перру, концепции поляризованного развития и т. д. [141].

Согласно теории диффузии инновации, формирующейся в рамках пространственно-временной концепции шведского географа Т. Хагерстранда, процесс социально-экономического развития — это следствие возникновения и распространения (диффузии) нововведений. Ученый выделил следующие стадии диффузии инновации [340]:

- первоначальную, которая характеризуется резким контрастом между источником нововведений и периферийными районами;
- вторую стадию, на которой образуются новые быстро развивающиеся центры-ретрансляторы в отдаленных районах, откуда распространяются нововведения;
- стадию конденсации, когда происходит одинаковое распространение нововведений во всех местах;
- стадию насыщения, характеризующуюся медленным подъемом до максимума;
- рутинизации или функционирования нововведений в полном объеме. Нововведения реализуются в стабильных, постоянно функционирующих элементах объектов среды. Производство становится массовым, и нововведения пользуются рыночным спросом;
- затухания и поиска относительных преимуществ. С насыщением рынка падают объемы производства. Выпуск инновационного продукта перемещается в районы с низкими издержками производства (дешевая рабочая сила, выгодное географическое положение, финансовые преференции, налоговые льготы и т. д.). Инновация ищет новые рынки сбыта и сферы применения.

Одним из положений Т. Хагерстранда является то, что диффузия происходит в соответствии со сложившейся системой городов, согласно их иерархии — от метрополитенских центров к провинциальным населенным пунктам.

Распространение инноваций может иметь дискретный и континуальный характер. В первом случае оно скачкообразно передается из нотационных центров в определенные локализованные точки пространства, минуя промежуточные территориальные единицы. При континуальном характере движения нововведение распространяется по всем направлениям, по всей территории, окружающей инновационный центр.

По характеру распространения инноваций выделяют диффузию расширения (контагенозную) и диффузию перемещения. Диффузия расширения происходит в результате непосредственных контактов, нововведения распространяются от одного места к другому. При этом все явления и процессы сохраняются в районе своего возникновения и становятся там более

многочисленными и ярко выраженными. Диффузия перемещения предполагает, что инновации покидают территории, где возникают, и распространяются в новые районы.

Новые технологии, товары и услуги, разработанные в инновационных центрах, необходимо внедрять в производственные процессы региональной экономики, что зависит от восприятия адаптерами и ретрансляции инноваций. Наиболее эффективной системой продвижения товаров и услуг является многоуровневый, или сетевой, маркетинг [283]. Распространение информации, а затем и диффузию новаций желательно осуществлять с помощью контактного общения, т. е. через непосредственный контакт субъектов процесса диффузии нововведений. В качестве субъектов диффузии нововведений могут выступать отдельные личности, организации, общественные объединения, управленческие структуры и т. д. Развитие сетевого маркетинга означает смену управленческой экономики на массовую предпринимательскую экономику, когда нововведение овладевает массами. В основе организации сетевого маркетинга лежит процесс диффузии нововведений через иерархию соподчиненных градаций и посредством межличностного общения. Сетевой маркетинг не отрицает рекламной информации, а реализуется совместно с ней.

Процесс восприятия новаций происходит поэтапно. Первый этап включает процедуру ознакомления и появление интереса у потенциального адаптера к нововведению. На втором этапе происходят оценка и апробация нововведения. На третьем этапе инновация окончательно воспринимается реципиентом.

Внедрение новых материалов, машин и технологий в производственные процессы региональной экономики способствует ее переходу в постиндустриальную стадию развития.

4.3. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ МАКРОРЕГИОНА

Интеллектуальная собственность (далее — ИС) — это многоаспектное понятие, которое рассматривается с позиций различных отраслей знания, в том числе юридической и экономической. Междисциплинарный характер затрудняет появление общепринятого определения данного понятия во многом в силу того, что каждый исследователь пытается дать свою трактовку ИС, исходя из интересов представляемой науки (табл. 21).

Т а б л и ц а 21

Существующие трактовки понятия «интеллектуальная собственность»

Наука	Автор	Определение
Экономика	Т. И. Волкова	Интеллектуальная собственность представляет собой отношения присвоения, складывающиеся между субъектами в процессе общественного воспроизводства, но отношения присвоения особых объектов — средств и результатов интеллектуального труда. Исследуя проблему ИС в науке с позиции экономической теории, следует отметить, что более корректно оперировать категорией «собственность на интеллектуальный продукт», которую можно охарактеризовать как социально-экономические отношения по поводу присвоения данного продукта в процессе его создания, распространения, обмена и использования (потребления), в том числе, с целью коммерциализации и получения дохода, прибыли
Экономика	Н. З. Мазур	Интеллектуальная собственность рассматривается как один из важнейших критериев достижения инновационной системой страны или региона определенной степени зрелости, перехода к следующей стадии развития. Институт ИС приобретает функции инструмента саморегуляции инновационных систем, поддержания их устойчивости по отношению к деструктивным воздействиям
Экономика	Д. Б. Шульгин	Интеллектуальная собственность представляет собой совокупность норм и правил, регулирующих социально-экономические отношения между участниками процесса создания, коммерциализации и использования новых знаний, ориентированных на разрешение комплекса противоречий между частным и общественным характером знаний как экономического блага за счет достижения равновесия между экономическими интересами авторов и общества. Как следствие, эти правила также противоречивы, не абсолютны и неоднозначны, что оказывает принципиальное влияние на формирование и значимость конфликтов экономических интересов, сдерживающих инновационные процессы

Наука	Автор	Определение
Юридические науки	Гражданский кодекс РФ. Ст. 138	Интеллектуальная собственность — это исключительное право гражданина или юридического лица на результаты творческой (интеллектуальной) деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, индивидуализации продукции, выполняемых работ или услуг
Юридические науки	Конвенция ВОИС (Стокгольм, 14 июля 1967 г.)	Интеллектуальная собственность включает права, относящиеся к литературным, художественным произведениям, исполнительской деятельности артистов, звукозаписи, радио- и телевизионным передачам, изобретениям во всех областях человеческой деятельности, научным открытиям, промышленным образцам, товарным знакам, знакам обслуживания, фирменным наименованиям и коммерческим обозначениям, защите против недобросовестной конкуренции, а также все другие права, относящиеся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях
Юридические науки	О. А. Задорожный	Под интеллектуальной собственностью (гражданина или юридического лица) понимаются результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана. Перечень данных результатов интеллектуальной собственности определен и является закрытым

Несмотря на высокую экономическую значимость ИС, ряд ее теоретических и методических аспектов остается недостаточно исследованным. Это касается, в частности, вопросов уточнения ее роли в развитии конкурентных преимуществ экономических систем различного уровня, в том числе предприятий, отраслей, регионов и их территорий.

По мнению авторов, истоки существующих противоречий в указанном аспекте исследования проблемы лежат в особенностях самого объекта ИС. Парадокс существования интеллектуальных объектов состоит в том, что первоначально, когда ими владеет создатель, они являются редкими и не имеют стоимости. Их меновая стоимость растет только в процессе распространения в обществе — утраты редкости. Для интеллектуальных объектов характерно, что распространенное благо более ценно, чем редкое. Однако совершенно уникальная информация очень часто товаром вообще не является: редкость, отражающая высокий научно-технический потенциал ИС, может быть не востребована рынком.

Появление интереса к ИС как к экономической категории связано с тем, что по мере развития инновационной экономики управление ИС дает возможность в полной мере оценить рыночную стоимость российских предприятий. Уже сегодня нематериальные активы (далее — НМА) (intangible assets) при умелом с ними обращении обеспечивают различным экономическим системам существенные дополнительные доходы [169]. На языке экономических понятий ИС выступает образным выражением НМА. Последние являются частью капитала предприятий региона, которая необходима для разработки инновационного продукта в его экономическом пространстве, требует затрат на свое создание и содержание, но не выражена ни в каких материальных объектах (за возможным исключением правоустанавливающих документов).

В настоящее время есть различные точки зрения на такие понятия, как результат интеллектуальной деятельности, объект интеллектуальной собственности, нематериальные активы. Авторами предложена логическая схема понятийного аппарата, используемого при исследовании ИС (рис. 12).

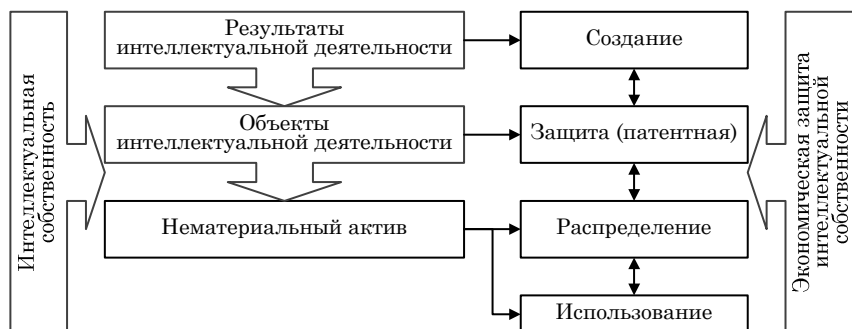

Рис. 12. Схема логической взаимосвязи элементов понятийного аппарата интеллектуальной собственности

Результатами интеллектуальной деятельности являются продукты творческой деятельности человека независимо от способа и формы их выражения, а также области использования. Охраняемые результаты интеллектуальной деятельности — те, которым по закону предоставляется правовая охрана либо в силу самого факта их создания и выражения в объективной форме (произведения науки, литературы, искусства и т. п.), либо после прохождения установленных процедур регистрации и выдачи охранного документа (изобретения, полезные модели, промышленные образцы и т. д.) [175]. Объектами интеллектуальной собственности являются охраняемые результаты интеллектуальной деятельности в любой области творчества и приравненные к ним средства индивидуализации.

В настоящее время можно выделить два экономических подхода к определению ИС: согласно первому интеллектуальная собственность рассматривается как социально-экономические отношения по поводу присвоения особых объектов — средств и результатов интеллектуального труда в процессе их создания, распространения, обмена и использования (потребления), в том числе, с целью коммерциализации и получения дохода, прибыли. Согласно второму подходу интеллектуальная собственность представляет совокупность норм и правил, регулирующих социально-экономические отношения между участниками процесса создания, коммерциализации и использования новых знаний, ориентированных на разрешение комплекса противоречий между частным и общественным характером знаний как экономического блага за счет достижения равновесия между экономическими интересами авторов и общества [60; 308].

Обобщение и систематизация указанных точек зрения позволяют сделать вывод о том, что при определении ИС не в полной мере учитывается процесс защиты прав на объекты интеллектуальной собственности. Данное

обстоятельство затрудняет понимание экономического содержания и осложняет исследование рассматриваемого понятия.

В связи с этим под ИС предлагается понимать систему организационно-экономических отношений по поводу создания, распределения, защиты и использования прав на результаты интеллектуальной деятельности, формирующих реальные и потенциальные конкурентные преимущества экономических систем различного уровня. Авторская трактовка базируется на том, что в большинстве научных работ, посвященных защите интеллектуальной собственности, основной акцент делается на юридическом аспекте проблемы.

Под юридической защищенностью права собственности понимается наличие препятствий для осуществления другими субъектами не разрешенных владельцем действий с объектом собственности. При этом состав и структура возможных препятствий для несанкционированного доступа определяются в ходе спецификации прав собственности. Процессом, противоположным спецификации, является размывание прав собственности [271]. По мнению авторов, помимо юридической защиты предприятиям необходима также экономическая защита объектов интеллектуальной собственности, в том числе, связанная с предупреждением морального износа техники. Повышение значимости экономического аспекта защиты ИС объясняется существенным ускорением перемен, обусловленных научно-техническим прогрессом.

В условиях экономики знаний отношения человека с вещами приобретают кратковременный характер, что определяет повышение актуальности задач морального износа как части более общей проблемы исследования времени упущенных возможностей в условиях высокой динамики научно-технического прогресса [67].

Таким образом, для успешного функционирования на рынке высокотехнологичной продукции необходима эффективная экономическая защита, предусматривающая снижение угроз утраты ценности объектов ИС от морального технологического устаревания, создание условий для ускоренного выхода на рынок наукоемкой продукции с высокой интеллектуальной составляющей.

Как показали сценарные расчеты, проведенные с помощью разработанной В. В. Клочковым и С. С. Критской экономико-математической модели, если сдвиг времени выхода производства на проектную мощность на 2–3 года вызовет незначительное, порядка 10 %, сокращение числа выпущенных изделий относительно запланированного за жизненный цикл, это может повлечь заметное (на 30–40 %) уменьшение прибыли за весь жизненный цикл изделия. Это обусловлено тем, что на конкурентном рынке даже небольшая задержка освоения производства наукоемкой продукции может привести к отказу потенциальных покупателей от данного изделия в пользу конкурентов [135].

Следует отметить, что все многообразие конкурентных преимуществ, формирующихся в процессе использования ИС, можно условно разделить на три уровня, а именно: микроуровень, мезоуровень, макроуровень.

На мезо- и макроэкономическом уровнях определяются институциональные условия эффективного использования ИС, в том числе, на основе

формирования и реализации государственной промышленной политики. При этом институциональные условия на региональном уровне формируют перспективы конкурентоспособного развития группы высокотехнологичных отраслей или корпораций — разработчиков и изготовителей инновационной продукции с интеллектуальной составляющей. На микроуровне конкурентные преимущества от использования объектов ИС обретают свою завершенную форму в виде конкурентоспособных на мировом рынке товаров.

Органы государственной власти и местного самоуправления в партнерской цепочке на региональном рынке B2G (business to government) с высокотехнологичными предприятиями выполняют следующие основные функции: во-первых, они выступают в качестве потребителей инновационной продукции с интеллектуальной составляющей, заинтересованных в высоком качестве этой продукции, ее уникальных потребительских характеристиках как ключевого конкурентного преимущества экономического пространства; во-вторых, они выступают в качестве посредника при выводе инновационной продукции на мировой и межрегиональные рынки, что также повышает их мотивацию в обеспечении ее конкурентоспособности.

Между процессами формирования конкурентных преимуществ на различных уровнях существует тесная взаимозависимость. В частности, региональная, как и отраслевая конкурентоспособность, в итоге зависит от способности конкретных товаропроизводителей выпускать конкурентоспособные товары. Но при этом выпуск конкурентоспособной продукции может осуществляться в условиях, созданных для товаропроизводителей в экономическом пространстве конкретного региона и на его территории. Другими словами, конкурентные преимущества объектов каждого нижестоящего уровня являются фактором конкурентоспособности объектов всех вышестоящих уровней. В свою очередь объекты вышестоящих уровней создают условия, обеспечивающие конкурентные преимущества объектов на нижних уровнях.

В связи с этим авторы считают целесообразным управлять ИС в высокотехнологичных секторах региональной экономики с применением основных положений предложенной Г. Ицковичем и Л. Лейдесдорфом модели «тройной спирали» [332]. Данная модель описывает взаимодействие трех институтов: университета — государства — бизнеса — по типу сцепления спиральных структур ДНК, позволяющего указанным институтам перенимать и удерживать некоторые характеристики друг друга. Традиционные функции каждого из институтов дополняются за счет частичного выполнения функций других институциональных сфер. При этом способность осуществлять нетрадиционные функции выступает источником инноваций [124].

Исследование ИС как фактора региональной конкурентоспособности находит отражение в научных трудах по кластерной организации производства на основе ценностно-сетевых подходов к современному пониманию конкуренции ([161; 201] и др.). Предприятия кластера являются скорее потенциальными партнерами в создании конечного отраслевого продукта, чем конкурентами. Конечный потребитель, приобретая товар, ставит оценку не только конечному продавцу, но и всей отраслевой цепочке — от начала и до конца. Все участники отраслевой цепи участвуют в той или иной

мере в создании потребительной стоимости и ценности, поэтому любое предприятие, включенное в цепь, несет ответственность не только в пределах своей зоны работы, но и за качественное обеспечение связей между различными звеньями. При этом главным стимулом изменений в связях между участниками цепочек ценностей являются инновации, изменяющие как цену, так и качество поставляемых ресурсов, модифицирующие сами ресурсы и потребности в них.

Все реализуемые в кластере виды деятельности связаны сцеплениями, которые возникают, когда способ осуществления того или иного вида деятельности по созданию стоимости влияет на затраты или эффективность других видов деятельности. Внедряемые участниками цепочки инновации сначала генерируют разрывы, а затем создают новые сцепления. Данный процесс цикличен, осуществляется в соответствии с тенденциями развития рынков и инноваций как во внутренней, так и во внешней среде предприятия. Разрывы в цепочках ценностей имеют мультипликативный характер, т. е. внедрение инновации в одной из цепочек ценностей приводит к тому, что происходит цепная реакция, состоящая в стимулировании ее институционализации в других цепочках [192]. Успешное продвижение инноваций в цепочках ценностей во многом зависит от институциональных условий и экономических механизмов, формирующих конкурентоспособную модель поведения «идеального потребителя инновационных товаров» [205]. Создание ценностно-сетевых механизмов управления ИС на мезоуровне позволяет ограничить неинновационные сценарии функционирования предприятий в условиях динамичной конкурентной среды.

Авторами проведен анализ таких важных показателей, характеризующих роль интеллектуальной собственности в формировании интеллектуального потенциала Уральского макрорегиона, как:

- патентная активность — поступление патентных заявок от организаций и физических лиц, выдача охранных документов на объекты интеллектуальной собственности (изобретения, полезные модели, промышленные образцы);
- лицензионная деятельность — сведения о фактическом использовании объектов интеллектуальной собственности, лицензионных сделках по поводу изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, программ для ЭВМ без учета ноу-хау (табл. 22).

На рис. 13 приводятся результаты сравнительного анализа наиболее экономически развитых, а также инновационно активных субъектов Федерации (без учета Центрального федерального округа, поскольку его показатели затрудняют общее восприятие).

Результаты анализа показывают, что количество поданных заявок, полученных охранных документов на объекты ИС, а также число сделок (лицензионных договоров, соглашений) на объекты ИС значительно различаются по федеральным округам.

При этом одни регионы оказываются в роли «доноров» с точки зрения формирования портфеля охранных документов на объекты ИС, другие — являются «реципиентами», активно использующими эти активы в ходе реализации инновационных предпринимательских проектов.

Показатели патентной активности, лицензионной деятельности по регионам Российской Федерации в 2015 г.

Субъект	Поступление патентных заявок и выдача охранных документов в России, по субъектам Российской Федерации						Сведения об использовании объектов интеллектуальной собственности по субъектам Российской Федерации			
	Подано патентных заявок			Выдано патентов			Использование объектов интеллектуальной собственности (ОИС)			
	на изобретения	на полезные модели	на промышленные образцы	на изобретения	на полезные модели	на промышленные образцы	изобретения	полезные модели	промышленные образцы	программы для ЭВМ
Российская Федерация	29 269	11 403	2 015	22 560	8 390	2 031	14 181	5 556	1 659	6 459
Центральный федеральный округ	16 886	4 556	1 040	10 554	3 227	959	6 067	1 858	481	2 823
В том числе:										
Москва	12 681	2 727	628	6 594	1 916	606	3 010	889	171	1 772
Северо-Западный федеральный округ	2 258	1 410	182	1 922	1 058	201	1 284	655	144	764
В том числе:										
Санкт-Петербург	1 735	1 119	160	1 521	845	152	914	510	125	617
Южный федеральный округ	1 648	717	118	1 422	510	80	160	92	29	234
Северо-Кавказский федеральный округ	477	157	41	621	121	32	70	78	7	120
Приволжский федеральный округ	3 947	2 243	295	4 014	1 666	442	3 988	1843	709	1 087
Уральский федеральный округ	1 148	878	124	1 097	647	157	1 339	590	94	535
Сибирский федеральный округ	2 216	1 055	160	2 195	803	133	1 180	424	184	765
Дальневосточный федеральный округ	581	286	46	627	181	25	80	10	1	131
Крымский федеральный округ	107	101	9	108	177	2	13	6	10	—

Примечание. Составлено по данным Росстата, Федеральной службы по интеллектуальной собственности.

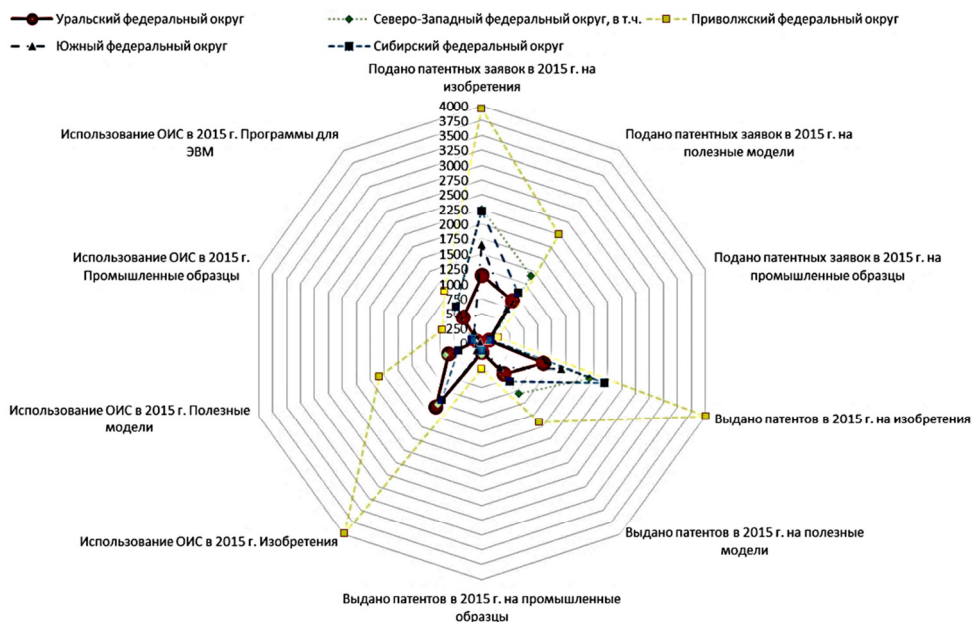

Рис. 13. Место Уральского федерального округа по показателям патентной активности, лицензионной деятельности

Следует отметить относительно «скромные» показатели патентно-лицензионной деятельности Уральского федерального округа с высокой территориальной концентрацией высокотехнологических производств, в том числе, относящихся к отраслям оборонно-промышленного комплекса (ОПК).

Пространственная неравномерность и различный характер патентно-лицензионной активности в регионах зависят от ряда факторов: отраслевой специализации, комплексности размещения производства, уровня территориальной концентрации научно-образовательных центров и др. Результаты сравнительного анализа показывают, что ведущими в части активного использования ИС для обеспечения конкурентоспособного социально-экономического развития оказываются регионы, не только обладающие высоким научно-технологическим потенциалом, но и способные формировать креативную предпринимательскую среду территории. Например, по показателям инновационной активности предприятий (удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций), инновационной фондоотдаче (объем отгрузки инновационной продукции на 1 р. основных производственных фондов), инновационности ВРП (отношение внутренних текущих затрат на исследования и разработки к ВРП) лидируют Самарская область, Пермский край и Республика Татарстан, входящие в экономическое пространство Приволжского федерального округа [4].

Авторам представляется, что различия регионов в активности патентно-лицензионной деятельности целесообразно рассматривать в контексте предложенных Н. Ю. Бухваловым концептуальных положений инклюзивного развития высокотехнологичного сектора и пространственного развития

экономики [51]. Предложенное ученым понятие «пространственная инклюзия» характеризует процесс вовлечения всех типов регионов (территорий) в технологическое развитие страны на базе конвергенции их уровней развития и комплементарности институтов, основанных на саморазвитии и государственном управлении. Процесс инклюзии регионов в технологическое развитие страны предполагает максимальную сопряженность этих институтов и возможность их одновременного использования в рамках региональной политики, определяющей меры воздействия на экономику регионов, которые снижают технологическое, экономическое и, как следствие, социальное неравенство.

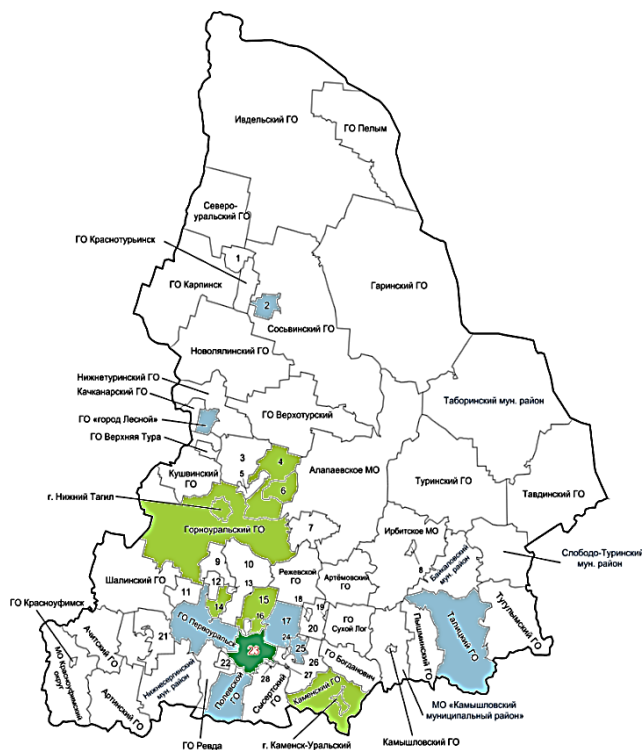

Рис. 14. Пространственное размещение полученных российскими заявителями (организациями и физическими лицами) патентов на изобретения на территории Свердловской области в 2014 г.¹

О значительных резервах пространственной инклюзии свидетельствуют результаты анализа потоков полученных российскими заявителями (организациями и физическими лицами) патентов на изобретения в разрезе территорий Свердловской области в 2014–2015 гг. (рис. 14–15).

Екатеринбург по полученным в 2015 г. охраняемым документам в адресе для переписки указали 443 заявителя.

¹ По данным открытых источников информационной системы Федерального института промышленной собственности.

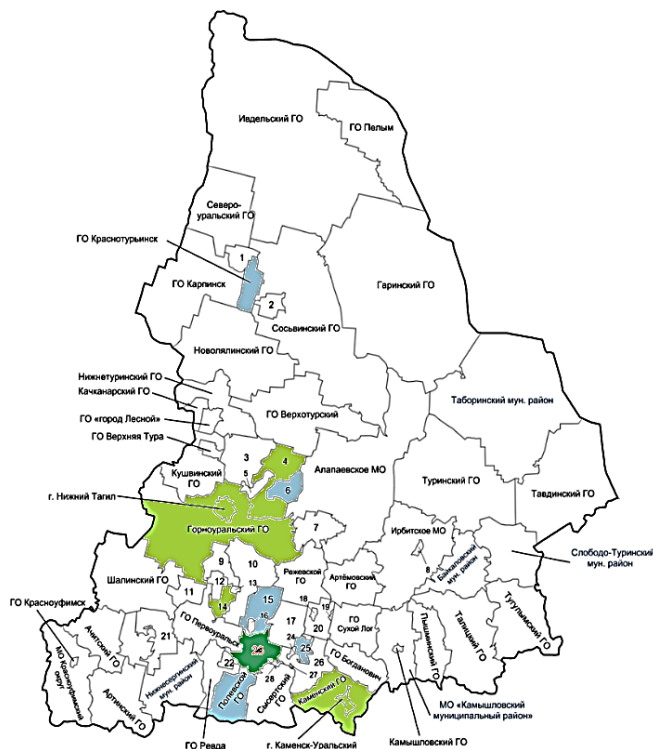

Рис. 15. Пространственное размещение полученных российскими заявителями (организациями и физическими лицами) патентов на изобретения на территории Свердловской области в 2015 г.¹

Нижний Тагил, включая Горноуральский городской округ, и Каменск-Уральский, в том числе Каменский городской округ, представлены 20 и 24 заявителями соответственно. Небольшим авансом к данной группе отнесены Новоуральск (8) и Верхняя Салда (7) как города, подавшие в 2015 г. более 5 заявок.

На территории Свердловской области существуют большие резервы повышения конкурентоспособности предприятий и организаций на основе интеллектуальной собственности.

Одним из приоритетных направлений совершенствования управления ИС является создание эффективных механизмов передачи результатов интеллектуальной деятельности из высокотехнологичных секторов промышленности в смежные отрасли. В частности, значительные резервы повышения конкурентоспособности отечественных предприятий заключаются в использовании интеллектуального капитала, накопленного в сфере ОПК, продукция которого составляет основу высокотехнологичного экспорта России и входит в пятерку наиболее ликвидных российских экспортных товаров, отвечающих мировому уровню.

¹ По данным открытых источников информационной системы Федерального института промышленной собственности.

4.4. РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Современным вектором развития глобальной экономики, который сложился под влиянием международной системы разделения труда и кооперации производства, отраслевых сдвигов, урбанизационных и агломерационных процессов, является новая индустриализация.

Происходящие в экономике трансформации нашли отражение в научных исследованиях, связанных с анализом проблем индустриализации. В связи с этим целесообразно представить следующую эволюцию теоретических взглядов на формирование нового индустриального общества (рис. 16).

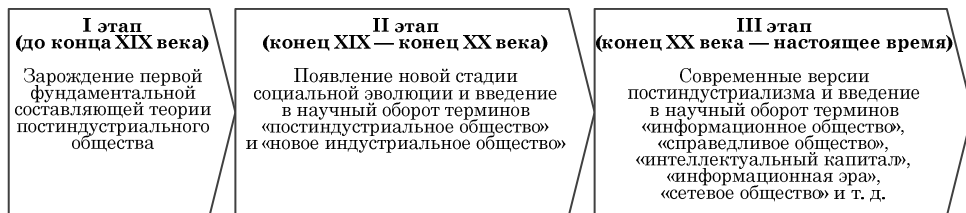

Рис. 16. Эволюция теоретических взглядов на формирование нового индустриального общества

На первом этапе (до конца XIX века) происходит зарождение первого фундаментального направления теории постиндустриального общества, которое характеризовалось переходом от оценки классовой структуры обществ к исследованиям технологических аспектов организации общественного производства. Яркие представители этой научной школы — А. Сен-Симон, Дж. С. Миль, Б. Гильдебранд, В. Зомбарт и др.

Второй этап (конец XIX — конец XX века) предусматривает появление новой стадии социальной эволюции, в научный оборот вводятся термины «постиндустриальное общество» и «новое индустриальное общество». Главная идея этого направления состоит в изменении человеческой деятельности и характера вовлекаемых в производство ресурсов, модификации традиционной социальной структуры. К ученым, занимающимся данной проблематикой, относятся: А. Пенти, Д. Рисмен, А. Леш, А. Кумарасвами, Р. Арон, У. Ростоу, К. Томинага, Д. Белл, Р. Рихта, Дж. К. Гэлбрейт, П. Драке, Т. Роззак, А. Горц, Дж. Бенигер и др.

На данном этапе в 1960-х годах ряд авторов, в частности Р. Арон («Индустриальное общество и война», 1959 г.) и У. Ростоу («The Process of Economic Growth», 1960 г.); «Восемнадцать лекций об индустриальном обществе», 1962 г.), сформулировали современное понимание индустриализации [17], при этом Р. Арон считает, что в ходе индустриализации стран образуется единое индустриальное общество, прекращается ведущая роль собственности, экономическая власть переходит к крупным корпорациям, с помощью государства ликвидируются полюса богатства и нищеты [209].

Особого внимания заслуживает работа Д. Белла («The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting», 1965 г.), в которой представлена последовательная логика развития общества, а именно: доиндустриальное — индустриальное — постиндустриальное общество [209].

Раскрывая понятие «постиндустриальное общество», Д. Белл представил общество, которое использует все научно-технические достижения, относящиеся в основном к пятому и шестому технологическим укладам и частично к четвертому, включая все сферы формирования и использования «человеческого капитала», «экономики знаний и инноваций», а также «сервисной экономики», учитывая пространственную ограниченность индустриальной экономики [209].

В дальнейшем эти взгляды были развиты в трудах американского экономиста-теоретика Дж. К. Гэлбрейта, который впервые ввел в научный оборот термин «новое индустриальное общество» («The New Industrial State», 1967 г.), а также представил новый механизм управления корпорацией — техноструктуру.

На третьем этапе (конец XX — настоящее время) формирование нового индустриального общества усиливает интерес экономистов в направлении исследования современных версий постиндустриализма, в научный оборот вводятся термины «информационное общество», «справедливое общество», «интеллектуальный капитал», «информационная эра», «сетевое общество» и т. д. (Ф. Махлуп, Д. Друкер, Ф. Блок, А. Собуль, Ф. Мендельс, Э. Тоффлер, Т. Умесао, М. Порат, Й. Масуда, Т. Стоуньер, Р. Катц, Р. Дарендорф, Л. Эдвинссон, М. Мэлоун, М. Кастельс и др.). В трудах указанных ученых отмечается, что источником прогресса цивилизации и его измерителем выступает совершенствование форм и методов материального производства, иной характер человеческой деятельности, изменение типов вовлекаемых в производство ресурсов, модификация социальной структуры. В итоге эволюция общества происходит через призму знаний [209].

Необходимо отметить значительный вклад отечественных ученых в разработку теорий и концепций постиндустриального общества и новой индустриализации, таких как: Е. Г. Анимица [17], Л. С. Бляхман [38], С. Ю. Глазьев [72], С. С. Губанов [92], В. Л. Иноземцев [209], С. Г. Ковалев [136], Б. Н. Кузык [154], В. М. Кульков [156; 157], Е. Б. Ленчук [121], О. А. Романова [209; 276; 277], Я. П. Силин [17], А. И. Татаркин [276; 277], Ю. В. Яковец [315] и др.

Российские ученые отмечают, что в годы рыночных трансформаций происходил процесс деиндустриализации национальной экономики, сопровождаемый комплексом социальных и экономических изменений, вызван-

ных резким снижением индустриальной активности в отдельных секторах национальной экономики, прежде всего в промышленности [17].

Об этом свидетельствует сравнительный анализ доли промышленности в ВВП в некоторых странах мира (табл. 23).

Таблица 23

Доля обрабатывающей промышленности в ВВП некоторых стран*, %

Виды продукции обрабатывающей промышленности	Удельный вес в мировом объеме добавленной стоимости (по виду продукции), %									
	Россия		США		Китай		Германия		Япония	
	2005	2013	2005	2013	2005	2013	2005	2013	2005	2013
Производство пищевых продуктов и напитков	1,9	2,0	23,9	21,0	7,0	18,4	4,8	4,1	11,3	7,1
Производство древесины, деревянных и пробковых изделий, кроме мебели	2,0	2,2	25,6	18,2	5,2	24,2	6,0	6,6	7,6	5,7
Производство резиновых и пластмассовых изделий	< 1,0	1,5	23,4	20,0	6,7	17,4	8,5	8,4	16,7	12,6
Производство неметаллических минеральных продуктов	1,8	1,6	17,8	12,0	11,1	32,0	5,4	4,6	10,9	7,6
Производство продукции металлургической промышленности	4,6	3,4	13,4	7,9	21,0	45,4	5,9	4,0	14,2	9,0
Производство оборудования и аппаратуры для радио, телевидения и связи	1,1	0,8	20,3	22,2	13,7	19,2	3,2	2,1	20,6	11,2

Примечания. Составлено на основе: Россия и страны мира. 2016 : стат. сб. / Росстат. — М., 2016. — 379 с. * Выделены страны — ведущие лидеры по данному виду продукции обрабатывающей промышленности в конкретном периоде.

На основании табл. 23 можно отметить, что странами — основными производителями указанных видов продукции обрабатывающей промышленности являются:

- США (в 2013 г. лидер в производстве: оборудования и аппаратуры для радио, телевидения и связи (удельный вес в мировом объеме добавленной стоимости — 22,2 %), пищевых продуктов и напитков (21,0 %), резиновых и пластмассовых изделий (20,0 %);
- Китай (в 2013 г. лидер в производстве: продукции металлургической промышленности (удельный вес в мировом объеме добавленной стоимости — 45,4 %), неметаллических минеральных продуктов (32,0 %), древесины, деревянных и пробковых изделий, кроме мебели (24,2 %).

Россия, выбрав экспортно-сырьевую модель развития экономики, в последние годы по-прежнему занимает крайне скромные позиции в мировом объеме добавленной стоимости продукции по всем анализируемым видам продукции обрабатывающей промышленности.

В условиях примитивизации и деградации структуры экономики российские экономисты отмечают особую важность новой индустриализации, которая обеспечит восстановление отраслей промышленности традиционных укладов на новой технологической основе, а также будет связана с разработкой новых прорывных технологий высших технологических укладов (био-, нано-, информатизационных технологий) [17, с. 72].

Экономисты предлагают разнообразные сценарии перехода к модели «новой индустриализации»:

- стратегия новой индустриальной модернизации (Е. Г. Анимица [17], В. М. Полтерович [223]);
- проведение новой промышленной политики (Л. С. Бляхман [38]);
- стратегия берегающего развития (С. Ю. Глазьев [72]);
- интегрированный инновационно-технологический прорыв (А. А. Акаев [3]).

Весьма убедительной является позиция Е. Г. Анимицы и Я. П. Силина, согласно которой «регионализация индустриального развития — это основа формирования экономического полицентризма в громадном российском пространстве. В реализации модели „новая индустриальная модернизация“ именно в контексте регионализации с особой яркостью и ясностью проявляются общее и особенное, всеобщее и индивидуальное» [17, с. 73].

Поэтому целью данной статьи является исследование закономерностей и тенденций пространственной инновационной деятельности для разработки направлений ее совершенствования в субъектах РФ, отличающихся различной динамикой научно-технического развития.

Реализация указанной цели предполагает следующий алгоритм анализа.

На **первом этапе** отображаются субъекты РФ, по которым исследуется зависимость валового регионального продукта на душу населения, составляется рейтинг их инновационной деятельности.

На **втором этапе** рассматривается, насколько однородной является инновационная деятельность на территории Российской Федерации; анализ осуществляется с использованием системы показателей:

- доля численности персонала, занятого исследованиями и разработками;
- внутренние затраты на исследования и разработки на 100 тыс. чел.;
- используемые передовые производственные технологии на 100 тыс. чел.;
- инновационная активность организации, %;
- объем инновационных товаров, работ и услуг на 100 тыс. чел.

По системе указанных показателей осуществляется подсчет коэффициента вариации в 2005 и 2014 гг., демонстрирующий степень территориальной однородности в области инновационной деятельности в каждом году и динамику этого показателя с 2005 по 2014 г.

На **третьем этапе** рассчитывается интегральный рейтинг инновационной деятельности регионов путем балльной оценки. По каждому показателю первоначально осуществляется выставление баллов (большему значению показателя присваиваются меньшие баллы, низшему значению — большие). Затем суммируется количество баллов по всем показателям. Тот субъект РФ, где общее количество баллов будет минимально — занимает более высокое место.

На **четвертом этапе** осуществляется позиционирование регионов путем построения матрицы в следующей системе координат:

- распределение субъектов РФ в системе координат «ВРП на душу населения» и «интегральный рейтинг инновационной деятельности» в 2005 г.;
- распределение субъектов РФ в системе координат «ВРП на душу населения» и «интегральный рейтинг инновационной деятельности» в 2014 г.

Проведенное исследование позволяет определить динамику регионов по интегральному показателю инновационной деятельности за 2005–2014 гг. и позиционировать субъекты РФ на группы:

- с положительной динамикой инновационной деятельности;
- с отрицательной динамикой инновационной деятельности.

На **пятом этапе** разрабатываются перспективные направления совершенствования инновационной деятельности в российских регионах, а значит, очерчивается круг актуальных проблем, требующих незамедлительного решения со стороны администраций субъектов РФ.

На первом этапе из всех субъектов РФ были отобраны 37 субъектов, которые в 2014 г. по показателю «валовой региональный продукт на душу населения» находились в интервале от 250 тыс. р. до 450 тыс. р. (среднее значение — 329,7 тыс. р. на душу населения)¹ среди регионов страны.

Система субъектов РФ и их экономические характеристики (ВРП на душу населения, доля обрабатывающей промышленности в общей структуре валовой добавленной стоимости) представлены в табл. 24.

Таблица 24

Экономические характеристики субъектов Российской Федерации, находящихся по показателю «валовой региональный продукт на душу населения» в интервале от 250 тыс. р. до 450 тыс. р. в 2005 и 2014 гг.

Субъект	ВРП на душу населения, р.		Доля обрабатывающей промышленности в общей структуре ВДС, %	
	2005	2014	2005	2014
Республика Татарстан	128 226,9	434 509,1	16,9	18,6
Мурманская область	156 652,5	416 662,1	25,5	12,5
Хабаровский край	116 257,5	410 190,4	15,0	9,4
Ленинградская область	122 024,2	403 431,2	29,1	27,2
Белгородская область	95 911,2	400 633,4	23,1	17,3
Томская область	155 365,2	399 207,9	15,8	9,9
Свердловская область	108 697,2	384 228,1	31,5	27,2
Московская область	104 738,3	376 698,6	25,2	17,7
Иркутская область	102 904,3	375 481,9	26,1	12,8
Пермский край	119 654,0	367 086,6	29,4	30,7
Оренбургская область	101 110,3	364 761,5	16,0	12,8
Самарская область	124 575,2	358 648,8	29,9	24,7
Липецкая область	121 376,2	341 454,6	55,4	41,3
Приморский край	92 504,2	332 383,3	10,5	9,4
Новгородская область	95 286,2	331 842,0	34,6	34,0
Краснодарский край	72 794,1	330 100,2	13,0	12,4
Новосибирская область	88 475,5	326 867,5	17,7	12,4
Вологодская область	156 379,7	325 789,3	46,6	34,9

¹ Не рассматривались регионы с экстремальными минимальными и максимальными значениями показателя валового регионального продукта на душу населения с целью усиления однородности выборки.

Субъект	ВРП на душу населения, р.		Доля обрабатывающей промышленности в общей структуре ВДС, %	
	2005	2014	2005	2014
Калужская область	69 192,2	322 517,0	27,8	34,0
Калининградская область	87 122,8	316 999,4	17,3	25,0
Нижегородская область	87 354,7	310 866,4	30,6	29,0
Республика Башкортостан	93 683,1	306 771,3	27,7	29,2
Ярославская область	99 335,1	305 210,7	32,1	24,8
Воронежская область	56 534,5	304 314,2	20,0	13,7
Омская область	108 970,6	303 088,5	47,8	37,9
Республика Хакасия	77 864,6	299 913,3	20,0	12,5
Республика Карелия	112 950,3	293 054,1	17,6	13,4
Удмуртская Республика	90 316,3	291 287,5	21,3	18,3
Амурская область	88 597,1	290 398,1	4,0	3,8
Челябинская область	99 159,8	284 190,7	41,4	33,8
Астраханская область	69 814,0	283 591,2	27,7	5,5
Волгоградская область	76 740,6	278 961,2	26,6	30,6
Кемеровская область	104 764,5	273 825,1	16,9	19,0
Тульская область	71 587,4	269 177,0	36,6	38,0
Курская область	72 995,3	266 007,6	18,4	17,5
Рязанская область	70 665,8	261 245,2	23,1	26,6
Тамбовская область	55 573,9	258 822,0	14,9	13,1

Примечание. Составлено на основе: *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016* : стат. сб. / Росстат. — М., 2016. — 1326 с.

Необходимо подчеркнуть значение обрабатывающей промышленности в развитии индустриализации, поскольку она обеспечивает продвижение:

- новых технологий в отраслях, производящих продукцию с высокой добавленной стоимостью (например, автомобилестроение, медико-биологическая, авиакосмическая отрасли и др.);
- энергоэффективной экономики (например, ветроэнергетика, солнечно-тепловая и атомная энергетика, строительство и др.);
- информационной экономики (международное образование, big data и др.).

Приведенные в таблице данные свидетельствуют о том, что за период с 2005 по 2014 г. доля обрабатывающей промышленности в общей отраслевой структуре ВДС увеличилась в 9 из 37 субъектов РФ (по убыванию): Калининградская область (+7,7 %), Калужская область (+6,2 %), Волгоградская область (+4,0 %), Рязанская область (+3,5 %), Кемеровская область (+2,1 %), Республика Татарстан (+1,7 %), Республика Башкортостан (+1,5 %), Тульская область (+1,4 %), Пермский край (+1,3 %).

Значительное сокращение (более 10 %) доли обрабатывающей промышленности в общей отраслевой структуре ВДС за период с 2005 по 2014 г. отмечено в 7 субъектах РФ: Астраханская область (–22,2 %), Липецкая область (–14,1 %), Иркутская область (–13,3 %), Мурманская область (–13,0 %), Вологодская область (–11,7 %) и др.

На втором этапе была собрана база данных, характеризующая состояние инновационной деятельности для выбранных субъектов РФ по следующим показателям (табл. 25):

- доля численности персонала, занятого исследованиями и разработками; внутренние затраты на исследования и разработки на 100 тыс. чел.;
- внутренние затраты на исследования и разработки на 100 тыс. чел., тыс. р.;
- используемые передовые производственные технологии на 100 тыс. чел., шт.;
- инновационная активность организации, %;
- затраты на технологические инновации на 100 тыс. чел., тыс. р.;
- объем инновационных товаров, работ и услуг на 100 тыс. чел., тыс. р.

Таблица 25

**Характеристика субъектов РФ по показателям,
отражающим состояние инновационной деятельности в 2005 и 2014 гг.**

Субъект	Период	Доля численности персонала, занятого исследованиями и разработками, %	Внутренние затраты на исследования и разработки на 100 тыс. чел., тыс. р.	Используемые передовые производственные технологии на 100 тыс. чел., шт.	Инновационная активность организации, %	Затраты на технологические инновации на 100 тыс. чел., тыс. р.	Объем инновационных товаров, работ и услуг на 100 тыс. чел., тыс. р.
Республика Татарстан	2005	0,38	80 457	53	16,0	262 823	2 536 138
	2014	0,22	315 974	156	8,5	2 483 027	8 769 351
Мурманская область	2005	0,28	127 712	79	13,5	160 381	342 956
	2014	0,31	339 334	148	10,2	293 577	1 083 512
Хабаровский край	2005	0,11	29 092	113	17,0	115 472	151 940
	2014	0,13	104 447	194	10,5	487 578	2 210 120
Ленинградская область	2005	0,38	97 383	7,0	6,9	72 623	54 273
	2014	0,40	377 748	93	8,7	394 780	1 845 529
Белгородская область	2005	0,09	16 204	36	8,7	79 669	145 959
	2014	0,09	115 666	119	11,5	265 426	1 492 138
Томская область	2005	0,80	209 844	96	17,1	123 027	93 496
	2014	0,83	903 352	136	13,7	636 862	1 032 523
Свердловская область	2005	0,58	145 083	147	18,3	317 330	1 101 371
	2014	0,49	604 227	209	11,0	666 392	2 059 799
Московская область	2005	1,31	320 439	188	10,0	111 117	589 701
	2014	1,21	1 435 862	238	8,7	1 489 332	3 712 615
Иркутская область	2005	0,19	47 961	52	10,2	122 155	14 254
	2014	0,20	192 944	61	6,4	868 940	465 764
Пермский край	2005	0,49	157 922	141	33,2	172 100	925 671
	2014	0,40	444 824	174	11,1	2 227 194	4 134 069
Оренбургская область	2005	0,04	9 575	20	6,9	77 425	43 555
	2014	0,04	30 120	46	12,4	262 404	344 273

Продолжение табл. 25

Субъект	Период	Доля численности персонала, занятого исследованиями и разработками, %	Внутренние затраты на исследования и разработки на 100 тыс. чел., тыс. р.	Используемые передовые производственные технологии на 100 тыс. чел., шт.		Затраты на технологические инновации на 100 тыс. чел., тыс. р.	Объем инновационных товаров, работ и услуг на 100 тыс. чел., тыс. р.
				Иновационная активность организации, %			
Самарская область	2005	0,76	239 011	147	15,1	238 174	3 383 642
	2014	0,40	454 292	242	5,8	1 791 419	7 643 308
Липецкая область	2005	0,03	2 822	54	11,6	77 663	581 039
	2014	0,04	24 828	274	18,6	987 237	5 464 775
Приморский край	2005	0,32	107 693	52	4,4	18 665	105 057
	2014	0,28	295 298	66	9,3	95 851	40 579
Новгородская область	2005	0,13	27 613	161	9,9	194 399	1 494 910
	2014	0,19	176 575	301	7,7	395 040	781 228
Краснодарский край	2005	0,14	33 665	21	4,1	16 206	26 327
	2014	0,14	102 613	63	6,2	102 483	179 353
Новосибирская область	2005	0,93	216 708	53	5,9	34 610	85 974
	2014	0,79	703 553	102	9,7	161 933	1 413 902
Вологодская область	2005	0,04	6 575	145	8,4	146 308	818 364
	2014	0,04	30 765	200	5,6	219 429	6 644 710
Калужская область	2005	1,02	230 978	208	14,0	99 717	265 406
	2014	1,05	1 018 466	211	9,7	1 334 520	1 357 498
Калининградская область	2005	0,22	51 410	73	4,6	18 857	595 449
	2014	0,22	103 808	84	2,4	25 728	38 865
Нижегородская область	2005	1,46	440 530	551	14,7	134 827	179 728
	2014	1,21	1 789 229	349	14,3	1 401 450	6 595 771
Республика Башкортостан	2005	0,21	36 070	128	8,0	51 675	292 327
	2014	0,20	203 900	177	10,4	736 977	2 747 340
Ярославская область	2005	0,50	146 009	107	8,5	68 789	323 283
	2014	0,48	426 226	227	10,3	1 253 821	2 106 997
Воронежская область	2005	0,58	90 657	76	12,2	73 439	271 398
	2014	0,47	272 334	85	10,3	290 420	1 061 450
Омская область	2005	0,46	100 590	114	5,3	27 440	72 922
	2014	0,21	210 814	152	8,2	1 361 491	1 229 221
Республика Хакасия	2005	0,05	4 719	49	11,7	137 472	1 199
	2014	0,04	17 036	56	8,1	29 496	16 791
Республика Карелия	2005	0,14	23 920	70	5,6	25 178	27 485
	2014	0,18	155 750	79	7,7	10 095	30 569
Удмуртская Республика	2005	0,14	32 549	199	8,3	112 859	141 320
	2014	0,11	67 220	294	10,5	551 350	2 833 043
Амурская область	2005	0,10	13 891	11	1,3	58	3 926
	2014	0,09	61 272	79	6,1	455 519	647 272
Челябинская область	2005	0,51	130 563	87	13,9	360 196	893 003
	2014	0,44	339 314	168	8,5	842 004	1 460 778

Субъект	Период	Доля численности персонала, занятого исследованиями и разработками, %	Внутренние затраты на исследования и разработки на 100 тыс. чел., тыс. р.	Используемые передовые производственные технологии на 100 тыс. чел., шт.		Затраты на технологические инновации на 100 тыс. чел., тыс. р.	Объем инновационных товаров, работ и услуг на 100 тыс. чел., тыс. р.
				Иновационная активность организаций, %			
Астраханская область	2005	0,16	39 521	12	9,0	4 506	40 768
	2014	0,09	53 859	43	12,4	359 354	881 332
Волгоградская область	2005	0,16	27 939	61	14,3	196 587	364 648
	2014	0,15	317 708	94	6,3	1 514 709	507 837
Кемеровская область	2005	0,05	10 592	22	6,3	170 324	78 125
	2014	0,05	51 919	93	7,0	43 464	783 347
Тульская область	2005	0,62	55 170	352	15,6	69 926	140 570
	2014	0,26	204 102	149	13,4	660 509	2 766 268
Курская область	2005	0,13	61 817	114	6,7	91 698	121 290
	2014	0,27	310 295	118	9,9	406 965	1 196 356
Рязанская область	2005	0,28	52 952	33	7,0	54 340	149 310
	2014	0,22	129 727	116	13,1	941 119	642 617
Тамбовская область	2005	0,25	43 854	117	5,5	11 572	90 509
	2014	0,15	216 290	195	9,1	220 433	591 149

Примечание. Составлено на основе: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016 : стат. сб. / Росстат. — М., 2016. — 1326 с.

Вариационный анализ системы указанных показателей дал крайне неоднородную картину инновационной деятельности в территориальном разрезе. Так, разрыв между максимальным и минимальным значениями показателей в 2014 г. выглядит следующим образом:

- для показателя «доля численности персонала, занятого исследованиями и разработками» — 30,3 раза (максимальное значение в Московской и Нижегородской областях, а минимальное — в Оренбургской и Вологодской областях, а также в Республике Хакасия);
- для показателя «внутренние затраты на исследования и разработки на 100 тыс. чел.» — 105 раз (максимальное значение характерно для Нижегородской области, минимальное — для Республики Хакасия);
- для показателя «используемые передовые производственные технологии на 100 тыс. чел.» — 7 раз (максимальный уровень отмечается для Нижегородской области, а минимальный — для Астраханской области);
- для показателя «инновационная активность организаций, %» — 7,8 раза (максимальное значение отмечается в Липецкой области, а минимальное — в Калининградской области);

- для показателя «затраты на технологические инновации на 100 тыс. чел.» — 246 раз (максимальный уровень в Республике Татарстан, а минимальный — в Республике Хакасия);

- для показателя «объем инновационных товаров, работ и услуг на 100 тыс. чел.» — 522,3 раза (максимальная величина в Республике Татарстан и минимальная — в Республике Хакасия).

На третьем этапе составлен интегральный рейтинг регионов по выбранной системе показателей за 2005 и 2014 гг. В дальнейшем он позволил позиционировать регионы в системе координат «ВРП на душу населения» и «интегральный рейтинг инновационной деятельности субъектов РФ» (рис. 17, 18).

Результаты позиционирования, взятые в динамике, позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, значительное количество регионов (21 из 37 анализируемых) улучшили свой инновационный рейтинг. Среди них: Липецкая, Ленинградская, Ярославская, Белгородская, Амурская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Рязанская, Астраханская, Московская, Нижегородская, Тамбовская, Калужская, Курская, Томская, Тульская области, Республика Башкортостан, Удмуртская Республика, Пермский и Приморские края. Незначительное понижение рейтинга (на один — четыре пункта) отмечается у регионов, которые по инвестиционной активности входят в десятку лидеров: Республика Татарстан, Свердловская и Челябинская области.

Во-вторых, регионы, в которых произошло существенное понижение рейтинга инновационной активности, можно разбить на две группы. Первая — понизившиеся в рейтинге регионы, в прошлом входящие в десятку лидеров: Самарская область (переместилась с 1-го на 7 место), Мурманская область (с 10-го на 16-е место). Вторая группа — значительно упавшие в рейтинге субъекты РФ, которые традиционно отличались низким уровнем инновационных показателей: Республика Хакасия (по интегральному показателю переместилась с 31-го на 37-е место); Кемеровская область (уменьшение рейтинга с 32-й на 33-ю позицию); Калининградская область (падение с 23-го на 35-е место); Иркутская область (с 24-го на 29-е место). Два региона — Краснодарский край и Республика Карелия — не изменили своего инновационного рейтинга, который остался крайне низким (соответственно 36-е и 34-е места из 37 возможных).

Принципиально важно отметить, что концепция региональной инновационной политики России на практике должна быть реализована с учетом сугубо специфических черт конкретного региона.

Цель инновационной политики — выявление и всемерное стимулирование важнейших базовых технологий, оказывающих решающее влияние на повышение эффективности производства и конкурентоспособности продукции в отраслях экономики и обеспечивающих переход к новому технологическому укладу.

Для внедрения инновационной политики в регионах предлагаем использовать общенациональные и селективные инструменты.

Цель общенационального компонента — разработка комплекса мер на федеральном уровне, приводящих в действие катализаторы инновационной деятельности территорий, которые следует разделить на административные, экономические и институциональные.

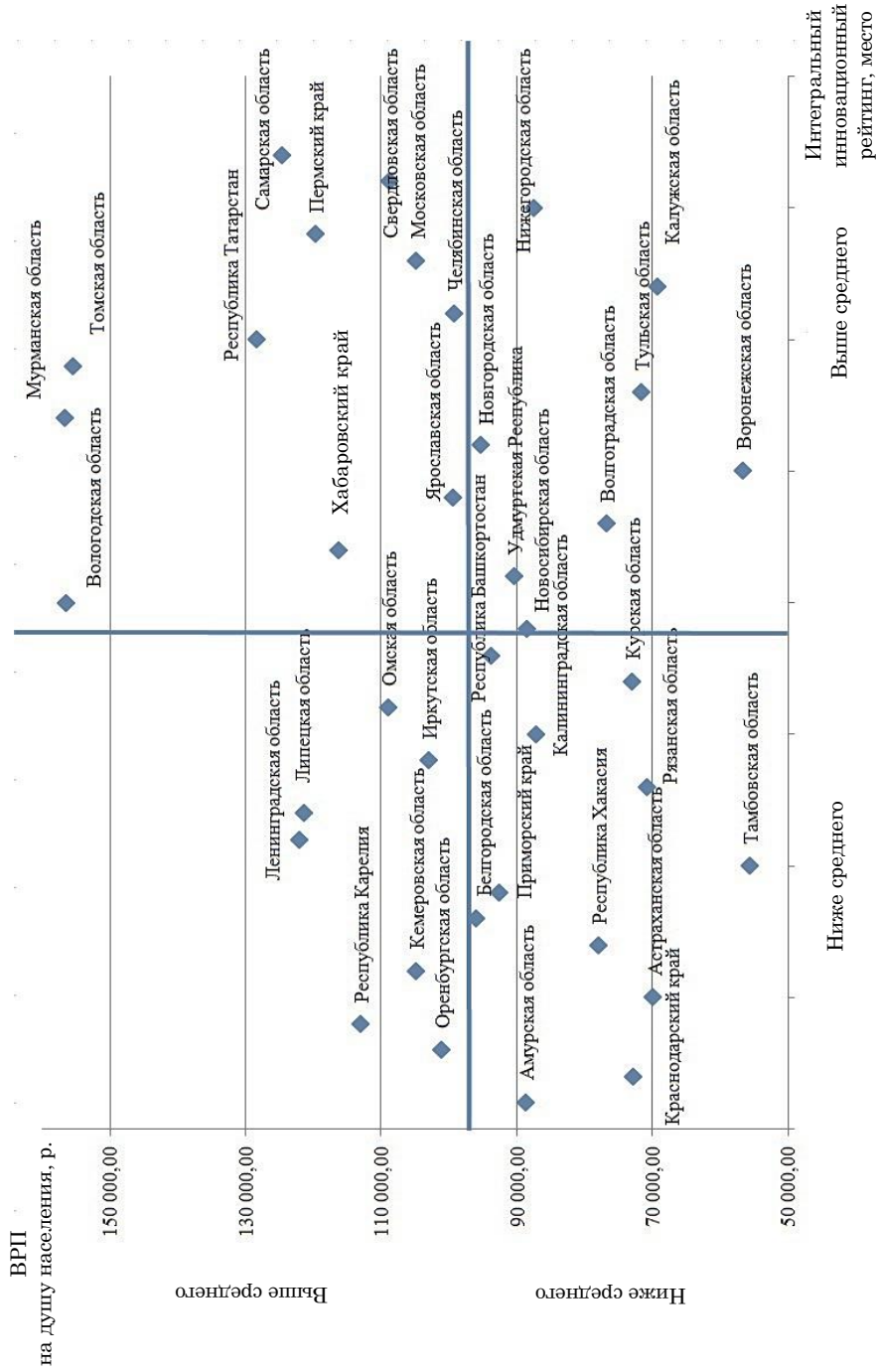

Рис. 17. Позиционирование субъектов РФ в системе координат «ВВП на душу населения» и «Интегральный рейтинг инновационной деятельности» за 2005 г.

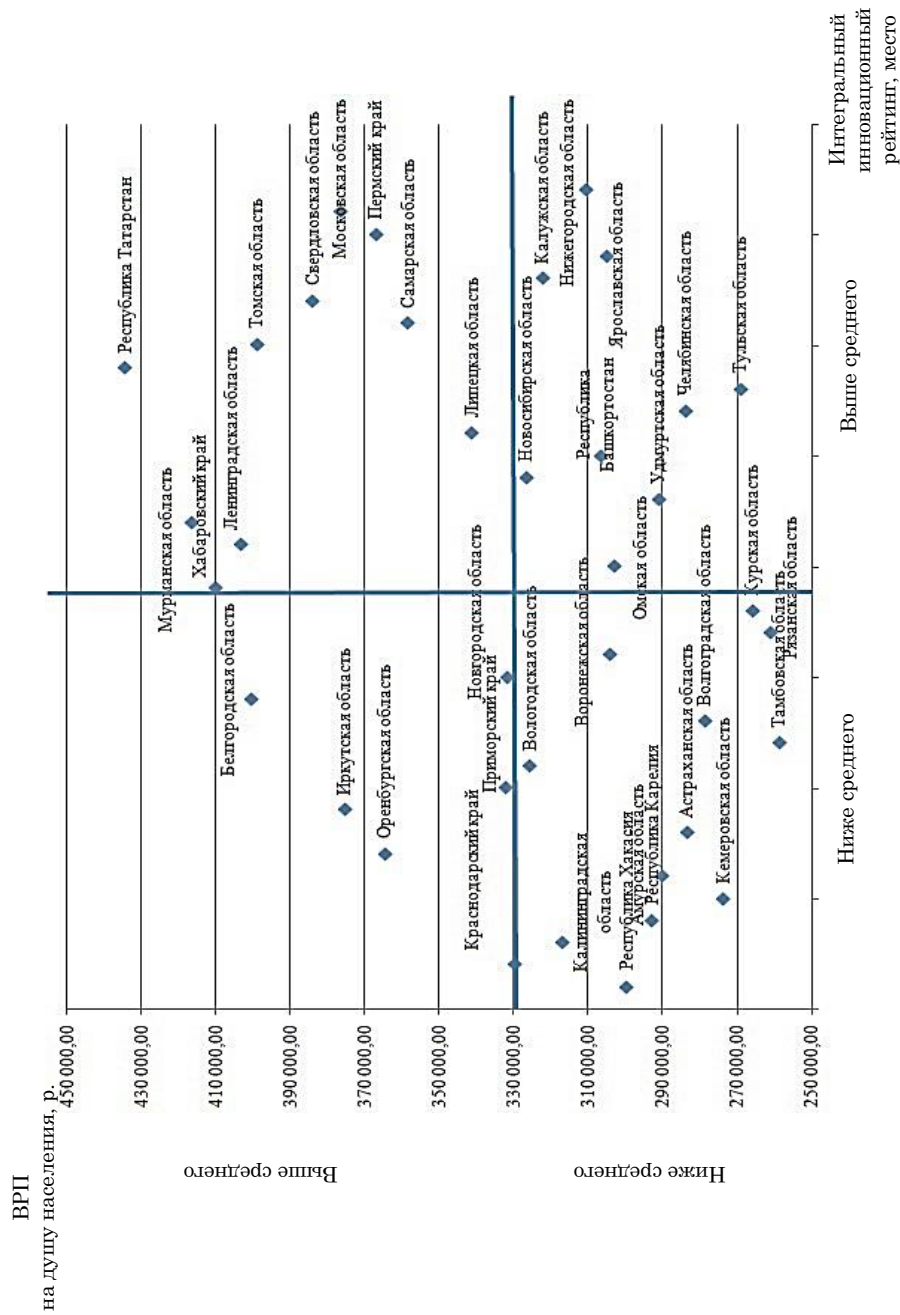

Рис. 18. Позиционирование субъектов РФ в системе координат «ВРП на душу населения» и «интегральный рейтинг инновационной деятельности» за 2014 г.

К административным инструментам, снимающим барьеры для инновационной деятельности, можно отнести:

- снижение административной нагрузки на деятельность организаций промышленного сектора, активно занимающихся НИОКР и выпуском инновационной продукции (например, снижение административного давления контрольно-надзорных органов);
- упрощение процедур лицензирования и патентования инновационной деятельности и инновационной продукции промышленного сектора;
- активное вовлечение общественности, бизнеса и органов власти в обсуждение вопросов, связанных с модернизацией промышленности, инновационным развитием и административными процедурами;
- регулирование процедур, связанных с созданием инновационных кластеров и полюсов конкурентоспособного развития и т. д.

Косвенные, экономические инструменты, ускоряющие инновационное развитие, предполагают:

- предоставление налоговых льгот и снижение налоговой нагрузки для организаций, занимающихся инновационной деятельностью;
- целевое финансирование предприятий и организаций, занимающихся научными исследованиями и инновационной деятельностью;
- предоставление кредитов на осуществление инновационной деятельности на льготных условиях;
- компенсацию процентной ставки банковских кредитов, полученных для реализации инновационных проектов;
- государственный заказ на инновации для организаций и предприятий;
- льготные таможенно-тарифные условия для организаций-экспортеров, осуществляющих инновации и реализующих их на экспорт и т. д.

И наконец, институциональными инструментами стимулирования индустриальной деятельности являются:

- законодательное регулирование, направленное на модернизацию обрабатывающих производств;
- формирование системы информационной поддержки, включая оказание консалтинговых услуг для организации взаимодействия участников инновационной деятельности и пр.

Селективная инновационная политика ориентирована на решение территориальных проблем, к числу которых относятся эффективное использование имеющегося материально-технического, сырьевого и трудового потенциалов, удовлетворение потребностей внутреннего и внешнего рынков.

Проведенное позиционирование регионов подтверждает тот факт, что модель инновационного регулирования отдельного субъекта РФ должна отличаться приоритетными целями и вариативным набором инструментов.

Целью селективной инновационной политики является разработка специфического комплекса мер, дифференцированных в зависимости от особенностей социально-экономического положения конкретных регионов и направленных на повышение их инновационной восприимчивости.

Так, к первой группе субъектов РФ с интегральным инновационным рейтингом выше среднего относится Челябинская область. Социально-эконо-

мическое положение региона таково, что он, во-первых, входит в число регионов-лидеров во многих отраслях промышленности. Обрабатывающие производства (металлургия, машиностроение, в том числе оборонно-промышленный комплекс) — базовый сектор экономики, который определяет экономическую специализацию Челябинской области. Максимальная доля в структуре отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами обрабатывающих производств приходится на вид деятельности «металлургическое производство и производство готовых металлических изделий» (60,4 % — в 2015 г.). Машиностроение является одним из приоритетных производств Челябинской области. Предприятия машиностроительного комплекса производят более 12 % промышленной продукции этого субъекта¹. Объем производства продукции сельского хозяйства всех категорий сельхозтоваропроизводителей Челябинской области в 2015 г. составил 120,2 млрд р. — 11-е место в РФ².

Во-вторых, Челябинская область — моноспециализированный на обрабатывающих производствах регион: в структуре валового регионального продукта в 2014 г. основным видом экономической деятельности являются обрабатывающие производства (33,8 %)³. Тенденции изменения отраслевой структуры производства свидетельствуют об ослаблении производственной специализации, отсутствии развития новых отраслей специализации. С целью адаптации региона к новым условиям функционирования предложен комплекс мер, способствующих перестройке отраслевой структуры в направлении диверсификации экономики и инновационного развития [21; 320].

В-третьих, Южный Урал — регион активного развития атомной промышленности и сосредоточения потенциалов закрытых городов Озерск, Трехгорный и Снежинск, в которых реализуются уникальные проекты по производству продукции для медицины, материаловедения, строительства, а также высокоточного и высокотехнологичного машиностроения. В планах Росатома — сделать все закрытые города России городами знаний и инноваций.

В-четвертых, согласно проведенному анализу Челябинская область относится к субъектам РФ с высоким уровнем доли обрабатывающей промышленности в структуре ВДС и высоким уровнем интегрального рейтинга по инновационной деятельности на протяжении всего анализируемого периода с 2005 по 2014 г. (см. рис. 17, 18), одновременно количество объектов инфраструктуры в регионе характеризуется как «низкое».

В этих условиях поддержка научно-технической и инновационной деятельности предусматривает:

- 1) активизацию административных механизмов:

¹ *Отчет* Губернатора Челябинской области о результатах деятельности Правительства Челябинской области в 2015 г. — URL : http://www.econom-chelreg.ru/files/401/2016/___2015_.pdf.

² *Отчет* Губернатора Челябинской области о результатах деятельности Правительства Челябинской области в 2015 г. — URL : http://www.econom-chelreg.ru/files/401/2016/___2015_.pdf; *Сельское хозяйство* в Челябинской области. — URL : <http://ab-centre.ru/page/selskoe-hozyaystvo-chelyabinskoj-oblasti>.

³ *Регионы* России. Социально-экономические показатели. 2016 : стат. сб. / Росстат. — М., 2016. — 1326 с.

- облегчение порядка предоставления оборудованных офисов и производственных площадей в инновационных бизнес-инкубаторах и инновационных технопарках с целью развития инновационной инфраструктуры;

2) приведение в действие экономических инструментов, таких как:

- предоставление субъектам деятельности в сфере промышленности субсидий на финансирование научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, выполняемых в ходе реализации инвестиционных проектов в отраслях промышленности;

- комплексная и адресная поддержка инновационной инфраструктуры в различных направлениях: информационном, консультационном, обучающем, прогнозно-аналитическом, финансовом, имущественном. При этом формирование инновационной инфраструктуры должно быть основано на взаимодействии научно-исследовательских организаций, вузов, малых внедренческих фирм, промышленных предприятий и других организаций, участников инновационных процессов;

- финансовая поддержка организаций при реализации проектов по повышению экологической безопасности промышленных производств;

- предоставление налоговых льгот, инвестиционных налоговых кредитов, гарантий, субсидий на обучение и переподготовку сотрудников и т. п.;

- софинансирование при участии Регионального центра инжиниринга Челябинской области: проведение экологического, технологического, энергетического аудитов; инженерно-консультационные и инженерно-исследовательские услуги;

- использование технологий двойного назначения: для производства вооружений и военной техники, а также для продукции гражданского назначения;

3) активизацию использования региональных институтов развития:

- Регионального интегрированного центра Челябинской области, деятельность которого направлена на содействие российскому и европейскому бизнесу в установлении и развитии взаимовыгодного делового, технологического и научного сотрудничества;

- АНО «Центр кластерного развития» Челябинской области, цель деятельности которого — методическое, организационное, экспертно-аналитическое и информационное сопровождение развития промышленных и инновационных территориальных кластеров Челябинской области¹;

- создание инновационно-внедренческих информационных центров.

Реализация указанных мер будет способствовать созданию комфортных условий для стимулирования развития предприятий и организаций, соответствующих пятому и шестому технологическим укладам (например, «Этерно», «Русский кварц», «Планар», «Папилон», «Метран», «Биоморфные роботы» и др.), а также территорий опережающего социально-экономического развития.

¹ *Выступление* Губернатора Челябинской области Б. А. Дубровского перед Законодательным Собранием 6 марта 2017 г. (отчет о работе регионального Правительства за 2016 год и планы на 2017 г.) // Правительство Челябинской области. — URL : <http://pravmin74.ru/otchet-0-rabote>; *Отчет* Губернатора Челябинской области о результатах деятельности Правительства Челябинской области в 2015 г. — URL : http://www.econom-chelreg.ru/files/401/2016/_2015_.pdf.

Второй тип регионов — регионы-аутсайдеры, отличающиеся низким уровнем ВРП на душу населения и низким интегральным рейтингом инновационной деятельности, а также тенденцией к снижению последнего показателя. В таких регионах отмечается слабо выраженная специализация или специализация на сельском хозяйстве, господство четвертого технологического уклада, высокий риск внедрения инновационных проектов. Важнейшим условием оздоровления инновационной ситуации и создания благоприятного инвестиционного климата является установление особого режима инвестирования, что требует дополнения общенациональных инструментов регулирования сугубо региональными механизмами. К ним относятся:

1) формирование системы страхования рисков инновационной деятельности с привлечением для этих целей средств федерального и регионального бюджетов, предоставление государственных гарантий инвесторам некоммерческих инвестиционных и эксплуатационных предприятий, использование опыта зарубежных стран, где успешно реализуются программы защиты инвесторов;

2) всемерное стимулирование развития малого предпринимательства, для чего необходима активизация деятельности банковского сектора в кредитовании малого бизнеса (субсидирование процентной ставки по кредитным договорам; компенсация части страховых взносов по договорам страхования малого бизнеса; субсидирование части затрат субъектов малого предпринимательства, производящих высокотехнологичную продукцию). Существенным фактором повышения инновационного потенциала может стать широкое применение лизинга, актуальность которого в проблемных регионах обусловлена прежде всего неудовлетворительным состоянием парка оборудования многих предприятий (значительный удельный вес морально устаревшего оборудования, низкая эффективность его использования, необеспеченность запасными частями и т. д.);

3) активизация использования частно-государственного партнерства, механизмами которого могут выступать:

- ведение динамического инвестиционного паспорта региона;
- заключение концессионных соглашений в отношении объектов социального значения;
- организационно-методическая помощь органам местного самоуправления в рамках реализации соглашений между инвесторами и муниципальными образованиями;
- проведение семинаров, курсов повышения квалификации государственных (муниципальных) служащих по вопросам частно-государственного партнерства и пр.

Таким образом, регионализация инновационной политики, представляющая как совокупность дифференцированных целей и инструментов ее реализации в зависимости от социально-экономического положения конкретного региона, выступает катализатором формирования новой индустриализации, а значит, является драйвером новой экономики Российской Федерации.

4.5. ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЕКТОВ ИНДУСТРИАЛЬНО-ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

В 2003 г. была принята Стратегия индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2003–2015 гг. (утв. Указом Президента Республики Казахстан от 17 мая 2003 г.), которая являлась общесистемным документом, формирующим целостную и комплексную экономическую политику государства на период до 2015 г. и задающим конкретные направления индустриально-инновационного развития.

Также стоит отметить Государственную программу по форсированному индустриально-инновационному развитию на 2010–2014 гг. (утв. Указом Президента Республики Казахстан от 19 марта 2010 г.), направленную на обеспечение устойчивого и сбалансированного роста экономики через диверсификацию и повышение ее конкурентоспособности.

В настоящее время в Казахстане действует Государственная программа индустриально-инновационного развития на 2015–2019 гг. (утв. Указом Президента Республики Казахстан от 1 августа 2014 г.). Целью второго этапа индустриализации выступает стимулирование диверсификации и повышение конкурентоспособности обрабатывающей промышленности.

Эффективная реализация программы индустриально-инновационного развития на 2015–2019 гг. возможна только при обеспечении ее прорывных проектов конкурентоспособными кадрами в области техники и технологий.

Несомненно, опережающая подготовка специалистов является приоритетным направлением для образования страны. Но в то же время необходимо отметить ряд проблем, связанных с подготовкой инженерно-технических кадров: не в полной мере внедрена модель корпоративного управления в деятельность казахстанских вузов, отсутствует эффективная модель системных отношений с бизнес-средой; наблюдается острая потребность в обновлении учебно-лабораторной базы высших учебных заведений, осуществляющих подготовку кадров технического профиля; отсутствует развитая инновационная инфраструктура, что не позволяет эффективно проводить коммерциализацию результатов научной и научно-технической деятельности преподавателей и студентов вузов.

Актуальность исследования вопросов кадрового обеспечения проектов Государственной программы индустриально-инновационного развития Республики Казахстан обусловлена необходимостью совершенствования подходов к подготовке кадров в сложившейся системе образования в стране.

Сегодня с уверенностью можно констатировать, что подготовка инженерно-технических кадров и наука как специализированные области деятельности без взаимной интеграции и тесного взаимодействия между собой, а также с реальным сектором экономики теряют дееспособность и становятся все менее конкурентоспособными. Специалисты в образовательной среде считают, что совершенствование системы подготовки кадров позволит снять многие болевые точки в системе образования [110; 185].

В зарубежных исследованиях вопрос модернизации системы подготовки кадров в вузах остается предметом оживленной дискуссии. Существуют несколько мнений по данной проблематике. Одно из них отрицает возможность переноса принципов и методов функционирования и управления, присущих корпоративному миру, в систему подготовки кадров. Представители другого направления признают, что современное высшее образование является де-факто субъектом рыночных отношений и не может не принимать правил игры и законов рынка [102; 325].

Внедрение новых подходов к подготовке кадров, партнерству бизнеса и образования находит отражение в исследованиях российских ученых, таких как Е. О. Соломатина [259], М. М. Кудинова [150], Я. М. Миркин¹.

Следует подчеркнуть, что исследования проблем подготовки кадров в Республике Казахстан немногочисленны и в основном принадлежат представителям вузов, позиционирующих себя экспертами в области образования.

В настоящее время казахстанские ученые больше внимания уделяют изучению практического опыта зарубежных вузов².

Системный анализ научной литературы, периодики, законодательных актов в области подготовки кадров позволил сформулировать противоречия между осознанием необходимости совершенствования системы подготовки кадров и фрагментарностью, эпизодичностью ее научно-методического обеспечения, потребностью в обосновании необходимости развития партнерства применительно к учебным заведениям страны.

Цель настоящего исследования — выявление проблемных вопросов и выработка предложений по совершенствованию системы подготовки кадров для реализации проектов Государственной программы индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2015–2019 гг.

Ключевая задача исследования затрагивает основы разработки механизма подготовки кадров с учетом особенностей шестого технологического уклада, который развивается быстрее, чем предыдущие. Специфика изучения данной проблематики включает не только необходимость использования внутренних резервов в рамках конкретного учебного заведения, но и изменение общих подходов к подготовке кадров.

¹ Миркин Я. М. Корпоратизация в системе высшего профессионального образования. — URL : http://mirkin.ru/_docs/_budgetfin/_obrprog/6_4.pdf.

² Мырхалыков Ж. Корпоративное управление: каким ему быть? Университет становится институтом развития общества, формирующим человеческий капитал. — URL : <http://www.kazpravda.kz>; *Материалы* круглого стола «Управление современным университетом» с участием президента Сингапурского университета технологий профессора Тан Чин Тьонга. — URL: http://www.testent.ru/news/upravlenie_sovremennym_universitetom/2012-02-20-751; Секербаева Ж. Управляй и властвуй (по материалам обсуждения системы развития высшего образования в Институте директоров г. Алматы, руководитель С. А. Филин). — URL : <http://www.and.kz/kompanii/1528-upravlyay-i-vlastvuy.html>.

Эмпирической основой анализа послужили результаты исследований, проведенных в рамках научно-исследовательской работы «Разработка теоретико-методологических основ корпоративного управления техническим региональным вузом в условиях индустриально-инновационного развития Республики Казахстан», выполняемой по грантовому финансированию Министерства образования и науки Республики Казахстан.

В настоящее время прогнозная потребность в кадрах в разрезе отраслей промышленности в рамках реализации государственной программы на 2015–2019 гг. составляет более 46 693 чел., в том числе с высшим образованием — 9 093, с техническим и профессиональным образованием — 34 467, прочие — 3 133.

Среди специалистов с высшим образованием потребность в инженерно-технических работниках составляет 3 684 чел., в остальных категориях (экономисты, юристы, менеджеры, экологи) — 5 409 чел.

Среди лиц, получивших техническое и профессиональное образование, потребность в инженерно-технических работниках составляет 25 892 чел., в остальных категориях (водители, специальные техники, строители) — 8 575 чел.

Планируется подготовить 8 000 магистрантов, в том числе в 2016 г. — 1 900 чел., 2017 г. — 2 500 чел., 2018 г. — 3 600 чел.

Только в северо-западном регионе Казахстана (Актюбинская, Западно-Казахстанская, Костанайская и Северо-Казахстанская области) планируется в этот период реализовать 35 проектов (горно-металлургическая промышленность, машиностроение, производство строительных материалов и электроэнергетика) с потребностью в кадрах более 7,4 тыс. чел.

Для решения задач кадрового обеспечения прорывных проектов определены 10 базовых вузов и колледжей. Разработан План развития базовых университетов и колледжей для обеспечения квалифицированными специалистами проектов Государственной программы индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2015–2019 гг.

Обеспечение обрабатывающего сектора квалифицированными кадрами будет осуществляться через повышение качества образования путем перехода на новые образовательные программы, системные изменения на уровнях технического и профессионального, высшего и послевузовского образования. Базовые высшие учебные заведения будут обновлять структуру и содержание образовательных программ с учетом актуализации отраслей и приоритетов программы. Это предусматривает включение в программы обучения новых дисциплин, отражающих инновационные технологии производства и дающих компетенции, позволяющие решать ключевые задачи современных технологий. Образовательные программы будут иметь практикоориентированный характер (привитие управленческих навыков), что позволит специалистам осуществлять диверсификацию экономики. При этом к разработке образовательных программ и профессиональных стандартов будут привлекаться работодатели.

Диверсификация экономики должна обеспечиваться путем создания высокотехнологичных и наукоемких производств в рамках программы на основе проведения базовыми высшими учебными заведениями прикладных исследований. Для этого требуется разработка механизма коммерциализа-

ции научных проектов базовых высших учебных заведений, в том числе за счет ГЧП. В обрабатывающем секторе необходимо создать условия для коммерциализации результатов научных исследований.

Программа развития базовых вузов и колледжей предусматривает четыре важных аспекта:

- разработку новых образовательных программ;
- размещение государственного заказа в соответствии с потребностями проектов Государственной программы индустриально-инновационного развития на 2015–2019 гг.;
- обновление лабораторной базы;
- повышение квалификации преподавателей вузов и колледжей.

В рамках программы «Дорожная карта занятости 2020» (утв. постановлением Правительства Республики Казахстан от 31 марта 2015 г. № 162) предусмотрены механизмы переселения населения из трудоизбыточных регионов в трудонедостаточные, в том числе предоставление жилья, общежитий для трудовой молодежи и субсидирование затрат на переезд. В рамках развития образовательной инфраструктуры в вузах и колледжах регионов, определенных Правительством Республики Казахстан, обеспечено расширение учебных мест, проведена модернизация общежитий с целью увеличения количества мест, введены специальные гранты на обучение для сельской молодежи.

Еще один новый инструмент, появившийся в 2016 г., — программа «Продуктивная занятость и массовое предпринимательство» на 2017–2025 гг. (утв. постановлением Правительства Республики Казахстан от 29 декабря 2016 г. № 919). Основными целями данной программы являются:

- сохранение рабочих мест (субсидирование сохранения рабочих мест, предоставление грантов на обучение);
- создание рабочих мест (государственное инвестирование, микрокредитование, территориальная мобильность, стимулирование занятости);
- расширение занятости (государственная поддержка создания рабочих мест в сфере услуг, профессиональное обучение и переобучение целевых групп населения).

Путем выполнения задач, поставленных в программе, к 2021 г. планируется, что уровень безработицы не будет превышать 4,8 %; доля трудовых ресурсов с основным, средним, общим и начальным образованием в составе рабочей силы — не более 20 %; доля непродуктивно занятых в составе самостоятельно занятого населения составит не более 10 %; прирост активно действующих субъектов малого и среднего бизнеса — 10 %.

Повсеместное внедрение элементов четвертой промышленной революции приведет к изменению на рынке труда. Мировые тренды свидетельствуют о том, что продуктивные рабочие места создают не традиционные, а инновационные сектора и гибкий малый и средний бизнес. Мультидисциплинарность будет одним из конкурентных преимуществ специалиста будущего.

В настоящее время на уровне Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан совместно с исследовательским институтом Fraunhofer (Германия) ведется разработка рекомендаций по стимулированию

нию предприятий Казахстана для внедрения элементов четвертой промышленной революции. Реализация четвертой промышленной революции, включающая развитие автоматизации, роботизации, искусственного интеллекта, обмена «большими данными», а также внедрение новых бизнес-подходов (сервитизация производства, комплексность решений, рассредоточенность производства) приведут к существенным изменениям на современном рынке труда.

В промышленности возникает потребность в специалистах с взаимосвязанными компетенциями, позволяющими проектировать и адаптировать новые продукты, проводить маркетинг и организовывать процессы производства. Таким образом, необходима подготовка интегрированных образовательных программ, находящихся на стыке нескольких отраслей. Необходимо расширение спектра групп специальностей с целью подготовки специалистов для «новой промышленности», владеющих новыми компетенциями.

Сегодня отсутствует четкое понимание уникальности подготовки в профильной магистратуре, реализуемой в десяти базовых вузах. Неясно, какие новые знания и компетенции приобретут выпускники данной магистратуры, какими особенными навыками они будут обладать, насколько будут конкурентоспособными по сравнению с выпускниками обычной профильной магистратуры.

Кроме того, возникает вопрос, чем подготовка магистрантов, проводимая в десяти базовых вузах, включенных в План развития базовых университетов и колледжей для обеспечения квалифицированными специалистами проектов Государственной программы индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2015–2019 гг., будет отличаться от подготовки, которую осуществляют другие вузы, имеющие профильные магистратуры по аналогичным направлениям. В данном случае необходимо рассмотреть целесообразность выделения государственного заказа на обучение в профильной магистратуре по направлениям, которые уже открыты в десяти базовых вузах.

Следует провести ревизию предприятий (на которые предполагается трудоустроить будущих выпускников) на предмет их участия в реализации проектов, включенных в программу индустриально-инновационного развития Республики на 2015–2019 гг., устойчивости их финансовой деятельности и наличия четких стратегий развития. Без данной информации невозможно оценить экономический и социальный эффект от проводимых мероприятий.

Подготовка по практикоориентированным образовательным программам предполагает приобретение обучающимися навыков работы на современном оборудовании, понимания сущности технологических процессов. В связи с этим требуются обучающие тренажеры, практикоориентированные программные и аппаратные средства. Создаваемые для таких программ лаборатории должны коренным образом отличаться от тех, которые открываются в исследовательских университетах и предназначены для проведения научных исследований.

В настоящее время базовыми колледжами обеспечивается потребность в подготовке специалистов в 9 из 15 регионов, в которых реализуются про-

екты карты индустриализации. При этом в регионах наблюдается диспропорция, выраженная в различной степени обеспеченности потребности в кадрах и обучении.

Всего специалистов по техническим и технологическим специальностям (более 200 тыс. чел. во всех регионах) готовят в 343 колледжах. Новые образовательные программы разработаны и внедрены с 2015 г. Таким образом, предварительные итоги оценки их качества возможно подвести не ранее 2018 г.

Среди проблем технического и профессионального образования в подготовке кадров следует отметить:

- недостаточное оснащение материально-технической базы и лабораторий десяти базовых колледжей;
- потребность актуализации профессиональных стандартов с учетом рыночного механизма;
- необходимость разработки новых образовательных программ на основе кадровой потребности в экономике;
- некачественное прогнозирование кадровой потребности.

Таким образом, с учетом изложенного можно сделать следующие выводы. Кадровое обеспечение проектов Государственной программы индустриально-инновационного развития на 2015–2019 гг. не терпит промедления: уже в 2017 г. инженеры новой формации должны стать драйверами казахстанской индустрии.

Необходимо усилить адаптацию образовательных программ и учебного процесса к имеющемуся спросу в кадрах как в экономике, так и обрабатывающей промышленности. В связи с этим целесообразно утвердить методику прогнозирования потребности в кадрах с учетом рыночных реалий для последующей разработки новых образовательных программ с участием работодателей.

Следует сформировать эффективные стратегии развития базовых университетов и колледжей для обеспечения квалифицированными специалистами проектов государственной программы. Именно трансферт опыта, совместные образовательные и научные проекты должны выступить факторами современного развития технических учебных заведений, создавая условия для взаимовыгодного партнерства и сотрудничества.

4.6. ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО ПРИ СОЗДАНИИ КРУПНЫХ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ

Государственно-частное партнерство (ГЧП) играет важную роль как на этапе создания, так и в процессе эксплуатации инфраструктурных систем, под которыми следует понимать совокупность элементов в отдельных отраслях хозяйства или общность предприятий, технических и информационных систем на определенной территории, обеспечивающих эффективную деятельность общества. Использование ГЧП рассматривается нами как потенциально эффективный механизм кооперации частной инициативы и государственных акторов, позволяющий использовать преимущества каждого его участника. Частный сектор привносит новые технологии, виды экспертизы, методы управления. Государство выступает заказчиком, проводником капитала, гарантом реализации социально значимой компоненты проекта.

ГЧП активно исследуется как в России, так и за рубежом. Среди зарубежных исследователей выделим имена К. Дж. Баттона [343], Дж. Далмана [327], Р. Маркуса [354], Дж. Б. Рида, Н. Дж. Фабера [359] и др. (например, [346]). Среди российских авторов назовем В. Г. Варнавского [54], М. Дерябину [100], В. А. Кабашкина [125].

Актуальность рассмотрения данного механизма определяется тем, что ГЧП все чаще выступает как основной формат взаимодействия частного сектора и государства при реализации крупных инфраструктурных проектов. При большом количестве преимуществ ГЧП также присущи и определенные сложности в реализации, которые в процессе осуществления проекта могут трансформироваться в значительные недостатки. Рассмотрение преимуществ и недостатков является важным элементом комплексного анализа ГЧП при его адаптации к российским условиям.

4.6.1. ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

По определению Всемирного банка, ГЧП — это долгосрочный контракт между частной и государственной стороной с целью создания или обеспечения общественных активов или услуг, в которых частная сторона берет на себя значительный риск и управленческую ответственность. Вознаграждение связывается с выполненной по проекту работой¹.

¹ *What are Public Private Partnerships?* — URL: <http://ppp.worldbank.org/public-private-partnership/overview/what-are-public-private-partnerships>.

Европейской комиссией ГЧП рассматривается как «форма кооперации между органами власти и бизнесом с целью осуществления инфраструктурных проектов или предоставления услуг обществу»¹.

Проектные работы, как считает департамент транспорта США, указывают на то, что частный актор часто выбирается на основе экспертизы возможности осуществления различных функций: проектирования, строительства, финансирования, эксплуатации и (или) поддержки проекта. Соглашением о ГЧП общество смещает риск в сторону частной компании, что позволяет сфокусироваться на получаемых преимуществах и результатах, а не на проработке детальной спецификации проекта. Частная компания должна получать финансовую прибыль, соизмеримую с рисками, которые предполагались на стадии разработки проекта².

В российской законодательной практике на протяжении многих лет прорабатываются нормативные акты, связанные с ГЧП. Например, в Санкт-Петербурге принят закон о ГЧП. Согласно этому закону под ГЧП понимается «взаимовыгодное сотрудничество Санкт-Петербурга с российским или иностранным юридическим или физическим лицом либо действующим без образования юридического лица по договору простого товарищества (договору о совместной деятельности) объединением юридических лиц в реализации социально значимых проектов, направленных на развитие образования, здравоохранения, социального обслуживания населения, физической культуры, спорта, культуры, туризма, транспортной и инженерной инфраструктур, инфраструктуры связи и телекоммуникаций в Санкт-Петербурге, которое осуществляется путем заключения и исполнения соглашений, в том числе концессионных»³.

ГЧП включает в себя не только отношения между обществом и частной компанией, ответственной за осуществление проекта, но и целый ряд заинтересованных лиц — займодателей, инвесторов и другие группы (в том числе некоммерческие) акторов. Многие из них рассчитывают на успешное завершение проекта. Ниже представлена модельная, рекомендуемая нами схема взаимодействия в рамках ГЧП (рис. 19).

Учитывая большое количество факторов и сложность проектов, считаем, что в работах такого уровня должна принимать участие экспертная группа ученых и профессионалов различной специализации. В ее задачи входит учет всех пространственных и иерархических уровней проекта. При этом важно использовать определенные при анализе влияющих факторов уровни компетенций акторов. Зоны ответственности каждого участника определяются наравне с вариантами эффективного распределения рисков. Риск должен быть передан на тот уровень, на котором лучше всего поддается управлению. Этот аспект является одним из ключевых для успешной реализации проекта, основанного на использовании преимуществ и внутрен-

¹ *Guidelines for Successful Public-Private Partnerships*. — URL : http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/guides/ppp_en.pdf.

² *Public-private partnership*. — URL : <http://global.britannica.com/topic/public-private-partnership>.

³ *Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах*. — URL : <https://gov.spb.ru/law?d&nd=8442332&nh=0&ssect=2>.

них резервов ГЧП. Важным аспектом компетенции экспертной группы должно стать управление слаженным взаимодействием всех заинтересованных лиц посредством организации методического руководства запросами между участниками ГЧП как сверху вниз, так и наоборот — снизу вверх.

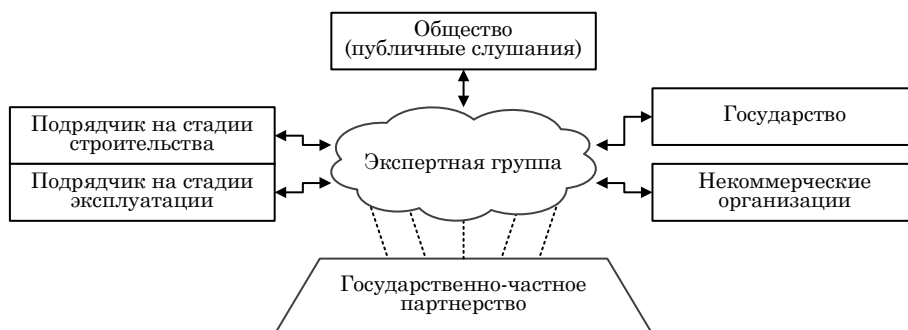

Рис. 19. Структура взаимоотношений сторон в государственно-частном партнерстве [85]

В отличие от других форм реализации проектов при использовании ГЧП в урбанистическом секторе зачастую существует сопротивление общества к участию в партнерстве, что препятствует достижению общего успеха. Сохранение прозрачности и подотчетности каналов коммуникации между заинтересованными группами и включение их в процесс принятия решения жизненно необходимы. Следует соблюдать условие, когда группы, защищающие общественные интересы, будут рассматривать частного партнера в качестве агента, который способен достигать желаемых для общества результатов и увеличивать экономию финансовых затрат.

4.6.2. ВИДЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

В современной науке и практике управления выделяется большое количество различных видов и механизмов взаимодействия государственных структур и частного сектора. Зачастую предлагаемые к реализации проекты имеют признаки различных видов ГЧП (рис. 20). Каждый проект является уникальным вследствие его географической локализации, культурно-исторических, социально-экономических и прочих особенностей. Далее обратимся к рассмотрению основных (выделяемых нами) видов ГЧП.

1. *Проектирование и строительство* — это один из самых простых видов ГЧП. Частный сектор проектирует и строит инфраструктуру в соответствии с общественной спецификацией, чаще всего по фиксированной цене. Тем самым в данном виде ГЧП совмещаются два традиционно разделенных сервиса. Государство оставляет за собой ответственность за планирование, организацию и проведение предварительных инженерных изысканий, финансирование, эксплуатацию и поддержку объекта. Построенные объекты остаются в собственности государства.

Контроль над активами	Частный	Контракт на управление. Франчайзинг	Договор аренды. Аффермаж	Концессия. Аутсорсинг. Реализация прав
	Смешанный	Контракт на обслуживание. Контракт производительности	Договор аренды. Аффермаж	Концессия. Аутсорсинг. Реализация прав
	Публичный	Муниципальные власти	Кооперативы. Объединения	
		Публичный	Смешанный	Частный

Рис. 20. Структура видов государственно-частного партнерства [327]

2. *Финансирование.* Частная компания, являющаяся представителем финансового сектора экономики, спонсирует проект напрямую или же использует различные механизмы — такие, как долгосрочная аренда или выпуск облигаций. Данный вариант редко подходит для крупных инфраструктурных проектов в связи с тем, что частная компания заинтересована только в возврате вложенных средств, но не в повышении уровня социальных, экономических и геополитических характеристик инфраструктуры и прилегающей к ней территории, т. е. тех аспектов, которые являются главными для общественных структур.

3. *Эксплуатация и обслуживание.* Частный оператор, в соответствии с заключенным контрактом, эксплуатирует общественные активы в течение определенного срока. Собственность на активы остается за обществом. Этот вид ГЧП используется при создании инфраструктурных объектов в тех случаях, когда государство имеет эффективные инструменты для строительства и финансирования проекта, но предпочитает оставить эксплуатацию объекта в руках частной или нескольких частных фирм для создания конкурентного и динамичного рынка услуг.

4. *Строительство и финансирование.* Частный сектор занимается строительством объектов и финансирует капитальные затраты только на этапе строительства проекта. Данный вид ГЧП является противоположностью представленному выше. Его преимущества могут быть реализованы при конкурентном уровне развития строительной отрасли и финансовой сферы. Эксплуатация и обслуживание, предоставляемые государственной компанией, необходимы в случае неразвитости сферы услуг в соответствующей отрасли, а также при высокой социальной значимости объекта, обеспечение которой могут эффективно осуществлять только государственные корпорации.

5. *Проектирование, строительство, финансирование, обслуживание и эксплуатация.* Частный сектор проектирует, строит и финансирует актив

и обеспечивает управление объектами на основе долгосрочного соглашения. Ответственность за финансирование обычно реализуется через пошлины и сборы, иногда сочетающейся с общественными грантами и (или) другими взносами. Это — наиболее полный вариант ГЧП, при котором могут использоваться преимущества государства и частного сектора на всех этапах строительства. Он может использоваться для эффективного распределения рисков между заинтересованными лицами. По нашему мнению, данный вариант наиболее эффективен именно при создании крупных инфраструктурных объектов, однако при условии активного участия в проекте государственных структур, а также при открытой конкуренции, в том числе и для зарубежных корпораций.

6. *Строительство, собственность и эксплуатация.* От других видов ГЧП данный вид отличается тем, что частный сектор не только финансирует, строит и эксплуатирует объект или предоставляет услугу, но и становится его собственником на неограниченный срок. Общественные функции объекта инфраструктуры в таком варианте заложены в условиях подписанного соглашения, а также реализуются за счет регуляторных функций.

7. *Концессия.* Частный сектор, выступая в качестве концессионера, берет на себя обязательства по инвестированию и эксплуатации объекта на определенный период, после которого собственность возвращается к обществу. Частная компания, которая обычно вносит концессионную плату, обязана эксплуатировать и поддерживать объект в соответствии с определенными стандартами. Свои доходы концессионер реализует за счет сбора платы за проезд либо за доступ к определенным сервисам.

4.6.3. ПРЕИМУЩЕСТВА, НЕДОСТАТКИ И РИСКИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

Рассмотрев основные виды ГЧП, перейдем к анализу их преимуществ и недостатков. Прежде всего отметим, что как и любой другой процесс взаимодействия между группами заинтересованных лиц в сложных системах, ГЧП сталкивается с проблемами и вызовами, при которых поставленные задачи должны быть успешно решены.

Преимущества ГЧП (рис. 21) перед традиционной моделью реализации проектов сформулированы Дж. Далманом. В основе их формирования лежит снижение базовых затрат и устранение рисков неэффективности. Как видим, совокупный положительный эффект превышает стоимость финансирования и премию за риск.

Одним из важных преимуществ ГЧП является его *способность к разделению рисков*, присущих крупным капиталовложениям в совместные проекты, *между частными и государственными акторами*. Крупные объекты инфраструктуры являются многомиллиардными проектами, им свойственно огромное количество потенциальных рисков. Поэтому разделение рисков между государством и частными компаниями позволяет реализовать проект таким образом, что он будет более удобным и выгодным для всех заинтересованных сторон.

В публичных тендерных контрактах частные игроки ответственны за постройку части инфраструктуры по определенной стоимости и в соответствии с установленными временными рамками. Частные компании остаются подотчетными за качество работ и после их завершения. Это обеспечивается за счет того, что на них может возлагаться ответственность за поддержание возведенных объектов инфраструктуры в течение определенного промежутка времени или до достижения определенных количественных показателей (пассажиропотока, грузооборота и др.).

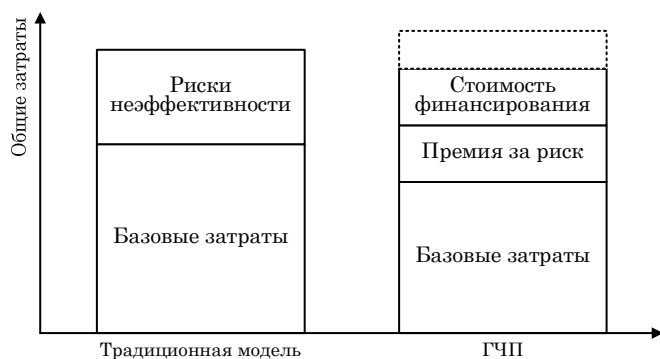

Рис. 21. Преимущества государственно-частного партнерства перед традиционной моделью реализации проектов [327]

Потенциал использования механизмов разделения рисков — это один из главных доводов, используемых в поддержку ГЧП. Однако следует заметить, что способность ГЧП защитить государство от возможных рисков зависит от установленных и принятых во внимание деталей соглашения. На рис. 22 представлен пример распределения рисков между частными игроками и государственными структурами. Риск должен быть передан на тот уровень, на котором он лучше всего поддается управлению. Например, при передаче рисков проектирования и строительства частному актору повышается вероятность завершения проекта вовремя и в рамках утвержденного бюджета.

Исследование Национального комитета по аудиту (Великобритания) показало, что 76 % ГЧП-проектов были завершены вовремя, а 78 % — в рамках бюджета. При использовании обычных методов управления проектами эти показатели составляли 30 и 27 % соответственно¹.

Всемирный банк отмечает, что увеличение поддержки ГЧП в развивающихся странах не уменьшило показатель эффективности. Напротив, он составляет 88 и 86 % для развивающихся и развитых стран соответственно. Даже в наименее развитых странах эффективность не была менее 50 % [344].

¹ IEG Ratings and Data. — URL: https://ieg.worldbankgroup.org/Data/reports/chapters/ppp_chap7_0.pdf.

	Общество	Частный актор
Планирование		
Проектирование		
Отчуждение имущества		
Строительство		
Окружающая среда		
Поддержание		
Эксплуатация		
Производительность		
Технологический процесс		
Спрос		
Сбор средств		
Пропускная способность		
Конкуренция		
Финансирование		
Инфляция		
Правовая сфера		
Регулирование		
Односторонние изменения		
Общественное оспаривание		
Форс-мажор		

Рис. 22. Распределение рисков при использовании механизма государственно-частного партнерства [86]

Следующим фактором в пользу применения ГЧП является *преимущество в сроках, стоимости и качестве реализации проекта*. ГЧП способно обеспечить реализацию инфраструктурного проекта быстрее, дешевле и с более высоким качеством по сравнению с государственными компаниями. В проектах ГЧП предполагается более эффективная работа по сравнению с обычными государственными фирмами за счет того, что пени и штрафы за задержки в реализации проекта включаются в контракт ГЧП и побуждают увеличивать эффективность и ответственность подрядчика.

Ключевой фактор анализа возможностей применения ГЧП для государственных агентств — это *степень получаемых преимуществ, которые несут с собой частные компании*. Главные преимущества могут быть связаны с доступом частной компании к экспертизе, опыту, а также с их правами, патентами на необходимые технологии или экономии от масштаба. При выборе компании важно правильно оценить российские внутренние возможности — как управленческие, так и технологические.

Несмотря на распространенное мнение, доступ к капиталу не является сильной стороной частных компаний. Государственные корпорации в состоянии заимствовать большее количество капитала для финансирования инфраструктуры под относительно меньший процент. Однако в реальных условиях ограничения общественных бюджетов доступ к частному капиталу делает создание крупных инфраструктурных объектов более выполнимым и эффективным. В то же время опора только на государственные инвести-

ции чревата постоянным откладыванием проекта на годы в угоду другим, менее затратным проектам.

Следовательно, основным недостаток, присущий частным компаниям, — это более высокие затраты на долгосрочные заимствования, чем у государственных акторов. В соответствии с анализом международной финансовой группы Г. В. Кауфмана, проведенным в 2007 г., стоимость заимствования капитала для государственного сектора была на 35 % меньше, чем для частных компаний [331]. Инвесторы, вкладывающие средства в частные компании, занимающиеся созданием инфраструктуры, берут на себя больший риск и, соответственно, ожидают более высокой доходности. Независимо от того, как частные компании привлекают капитал (через долговые или долевые механизмы), их расходы будут выше, чем при государственном финансировании. Другой риск, связанной с получением заемных средств, — возможность того, что стоимость кредита увеличится в процессе реализации проекта.

Правительство, включаясь в проект ГЧП, надеется разделить риски с частными партнерами. Однако особенности заключения ГЧП часто приводят к тому, что из-за неравномерного распределения рисков государство остается единственным, кто несет ответственность в случае появления непредвиденных проблем. Общественные и частные компании включаются в ГЧП с абсолютно разной мотивацией, а именно: государство стремится создать инфраструктурный проект в установленное время и с минимально возможными затратами, в то время как частные компании стремятся к максимизации прибыли. Первоначальные переговоры по основным положениям контракта — это наиболее благоприятный момент, когда государство имеет в своем распоряжении все необходимые механизмы для выбора наилучшей комбинации частных компаний с целью реализации проекта.

После того как выбраны подрядчики и подписан контракт, баланс сил меняется. Государство несет ответственность перед обществом за то, что проект будет реализован вовремя, и становится зависимым от частных фирм, которые могут помешать достижению поставленных целей. Такой сдвиг в соотношении баланса сил позволяет частным фирмам вносить значительные изменения в уже сформулированный контракт и техническое задание. После инициирования проекта у частного сектора появляется источник влияния на пути достижения собственных целей — угроза банкротства или отказ от реализации своих функций в проекте, что может повлиять на возможность успешной реализации проекта другими подрядчиками.

С момента запуска проекта лица, принимающие решения, формируют дальнейший бюджет и создают инфраструктурные планы, рассчитывая на то, что проект ГЧП будет завершен. Это увеличивает стоимость потенциального выхода государства из проекта.

Плохо составленный контракт может открыть частному сектору и другие возможности давления, включая способность затормозить работы или сменить условия предоставления услуг.

Как свидетельствует накопленный за рубежом опыт, одна из самых частых проблем при использовании механизмов ГЧП — «лок ин» («lock-in») — отражает ситуацию, когда проект становится слишком значимым, чтобы

остаться незавершенным, или когда сложно заменить подрядчика в процессе реализации проекта. Крупные инфраструктурные проекты невероятно сложны и комплексны, что обуславливает невозможность учета всех объективных условий — особенно тех, которые будут появляться уже в процессе реализации самого проекта. Когда обстановка меняется, то и контракт должен быть пересмотрен.

Можно предложить ряд путей для уменьшения угрозы «лок ин». Первый — избегать мысли, что отдельно взятый проект слишком важен, чтобы завершиться неудачно. Другой путь — гарантировать, что ни один частный актор не станет абсолютно необходим для проекта. В дополнение к сказанному контракт может быть составлен таким образом, что потребует от частных компаний размещения облигаций, гарантирующих завершение проекта. Это позволит четко определить, какая из сторон несет ответственность за незапланированные изменения в проекте, что, в свою очередь, формирует ясный регламент пересмотра контракта.

Отметим еще один важный аспект, необходимый для принятия правильных управленческих решений. Проекты ГЧП связаны со значительными затратами на консалтинговые услуги и мониторинг. Для разработки и воплощения ГЧП требуется привлекать финансовых аналитиков, юристов, консультантов-экспертов, опыт которых нужен на протяжении всего времени создания инфраструктурных объектов для того, чтобы гарантировать то, что проект идет в рамках намеченных и установленных требований.

Успешные инфраструктурные проекты — это совокупная работа многочисленных систем, все они должны работать совместно и гладко. Ошибки в координации между участниками соглашений могут повлечь за собой незапланированные расходы и обусловить проблемы с качеством предоставляемых услуг. Гарантия того, что подрядчики эффективно координируют задачи, должна стать одной из важных частей мониторинга и, одновременно, обязанностью государственного агентства, которое запускает проект.

Отметим важный потенциальный риск использования ГЧП для государственного управления. Общество может столкнуться с тем, что ГЧП создаст объекты инфраструктуры, субсидируемые государством, которые частные структуры будут использовать в целях максимизации прибыли, а это вступает в конфликт с общественными интересами. Самый очевидный пример — установление цены на билеты. Частная компания будет стремиться к высокой стоимости билетов как способу максимизации прибыли для акционеров, причем даже в том случае, если высокие цены будут угнетать общий пассажиропоток и уменьшат общественный эффект проекта.

Мы считаем, что первостепенной задачей при создании проекта с использованием механизма ГЧП является оформление его таким образом, чтобы он стал привлекательным не только для инвестора, но и удовлетворял бы общественные интересы. Это очень сложная часть проекта. Примером такого долгого, но успешного ГЧП является высокоскоростная магистраль (ВСМ), соединяющая города Франции и Испании. Приготовления к концессионному соглашению начались в 2000 г., а начало рассмотрения заявок относится к июлю 2001 г. Год спустя, в июле 2002 г., агентство, включающее представителей двух государств, будучи ответственным за создание этой

ВСМ, выбрало подрядчика. Переговоры завершились в начале 2003 г. тем, что комиссия посчитала условия, предложенные частной фирмой, неприемлемыми [330]. Провал переговоров вернул проект на первоначальную стадию, и тендер был запущен снова. Финальный контракт был сформирован в начале 2004 г. и подписан к февралю 2005 г. Таким образом, то, что агентство сумело занять правильную позицию с первого этапа переговоров, позволило защитить общественные интересы, но, однако, значительно отсрочило начало реализации проекта.

4.6.4. ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

Применение зарубежного опыта ГЧП можно продемонстрировать на примере создания объектов высокоскоростного железнодорожного транспорта (ВСЖДТ) в различных социально-экономических, культурных и физико-географических условиях.

Анализ сочетания государственных и частных интересов, применяемый для замкнутых территорий, не связанных с другими сетями железнодорожного транспорта, предпочтительнее вести на примере Тайваня. Этот остров, расположенный в западной части Тихого океана, у юго-восточного побережья Китая, простирается с севера на юг на 394 км и с запада на восток — на 144 км. На этой относительно компактной территории (с учетом того, что 70 % населения Тайваня располагается в пределах западного коридора метрополитенских ареалов) размещен ряд городов: Тайбей, Таоян (международный аэропорт на севере страны), Шинчу, Тайчунг, Чангуа, Юнлин, Тайнань и др.

Следующий пример — Нидерланды, страна также компактная по площади. Особенность этой страны — включение транспортной сети в более широкую европейскую транспортную сеть, т. е. создание трансграничных коридоров. ВСМ-Зюйд представляет собой 125-километровую линию, соединяющую Амстердам и Роттердам с бельгийской границей. Совместно с бельгийской ВСМ-4 она составляет коридор Схипхол — Антверпен (между Амстердамом и Схипхолом используется обычная железнодорожная линия). Принципиальные транспортно-географические особенности рассматриваемого проекта заключаются в том, что аэропорт Схипхол-Амстердам является одним из самых крупных авиахабов Европы с ежегодным пассажиропотоком 52 млн чел.¹ Кроме того, линия простирается до Роттердама — одного из крупнейших портов мира и второго по величине города страны. Крупнейший в стране город Гаага имеет автобусное сообщение с ВСМ. Пассажиры автобусом доставляются к центральному вокзалу Роттердама. Следующий пункт линии — Бреда (по направлению к бельгийской границе), а далее линия проложена на Антверпен, Брюссель и Париж. На момент создания магистраль ВСМ-Зюйд была самым крупным проектом ГЧП в Европе.

Примером нереализованного проекта ГЧП в ВСЖДТ является первоначальный план создания сети ВСМ в Португалии. Анализ незавершенного

¹ ACI Annual World Airport Traffic Dataset. — URL : <http://www.aci.aero/Data-Centre/Annual-Traffic-Data/Passengers/2013-final>.

проекта в этой стране важен в связи с тем, что на его основе можно выявить потенциально проблемные «узлы» ГЧП, а также установить необходимость учета совокупности всех условий при реализации проекта.

При анализе сети ВСЖДТ Тайваня были выявлены такие важные вызовы, как опасность чрезмерной опоры на частный капитал. Даже после выхода на операционную прибыль заимствования на условиях высоких процентных ставок значительно влияли на деятельность компании. Финансирование проекта с учетом общественных средств позволило бы сделать проект дешевле, поскольку в этом случае отпадала необходимость в крупных заимствованиях под высокие проценты. Государству и без того пришлось обеспечивать рефинансирование кредитов компании для поддержания целостности и функционирования сети. Кроме того, пример Тайваня показывает опасность «лок ин»: правительство не могло позволить себе поставить под угрозу реализацию всего проекта.

Анализ опыта Нидерландов позволяет сделать вывод о том, что при разделении соглашения ГЧП на отдельные контракты государство должно занять активную позицию в медиации между участниками соглашения на всех этапах реализации проекта. Отсутствие эффективной конкуренции среди участников конкурса препятствует снижению затрат на проект. Недостаток необходимого управления рисками послужил причиной дополнительных расходов для государства. Неудачи при установлении действенного государственного контроля за проектом и создании механизма ГЧП для эксплуатации ВСМ дополнили спектр проблем.

Опыт Португалии свидетельствует о наличии нескольких потенциально проблемных элементов ГЧП:

1) ГЧП использовалось для инфраструктурных вложений в других областях экономики, их механизмы могли обеспечить потенциал развития;

2) используя ГЧП, страна уменьшала свои возможности реагировать на финансовый кризис;

3) накопленный в стране опыт показывает, что даже самые тщательно проработанные и хорошо организованные ГЧП-проекты заставляют правительство разделять риски и затраты по проектам. В то же время правительство Португалии не стало заложником социальных идей о невозможности отменить проект и, принимая последующие решения, учло неблагоприятную экономическую обстановку.

В качестве вывода относительно оценки зарубежного опыта можно выделить дополнительные особенности ГЧП при создании объектов ВСЖДТ. *Во-первых*, подход к созданию сети ВСМ в замкнутом океанскими водами Тайване значительно отличается от сопоставимых по размерам Нидерландов — страны, входящей в единую транспортную сеть Европейского союза. Следовательно, географическое положение и конфигурация территории являются важными географическими факторами, которые необходимо учитывать при проектировании и строительстве ВСМ. *Во-вторых*, ГЧП имеет множество плюсов в реализации, но они эффективны только при наличии конкуренции среди частных компаний и сильной «руки государства», с обязательными постоянно проводимыми мониторингом и экспертизой. *В-третьих*, проекты ГЧП в ВСЖДТ всегда социально значимы, но отдельные могут за-

вершиться неудачей. При неблагоприятной конъюнктуре проект лучше закрыть или отложить на определенное время, чтобы не сделать его излишне затратным для бюджета и налогоплательщиков. *В-четвертых*, проекты ВСЖДТ — комплексные, и, следовательно, в их разработке должны участвовать специалисты, которые могут оценить социальные, экономические, физико-географические и геополитические факторы.

4.6.5. ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Современные российские социально-экономические, геополитические и экологические условия являются причиной повышенного внимания властных структур и бизнеса к проектам, которые требуют значительных инвестиций и затрагивают различные стороны развития субъектов Федерации. К таким условиям, на наш взгляд, можно отнести: социально-экономическую ситуацию в стране, осложняющуюся частыми кризисными явлениями; напряженную политическую обстановку, обусловленную внешними факторами; физико-географические и геоэкологические особенности территорий, на которых планируется осуществление крупных инфраструктурных проектов.

Существующие варианты и актуальные инфраструктурные проекты являются вызовом для различных акторов: от местных до федеральных властей, а также сообществ ученых, бизнеса и общественных организаций. Эффективное осуществление проектов в современных, непростых для реализации условиях невозможно без учета целей всех заинтересованных лиц. В связи с этим представляется принципиально важным создание соответствующих механизмов и инструментов для их взаимодействия. Международный банк признает за ГЧП высокое стратегическое значение и призывает использовать его при реализации локальных и глобальных проектов¹.

Важнейшим условием реализации проекта с использованием ГЧП является организация подходящей для этого среды. Такая среда предполагает открытость для всех потенциальных участников, в том числе и представителей общественности. Она формируется в ходе осуществления реформ в соответствующих секторах экономики. Для их проведения в реальные условия жизни общества (с учетом сложности и комплексности проблемы) должны быть реализованы политические установки. Тщательно подготовленная нормативно-правовая база является неременным условием для формирования ясных, предсказуемых и законных институциональных рамок проекта. Общество должно быть ознакомлено со стоимостью, выгодами и рисками проекта ГЧП, а также должно понимать его преимущества и недостатки в сравнении с обычными методами. Проект не может успешно функционировать, если предварительно не будут определены ключевые роли, ответственность и подотчетность каждого его участника. Инструменты регулирования должны быть понятными и прозрачными для всех участников ГЧП. В современных российских условиях следует стремиться к минимизации

¹ *What are Public Private Partnerships?* — URL: <http://ppp.worldbank.org/public-private-partnership/overview/what-are-public-private-partnerships>.

бюрократических проволочек; существующие и новые формы регулирования должны быть тщательно проанализированы и оценены.

Как уже отмечалось, при планировании инфраструктурных проектов должны учитываться социально-экономические, физико-географические, геоэкологические, геополитические и ряд других факторов. Исследование всего многообразия факторов в российских условиях необходимо проводить на различных иерархических уровнях — от федерального до муниципального. При этом необходимо определять уровень компетенции в представленных срезах ответственности.

Учитывая большое количество факторов и сложность реализации крупных инфраструктурных проектов, считаем, что в научных работах такого уровня должна принимать участие группа ученых различной специализации. При этом необходимо учитывать как российский национальный опыт, так и современные зарубежные методики и технологии в области реализации проектов ГЧП.

Еще одним принципиальным шагом на пути к повышению действенности управления проектами является определение принципов мониторинга ГЧП на долгосрочную перспективу. Всесторонний мониторинг должен осуществляться как в ходе реализации проекта, так и после его закрытия. Его цели — поддержание необходимого уровня производительности системы, обеспечение отсутствия отклонений в его работе и негативного воздействия на собственные элементы и окружающую среду.

В современных российских условиях рабочая группа, по нашему мнению, должна формироваться из нескольких ключевых акторов. Несмотря на дуальность понятия ГЧП, основную ответственность несут представители государственных структур, координирующих реализацию проекта. Сторону бизнес-среды должны представлять сотрудники фирмы-подрядчика, победившие по результатам тендерных процедур. Третьей стороной выступают представители общественных и некоммерческих организаций. Потенциальные пользователи напрямую не включены в процесс развития проекта (за исключением публичных слушаний), но их ожидания от реализации проекта должны учитываться всеми участниками. Разумеется, данная структура участников бизнес-проекта приведена здесь в значительно упрощенном виде. Зачастую эффективнее бывает создать индивидуальную структуру рабочей группы под конкретный проект.

Исходя из данных анализа проектов ГЧП в зарубежных странах, можно сделать вывод: представителей государственных структур, ответственных за проект, может быть несколько. В такой ситуации появляются проблемы с распределением обязанностей и ответственности между ними. Со стороны бизнеса выступают представители компаний, ответственных за свою часть проекта. Семь–восемь организаций для крупных проектов — не редкость, но большее число подрядчиков сопряжено с появлением дополнительных сложностей.

Условия координации и кооперации являются одной из важных проблем использования механизмов ГЧП. Прямое взаимодействие может быть нежизнеспособным способом коммуникации в современных российских условиях, когда все стороны стараются отстоять только собственные интере-

сы. Поэтому, наравне с рабочей группой, рекомендуется привлекать представителей экспертного сообщества, которые будут выступать в качестве медиаторов в процессе переговоров. Это позволит закрепить положительные стороны ГЧП в виде распределения рисков, постоянного контроля и мониторинга («сильная рука» государства). Участие государственных структур и представителей общества позволит избежать одну из основных проблем ГЧП «лок ин» — излишнюю опору на одну конкретную компанию. Недопущение ситуации «лок ин» возможно в том случае, когда до общества и государства доносят правдивую и точную информацию о социальной важности реализуемого проекта, о его преимуществах. Одновременно должна поступать информация о финансовых затратах, которые понесут ключевые игроки (в том числе и налогоплательщики) в случае реализации заведомо нерентабельного проекта или такого проекта, финансовая несостоятельность которого выявилась в процессе реализации.

Создание крупных инфраструктурных проектов предполагает наличие стратегических геополитических и геоэкономических целей государства. Совокупный период строительства и эксплуатации может длиться 50 лет и более, что означает долгосрочное и активное включение выбранных компаний в социально-экономическое развитие территорий, входящих в состав субъектов РФ, являющихся объектами региональной политики и регионального управления. Это, в свою очередь, позволяет создать разным территориям собственную, уникальную систему ГЧП. В ней необходимо обеспечить учет заинтересованности местных властей и населения в рабочих местах, отчислениях в бюджет и т. д.

Еще одной важной особенностью ГЧП в российских условиях является возможность внесения изменений в отдельные элементы или показатели проекта в процессе его реализации. Мониторинг, содержание которого рассматривалось выше, необходим для отслеживания проводимых мероприятий и их адаптации к новым условиям. С одной стороны, невозможно создать крупный инфраструктурный проект в соответствии с теми условиями, которые были прописаны в первоначальном техническом задании. Этот факт не отрицает необходимости максимально приблизить тендерную документацию к планируемому результату. С другой стороны, необходимо понимать неизбежность изменений на каждом этапе реализации проекта. Говоря так, авторы подразумевают наиболее полные формы ГЧП, например: проектирование, строительство, финансирование, эксплуатация и обслуживание. На каждом из названных этапов существует огромное количество рисков, типизированных авторами. Столкновение с каждым конкретным риском может изменить содержание и суть проекта. Система прозрачного мониторинга дает возможность понять государственным структурам то, что, например, подрядчик создает низкокачественное полотно, а появление новых нормативно-правовых актов изменило цены на строительные материалы, вследствие чего подрядчику для достижения поставленных задач необходимо предоставлять определенные льготы или субсидии. Мониторинг работает в обе стороны и побуждает всех участников партнерства ответственнее подходить к исполнению своих ролей и обязанностей.

Проведенное обобщение различных подходов к ГЧП показало его преимущества и недостатки, учитывать которые необходимо при создании крупных инфраструктурных проектов.

Во-первых, совокупность преимуществ каждого актора (государство и частный сектор) может дополняться и усиливать друг друга, а недостатки — смягчаться сильными качествами второй стороны. Это позволяет адаптировать и использовать широкий набор видов и форм ГЧП в конкретных условиях реализации инициированного проекта.

Во-вторых, мы рассматриваем распределение рисков как один из ключевых факторов в пользу применения ГЧП в его сравнении с традиционными формами реализации крупных инфраструктурных проектов. Основными недостатками считаем угрозу «лок ин» и проблемы координации действий участников партнерства в связи с ошибками в распределении ролей и зон ответственности.

В-третьих, на наш взгляд, на современно этапе социально-экономического развития ГЧП должно выступать в качестве основной формы реализации проектов по созданию крупных инфраструктурных объектов. Однако оно должно использоваться только в том случае, если конкретный исследуемый проект получает от использования данного механизма очевидные и существенные преимущества. ГЧП не является и не рассматривается нами в качестве панацеи и решения всех управленческих проблем в проекте.

Данные выводы показывают не только основные результаты проделанной работы, но также они обнажают целый ряд вопросов, требующих дальнейшего изучения. Перспективными и важными направлениями исследований могут быть признаны:

а) исследование механизмов использования ГЧП в условиях различной иерархии субъектов хозяйствования и управления;

б) дальнейшее изучение зарубежного опыта применения ГЧП в различных социально-экономических, географических и геополитических условиях для составления лучших практик;

в) исследование гибридных форм взаимодействия частного сектора и государства для применения их в условиях кризисных ситуаций;

г) включение широких масс населения в процессы планирования, контроля и мониторинга проектов ГЧП за счет использования новейших телекоммуникационных средств.

4.7. Влияние РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ НА ЭКОЛОГИЮ И УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СТРАН ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ¹

Актуализация процесса возрождения промышленного производства, получившего название *реиндустриализации*, сопровождается признанием кризиса постиндустриальной модели экономического развития и необходимости перехода к новой модели, ориентированной на развитие реального сектора экономики.

Как показывает мировой опыт, на темпы и масштабы экономического развития стран оказывает влияние широкий круг экологических, институциональных, финансовых, инвестиционных и других факторов. Это достаточно широко отражено в научной литературе: одни авторы опираются на умозаключения общетеоретического характера, другие — на анализ статистических зависимостей между соответствующими показателями. Общими методологическими проблемами, с которыми сталкивается большинство исследователей, являются, с одной стороны, обоснование индикаторов экономического развития стран, а с другой — определение степени влияния указанных факторов, которые могут как ускорять, так и «тормозить» процессы, происходящие в национальных экономиках, или дестабилизировать ситуацию [105].

Взаимосвязь экономического развития бывших социалистических стран и процессов, связанных с восстановлением и модернизацией производства, существенно сложнее, чем традиционно и однозначно представляется в большинстве публикаций. Во-первых, воздействие процессов реиндустриализации опосредуется одновременным присутствием широкого круга связанных с ней факторов, которые могут менять характер происходящих изменений [37]. Во-вторых, среди часто неучитываемых условий можно особо выделить уровень развития существующих в конкретной стране институтов [350], а также эффективность экономической политики, реализуемой исполнительными органами государственной власти. Как показывает практика, последние могут в большой степени влиять на результаты, социально-экономические и экологические последствия прямых инвестиций в промышленность.

¹ Публикуется по результатам исследования на тему «Моделирование сценариев динамичного развития региональных эколого-социальноэкономических систем в условиях реиндустриализации стран ЕАЭС», выполненного по гранту МОН РК (№ 5164/ГФ4).

Как показывает практика, общественная значимость социальных и экологических последствий в перспективе существенно возрастает, предпосылками этого являются, с одной стороны, процессы дезинтеграции национальных экономик и, как следствие, их деиндустриализация, а с другой — нестабильная социально-экономическая и политическая ситуация внутри стран, обуславливаемая значительным разрывом в уровне жизни различных социальных слоев общества. В этом плане устойчивость национальной экономики проявляется в стабильности существующих трендов динамики ее развития, несмотря на воздействие внешних факторов.

Гипотеза. Для решения указанной проблемы авторы предлагают:

- рассматривать национальные экономики стран ЕАЭС как сложные эколого-социоэкономические системы;
- при прогнозировании их развития использовать комплекс статистических и имитационных моделей, опирающихся на междисциплинарные базы данных, позволяющие выявлять и учитывать широкий круг факторов, обуславливающих масштабы, направления и темпы реиндустриализации стран ЕАЭС;
- учитывать динамичный характер происходящих в экономиках стран ЕАЭС структурных изменений, одновременно охватывающих все сферы их жизнедеятельности.

В данном исследовании динамичное развитие стран ЕАЭС определяется как траектория долгосрочного экономического роста национальных экономик, обусловленная увеличением ВВП, численности населения, занятости, а также структурными преобразованиями в отраслевой структуре экономики, экологической нагрузке, стратегических целях и задачах на основе интеграции национальных экономик [309].

Методы исследования. Для оценки влияния реиндустриализации на качество жизни населения стран ЕАЭС в процессе исследования были использованы методы индексного и статистического анализа временных рядов, корреляционного анализа зависимостей между объемами производства, показателями качества жизни и экологической нагрузки в странах ЕАЭС, а также компаративного анализа.

Информационная база. Информационную основу исследования составили: материалы таких организаций, как Евразийский экономический союз; Таможенный союз Единого экономического пространства; исполнительных органов власти стран — членов ЕАЭС; органов государственной статистики стран — членов ЕАЭС. Следует отметить, что несмотря на существующие различия в методологии расчета отдельных экономических показателей в ряде стран ЕАЭС, имеет место общая тенденция их унификации и сближения [56].

Методика. Результаты анализа тенденций развития национальных экономик стран ЕАЭС представлены в виде трех взаимосвязанных блоков показателей:

- по промышленности — отражающих процессы реиндустриализации;
- по экологии — характеризующих состояние окружающей среды и ее изменение;
- по населению — представляющих уровень жизни населения и его динамике.

Решение поставленной задачи предполагало следующий алгоритм действий:

1) определение показателей, характеризующих состояние и перспективы процессов реиндустриализации стран ЕАЭС, а также источников данных, обеспечивающих их сопоставимость, исходя из различий национальных методологий учета и национальных валют;

2) анализ показателей, характеризующих качество жизни населения стран ЕАЭС и их экологическую ситуацию, а также источники этих данных;

3) последовательное проведение анализа взаимосвязей между динамикой объемов производства и качеством жизни населения;

4) интерпретация полученных результатов.

Теоретическая база исследования. Идеология реиндустриализации как необходимого условия дальнейшего экономического развития получила значительное распространение в посткризисный период 2008–2009 гг., когда на фоне падения спроса, угрозы массовой безработицы и снижения инвестиционной активности к представителям научного сообщества и власти стало приходить осознание угрозы, обусловленной деиндустриализацией национальных экономик развитых стран.

В научных публикациях как российских, так и зарубежных авторов в пользу реиндустриализации приводится тот факт, что промышленность — важнейший потребитель и источник инноваций, а также фактор роста производительности труда. После кризиса во многих странах оживление экономики наступало быстрее всего в промышленном секторе, который, отчасти, становился «локомотивом», выводящим экономику из рецессии, а вложенная в промышленность денежная единица вела к росту ВВП. Эти положительные эффекты необходимо распространять и в других секторах экономики, что проще сделать, обладая собственной промышленностью [220].

Таким образом, реиндустриализация, являясь современным мировым трендом, рассматривается как способ выхода из рецессии и база новой модели экономического роста, учитывающая особенности и структуру производства при шестом технологическом укладе [108].

США и страны ЕС осуществляют реиндустриализацию на базе двух основных идей:

а) реализации энергетической стратегии повышения доступности и удешевления энергоносителей (в первую очередь, для промышленности);

б) стимулирования так называемого «оншоринга» («возврата домой») предприятий обрабатывающей промышленности [41].

В то же время методы реиндустриализации различаются: если в США это либеральные методы, то в Европе подходы к реиндустриализации тесно связаны с принятием программ развития на государственном уровне. Так, базовая стратегия экономического развития Евросоюза носит название «По пути от рецессии к реиндустриализации»¹. Термины «промышленная политика» и «промышленная стратегия» используются в странах ЕС довольно широко. В официальной стратегии «ЕС-2020» поставлена конкретная цель

¹ *Европейский Союз: курс на высокие технологии.* — URL : <http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=3118&type=news>.

— достичь 20 % удельного веса промышленности в совокупном ВВП стран Евросоюза [220].

Эксперты отмечают, что достижение амбициозной цели увеличения доли обрабатывающей промышленности в ВВП, поставленной на уровне ЕС и включенной в стратегию «Европа 2020», не представляется возможным иным способом, как развитие высокотехнологичных производств и внедрение революционных процессов производства, рост инвестиций в человеческие ресурсы и научные исследования, продвижение технологий «зеленой энергетики», вовлечение малого и среднего бизнеса в процесс реиндустриализации, адекватное финансирование программ развития. Тем не менее выражается беспокойство в связи с ориентацией ряда государств-членов ЕС, определяющих политику в области промышленного развития, на более активное проведение мер по ограничению государственного долга и дефицита, чем на меры по реализации программ структурных реформ, что делает затруднительным быстрое восстановление экономики и проведение реиндустриализации в координатах качественного роста и устойчивого развития [358].

Особое внимание уделяется исследованию проблемы обеспечения реиндустриализации квалифицированными кадрами. Некоторые эксперты высказываются за введение мер по формированию кадров с учетом дефицита молодых когорт населения в условиях демографического кризиса, которые целесообразно проводить в соответствии с таким функциональными направлениями образования, как: *первое* — обеспечение поддержки предложения на рынке труда, позволяющее обеспечить кадрами начало проекта реиндустриализации на основе небольших модификаций имеющихся человеческих ресурсов, и *второе* — формирование кадрового контингента на основе будущих поколений, характеризующегося профессиональной гибкостью, способностью к инновациям и созданию новых продуктов, которые позволят в дальнейшем осуществлять процесс индустриализации [317].

В публикациях российских авторов реиндустриализация понимается как «системное инновационное развитие промышленности в условиях развивающегося экономического кризиса и принятой на государственном уровне политики импортозамещения. Осуществление реиндустриализации предполагает организационно-структурное, экономическое, инновационное, технологическое, техническое, кадровое и интеллектуальное направления развития предприятий» [76]. Значительное место отводится поиску путей реиндустриализации с учетом российской специфики [237] и региональных особенностей, исследование которых представлено в работах А. И. Татаркина, О. А. Романовой [275], В. П. Шуйского [307], Е. С. Зарубежнова [112] и др. Отмечается, например, что Россия, для сокращения отставания и обеспечения форсированного перехода к пятому (с элементами шестого) технологическому укладу, должна в рамках реиндустриализации решить две, по сути сходные с США и ЕС, задачи:

- а) относительного удешевления ресурсной базы;
- б) обновления производственных мощностей обрабатывающей промышленности и модернизации промышленности в целом [44].

Отдельные публикации затрагивают не менее важную, чем экономическая, проблему социального сопровождения процесса реиндустриализации.

Авторы предлагают учитывать накопившиеся социальные и экологические проблемы, которые могут стать барьерами в осуществлении целей реиндустриализации. Отмечается, что социальная и экологическая политика должна быть релевантна изменениям в экономике [214]. В любом случае в научном сообществе существует понимание того, что реиндустриализация — сложная комплексная задача, успешное решение которой требует: во-первых, возможно более полного учета исходного состояния процесса; во-вторых, принятия во внимание всего спектра факторов — как благоприятствующих, так и противодействующих достижению целей; в-третьих, определения имеющихся возможностей ресурсного обеспечения [145].

Обобщение результатов исследований по проблеме реиндустриализации позволяет сделать некоторые выводы:

- реиндустриализацию как социально-экономическое явление необходимо рассматривать не как возвращение к эпохе индустриализации, а как поступательное развитие производства нового уровня, имеющее значительный потенциал для повышения качества жизни населения и сопровождаемое определенным отходом от чисто сервисной экономики;

- реиндустриализация должна носить комплексный характер, охватывая не только индустриальный базис, состоящий из производственных и инфраструктурных отраслей, но и образовательную, социальную, экологическую сферы жизнедеятельности общества;

- процессы реиндустриализации для каждой конкретной страны или региона свои, имеют для его реализации разные возможности, обусловленные уровнем развития социального и человеческого капитала, объемами природных и материальных ресурсов, институциональным обеспечением, вследствие чего и политика реиндустриализации в каждом конкретном случае должна носить адресный характер.

Политика стран ЕАЭС в сфере реиндустриализации национальных экономик. В теории устойчивый, сбалансированный рост предполагает гармонизированное развитие в трех направлениях — экономическом, социальном и экологическом. Очевидно, что интенсивное инновационное экономическое и промышленное развитие позволит создать новые рабочие места, повысить конкурентоспособность национальных экономик, снизить отток населения в другие страны и поднять уровень благосостояния граждан. Инвестирование в инновационные производства и внедрение энергоэффективных технологий обеспечит снижение экологической нагрузки на невозобновляемые природные ресурсы. Процессы реиндустриализации в государствах-членах Евросоюза должны привести к созданию фундамента экономического роста, утраченного в результате разрушения производственной базы, созданной в советский период и общемировой тенденции деиндустриализации.

Однако на практике подходы, свойственные формированию и реализации политики реиндустриализации, существенно различаются. Общим остается последовательное решение трех задач:

- определение приоритетных направлений;
- разработка механизмов реализации принятых приоритетов;
- обоснование инструментов концентрации ресурсов на приоритетных направлениях, обеспечивающих достижение намеченных целей [45].

Рассмотрим приоритеты промышленной политики в странах — членах ЕАЭС, отраженные в основных стратегических документах.

Российская Федерация. «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.» предусматривает переход отечественной экономики от экспортно-сырьевого к инновационному, социально ориентированному типу развития путем структурной диверсификации экономики на основе инновационного технологического развития, в том числе: формирование национальной инновационной системы; формирование мощного научно-технологического комплекса; создание центров глобальной компетенции в обрабатывающих отраслях; содействие повышению конкурентоспособности ведущих отраслей экономики; улучшение условий доступа российских компаний к источникам долгосрочных инвестиций; обеспечение отраслей экономики высокопрофессиональными кадрами; поддержка экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью и рациональная защита внутренних рынков с учетом международной практики в данной области.

В «Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г.» отмечено, что «перспективы структурной перестройки промышленности и ее диверсификации определяются возможностью эффективного и комплексного решения задач: обеспечения поступательного развития энергетического комплекса, перехода к новым технологиям добычи и переработки топлива, развития альтернативной энергетики; ускорения роста высоко- и среднетехнологичных производств, выхода на внешние и внутренние рынки с новой конкурентоспособной продукцией; модернизации сырьевых производств, увеличения глубины переработки сырья, снижения энергоемкости производства, повышения экологичности производства, увеличения объемов экспорта при опережающих поставках на внутренний рынок». В перспективе изменения в структуре промышленного производства произойдут за счет сокращения доли топливно-энергетического комплекса и увеличения доли машиностроения, химического комплекса и производства строительных материалов.

Распоряжением Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 2539-р утверждена Государственная программа Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», направленная на интеграцию усилий государства в сфере развития промышленного потенциала, создание системных долгосрочных стимулов для повышения конкурентоспособности российских промышленных компаний на внутреннем и мировом рынках.

В январе 2015 г. был принят Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации», который вступил в силу 30 июня 2015 г. Он предусматривает стимулирование промышленности путем предоставления ее субъектам финансовой, информационно-консультационной поддержки: осуществляемой в промышленности научно-технической и инновационной деятельности; развития кадрового потенциала; внешнеэкономической деятельности; предоставления государственных и муниципальных преференций, иных мер государственной поддержки субъектам промышленной деятельности в Российской Федерации.

Существенным фактором, определяющим развитие промышленного комплекса в долгосрочной перспективе, является эффективность интеграции национальных производителей в глобальные производственные цепочки добавленной стоимости в условиях формирования нового технологического уклада.

Республика Беларусь. В «Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь» (НСУР — 2030) акцент делается на опережающем развитии науки и высокотехнологичных производств, продвижение инновационных технологий и их продуктов в традиционный сектор экономики. Определяющими направлениями структурной трансформации экономики должны стать: развитие науки и создание высокотехнологичного сектора экономики; ускоренное развитие инфраструктурных секторов, влияющих на качество человеческого потенциала; наращивание экспортного потенциала традиционных секторов экономики; развитие атомной энергетики, возобновляемых энергоисточников; ускоренное развитие производств, базирующихся на переработке местных сырьевых ресурсов. Стратегической целью развития промышленного комплекса на период до 2030 г. заявлено постепенное приближение показателей эффективности промышленного производства к среднему уровню стран Евросоюза. Основными направлениями развития промышленного комплекса являются: создание принципиально новых высокотехнологичных наукоемких производств; наращивание экспортного потенциала традиционных секторов промышленности; стимулирование развития производств на отечественной сырьевой базе с увеличением глубины переработки ресурсов и минимизацией техногенного воздействия на окружающую среду; поэтапный переход организаций на применение современных государственных стандартов; формирование «зеленой» индустриальной технологической платформы.

Республика Казахстан. На сегодня приняты Закон Республики Казахстан от 9 января 2012 г. № 534-IV «О государственной поддержке индустриально-инновационной деятельности»; Закон Республики Казахстан от 3 июля 2002 г. № 333-2 «Об инновационной деятельности», Государственная программа индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2015–2019 гг., утвержденная Указом Президента РК от 1 августа 2014 г. № 874; также действует ряд стратегических документов по социально-экономическому развитию, к которым относится Стратегический план развития Республики Казахстан до 2020 г. Отдельные направления индустриального развития страны определены в Послании Президента Республики Казахстан — лидера нации Н. А. Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан — 2050» и в программе «100 конкретных шагов — современное государство для всех».

В «Стратегическом плане развития Республики Казахстан до 2020 г.» одним из ключевых направлений долгосрочного развития является диверсификация экономики на основе форсированной индустриализации, нацеленной на комплексное повышение производительности труда в экономике по следующим направлениям: развитие традиционных отраслей; развитие секторов, основанных на спросе недропользователей, национальных компаний и государства; развитие производств, не связанных с сырьевым сек-

тором и ориентированных преимущественно на экспорт: агропромышленный комплекс, легкая промышленность, туризм; развитие направлений «экономики будущего». При этом индустриализация Казахстана должна сопровождаться созданием благоприятной экономической среды и соблюдением четких принципов успешной индустриализации.

В Стратегии «Казахстан — 2050» сформулирована задача разработки плана следующей после 2020 г. фазы индустриализации экономики, в результате чего доля несырьевого экспорта в общем объеме экспорта должна увеличиться в два раза к 2025 г. и в три раза к 2040 г. Для этого требуется: полное обновление к 2050 г. производственных активов в соответствии с самыми новейшими технологическими стандартами; развитие новых производств с упором на расширение несырьевого сектора, ориентированного на экспорт; фокусировка Госпрограммы по форсированному индустриально-инновационному развитию на импорт промышленных мощностей и обмен технологиями; расширение к 2030 г. ниши на мировом рынке космических услуг; дальнейшее развитие двух ведущих инновационных кластеров — Назарбаев Университета и Парка инновационных технологий; ускоренный переход к низкоуглеродной экономике. Кроме того, в рамках Стратегии определены пять президентских реформ, в третьей из которых — «Индустриализация и экономический рост» — отражены направления: привлечение, как минимум, десяти ТНК в перерабатывающий сектор для создания экспортных товаров и выхода Казахстана на мировые рынки; создание в приоритетных секторах экономики совместных предприятий с «якорными инвесторами» — международными стратегическими партнерами; привлечение стратегических инвесторов в сферу энергосбережения через международно признанный механизм энергосервисных договоров; интеграция Казахстана в международные транспортно-коммуникационные потоки; создание международного авиационного хаба; развитие авиаперевозчика «Эйр Астана» и национальной компании «КТЖ» как крупных международных операторов.

Кыргызская Республика. В настоящее время в Кыргызстане действует «Стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013–2017 гг.». Ее отличие от предыдущих подобных документов состоит в проектном подходе. В Стратегии определены приоритетные отрасли и предложены 53 конкретных инвестиционных проекта по развитию горнодобывающей отрасли, аграрного сектора, транспорта и коммуникаций, а также производственно-логистической сферы экономики, которые, по задумке ее авторов, должны дать мощный импульс развитию. Ключевым моментом решения главной задачи восстановления темпов экономического роста, в том числе создания базовых условий для устойчивого социально-экономического развития страны в среднесрочном периоде, является перевод экономики страны из потребительского формата в инвестиционный. В концептуальных положениях «Стратегии развития Кыргызстана до 2031 г.» повторяются важнейшие целевые ориентиры, заложенные в Национальной стратегии устойчивого развития. Главной целью провозглашено создание эффективной, конкурентоспособной экономической системы, интегрированной в мировые и региональные процессы, опирающейся на конкурентоспособные от-

расли экономики, содействующей равномерному территориальному развитию страны. Ориентиры: ежегодный экономический рост — не ниже 7 %; уровень инфляции — не более 10 %; дефицит бюджета — не более 5 %.

Республика Армения. В «Стратегии национальной безопасности Республики Армения», одобренной на заседании Совета национальной безопасности при Президенте Республики Армения 26 января 2007 г., важное значение придавалось повышению эффективности горнорудной промышленности, использованию природных, в особенности лесных и водных, ресурсов. В марте 2014 г. Правительство Армении утвердило обновленную версию «Стратегической программы долгосрочного развития на 2014–2025 гг.», которая отражает основные направления и приоритеты правительства: создание рабочих мест; реализация активной промышленной политики, ориентированной на экспорт; развитие науки и образования. У Армении, в отличие от других стран-членов ЕАЭС, единственные ресурсы — «эффективные рыночные институты и методы управления, а также человеческий капитал»¹. Стратегическая программа также определяет методы проведения реформ по приоритетным направлениям. Упор сделан на проведение в жизнь активной промышленной политики, ориентированной на экспорт, на восстановление и развитие промышленно-инновационных производств и оборонно-промышленного комплекса.

Таким образом, как показал анализ стратегических документов, определяющих направления развития экономик стран-членов ЕАЭС, в них слабо прописаны механизмы реализации заявленных направлений социально-экономического развития. У Кыргызстана и Армении отсутствует четкое видение путей решения стоящих перед ними задач в различных сферах экономики, и в первую очередь в промышленности. Кроме того, у Кыргызстана, Армении и Беларуси отсутствует сценарный подход к решению назревших отраслевых проблем. В то же время решение задач, заявленных в программных документах, видится, в основном, с учетом привлечения прямых иностранных инвестиций.

Анализ процессов реиндустриализации национальных экономик. Результаты анализа тенденций процессов реиндустриализации, происходящих в национальных экономиках стран ЕАЭС, представлены показателями объемов производства по видам экономической деятельности за период 2005–2014 гг., включая: добычу полезных ископаемых, обрабатывающие производства, обеспечение (снабжение) электроэнергией, газом, паром и кондиционированным воздухом; водоснабжение, очистку, обработку отходов и получение вторичного сырья. Выбор конкретных показателей обуславливался, с одной стороны, их способностью адекватно отражать происходящие процессы в соответствующей сфере национальной экономики, а с другой — их наличием, достоверностью и полнотой за анализируемый период. Анализ выполнялся как в целом по странам ЕАЭС, так и в разрезе каждой отдельной страны, в долларах США.

¹ *Тевикян А.* У Армении, в рамках ЕАЭС, есть шанс принять участие в реализации проектов высокотехнологичных продуктов. — URL : <http://www.aysor.am/ru/news/2016/02/26> (дата обращения: 20.04.2016).

В целом по странам ЕАЭС за десятилетний период (2005–2014 гг.) объемы промышленного производства в текущих ценах (дол.)¹ выросли в 2,5 раза — с 552,7 млрд до 1 362,5 млрд дол., в том числе рост добычи полезных ископаемых был наивысшим и составил 255 %; обрабатывающие производства — 250; производство и распределение электроэнергии, газа и воды — 211 % (рис. 23).

Рис. 23. Объем промышленной продукции по видам экономической деятельности ЕАЭС в текущих ценах, млн дол.²

Структура объемов промышленного производства стран ЕАЭС в целом в течение рассматриваемого периода оставалась практически стабильной, в том числе на долю добычи полезных ископаемых приходилось 24,0–24,8 %; на обрабатывающие производства — 64,2–66,9; на производство и распределение электроэнергии, газа и воды — 9,9–12,8 %. Финансовый кризис 2008–2009 гг. в наибольшей степени сказался на объеме обрабатывающих производств, доля которых снизилась до минимальных значений — 62,9 % (рис. 24).

Среднегодовые темпы динамики промышленного производства ЕАЭС за анализируемый период составляли 103 %. В их изменениях можно выделить три периода: 2005–2007 гг., 2008–2009 гг. и 2009–2014 гг. В первый интервал наблюдался устойчивый рост темпов промышленного производства со 105,2 до 106,8 %, в том числе по добыче полезных ископаемых — 101,3–

¹ Показатель рассчитан по курсам валют национальных (центральных) банков государств-членов ЕАЭС за год: по Беларуси — по средневзвешенному курсу белорусского рубля к доллару США, по Армении, Казахстану, Кыргызстану и России — по средним курсам национальных валют к доллару США.

² Составлено по: *Евразийская экономическая комиссия*. — URL: http://www.eurasian-commission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/industria.aspx.

101,5; обрабатывающие производства — 107,8–110,4; производство и распределение электроэнергии, газа и воды — 100,9–103,7 % (рис. 25).

Рис. 24. Структура объемов промышленной продукции по видам экономической деятельности ЕАЭС¹, %

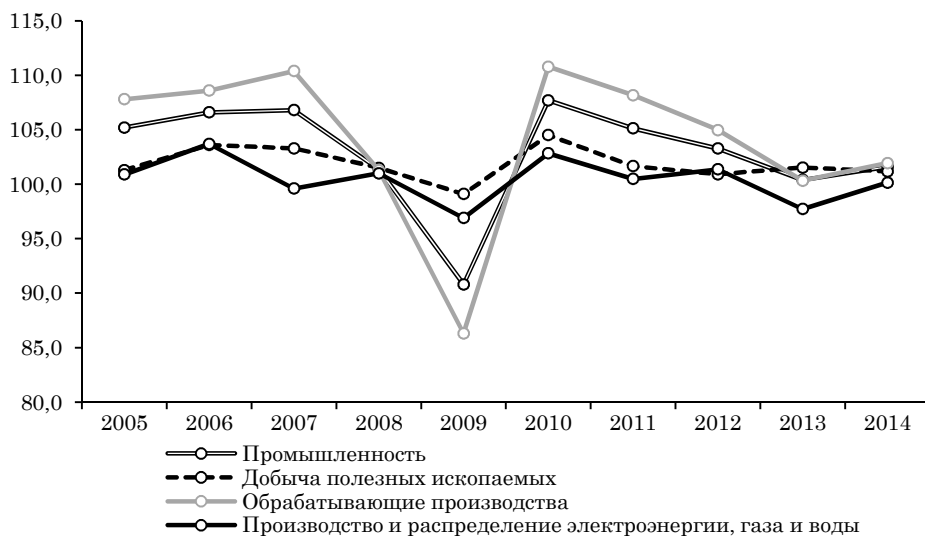

Рис. 25. Индексы промышленного производства по видам экономической деятельности в странах ЕАЭС (в постоянных ценах), % к предыдущему году²

¹ Классификатор видов экономической деятельности, редакция 1 (КДЕС).

² Составлено по: *Евразийская экономическая комиссия*. — URL: http://www.eurasian-commission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/industria.aspx.

В период финансового кризиса 2008–2009 гг. произошло существенное падение темпов — до 90,8 %. При этом наибольшее падение имело место в обрабатывающих производствах — до 86,3 %. В 2010 г. показатель поднялся до уровня, превосходящего предкризисный, до 105,1%, что дало повод говорить об успешном преодолении кризиса. Однако затем продолжилось их устойчивое падение — до 100,4 % в 2013 г. Прекращение падения и стабилизация произошли только в 2014 г. на уровне 101,6 %.

В целом результаты анализа объемов промышленного производства по странам ЕАЭС сведены в табл. 26.

Таблица 26

Объемы промышленного производства стран — членов ЕАЭС

Показатель	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия	Итого ЕАЭС
Отрасли промышленности						
<i>Промышленность, в целом</i>	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Добыча полезных ископаемых	16,0	1,6	60,0	3,0	22,9	24,8
Обрабатывающие производства	64,6	89,9	33,5	81,4	65,7	65,1
Обеспечение (снабжение) электроэнергией, газом, паром и кондиционированным воздухом	17,6	8,5	5,6	15,0	11,4	10,1
Водоснабжение, очистка, обработка отходов и получение вторичного сырья	1,8	Н/д	0,9	0,7	Н/д	Н/д
Среднегодовые индексы роста промышленности						
<i>Промышленность, в целом</i>	105,7	106,2	103,9	106,6	102,6	102,9
Добыча полезных ископаемых	110,5	106,8	103,6	109,9	101,4	101,9
Обрабатывающие производства	105,7	106,8	104,3	106,9	103,8	104,1
Обеспечение (снабжение) электроэнергией, газом, паром и кондиционированным воздухом	102,4	100,4	104,8	109,5	100,3	100,5
Водоснабжение, очистка, обработка отходов и получение вторичного сырья	104,5	Н/д	101,4	101,4	Н/д	Н/д
Вклад отраслей промышленности в рост промышленного производства						
<i>Промышленность, в целом</i>	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Добыча полезных ископаемых	16,7	1,6	59,8	3,0	22,6	24,5
Обрабатывающие производства	64,5	90,3	33,6	81,0	66,3	65,6
Обеспечение (снабжение) электроэнергией, газом, паром и кондиционированным воздухом	17,0	8,1	5,7	15,3	11,1	9,9
Водоснабжение, очистка, обработка отходов и получение вторичного сырья	1,8	0,0	0,9	0,6	0,0	0,0

Из изложенного выше можно заключить следующее.

Во-первых, страны существенно различаются по отраслевой структуре промышленного производства. Так, наибольший удельный вес сырьевой сектор имеет в Республике Казахстан (60 %), а наименьший — в Республике Беларусь. При этом наибольший удельный вес обрабатывающие отрасли промышленности имеют в Республике Беларусь (89,9%) и Республике Кыргызстан (81,4%), а наименьший — в Казахстане (33,5%). Подобные различия

требуют всестороннего учета при прогнозировании и моделировании социально-экономических процессов в национальных экономиках.

Во-вторых, средние темпы роста объемов промышленного производства изменяются от 102,6 % в России до максимальных — более 106 % в Беларуси и Кыргызстане. При этом в целом по ЕАЭС наибольший вклад в рост промышленности дали обрабатывающие отрасли. Однако каждая страна имела свои драйверы развития. Как правило, ими являлись добывающие или обрабатывающие отрасли.

Как показывают расчеты, в целом по странам ЕАЭС более 65 % роста объемов промышленного производства составляет вклад обрабатывающих отраслей; 24,5 % — добывающих отраслей и около 10 % — обеспечение (снабжение) электроэнергией, газом, паром и кондиционированным воздухом.

В России, Беларуси, Армении и Кыргызстане вклад обрабатывающего сектора экономики за анализируемый период составил 65–90 %, что существенно превышает вклад добывающего сектора, в то время как в Казахстане вклад этого сектора, напротив, самый большой и составляет около 60 %, что в два раза выше вклада обрабатывающих отраслей промышленности.

В-третьих, в целом динамика объемов промышленного производства по странам ЕАЭС имеет схожий вид: устойчивый рост до 2008 г.; резкий спад в 2008 г.; постепенный подъем либо выравнивание траектории. Различия между странами проявились особенно четко в 2014 г., когда в Армении и России продолжалось медленное падение, в Казахстане и Беларуси наблюдались признаки роста, а в Кыргызстане имели место противоречивые тенденции по секторам экономики.

Анализ воздействия реиндустриализации на окружающую среду. В ходе анализа воздействия процессов реиндустриализации на окружающую среду были изучены экологические показатели, проанализированы их полнота и достоверность, произведено сопоставление по странам.

Анализ показателей воздействия на окружающую среду выполнялся в два этапа: анализ абсолютных значений и анализ динамики изменения показателей за рассматриваемый период. Интервал анализа соответствовал предшествующему анализу объемов промышленного производства, а именно 2005–2014 гг.

Общий анализ показал (табл. 27), что большая часть (84–97 %) всех видов воздействия на окружающую среду приходится на Россию. Второе место занимает Казахстан (11,1–14,5 %). Доля воздействия других стран ЕАЭС составляет не более 2–3 %.

Максимальные среднегодовые темпы воздействия на окружающую среду наблюдаются в Армении (113–126 %), минимальные — в России (98–101 %) и Беларуси (95–102 %).

Следует отметить, что в целом по странам ЕАЭС степень воздействия на окружающую среду постепенно снижается, о чем свидетельствуют среднегодовые темпы изменения воздействия — 98%, за исключением выбросов CO₂ (102,3 %).

Анализ изменения качества жизни населения. Анализ уровня жизни в странах ЕАЭС ограничим рассмотрением трех основных показателей: среднемесячная заработная плата; численность занятых и численность

безработных. Ограничение обусловлено, с одной стороны, отсутствием полной и сопоставимой информации за рассматриваемый интервал времени, а с другой — тем фактом, что показатели достаточно адекватно отражают процессы, происходящие в этой сфере. Остальные показатели уровня жизни населения по существу являются производными от указанных.

Таблица 27

Объемы воздействия на окружающую среду стран — членов ЕАЭС

Показатель	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия	Итого ЕАЭС
Структура выбросов, %						
Использование воды на производственные нужды	0,5	1,0	14,5	0,2	83,8	100,0
Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водоемы	1,5	0,0	1,0	0,0	97,5	100,0
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников	0,6	2,3	11,1	0,3	85,7	100,0
Выбросы CO ₂	0,6	2,3	11,1	0,3	85,7	100,0
Среднегодовые темпы роста, %						
Использование воды на производственные нужды	113,4	95,4	103,7	109,9	97,7	98,3
Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водоемы	126,5	97,4	105,7	93,1	98,0	98,2
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников	115,9	102,0	97,1	124,0	98,3	98,3
Выбросы CO ₂	104,3	100,6	104,7	109,1	101,1	102,3

Заработная плата. Анализ динамики среднемесячной заработной платы за период 2005–2014 гг. позволил нам выделить несколько периодов, различающихся характером изменения данного показателя. Первый период — 2005–2008 гг. — характеризуется устойчивым ростом заработной платы во всех странах ЕАЭС со средними темпами 110–115 % в год. В 2009 г. происходит резкое падение номинального размера заработной платы на 10–15 %. С 2010 по 2014 г. наблюдается рост реальной заработной платы темпом 110–115 % в год. После, в 2015 г., в России, Беларуси и Казахстане он снова снижается. При этом на протяжении всего рассматриваемого периода соотношение в уровнях зарплаты по странам ЕАЭС сохраняется: самый высокий уровень — в России, а самый низкий — в Кыргызстане. Наибольшие колебания реальной заработной платы в Беларуси (97–120 %) (рис. 26).

Численность безработных. За рассматриваемый период этот показатель в странах ЕАЭС сократился на 5 %. При этом если в Армении и Кыргызстане их численность выросла на 20 и 5 % соответственно, то в других странах сократилась на 15–24 %.

Темпы изменения количества безработных в целом в странах ЕАЭС имеют устойчивую тенденцию к снижению. Наибольшие колебания темпов наблюдались в России в 2009 г., когда численность безработных выросла со 104 до 134 % (рис. 27).

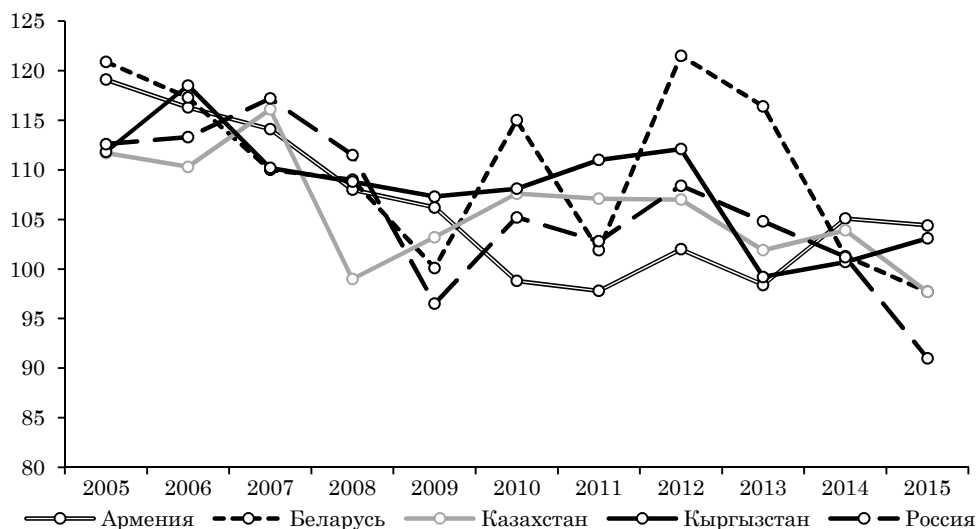

Рис. 26. Темпы изменения реальной заработной платы в странах ЕАЭС, % к предыдущему году¹

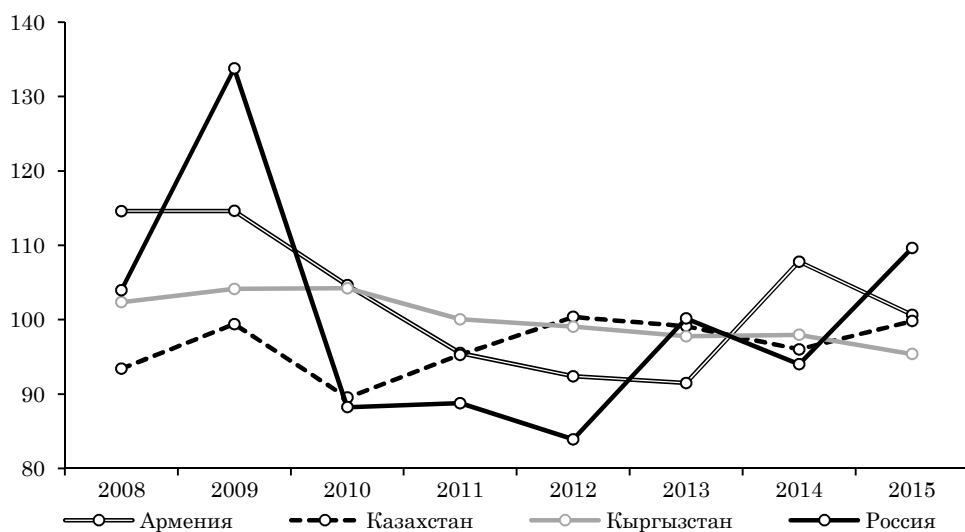

Рис. 27. Темпы изменения численности безработных по методологии МОТ в странах — членами ЕАЭС², %

Численность занятого населения. В целом за анализируемый период численность занятого населения в отраслях экономики стран ЕАЭС выросла

¹ Составлено по: Евразийская экономическая комиссия. — URL: http://www.eurasian-commission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/living_standart.aspx.

² Составлено по: Евразийская экономическая комиссия. — URL: http://www.eurasian-commission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/labor_market.aspx.

с 86,2 млн чел. в 2007 г. до 88 млн чел. в 2014 г. При этом рост занятого населения наблюдался во всех странах в среднем 102,2 %. Максимальный рост (111,5 %) имел место в Казахстане, а минимальный — в Беларуси (100,7 %).

Рост занятого населения никак не прореагировал на финансовый кризис 2008–2009 гг. и последующие изменения объемов производства.

Темпы роста занятого населения практически во всех странах ЕАЭС постепенно снижаются, что объясняется стабилизацией национальных экономик и, как было отмечено выше, снижением численности безработных.

Темпы увеличения занятого населения по странам колеблются от 100,1 до 101,6 % при среднем значении 100,3 %.

Оценки изменения уровня жизни населения стран ЕАЭС. Самый высокий индекс реальной заработной платы за анализируемый период был в Беларуси (110 %) и Кыргызстане (105,9 %), а самый низкий — в России (105,8 %) и Армении (106,3 %). Темпы снижения численности безработных были максимальными в Беларуси, Кыргызстане и России, в то время как в других странах выше 100 %. На этом фоне численность занятого населения во всех странах росла примерно одинаковыми темпами 100,5–101,6 % (табл. 28).

Таблица 28

**Среднегодовые темпы роста
уровня жизни населения стран — членов ЕАЭС, %**

Показатель	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Индексы реальной заработной платы	106,3	110,0	105,9	108,2	105,8
Численность безработных	101,1	96,2	100,8	99,0	99,1
Численность занятого населения	100,5	100,1	101,6	101,0	100,2

Статистический анализ взаимосвязей процессов реиндустриализации национальной экономики с масштабами экологической нагрузки и уровнем жизни населения. Статистический анализ выполнялся с помощью разработанной базы данных и сформированных информационных материалов по странам ЕАЭС в разрезе показателей промышленного роста по основным отраслям национальной экономики, с учетом воздействия на окружающую среду на основе ранее приведенных аналогичных показателей и показателей уровня жизни.

Соотношение среднегодовых темпов роста промышленного производства и потребления воды на производственные нужды свидетельствует о наличии следующих тенденций:

1) в Армении и Кыргызстане темпы роста потребления воды существенно превышали рост объемов производства, что может быть обусловлено нерациональным водопользованием и применением устаревшего оборудования и технологий;

2) в Беларуси и России темпы роста потребления воды существенно отстают от темпов роста производства. Более того, объем потребления воды на производственные нужды снизился до 95,4 и 97,7 % соответственно;

3) в Казахстане темпы роста производства и потребления воды находились на одном уровне (рис. 28).

Рис. 28. Соотношение среднегодовых темпов роста промышленного производства и потребления воды на производственные нужды в странах — членах ЕАЭС, %

В целом по странам ЕАЭС при среднегодовых темпах роста промышленного производства 102,9 % объемы сброса загрязненных сточных вод снизились до 98,2 % (рис. 29).

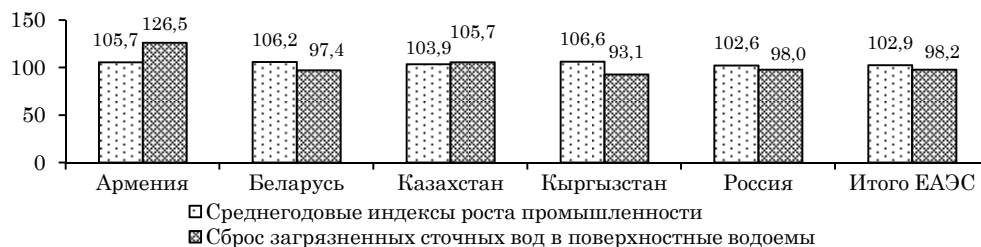

Рис. 29. Соотношение среднегодовых темпов роста промышленного производства и темпов изменения объемов сброса загрязненных сточных вод в странах — членах ЕАЭС, %

В Армении и Казахстане имеет место превышение темпов роста сброса загрязненных сточных вод над темпами роста объемов производства: 105,7 % против 126,5 % — в Армении и 103,9 % против 105,7 % — в Казахстане. В России, Беларуси и Кыргызстане темпы роста производства опережают темпы сбросов загрязненных сточных вод.

В целом по странам ЕАЭС при указанных среднегодовых темпах роста промышленного производства 102,9 % объемы выбросов в атмосферный воздух от стационарных источников снизились (98,3 %) (рис. 30).

В Армении и Кыргызстане темпы роста выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух существенно превышали рост объемов производства — на 10 и 17 % соответственно, что может быть обусловлено отсутствием либо неэффективностью природоохранных мероприятий. В Беларуси, Казахстане и России темпы роста промышленного производства опережают темпы выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух: в Беларуси — на 4 %; в Казахстане — на 7 и в России — на 6 %. При этом в Казахстане и России средние темпы роста выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников снизились.

В целом по странам ЕАЭС среднегодовые темпы роста промышленного производства незначительно опережают темпы роста объемов выбросов CO_2 — соответственно 102,9 и 102,3 % (рис. 31).

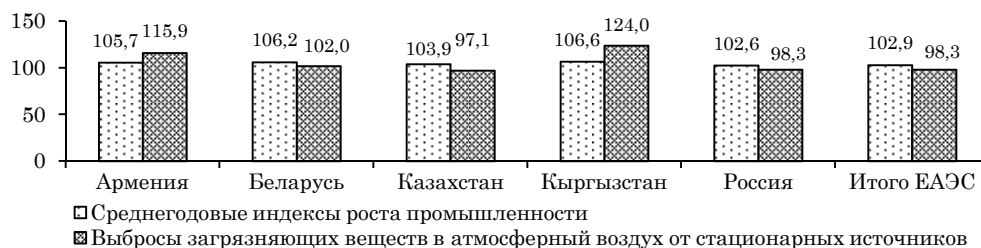

Рис. 30. Соотношение среднегодовых темпов роста промышленного производства и темпов изменения объемов выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников в странах — членах ЕАЭС, %

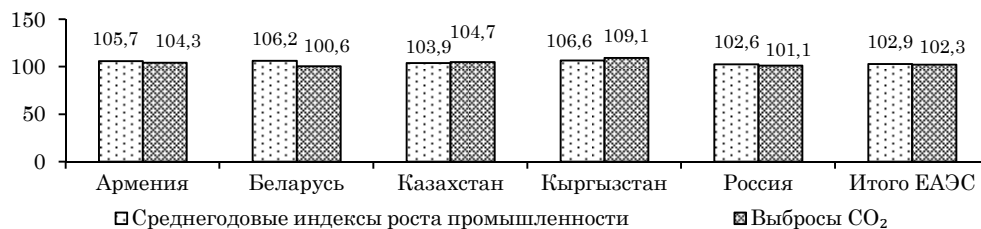

Рис. 31. Соотношение среднегодовых темпов роста промышленного производства и темпов изменения объемов выбросов CO₂ в странах — членах ЕАЭС, %

Наиболее остро проблема стоит в Кыргызстане, где темпы роста объемов выбросов CO₂ (109,1 %) существенно опережают темпы роста промышленного производства (106,6 %). Положительное соотношение этих показателей наблюдается в остальных странах — членах ЕАЭС.

Соотношение темпов роста промышленного производства и индексов реальной заработной платы во всех странах — членах ЕАЭС имеет положительное значение (рис. 32).

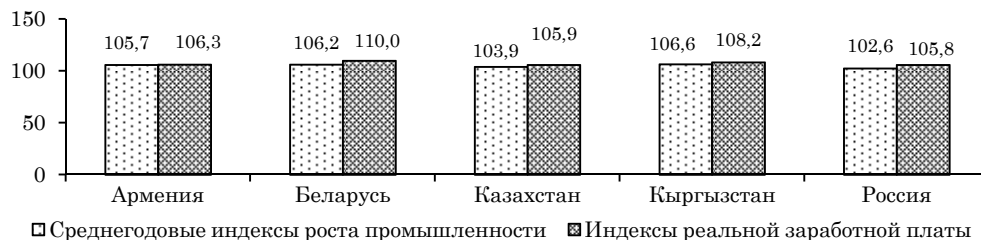

Рис. 32. Соотношение темпов роста промышленного производства и индексов реальной заработной платы в странах — членах ЕАЭС, %

Наибольшее опережение индекса заработной платы по сравнению с темпами роста промышленного производства отмечается в Беларуси (4 %), России (3 %) и Казахстане (2 %).

Только в трех странах — Беларусь, Кыргызстан и Россия — можно наблюдать обратную зависимость между темпами роста промышленного производства и численностью безработных (рис. 33).

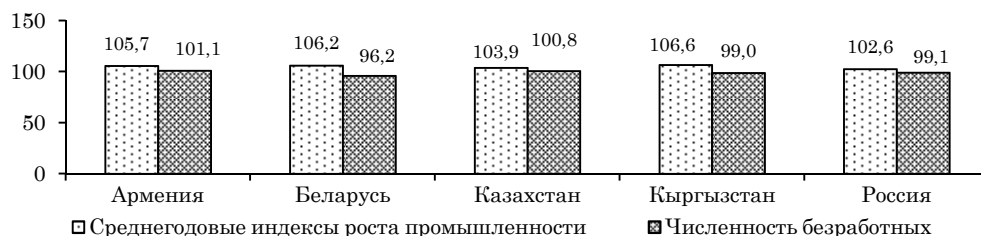

Рис. 33. Соотношение темпов роста промышленного производства и численности безработных в странах — членах ЕАЭС, %

Снижение темпов роста безработных произошло в Беларуси (96,2 %), Кыргызстане (1 %) и России (1 %). При этом во всех указанных странах темпы роста промышленного производства существенно опережали темпы роста численности безработных.

Наконец, во всех странах имеет место корреляция: при положительных темпах роста промышленного производства растет и численность занятых в экономике (рис. 34).

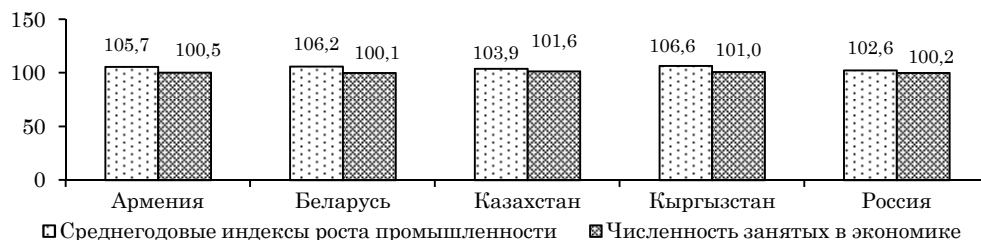

Рис. 34. Соотношение темпов роста промышленного производства и численности занятого населения в странах ЕАЭС, %

Таким образом, несмотря на различия в темпах, общее соотношение темпов роста объемов производства и социальных показателей во всех странах примерно одинаковое.

Выводы

Необходимость проведения реиндустриализации национальных экономик очевидна, однако это одновременно требует и решения актуальных задач охраны окружающей среды в увязке с повышением качества жизни населения, что обуславливает возникновение социальных и экономических противоречий, форма, глубина и скорость разрешения которых зависят от социально-экономических и национально-культурных особенностей конкретных государств [247].

Во-первых, по нашему мнению, реиндустриализация предполагает новое качество промышленной политики и, более того, выходит за рамки ее

традиционного понимания, а потому направления, механизмы и инструменты реиндустриализации, измерение ее эффективности и оценка последствий должны быть отражены в основных стратегических и программных документах стран-участниц ЕАЭС.

Во-вторых, как показали результаты анализа, процессы реиндустриализации носят противоречивый характер и, наряду с позитивными последствиями, могут одновременно сопровождаться такими явлениями, как возрастание экологической нагрузки, сокращение рабочих мест, безработица, отток населения и т. п. Для нейтрализации негативных последствий необходима сбалансированная во времени и по применяемым инструментам политика, охватывающая такие сферы, как экология, занятость, доходы населения, миграция, образование, социальная защита. К тому же реиндустриализация на инновационной основе предъявляет высокие требования к рабочей силе, ее квалификации. Поэтому государства неизбежно оказываются перед дилеммой привлечения квалифицированного персонала из-за рубежа или повышения качества и реформирования системы образования.

В-третьих, в последние годы реиндустриализация становится приоритетным вектором всесторонней интеграции стран ЕАЭС, что проявилось в разработке «Долгосрочного прогноза экономического развития стран — членов ЕАЭС до 2030 г.», «Основных направлений промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза» и других стратегических документов. Однако для эффективной реализации принятых документов необходимо их увязать с национальными программами и стратегиями. Различия в понимании содержания реиндустриализации, отсутствие согласованности стратегий, игнорирование интересов партнеров — все это может приводить к снижению эффективности экономической политики и неустойчивости экономического роста отдельных стран ЕАЭС.

Авторы предприняли попытку акцентировать внимание на оценке влияния процессов реиндустриализации на отдельные аспекты уровня жизни населения и состояние окружающей среды. Однако проблема намного шире обозначенных рамок и требует дальнейшего обсуждения.

ГЛАВА 5

ОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

5.1. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Промышленная активность в XXI веке остается ведущим фактором экономического развития. При этом важны переход на качественно новый уровень промышленности, повышение ее конкурентоспособности. Особое значение это имеет в условиях необходимости интеграции отечественной экономики в мировой рынок в качестве равноправного члена сообщества развитых стран, что, однако, возможно лишь при создании структуры промышленности, адекватной отраслевой структуре технологически развитых стран. Несоответствие структуры российской промышленности структуре, сформировавшейся в ведущих странах в результате проведенных там к концу 1980-х годов структурных преобразований, обуславливает неконкурентоспособность основной массы отечественной продукции, ее невостребованность на мировом рынке. В сложившейся ситуации несвоевременное проведение структурной перестройки в соответствии с общемировыми тенденциями приведет к закреплению сырьевой ориентации экспорта экономики, воспроизводству старой, кризисной отраслевой и технологической структуры.

Для выхода из затянувшегося структурного кризиса отечественной экономики требуется реализация долгосрочной программы структурных преобразований, направленных на формирование конкурентоспособной промышленности. В правительственных документах структурная перестройка рассматривалась в качестве одного из основных направлений экономических реформ. Однако научно обоснованной концепции, определяющей направленность структурных преобразований, приоритеты, намеченные с учетом как общемировых тенденций, так и особенностей отечественных условий, практически разработано не было.

Сегодняшние проблемы индустриального развития России и Урала как ее крупнейшего промышленного центра уникальны по составу, остроте и сложности. Суть уникальности — беспрецедентно глубокий спад в реальном секторе экономики, усугубленный нарастанием структурных деформаций и дезинтеграционными тенденциями, разорвавшими целостность воспроизводственного процесса. Реформирование реального сектора экономики невозможно без проведения государственной промышленной политики, нацеленной не только на преодоление спада производства, но и на восстановление единства воспроизводственного процесса, осуществление структурной перестройки, формирование конкурентоспособной промышленности, характеризующейся современным технологическим укладом.

За период реформирования отечественной экономики сменилось несколько концепций промышленной политики [130]. В 1989–1991 гг. сама постановка вопроса о промышленной политике была искусственной, ибо преобладала вера в рынок как в панацею от всех бед. В 1992–1993 гг. поддержка промышленности осуществлялась путем льготного кредитования и взаимозачета задолженности предприятий. Затем возобладала идея селективной поддержки определенного круга отраслей, для чего был создан специальный бюджетный фонд поддержки приоритетных отраслей. Однако число приоритетов оказалось чрезмерным, их выделение носило зачастую субъективный характер, что предопределило неизбежность резкой смены позиции правительства. Критерии отраслевой селекции сменились критериями относительно более высокой эффективности проектов. Был провозглашен принцип государственного инвестирования «4:1» (государство обеспечивало финансирование проектов в размере 2,0 % требуемых капитальных вложений при условии, что определены инвесторы остальной доли). Однако вследствие дефицита финансовых ресурсов государство не смогло выполнить свои обязательства.

Перспективный теоретический подход к исследованию технологических проблем структурной перестройки разрабатывают Ю. Яковец, Д. Львов, С. Глазьев и ряд других авторов. Ими доказано, что продуктивно рассматривать технологическое развитие как *процесс периодической смены технологических укладов*. Под технологическими укладами в данном случае понимаются «технологически сопряженные производства, объединенные <...> общими технологическими принципами, культурой труда и организацией производства, его ориентацией на соответствующий тип общественного потребления и образ жизни населения» [103].

Технологическая структурная перестройка обеспечивает выход производительных сил на принципиально новый уровень развития в процессе смены доминирующего технологического уклада. Переход к этому укладу осуществляется посредством реализации радикальных нововведений, обеспечивающих формирование комплекса новых отраслей, которые становятся ядром прогрессивного типа отраслевой структуры промышленности.

Осуществление технологической перестройки будет способствовать укреплению элементов пятого технологического уклада, его диффузии в экономику страны в целом и Урала в частности, развитию шестого технологического уклада. Это обеспечит технологическую однородность отечественной промышленности с промышленностью развитых стран, решивших проблему смены господствующего технологического уклада к началу 1990-х годов, а также позволит снизить не только энерго- и ресурсоемкость производства, но и его «экологическую агрессивность». Итог преобразований — создание качественно нового типа структуры промышленности, обеспечивающей сбалансированность функционирования экономики региона на базе приоритетного развития тех отраслей, которые отражают достигнутый уровень общественного разделения труда и позволяют обеспечить реализацию потенциала как сформировавшегося технологического уклада, так и сложившегося типа отраслевой структуры.

Определяющая роль в процессе создания нового типа отраслевой структуры промышленности на территории отводится промышленной политике,

нацеленной на реализацию *приоритетов общегосударственной значимости*, но с учетом особенностей потенциала многообразных, в том числе старопромышленных, регионов России.

К настоящему времени в регионах УЭР сложилось понимание промышленной политики как системы отношений между государством и субъектами хозяйствования по поводу формирования конкурентоспособной промышленности [278]. В периоды между структурными кризисами эта система отношений стимулирует расширенное воспроизводство сложившейся структуры промышленности, но в период структурных преобразований, аналогичных происходящим в настоящее время, приобретает особый статус — нацеливания на приоритеты государственной политики, способствующей обеспечению доступа к наиболее эффективным финансовым и технологическим ресурсам. Решить эти задачи представляется возможным за счет активной интеграции экономики территорий в систему международных хозяйственных связей, т. е. путем увеличения доли поставок в валовом региональном продукте территории (ВВП).

В современной экономической ситуации сохранение и расширение экспортного комплекса региона является важнейшим стратегическим направлением реформирования региональной промышленной системы.

В период резких экономических изменений на первый план выходит и стабилизационная функция экспортного комплекса. Усиление данной функции достигается за счет наращивания макроэкономической эффективности экспортной деятельности, т. е. увеличения числа предприятий, участвующих в выпуске конечной экспортной продукции. Кроме того, экспортная деятельность, как и любая другая хозяйственная деятельность, должна быть экономически эффективной, т. е. приносящей прибыль. При этом экономический эффект должен образовываться как в процессе производства продукции, так и при ее реализации на внешних рынках.

Реализация выделенных функций экспортной деятельности — функции развития (интегративная функция), функции стабилизации региональной хозяйственной системы и функции получения прибыли — в их полном объеме и в соответствии с конкретными задачами развития экономики конкретного региона в каждый отдельный период осложняется изменением экономической эффективности производства экспортной продукции, затронувшим, например, большинство отраслей экспортной специализации на Среднем Урале.

Экономическая эффективность отраслей экспортной специализации (за исключением химической промышленности) в 1994–1995 гг. была снижена до критических пределов. В этих условиях необходимость разработки и реализации системы мер, направленных на преодоление противоречий функционирования экспортного комплекса очевидна.

Главная задача — формирование механизма эффективного и целенаправленного управления процессами реализации экспортного потенциала региона. Актуальность ее решения обусловлена определенной утратой ориентиров управления при переходе к рыночной экономике. Если ранее контролировалась каждая экспортная позиция, то сейчас и анализ, и управление зачастую осуществляются [261, с. 116] на основании общих утверждений

о необходимости сокращения экспорта ресурсов и расширения экспорта продукции машиностроения.

На наш взгляд, эффективное управление структурной перестройкой может осуществляться лишь на основе ориентирования на приоритеты экспортной политики.

Для ориентирования промышленного комплекса на приоритеты экспортной деятельности необходим соответствующий методический инструментарий их выявления. Основой разработки такого инструментария обычно служит экономико-математическое моделирование, что предполагает использование разных методов — от простейших (методы математической обработки данных анкетных опросов, корреляционно-регрессионного анализа) до составления моделей межотраслевых и межрегиональных взаимодействий с выделением вертикально и горизонтально интегрированных экспортно-импортных цепочек.

Имитационные модели переходной экономики К. А. Багриновского [27] в качестве объекта управления рассматривают комплекс основных отраслей экономики — сельское хозяйство, промышленность, торговлю, транспорт, связь, строительство, которые практически полностью определяют экономику в каждый конкретный момент времени. Указанный комплекс отраслей, как и экономика в целом, обладает всеми основными чертами сложного объекта управления, и поэтому требуется проводить всесторонний анализ возникающих в процессе его функционирования проблем. Данные модели позволяют исследовать особенности нестационарного (эволюционного) поведения объекта управления в условиях переходной экономики. Предложенная имитационная система, моделирующая процесс перехода комплекса основных отраслей экономики России к состоянию рыночного равновесия, позволяет дать оценку качества перехода с помощью изменения показателей относительной прибыльности, которые в исходном неравновесном состоянии значительно отличаются друг от друга. Авторы утверждают, что в качестве критерия управления системой отраслей может быть выбрана минимизация коэффициента вариации этих показателей. Имитационные расчеты, проведенные на основе специальной прикладной модели равновесия, показывают, что в процессе перехода к рынку указанный коэффициент уменьшается. Достоинством настоящей разработки является возможность сокращения технологического неравенства между отраслями, а недостатком — слабое задействование ресурсного потенциала экономики в достижении позитивного результата.

Математическая теория сбалансированного экономического развития [68] основана на модели, постулирующей восемь простейших балансовых равенств «затраты — выпуск» в виде системы обыкновенных дифференциальных уравнений с управляющими параметрами, а также модели с конечными результатами, что позволяет формировать модели леонтьевского типа и выявлять наиболее эффективные пути управления экономическим развитием. Данная теория позволяет оценить асимптотическую устойчивость эффективных производственных фондов (важнейшая составляющая экспортного потенциала промышленного комплекса), согласовать сбалансированность и эффективность экономического развития с оптимизацией экс-

портных связей территории через связь предложения со спросом на продукты и услуги, но не отвечает на вопрос о предпочтительности технологической перестройки промышленного комплекса.

Аналогичной незавершенностью страдают и модели регионального вычислимого генерального равновесия (ВГР) [357], основанные на неоклассической теории, объясняющей уравнивание спроса и предложения гибкими ценами. Эти модели содержат элементы и национальных ВГР моделей, и традиционных (описывающих экономику по-кейнсиански, с фиксированными ценами) региональных моделей. Их популярность в последние годы растет, несмотря на издержки применения, так как они лучше объясняют картины данных, освещают функционирование региональных экономик и возможные эффекты политических мероприятий в различных хозяйственных сферах региона (энергетической, фискальной, транспортной, природно-ресурсной и др.).

При формировании моделей управления приоритетами экспортного производства, как показывает анализ, эффективным может оказаться довольно разнообразный математический аппарат — от теории производственных функций до теории массового обслуживания [142].

В последние годы особый интерес исследователей вызывает институциональный аспект межотраслевых связей российской экономики [82]. Несмотря на то, что региональный срез данных исследований отсутствует, идея построения институционального рельефа экономики, на наш взгляд, может быть перенесена на экспортно ориентированную промышленную политику территории.

Кроме того, при моделировании экспортных приоритетов промышленного развития должны учитываться показатели эффективности и показатели качественного состояния отраслевых комплексов, для чего предлагается система макроэкономических показателей, отражающих состояние экспортного комплекса региона [261, с. 117–118], включающая в себя:

- *валовой объем экспорта* — показатель, характеризующий уровень активной интеграции региона в систему мирохозяйственных связей;
- *экспортотъемкость регионально-хозяйственного комплекса и обрабатывающих его отраслей производства* — показатель, характеризующий степень интеграции мировой экономической системы в структуру регионально-хозяйственного комплекса;
- *диверсифицированность экспортных связей по ассортименту продукции* — показатель, с помощью которого определяют степень вовлеченности всех элементов хозяйственного комплекса региона в формирование его экспортного потенциала;
- *диверсифицированность территориально-географической структуры экспортных связей* — показатель, определяющий характер взаимодействия мировой и региональной хозяйственных систем;
- *эффективность территориально-географической структуры экспорта* — показатель, характеризующий степень соответствия сформировавшейся территориальной структуры экспортных связей конъюнктуре соответствующих внешних рынков сбыта;

- *абсолютная экономическая эффективность экспорта* — показатель, определяющий рентабельность производства продукции при ее реализации на внешних рынках;

- *относительная экономическая эффективность экспорта* — показатель, посредством которого определяют дополнительную прибыль (убыток) при реализации продукции на внешнем рынке по сравнению с ее реализацией на рынке внутреннем;

- *макроэкономическая эффективность экспорта* — показатель, характеризующий степень использования всего производственного потенциала региона при осуществлении экспортной деятельности;

- *территориальный структурный потенциал экспорта* — показатель, характеризующий возможности расширения стоимостных объемов экспорта за счет оптимизации его территориально-географической структуры;

- *отраслевой структурный потенциал экспорта* — показатель, характеризующий возможности повышения абсолютной, относительной и макроэкономической эффективности экспортной деятельности за счет совершенствования отраслевой и внутриотраслевой структуры экспорта.

Данная система показателей позволяет оценить экспортный потенциал региона с точки зрения реализации его ведущих функций, выявить основные противоречия, препятствующие их реализации, и определить конкретные (на уровне отдельных контрактов и предприятий) меры, направленные на разрешение выявленных противоречий.

5.2. РЕГИОНАЛЬНОЕ ЛЕСОУПРАВЛЕНИЕ: ЗАДАЧИ, ПРИНЦИПЫ, ПРОБЛЕМЫ

Под управлением лесным комплексом (ЛК) региона авторы понимают целенаправленную и эффективную деятельность региональных органов управления с помощью методов, используемых при работе с управляемой частью системы — лесным комплексом, обеспечивающим достижение его стратегических целей (рис. 35).

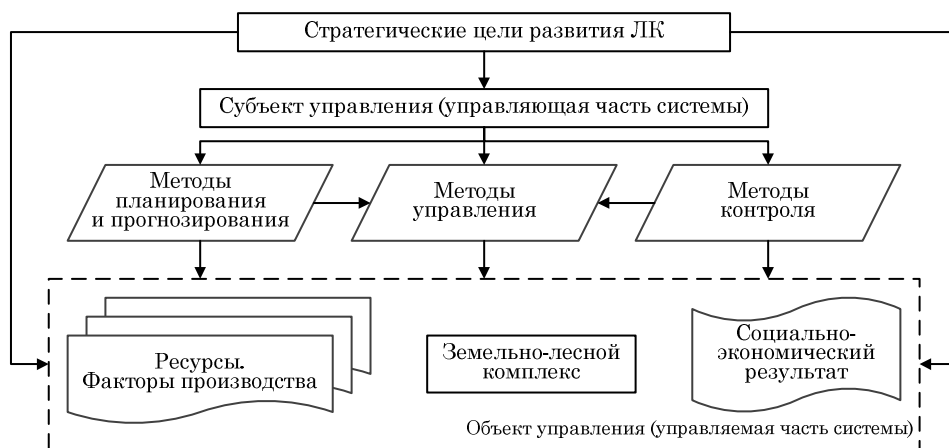

Рис. 35. Система управления лесным комплексом

Управление любой системой, в том числе лесным комплексом региона, предполагает изучение и использование различных методов управления. Методология государственного управления и регулирования землепользования и лесопользования — это совокупность принципов и методов управленческого взаимодействия государства и общества (экономические и социальные процессы).

Под методами управления понимаются способы целенаправленного воздействия управляющей системы на управляемый объект с целью получения заданного результата в условиях ограниченности ресурсов.

Система управления обладает общими, присущими любым другим системам управления, характеристиками: субъект, объект, цели и методы управления.

Спецификой же управления земельными ресурсами лесного комплекса региона является совмещение трех направлений деятельности: организационно-правовой, хозяйственно-экономической и социально-экологической.

Необходимость преобразований лесных отношений обусловлена требованиями соблюдать рациональное и неистощительное землепользование и лесопользование субъектов РФ, равновесие экологического и экономического потенциала лесов, создавать условия для экономически эффективного функционирования лесного комплекса, удовлетворения потребностей общества в разнообразных лесных ресурсах и услугах.

Следует признать и имеющиеся нерешенные проблемы, а именно: еще не полностью сформирован и согласован с системой земельных отношений механизм современной экономики страны, направленный на устойчивое управление лесными ресурсами, поэтому требуется дальнейшее развитие институциональной среды, включающей в себя совершенствование законодательной базы и организационно-территориальной структуры управления земельными ресурсами лесного комплекса регионов, учет реализации интересов государства, бизнеса и общества при организации использования земельных и лесных ресурсов [204].

Принятие в 2006 г. нового Лесного кодекса РФ было нацелено на реализацию институциональных преобразований системы управления лесами, в том числе на управление землепользованием ЛК посредством децентрализации организационной структуры управления ЛК и разграничения организационных структур, необходимого перечня функций и методов управления им (табл. 29) [203].

Таблица 29

Развитие управления лесным комплексом России в XX–XXI веках

Методы управления	Планово-директивная система	Послереформенная рыночная экономика	В условиях действия Лесного кодекса 2006 г.
Экономические	Государственный заказ; лимиты государственных капложений, подрядных строительно-монтажных работ и материальных ресурсов; финансовые и природоохранные нормативы; нормативы социального развития	Государственный заказ (федеральный, региональный, муниципальный): учетные и налоговые ставки, льготы, порядок проведения валютных операций, бюджетные кредиты, дотации, субсидии, госинвестиции, таможенные пошлины, таможенные льготы, нормы, стандарты, тарифы, цены, штрафы и др.)	Государственный заказ (федеральный, региональный, муниципальный): учетные и налоговые ставки, льготы, порядок проведения валютных операций, бюджетные кредиты, дотации, субсидии, госинвестиции, таможенные пошлины, таможенные льготы, нормы, стандарты, тарифы, цены, штрафы и др.)
Административно-правовые	Планы, директивы, приказы, распоряжения, контрольные показатели экономического и социального развития территорий	Лесной кодекс РФ, подзаконные акты, целевые программы	Лесной кодекс РФ, подзаконные акты, целевые программы, лесные планы, лесохозяйственные регламенты, лесной реестр, система зонирования, проекты освоения, лесные декларации, перечень приоритетных инвестиционных проектов

Методы управления	Планово-директивная система	Послереформенная рыночная экономика	В условиях действия Лесного кодекса 2006 г.
Организационные	Госкомлес СССР	Министерства, федеральные агентства, органы власти субъектов РФ	Министерства, федеральные агентства, государственные институты развития, органы власти субъектов РФ, Консультативный совет по вопросам государственной политики и нормативно-правовому регулированию в ЛПК, отраслевые ассоциации, лесничества

Приведенные в таблице данные необходимы для анализа условий перехода от командно-директивного подхода к государственно-частному партнерству, который позволит обеспечить соответствующий уровень управляемости лесного комплекса в современных социально-экономических условиях. Естественно, центральное место в системе лесных отношений на современном этапе занимают категории собственности и видов прав.

Экономика лесного комплекса имеет важное значение для экономического развития половины субъектов Российской Федерации. Так, согласно Отчету о реализации государственной программы Свердловской области «Развитие лесного хозяйства на территории Свердловской области до 2020 г.» за 2016 г. территория нашей области составляет 19 430 тыс. га, из них площадь, покрытая лесами — 13 319,9 тыс. га. Таким образом, показатель лесистости — 68,6 %, что позволяет отнести Свердловскую область к многолесным районам. Площадь ценных лесных насаждений составила 11 736,1 тыс. га, или 92,6 % (соотношение площади хозяйственно-ценных насаждений и общей площади покрытых лесной растительностью земель лесного фонда на территории Свердловской области). В бюджетную систему Российской Федерации за 2016 г. поступило 923,4 млн р. за использование лесов на территории Свердловской области, что составило 99,3 % (929,8 млн р.) выполнения плановых показателей текущего года, в том числе с разбивкой по уровням бюджета: в федеральный бюджет поступило 672,0 млн р., т. е. выполнение плана — 98,0 % (685,6 млн р.); в бюджет Свердловской области поступило 251,4 млн р., т. е. выполнение плана — 103,0 % (244,2 млн р.).

Система управления лесными землями России за последние годы превратилась из модели экстенсивного лесопользования в *модель устойчивого управления лесами*. Устойчивое лесопользование означает экономически доходное, экологически ответственное, социально ориентированное управление лесами с учетом долгосрочного сохранения разнообразных ценностей и функций лесных экосистем для нынешнего и будущих поколений на местном, национальном и глобальном уровнях. Это невозможно организовать без взаимодействия участников лесных отношений, адаптированного к новым условиям лесостроительства и планирования, к усовершенствованной системе органов управления, повышения качества подготовки кадров, обеспечения экономических и финансовых основ системы управления лесами [300; 301].

Лесной кодекс РФ (ст. 8), сохранив федеральную собственность на лесные участки, предоставил правовую, организационную и пространственную основу для лесопользования в современных условиях.

Внеся небольшие поправки в исследования Т. В. Арбузовой [22], авторы представляют правовую основу земле- и лесопользования в условиях государственной собственности на лесные ресурсы следующим образом:

- основания для возникновения прав пользования лесными участками, расположенными на других категориях земель;
- порядок всех видов прав на использование участков лесного фонда;
- формы организации хозяйственного пользования земельными и лесными участками (постоянное (бессрочное) пользование, аренда, безвозмездное срочное пользование);
- права и обязанности субъектов земельных и лесных отношений при осуществлении ими лесопользования (судебная защита и гарантии прав, привлечение к ответственности за нарушение договорных обязательств или незаконной деятельности в области лесопользования).

Объектом лесопользования в условиях рыночной экономики выступают лесные ресурсы, которые введены в хозяйственный оборот, регулируемый положениями ГК РФ (ч. II гл. 34, 36, 37), где основным видом прав пользования лесными участками является аренда.

Для хозяйствующих субъектов объектом аренды выступают земельные и лесные ресурсы и возможность предоставления данной услуги (ст. 5 ЛК РФ «Виды использования лесов»). Так, согласно отчету за 2016 г. департамента лесного хозяйства по Свердловской области площадь земель лесного фонда, переданная в аренду, составляет 4,5 млн га, т. е. 29,8 % общей площади лесного фонда области (15 198,1 тыс. га). На конец 2016 г. департаментом лесного хозяйства Свердловской области было заключено 1 400 договоров аренды. Фактический объем заготовки древесины составил 6 539,1 тыс. м³, или 80 % плана.

Эффективность государственного управления лесами на уровне РФ и региона определяется следующими экономическими принципами, обеспечивающими достижение стратегической цели — устойчивое управление лесами:

- равновесия экологических, экономических и социальных целей;
- экономической ответственности субъектов лесных отношений согласно предоставленным им полномочиям и правам;
- экономической заинтересованности всех субъектов лесных отношений в реализации стратегии устойчивого управления лесами;
- платности лесопользования, а именно: право собственника лесного фонда получать платежи за пользование лесными ресурсами в соответствии с их экономической оценкой, базирующейся на рентном подходе;
- доходности (экономичности);
- соответствия полномочий по уровням субъектов собственности финансовым возможностям их реализации.

Одним из основных инструментов экономического механизма лесопользования является формирование единой системы цен на всех этапах заготовки и переработки лесных ресурсов. В рыночной экономике для просто-

го воспроизводства лесных ресурсов необходимо соизмерять эти затраты с платежами за пользование ресурсами; факторные доходы (заработная плата, прибыль, земельная рента, лесная рента) выполняют роль стимулов, способствующих наиболее эффективному распределению ресурсов. Ведение хозяйственной деятельности в процессе использования и воспроизводства лесов должно стать правом и обязанностью хозяйствующих субъектов, а не государства [301, с. 42].

В настоящее время в Российской Федерации на уровне государства стратегические цели, направления развития лесного сектора определены в таких документах, как:

Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию (1996 г.) (далее — Концепция);

Стратегия устойчивого развития России (2002), Концепция развития лесного хозяйства РФ на 2003–2010 гг.;

Основные направления развития лесной промышленности до 2015 г.;

Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2020 г.

Устойчивое лесоправление в РФ и регионах в соответствии с Концепцией имеет четыре аспекта, выступающих в органическом единстве: экологический, социальный, культурный, экономический.

Экологический аспект предполагает лесоправление при сохранении окружающей природной среды и соблюдении принципов рационального использования природных ресурсов, охраны атмосферы, земель, недр, лесов, вод, биологического разнообразия.

Социальный аспект предопределяет, с одной стороны, необходимость использования лесных ресурсов с целью всемерного удовлетворения потребностей населения в лесной продукции всех назначений (включая полезность лесной среды), что будет сказываться на повышении жизненного уровня населения, а с другой — улучшение условий труда и жизни работников лесного сектора.

Культурный аспект управления включает комплекс вопросов: сохранение и развитие ценных природных ландшафтных территорий; развитие экологического туризма; международное научное сотрудничество; производство высокохудожественных видов лесной продукции и др.

Экономический аспект предполагает соблюдение баланса экономических интересов основных субъектов лесных отношений: государства, бизнеса, населения.

Воспроизводство и использование природных ресурсов носит региональный характер и привязано к определенной территории, поэтому возникает необходимость разработки и реализации региональной стратегии в области использования и воспроизводства лесных ресурсов (схема представлена на рис. 36) [300, с. 145].

При разработке модели регионального лесоправления в области использования и воспроизводства лесных ресурсов следует учитывать принципы национальной лесной политики, роль и значение леса в регионе, результаты анализа экономической, экологической и социальной ситуации, принимать во внимание тенденции развития рынка лесного сектора.

Ключевыми факторами, обеспечивающими выполнение стратегических целей и решение задач развития лесного сектора экономики в регионе, являются:

- сбалансированность спроса на лесопродукцию и услуги леса с ресурсным обеспечением с учетом будущих тенденций развития лесопотребления;
- ресурсосберегающие инновационные технологии, обеспечивающие комплексное использование лесных ресурсов, в частности древесного сырья;
- многоресурсное лесопользование;
- совершенствование форм организации использования и воспроизводства лесных ресурсов;
- формирование правового и организационно-экономического механизма управления для мотивации всех участников лесных отношений.

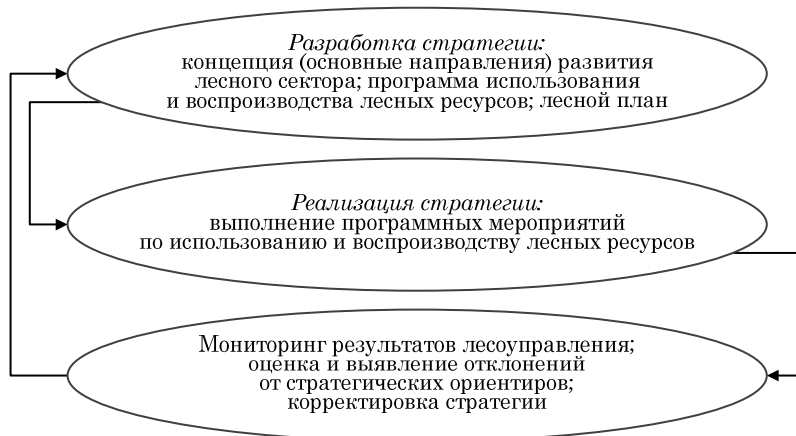

Рис. 36. Блок-схема регионального стратегического лесопользования

В сфере лесного сектора экономики:

• в *лесопромышленной зоне* определены следующие отраслевые приоритеты: лесопромышленный комплекс, рекреационный и культурно-исторический туризм;

- в *промышленной и научно-образовательной зоне* — туризм;
- в *агропромышленной зоне* — рекреационный туризм;
- в *инновационной зоне* — культурно-исторический туризм.

По мнению авторов, целесообразно для большей наглядности представить карту-схему возможностей развития лесного комплекса РФ до 2020 г. Уральский федеральный округ занимает 4-е место в стране по запасам лесных ресурсов (рис. 37).

В сфере лесного сектора экономики Свердловской области должны быть определены следующие отраслевые приоритеты: лесопромышленный комплекс, рекреационный, экологический и культурно-исторический туризм.

Проанализировав опыт арендных отношений в лесном секторе, можно выделить следующие проблемы, которые присутствуют как в РФ, так и в нашем Уральском регионе.

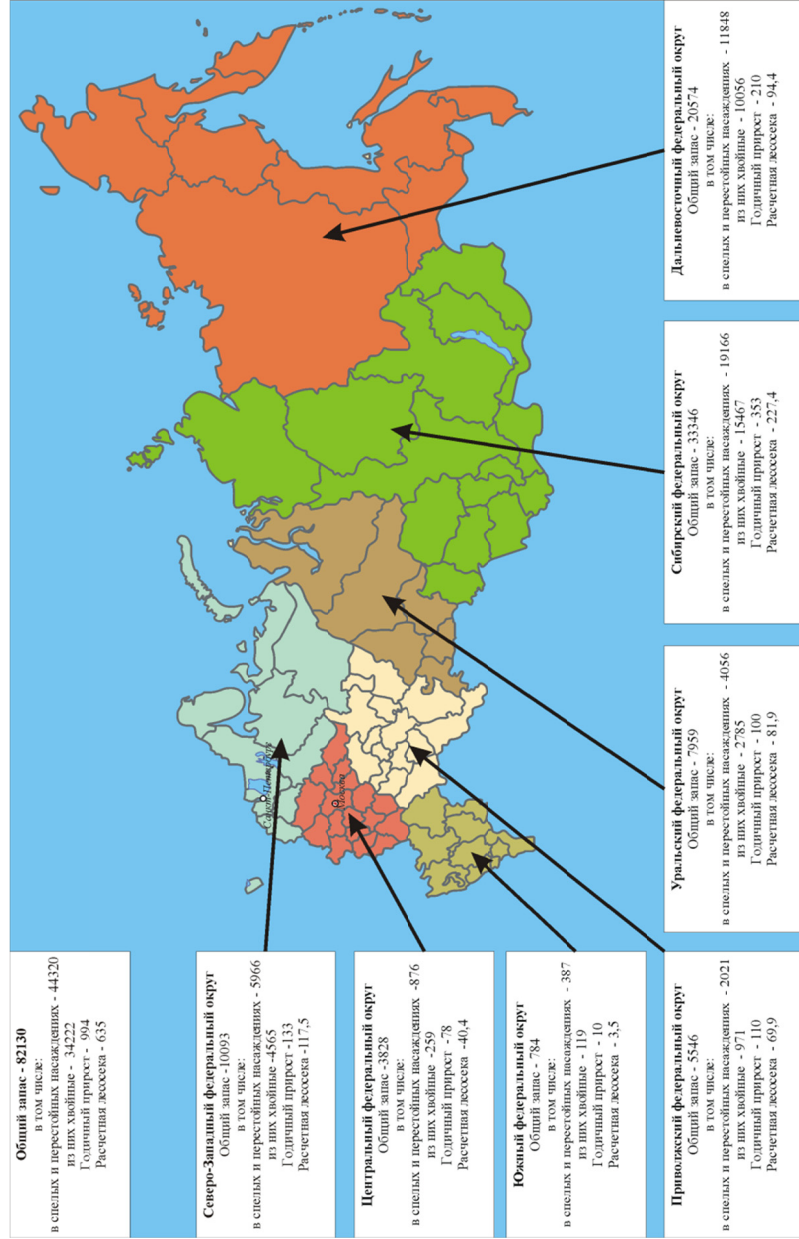

Рис. 37. Потенциал лесных ресурсов Российской Федерации и федеральных округов для реализации Стратегии развития лесного комплекса¹, млн м³

¹ Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации на период до 2020 г., разработанная в соответствии с поручениями Правительства Российской Федерации.

1. В лесном секторе до сих пор не существует конкурентной рыночной среды, так как на лесные рынки оказывается монопольное давление со стороны крупных компаний в ряде субъектов Федерации (диктат цен, приобретение территорий лесного фонда в аренду без аукционных процедур).

2. Использование лесных ресурсов происходит на договорной основе при большом количестве административных решений, принимаемых органами государственной власти субъектов Российской Федерации, что создает множество коррупционных рисков и приводит к большим эколого-экономическим потерям, а также наносит и политический ущерб.

3. Имеющиеся документы, регламентирующие условия аренды, не создали соответствующих условий для повышения доходности лесопромышленного производства, что проявляется в сохранении относительно низких ставок за использование лесов. Например, в Свердловской области в текущем году ставки на крупную деловую древесину сформировались в соответствии с Федеральным законом о бюджете на 2017 г. и составили по основным породам: береза — 87,52 р./м³; осина — 17,55; ель — 157,95; сосна — 175,97 руб./м³ (постановление Правительства РФ от 22 мая 2007 г. № 310).

4. Несовершенны как экономическая организация работы с произведенной лесной продукцией (приемка и оплата), так и выполнение работ, возложенных на арендаторов, ответственных за ведение лесного хозяйства (ст. 53, 55, 62, 64 Лесного кодекса РФ).

Стоит отметить, что экологические последствия в лесном секторе будут непредсказуемыми до тех пор, пока государство в вопросе участия частного бизнеса усматривает, наряду с уплатой налогов и арендных платежей, еще и дополнительные затраты на выполнение землеустроительных и лесохозяйственных работ. Расходы на воспроизводство, охрану, защиту лесов на арендуемой площади должны оплачиваться государством, как и в случаях выполнения госзаказа (ст. 19 Лесного кодекса РФ), поскольку арендаторы поддерживают осуществляемыми работами на землях лесного фонда надлежащее состояние государственного имущества.

5. Современная система арендных отношений в лесном секторе не привлекает зарубежные и отечественные инвестиции в создание новых производств, а также в развитие социальной и транспортной инфраструктуры. В связи с этим появилась новая форма организации арендных отношений на базе приоритетных инвестиционных проектов [193, с. 265].

Кратко представим, с точки зрения отечественных ученых-лесоэкономистов, стратегию устойчивого управления лесами, реализуемую через лесную политику России и регионов, а также основные проблемы лесной политики на современном этапе. Так, А. П. Петров считает, что лесная политика определяет цель, магистральное направление развития лесного сектора экономики, а лесоуправление — это система действий или программ, направленных на достижение в рамках действующего законодательства целей, сформулированных в лесной политике [217].

Н. А. Моисеев рассматривает важность разработки государственной лесной политики как в целом для страны, так и для регионов, резко отличающихся по характеру и роли лесов, по условиям их использования, по

формированию региональных лесных рынков и, наконец, по сотрудничеству с зарубежными странами [200].

В. Н. Петров под лесной политикой понимает «стратегию воздействия государственных органов на основные производственные факторы лесных предприятий и лесхозов через систему экономических, экологических и социальных предписаний и законов для достижения определенных целей»¹.

Итак, управление лесными землями и управление лесными ресурсами исключительно для заготовки древесины — это разные формы менеджмента, для осуществления которого требуются различные действия в широких сферах деятельности [217]. При управлении лесными землями региона нельзя ограничиваться решением очередных задач с получением максимального дохода за короткий период, необходим научный поиск организационно-экономических инструментов, позволяющих вести лесопользование во всех его видах путем привлечения средств субъектов лесных отношений; также требуется осуществлять региональное стратегическое планирование функционирования лесного сектора с соответствующими методами оценки затрат и результатов.

¹ *Петров В. Н.* Концептуальные основы отечественной лесной политики. — URL : <http://old.forest.ru/rus/problems/control/petrov03.html>.

5.3. ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ В РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Розничная торговля решает важные социально-экономические проблемы: удовлетворение потребностей населения более чем на 85 %; обеспечение занятости населения (на долю розничной торговли приходится около 19 % всего занятого населения России); формирование бюджетов различных уровней (торговля занимает 3-е место в бюджетной системе страны по налоговым платежам и сборам). На торговлю приходится 11 % всех отчислений — она уступает лишь добывающей (около 30 %) и перерабатывающей (более 18 %) промышленности. Торговля относится к наиболее динамично развивающимся отраслям экономики. На розничную торговлю совместно с оптовой в структуре ВВП страны приходится 20 %.

За последние несколько лет на потребительском рынке произошли существенные изменения, причиной которых стал экономический, а затем и социальный кризис. Начавшийся в 2014 г. экономический спад привел к тому, что население потратило все свои сбережения и перешло в режим тотальной экономии. По данным Банка России за 2014–2016 гг., потребительский спрос в тот период находился в стадии длительной рецессии. При этом продуктовая розница «чувствовала» себя менее уверенно, чем непродовольственный сектор. Это связано с тем, что сформировавшийся спрос на товары первой необходимости оказался неудовлетворенным на отдельные продукты питания импортного производства.

Характеризуя показатели оборота розничной торговли по субъектам Российской Федерации, следует отметить, что по-прежнему наблюдается существенная неоднородность развития торговли по федеральным округам: более 50 % оборота розничной торговли приходится на Центральный и Приволжский округа, причем Центральный федеральный округ традиционно лидирует — на его долю приходится половина розничного оборота страны. На Уральский, Сибирский, Южный, Северо-Западные федеральные округа приходится по 9 % совокупного розничного оборота страны.

Для торговли продуктами питания характерна неравномерность потребительского спроса. Как правило, высокая покупательская активность наблюдается либо в конце года, либо приурочена к праздникам. Несмотря на эту закономерность, уровень продаж в 2014–2016 гг. был ниже, чем в докризисный период. Это связано со значительными изменениями в поведе-

нии потребителей в период экономического кризиса. Ключевая причина сокращения оборота розничной торговли — падение реальных доходов населения (в 2016 г. по сравнению с 2013 г. реальные доходы населения снизились на 5,9 %).

Наметились такие тенденции, как стремление населения экономить и уменьшать объемы потребления продуктов питания, что является основной характеристикой среднестатистического покупателя в России.

Помимо изменений спроса на потребительском рынке произошли изменения в развитии сетевой торговли. На рынке значительно увеличилась доля крупных продовольственных сетей. По состоянию на начало 2017 г. они контролируют более 20 % рынка, а лидерами являются «Магнит» и «X5 Retail Group». За время кризиса эти торговые сети максимально увеличили свое присутствие территориально, делая ставку на формат «дискаунтера» (10 251 магазин у «Магнита» и 7 787 магазинов у «Пятерочки»).

Столица остается самым важным регионом страны по развитию сетевой торговли. Именно отсюда осуществляется основная экспансия национальных сетей, здесь же апробируются новые форматы и технологии. По оценкам аналитиков, Москва в целом опережает регионы страны на 3–4 года. По уровню развития сетевой торговли столица приближается к европейским странам. В настоящее время в Москве присутствуют более 50 продовольственных и 40 непродовольственных розничных торговых сетей различных масштабов деятельности, более половины которых работают на основе применения мировых стандартов.

В 40 субъектах Российской Федерации доля сетевых торговых структур в общем обороте розничной торговли превысила среднероссийский уровень. В то же время в таких республиках, как Дагестан, Саха (Якутия), а также в Сахалинской области розничные торговые сети в декабре 2016 г. обеспечили розничный оборот лишь на 5 %. Аналогичный показатель по Москве составил 24 % и Санкт-Петербургу — 51,7 %.

Неоднородность в уровне развития и, соответственно, в показателях оборота розничной торговли по федеральным округам объясняется, в первую очередь, различными условиями развития и функционирования локального потребительского рынка региона, и прежде всего социально-экономическими и демографическими факторами, такими как: уровень денежных доходов населения; уровень и качество жизни населения; размер денежных сбережений населения; экономическая активность населения; занятость и безработица.

С началом кризиса продуктовая розница столкнулась с падением объемов потребления, с уменьшением трафика покупателей, а следовательно, и объемов товарооборота и прочих показателей. Первоочередными задачами для нее стали привлечение покупателей за счет удержания более низких цен по отношению к конкурентам, увеличение доли промоакций в обороте и улучшение их качественной составляющей, наращивание доли СТМ в ассортименте. Помимо этого, большое внимание ритейлеры стали уделять реализации программ лояльности, при этом каждый клиент рассматривается индивидуально, с учетом имеющихся у него потребностей.

В 2017 г. наметилась положительная динамика, некоторая стабилизация на потребительском рынке, характерная продовольственному рынку,

несмотря на то, что на начало года индекс потребительских настроений составляет 72 %. При этом население не готово вернуться к докризисным объемам потребления. Именно качество продуктов в ближайшие годы будет играть все большую роль при выборе товара, и оптимальным вариантом для покупки станет качественная продукция по низкой цене. Но многие покупатели по-прежнему считают недопустимым покупать продукцию по высоким ценам и готовы экономить дальше, особенно на продуктах питания.

В условиях экономического кризиса торговые сети укрепляют свои позиции, а вот несетевая розница столкнулась со многими проблемами. В основном, единичные предприятия размещены в небольших городах или малых населенных пунктах, где расширяют свое присутствие торговые сети, в результате чего малые предприятия теряют позиции. В большей степени покупательский поток небольших магазинов связан с местом их размещения «у дома» и привычками населения. Но в целом небольшие розничные предприятия не могут конкурировать с сетевыми компаниями. Их закупочная мощность не позволяет реализовывать глубокий ассортимент товаров по конкурентоспособным ценам. Также им недоступны промо-акции, а внедрение программ лояльности вряд ли является целесообразным.

Следует отметить, что сетевые компании ощутили влияние кризиса в наименьшей степени; при этом у них отмечается положительная динамика прибыли и роста числа магазинов. Ежегодный прирост товарооборота в торговых сетях (2014–2016 гг.) составляет 2 %. Одновременно отмечается снижение прибыли у мелких и средних предприятий, которые находятся на грани выживания или ожидают ликвидации. По мнению экспертов РБК, тенденция «вытеснения» малых предприятий в секторе розничной торговли грозит рынку сокращением оборота и монополизацией рынка крупными торговыми компаниями, к которым относятся международные и федеральные торговые сети. В докризисный период российский рынок сетевого продовольственного ритейла перешел в стадию зрелости, предполагается постепенное замедление роста и увеличение конкуренции.

Тенденции, которые, по нашему мнению, будут определять развитие розничной торговли в ближайшие годы, таковы:

1. Усиление тенденций к мультиформатности сетей за счет ввода дисконтных форматов, являющихся ключевыми в период кризиса.

2. Продолжение роста доли розничных торговых сетей в обороте розничной торговли в регионах. Увеличение доли современных форматов в FMCG-ритейле до 60–65 % в 2017 г. за счет ухода с рынка мелкого и среднего бизнеса и консолидации крупных розничных торговых сетей. Усиление монопольного влияния торговых сетей на продовольственном рынке.

3. Изменение товарного предложения на продовольственном рынке. Увеличение доли российских товаров в обороте торговых сетей в ближайшие годы предполагается в среднем до 40–50 %.

4. Сжатие потребительского спроса и переход россиян к более сдержанной потребительской модели. Снижение потребления на душу населения высокоценных продуктов питания.

5. Изменение бизнес-моделей и стратегии развития торговых сетей в связи с изменениями рыночной конъюнктуры и высокой стоимостью заемных средств [207; 319].

6. Изменение географии поставок товаров и связанные с этим преобразования в логистических процессах за счет развития производства сельскохозяйственной продукции фермерскими хозяйствами, производственными кооперативами и предприятиями перерабатывающей промышленности.

7. Масштабный передел рынка дистрибуции продовольственных товаров вследствие введения эмбарго и курса экономики страны на замещение импорта; увеличение доли отечественных товаров, прежде всего на продовольственном рынке.

8. Существенное усиление роли государства в регулировании производства отечественных товаров и торговли; развитие ярмарочной и рыночной торговли.

9. Усиление налоговой нагрузки на бизнес.

Государство принимает меры по регулированию торговой деятельности в условиях снижения покупательской способности населения. Мероприятия по регулированию торговой деятельности будут проведены с учетом изменений в Федеральном законе от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации», вступивших в силу с 1 января 2017 г. В основном поправки коснулись регулирования условий договоров поставки, бонусов и иных выплат поставщикам, а также дополнительных выплат, не связанных с договором поставки. Что же касается организации торговли, то этот закон не оказывает влияния на развитие торговых сетей и на изменение розничных цен. Существенные изменения в развитии потребительского рынка, экономической ситуации в стране вызывают необходимость принятия новых государственных регламентов, в первую очередь в части регулирования рыночных отношений на розничном рынке.

В качестве поддержки спроса населения на продукты питания государство решило ввести систему продуктовых карточек для малоимущих граждан. Это связано с тем, что реальные доходы населения остались без изменения, а около 20 % граждан находятся за чертой бедности и не могут позволить себе приобрести определенные виды продуктов. У данной программы есть несколько особенностей. Например, деньги, перечисленные на карту, нельзя будет использовать не по назначению, а также накопить. При этом приобретать можно только продукты отечественных производителей из утвержденного списка и ряд сельскохозяйственных товаров. Карточки будут функционировать на основе российской многонациональной платежной системы («Мир»), которая создавалась как альтернатива иностранным «Visa» и «Mastercard». Их можно будет использовать во всех магазинах, которые готовы использовать эту систему. Поиск скидок и проведение промо-акций стали своеобразной игрой, и покупатели пока не готовы от этого отказываться.

Министерство промышленности и торговли РФ разработало программу развития отечественного производства; ее реализация позволит наладить здоровое питание населения и будет способствовать развитию российского производства продуктов питания. Ожидается, что «на каждый вложенный в программу рубль можно будет получить два рубля прироста ВВП».

Основным фактором развития продовольственного рынка является готовность населения переступить психологический барьер потребления, установленный кризисом. Если это произойдет, то изменится структура потреб-

ления в пользу высокоценных продуктов питания. Российские товаропроизводители наращивают производство продуктов питания, одновременно обостряется проблема сбыта продукции на внутреннем рынке. Отсутствие гарантии каналов сбыта отечественными товаропроизводителями сдерживает производство. Эта проблема должна решаться на государственном уровне. Необходимо создавать новые каналы сбыта и сбытовую сеть с государственной поддержкой.

С целью привлечения налоговых поступлений и ужесточения контроля розницы Минпромторг внес предложение Правительству РФ об установлении кассовых аппаратов нового поколения, программное обеспечение которых позволит отслеживать оплату товара по каждому кассовому чеку и поступление налоговых отчислений в бюджет по каждой операции по оплате.

Планируется также осуществлять государственный контроль режима работы крупных торговых предприятий типа «гипермаркет», «торговый центр», а именно предполагается: запретить им круглосуточную работу, а также в выходные и праздничные дни; установить укороченный рабочий день, например, в субботу до 16:00. Это позволит малым предприятиям улучшить экономическое положение (малые предприятия, исходя из финансовых соображений, не могут работать круглосуточно); часть населения сможет пользоваться услугами небольших магазинов, а население будет лучше планировать режим труда и отдыха.

Определились структурные изменения в розничной торговой сети, отмечающиеся укрупнением торговых организаций и развитием услуг, что характерно для торговли зарубежных стран [328; 363].

В настоящее время в России активно развивается индустрия досуга. Развлечения притягивают посетителей, именно поэтому торговые центры (ТЦ) стали размещать на своих площадях кинотеатры, боулинги, детские развлекательные комплексы, бильярды, аттракционы, игровые аппараты.

Поскольку интерес к лучшим торговым центрам в Москве, да и во всей России (с выгодным месторасположением и сильным пулом арендаторов), в том числе к новым проектам торговых центров, у населения из года в год только растет, то можно ожидать, что новые качественные проекты будут с успехом востребованы. Каждый новый проект уникален; этим и интересен процесс создания торговых центров. Все это привлекает население. Такие центры могут себе позволить расходы на дорогостоящую рекламу.

Ситуация в небольших российских городах существенно отличается от столичной и городов-миллионеров, но и там есть примеры сбалансированного подхода к решению задачи строительства ТЦ. Традиционный набор услуг (бильярд, боулинг, игровые автоматы, мультиплексы, фитнес) дополняется другими услугами. Соответственно, многие владельцы региональных ТЦ начали осознавать, что для их города или района необходима полноценная развлекательная составляющая. Стало очевидным, что в перспективе рынку потребуются нововведения, и какими они должны быть, чтобы удовлетворить новые потребности, нужно предусмотреть уже сегодня. Выиграют те, кто сумеет продумать концепцию ТРЦ и удовлетворить запросы потребителей, предоставив им больше разнообразных услуг.

Крупные девелоперы и в дальнейшем планируют распространять свое влияние на территории крупнейших городов России. Например, ИКЕА аван-

сирует планы развития своих торговых центров (Саратов, Пермь, Челябинск, Тюмень). Но сейчас международные и российские компании с осторожностью смотрят на регионы. Снижение покупательной способности населения, изменения товарного предложения, перенасыщение торговыми площадями, наличие вакантных площадей не вызывают особого желания приходить в некоторые регионы. В настоящее время заморожено строительство ряда крупнейших объектов уже на стадии проектирования.

Региональные различия в развитии товарооборота и его структуры связаны с численностью, составом населения и его доходами, развитием производственной сферы, притоком капитала, миграцией населения. Чем больше городского населения, тем больше средний товарооборот на душу населения. Это и понятно, так как крупнейшие города концентрируют деловую активность и являются административными и деловыми центрами. Здесь сконцентрированы основные покупательские потоки и денежные средства населения, предназначенные на покупку дорогостоящих товаров. Проявление данного фактора формирует миграцию покупателей и денежных потоков. Если город выполняет функции торгового центра регионального значения, то он выступает объектом притяжения потенциальных покупателей соседних территорий.

Радиус действия магазинов муниципальных образований может быть более 15 км. Но покупательский поток формируют не только жители районного центра, но и жители близлежащих поселений. Города с численностью населения более 10 тыс. чел. расширяют радиус обслуживания по непродовольственным товарам до 25 км (удовлетворяя спрос на мебель, одежду, обувь, технически сложные товары). Это в определенной степени зависит и от плотности населения на 1 км², и от статуса города.

Товарооборот в городах формируется не только за счет продажи товаров населению, проживающему в них, но и за счет притока покупателей из близлежащих населенных пунктов. Товарооборот на душу населения города механически увеличивается за счет продажи товаров населению из близлежащих населенных пунктов. И, как правило, он не отражает действительный спрос населения города.

Уровень развития инфраструктуры потребительского рынка, включающий в себя такие показатели, как уровень развития инфраструктуры розничной и оптовой торговли, прогрессивность технологий, степень вовлечения территории в логистические процессы регионального, общенационального и мирового масштаба, характеризует рыночные позиции территории. Крупнейшие логистические центры расположены не только в Москва, но и, например, в таких городах, как Екатеринбург, Самара, Новосибирск. Это важнейший элемент системы товародвижения и фактор формирования региональных рынков, товарного предложения, формирования спроса и цен.

Прослеживается закономерность изменения границ освоения потребительских рынков. В целом граница территориального освоения рынков движется в двух направлениях: от крупных к более мелким городам и от близких к центру — к более отдаленным территориям. Именно на таком двойном продвижении строится основная стратегическая линия большинства ведущих торговых операторов, хотя есть и исключение [336; 364].

В отличие от мегаполиса, крупнейшие торговые площадки которого перемещаются на окраины городов, в деловом районе областных городов и городов областного подчинения располагаются специализированные магазины по торговле одеждой, обувью, технически сложными товарами, торговые и торгово-развлекательные центры. В городах с численностью населения 100–200 тыс. чел. в центре находятся гипермаркеты и универсамы, а также магазины «Товары для дома».

Выбор месторасположения и специализации магазина — важнейший логистический и маркетинговый фактор его жизнеспособности. Принятие решения о месторасположении нового магазина представляет собой поэтапный процесс. Первое, что необходимо сделать, — выявить и оценить наиболее привлекательные районы сбыта и места дислокации магазина с точки зрения объема товарооборота, затрат и прибыли [206; 319; 326]. Для торговой организации важно обладать точными сведениями об особенностях места, на территории которого предполагается открытие магазина конкретной специализации.

Анализ работы магазинов в городских поселениях (при выборе территории и месторасположения магазина) показал необходимость учета: транспортной доступности (беспересадочное сообщение); движения покупателей (пешеходный поток); плотности и этажности окружающей застройки; уровня жилой застройки (бюджетное жилье, эконом-класс, типовая застройка, бизнес-класс, премиум-класс); конкуренции (прямые конкуренты, торгующие аналогичным товаром, и конкуренты, предлагающие, в том числе, и другие товары); присутствие не конкурирующих фирм; географические препятствия для населения; наличие парковки в соответствии с размерами магазина; средний чек и возможное количество покупателей магазина; планируемая доходность; назначение товара [137; 207]. Обладая необходимой информацией, предпринимательские структуры смогут реально оценить свои возможности и перспективы развития бизнеса на конкретной территории, в соответствующем регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Аджемоглу Д., Робинсон Д. А.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты : [пер. с англ.]. — М. : АСТ, 2015. — 1083 с.

2. *Азарова Л. В.* Факторы, влияющие на развитие отраслевой структуры Омского региона на рубеже второго и третьего тысячелетий // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. — 2014. — № 40. — С. 59–65.

3. *Акаев А.* О стратегии интегрированной модернизации экономики России до 2025 г. // Вопросы экономики. — 2012. — № 4. — С. 97–116.

4. *Акбердина В. В., Гребенкин А. В.* Инновационная реальность: сравнительная оценка регионов России // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2016. — № 4. — С. 20–26.

5. *Александров А. П.* О закрытом административно-территориальном образовании // Трехгорный : энциклопедия / [ред. кол. : А. М. Субботин (пред.) и др.]. — Челябинск : Изд-во «Каменный пояс», 2012. — 695 с.

6. *Аматова Н. Е.* Развитие и внедрение nbic-технологий: история и современность // Современные проблемы науки и образования : [электронный научный журнал]. — 2014. — № 5. — URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15075>.

7. *Анализ основных тенденций развития крупных городов РСФСР.* — М. : ЦЭНИИ при Госплане РСФСР, 1982. — 212 с.

8. *Андрианов В.* Экономический потенциал России // Вопросы экономики. — 1997. — № 3. — С. 128–144.

9. *Анимица Е. Г.* Города Среднего Урала. — Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983. — 288 с.

10. *Анимица Е. Г.* Крупнейшие города России в контексте глобальных урбанизационных процессов // *Ars Administrandi*. — 2013. — № 1. — С. 82–96.

11. *Анимица Е. Г.* Региональная политика: сущность, основные цели, проблемы // Экономика региона. — 2005. — № 1. — С. 7–19.

12. *Анимица Е. Г.* Феномен кондратьевских волн и циклов в развитии промышленности Уральского макрорегиона // Модернизационно-инновационные процессы в социально-экономическом развитии регионов и городов. Книга 1 : кол. моногр., приуроченная к 20-летию кафедры региональной и муниципальной экономики / [отв. за вып. В. П. Иванецкий, Е. П. Дя-

тел ; науч. ред. Е. Г. Анимица]. — Екатеринбург : [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та], 2013. — 474 с.

13. *Анимица Е. Г., Власова Н. Ю.* Градоведение : учеб. пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. — Екатеринбург : [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та], 2006. — 417 с.

14. *Анимица Е. Г., Власова Н. Ю.* Градоведение : учеб. пособие. — 4-е изд., перераб. и доп. — Екатеринбург : [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та], 2010. — 433 с.

15. *Анимица Е. Г., Власова Н. Ю.* Уральская городская культурная матрица: тенденции становления, основные опасности и угрозы // Развитие городов в условиях глобализации : сб. науч. тр. в честь юбилея засл. деятеля науки РФ, д-ра геогр. наук, проф. Е. Г. Анимицы. — Екатеринбург : [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та], 2012. — 172 с.

16. *Анимица Е. Г., Глумов А. А.* Срединный регион: теория, методология, анализ. — Екатеринбург : [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та], 2007. — 288 с.

17. *Анимица Е. Г., Силин Я. П.* Средний Урал на пути к новой индустриализации // Экономика региона. — 2013. — № 3. — С. 71–81.

18. *Анимица Е. Г., Сурнина Н. М.* Экономическое пространство России: проблемы и перспективы // Экономика региона. — 2006. — № 3. — С. 34–46.

19. *Анимица Е. Г., Сухих В. А.* Пространственно-временная парадигма в социэкономике: региональный аспект. — Пермь : Перм. ун-т, 2007. — 139 с.

20. *Антонова А. А.* Методические подходы к оценке агломерационного развития регионов России : автореф. дис. ... канд. экон. наук. — СПб., 2013. — 22 с.

21. *Антонюк В. С., Вансович Э. Р.* Структурная политика субъектов РФ в условиях региональных отраслевых сдвигов : [монография]. — Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2013. — 155 с.

22. *Арбузова Т. В.* Экономическое управление лесопользованием (на примере лесной отрасли Пермского края) : дис. ... канд. экон. наук. — Ижевск, 2008. — 196 с.

23. *Аронов Д. В.* К проблеме определения понятия «научная школа» // Alma Mater: Вестник высшей школы. — 2003. — № 6. — С. 8–13.

24. *Артюхов В.* Общая теория систем. Самоорганизация, устойчивость, разнообразие, кризисы. — М., 2014. — 224 с.

25. *Атом-пресса.* — 2007. — № 27(762). — С. 3.

26. *Ахиезер А. С.* Качество городской среды как фактор интенсификации прогресса // Проблемы качества городской среды : сб. науч. тр. / [отв. ред. Г. М. Лаппо, Т. В. Бочкарев]. — М. : Наука, 1989. — 189 с.

27. *Багриновский К. А.* Имитационное моделирование переходной экономики // Управление экономикой переходного периода. — 1998. — № 2. — С. 216–243.

28. *Бакланов П. Я.* Динамические пространственные системы промышленности: теоретический анализ. — М. : Наука, 1978. — 132 с.

29. *Баранский Н. Н.* Об экономико-географическом изучении городов // Баранский Н. Н. Избранные труды. Становление советской экономической географии. — М. : Мысль, 1980. — 287 с.

-
30. *Барыкин Д. В.* Выбор стратегии поведения организации на рынке с учетом влияния внешней среды // Региональная экономика: теория и практика. — 2007. — № 13. — С. 118–121.
31. *Баташов В. М.* Воспоминания о прошлом. — Лесной, 2009. — 195 с.
32. *Бекетов Н. В.* Проблемы стратегического планирования регионального развития // Региональная экономика: теория и практика. — 2008. — № 35. — С. 16.
33. *Белов А. В.* К вопросу о пространственном размещении факторов производства в современной России // Пространственная экономика. — 2012. — № 2. — С. 9–28.
34. *Бияков О. А.* Теория экономического пространства: методологический и региональный аспекты. — Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2004. — 151 с.
35. *Блауг М.* 100 великих экономистов до Кейнса. — СПб. : Экономическая школа, 2008. — 384 с.
36. *Бляхман Л. С.* Новая индустриализация: сущность, политико-экономические основы, социально-экономические предпосылки и сопровождение // Проблемы современной экономики. — 2013. — № 4(48). — С. 44–53.
37. *Бляхман Л. С.* Основные направления новой индустриализации в мезоэкономических секторальных комплексах // Проблемы современной экономики. — 2014. — № 2(50). — С. 7–19.
38. *Бляхман Л. С.* Промышленная политика — основа перехода к новой модели экономического роста // Проблемы модернизации и перехода к инновационной экономике. Проблемы современной экономики. — 2013. — № 1(45). — С. 7–17.
39. *Бодрунов С. Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. — СПб. : ИНИР им. С. Ю. Витте, 2016. — 328 с.
40. *Бодрунов С. Д.* Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты // «Форсайт „Россия“: новое производство для новой экономики». Том 1 / Сборник пленарных докладов Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2016) / под общ. ред. С. Д. Бодрунова. — М. : Культурная революция, 2016. — С. 17–35.
41. *Бодрунов С. Д.* Реиндустриализация экономики как стратегический приоритет развития России // Экономика качества. — 2014. — № 4(8). — URL : <http://eq-journal.ru/pdf/08/Бодрунов.pdf>.
42. *Бодрунов С. Д.* России необходима новая индустриализация // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. — 2016. — № 1(50). — С. 5–11.
43. *Бодрунов С. Д.* Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства // Экономическое возрождение России. — 2014. — № 2. — С. 5–16.
44. *Бодрунов С. Д.* Формирование стратегии реиндустриализации России : [монография] : [в 2 ч.]. — 2-е изд., перераб. и доп. — СПб. : ИНИР, 2015. — Ч. 1. — 551 с.
45. *Бодрунов С. Д., Гринберг Р. С., Сорокин Д. Е.* Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски // Экономическое возрождение России. — 2013. — № 1(35). — С. 19–49.

-
46. *Бодрунов С. Д., Гринберг Р. С., Сорокин Д. Е.* Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски // *Экономическое возрождение России*. — 2013. — № 1(35). — С. 19–49.
47. *Большая советская энциклопедия* : [в 51 т.] / [гл. ред. Б. А. Введенский]. — 2-е изд. — М. : БСЭ, 1955. — Т. 34. — 657 с.
48. *Большой экономический словарь*: 25 000 слов / под ред. А. Н. Азриляна. — 6-е изд. — М. : Ин-т новой экономики, 2004. — 1376 с.
49. *Бочко В. С.* Ускоряющие и сдерживающие факторы скоординированного и сбалансированного развития региона // *Экономика региона*. — 2015. — № 1(41). — С. 39–52.
50. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : [пер. с фр.]. — 2-е изд. — М. : Изд-во «Весь мир», 2006. — Т. 1 : Структуры повседневности: возможное и невозможное. — 592 с.
51. *Бухвалов Н. Ю.* Теория и методология формирования и развития высокотехнологичного сектора экономики. — Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2016. — 214 с.
52. *Вайль П.* Гений места. — М. : Изд-во «Независимая газета», 1999. — 488 с.
53. *Вайсман А.* Стратегия маркетинга: 10 шагов к успеху. Стратегия менеджмента: 5 факторов успеха. — М. : АО «Интерэксперт» ; Экономика, 1995. — 344 с.
54. *Варнавский В. Г.* Партнерство государства и частного сектора: формы, проекты, риски. — М. : Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН, 2005. — 315 с.
55. *Вебер А.* Теория размещения промышленности. — М. : Книга, 1926. — 332 с.
56. *Взаимодействие* Агентства Республики Казахстан по статистике с мировым статистическим сообществом // *Экономика и статистика*. — 2013. — № 4. — С. 148.
57. *Власова Н. Ю.* Городские агломерации: история и современность // *Метрополизация и городские сети* : тез. докл. — М. : Ин-т географии РАН, 2009. — С. 9–13.
58. *Власова Н. Ю.* Структурная модернизация экономики крупнейших городов России. — Екатеринбург : [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та], 2000. — 255 с.
59. *Власова Н. Ю., Вечкинзова Е. А.* Особенности формирования индустриально-инновационной инфраструктуры территорий // *Известия Уральского государственного экономического университета*. — 2013. — № 6(50). — С. 87–93.
60. *Волкова Т. И.* Интеллектуальная собственность в научно-технической сфере. — Екатеринбург : УрО РАН, 1999. — 171 с.
61. *Волошина А.* Реализация мегапроектов как фактор ускорения регионального развития // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 3: Экономика. Экология. — 2010. — Т. 3, № 2. — С. 15–20.
62. *Волошина А. Ю.* Пространство мегаэкономики: концептуальные основы идентификации в глобальной экономике // *Вестник Волгоградского*

государственного университета. Сер. 3: Экономика. Экология. — 2013. — № 2(23). — С. 214–221.

63. *Волошина А. Ю.* Реализация мегапроектов как фактор ускорения регионального развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3: Экономика. Экология. — 2010. — Т. 3, № 2. — С. 15–20.

64. *Галазова С. С.* Региональная идентичность экономического пространства // Экономические науки. — 2014. — № 6. — С. 64–69.

65. *Гаши Е. Г., Ковылов В. К.* Система жизнеобеспечения городов как отражение их территориальной организации // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. — 2006. — № 3. — С. 27–33.

66. *Гельвановский М. И., Жуковская В. М., Сергеев С. М.* Экономический потенциал: понятие, модель, индикаторы // Известия Академии наук СССР. Серия экономическая. — 1990. — № 5. — С. 111–129.

67. *Гельцер Ю. Г.* Основы предсказуемой экономики: экономика в свете общей теории систем. — М. : Ленанд, 2015. — 352 с.

68. *Герасимов Ю. К.* Математическая теория сбалансированного эффективного экономического развития. — М. : Изд-во МГУ, 1998. — 214 с.

69. *Гизатуллин Х. Н., Калимуллина Ф. Ф.* Ресурсный потенциал Башкирии. — Уфа : Изд-во ИЭС УНЦ РАН, 1996. — 150 с.

70. *Глазычев В. Л.* Город без границ. — М. : Изд. дом «Территория будущего», 2011. — 400 с.

71. *Глазьев С. Ю.* Возможности и ограничения технико-экономического развития России в условиях структурных изменений в мировой экономике : [науч. докл.]. — М. : ГОУ ВПО «ГУУ», 2008. — 91 с.

72. *Глазьев С. Ю.* О стратегии экономического развития России // Вопросы экономики. — 2007. — № 5. — С. 30–51.

73. *Глазьев С. Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. — М. : Экономика, 2010. — 255 с.

74. *Глазьев С. Ю.* Теория долгосрочного технико-экономического развития. — М. : ВладДар, 1993. — 310 с.

75. *Глейзер Э.* Триумф города. Как наше величайшее изобретение делает нас богаче, умнее, экологичнее, здоровее и счастливее : [пер. с англ.]. — М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. — 432 с.

76. *Голов Р. С., Мыльник А. В., Прокофьев Д. А.* Теоретические основы реиндустриализации экономики в контексте системной инновационной модернизации промышленности // Экономика и управление в машиностроении. — 2016. — № 3. — С. 15–20.

77. *Гольдберг А. Л.* Развитие агломерационных процессов в России // Вестник развития науки и образования. — 2014. — № 2. — С. 10–13.

78. *Горнова Г. В.* Философия города. — М. : Форум ; ИНФРА-М, 2014. — 344 с.

79. *Город* в контексте глобальных процессов / под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина, Н. А. Слуки. — М. : МГУ, 2011. — 448 с.

80. *Гранберг А. Г.* Основы региональной экономики : учеб. для вузов. — М. : ГУ-ВШЭ, 2000. — 495 с.

81. *Гранберг А. Г.* Основы региональной экономики : учебник. — 4-е изд. — М. : ГУ-ВШЭ, 2004. — 495 с.

82. *Гребенников В. Г., Суворов А. В., Щебарова Е. А.* Измерения потоков промежуточной продукции и экономического эффекта между институциональными секторами российской экономики // Экономика и математические методы. — 1999. — Т. 35, № 3. — С. 16–24.

83. *Гринберг П.* CRM со скоростью света = CRM at the speed of light. — СПб. : Символ Плюс, 2007. — 528 с.

84. *Гришина И. В.* Анализ и прогнозирование инвестиционных процессов в регионах России. — М. : СОПС, 2005. — 256 с.

85. *Грудцын Н. А.* Государственно-частное партнерство при создании объектов высокоскоростного железнодорожного движения: опыт зарубежных стран // Общество. Среда. Развитие. — 2016. — № 2. — С. 3–8.

86. *Грудцын Н. А.* Распределение рисков при создании объектов высокоскоростного железнодорожного движения с использованием государственно-частного партнерства // Наука. Техника. Образование. — 2016. — № 8. — С. 116–118.

87. *Губанов С.* Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. — 2008. — № 9. — С. 3–27.

88. *Губанов С.* Неоиндустриализация: к вопросу о «вопросе» (некоторые уточнения) // Экономист. — 2017. — № 3. — С. 43–53.

89. *Губанов С.* Неоиндустриальный подъем России требует снятия системных ограничений // Экономист. — 2017. — № 4. — С. 3–10.

90. *Губанов С.* Об экономической модели и долгосрочной стратегии новой индустриализации России // Экономист. — 2016. — № 2. — С. 3–10.

91. *Губанов С.* Производительные силы: переход к технотронной эпохе // Экономист. — 2002. — № 7. — С. 36–47.

92. *Губанов С. С.* Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. — 2008. — № 9. — С. 3–27.

93. *Губанова Е. С., Селякова С. А.* Вопросы развития городской агломерации // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. — 2009. — Вып. 46. — С. 36.

94. *Гузнер С. С., Харитонова В. Н., Вижина И. А.* Внутрирегиональная дифференциация инвестиционного климата: рейтинговая оценка // Регион: экономика и социология. — 1997. — № 2. — С. 109–137.

95. *Гусарова М. В., Овчинникова М. А.* Управление по результатам в системе государственного управления в России: подходы и результаты реформирования за последние 10 лет // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2014. — № 1. — С. 98–126.

96. *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество : [пер. с англ.]. — М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 2004. — 602 с.

97. *Дворядкина Е. Б.* Инерционность экономического развития городов традиционно-промышленного региона. — Екатеринбург : [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та], 2005. — 204 с.

98. *Дворядкина Е. Б., Сапожникова Е. Э.* Рыночная инфраструктура региона: эволюционный подход к исследованию : [монография] / [науч. ред. Е. Г. Анимица]. — Екатеринбург : [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та], 2010. — 194 с.

-
99. *Демографическая модернизация России 1900–2000* / под ред. А. Вишневого. — М. : Новое изд-во, 2006. — 601 с. — Гл. 5.
100. *Дерябина М.* Государственно-частное партнерство: теория и практика // Вопросы экономики. — 2008. — № 8. — С. 61–77.
101. *Джекобс Дж.* Экономика городов : [пер. с англ.]. — Новосибирск : Культурное наследие, 2008. — 294 с.
102. *Джонетон Д., Шрофф-Мета П.* Финансирование и доступность высшего образования: международное сравнительное исследование оплаты обучения и мер финансовой поддержки // Университетское управление. — 2001. — № 2(17). — С. 34–39.
103. *Длинные волны: научно-технический процесс и социально-экономическое развитие* / [С. Глазьев, Г. Микерин и др.]. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1991. — 224 с.
104. *Дмитриева О. Г.* Региональная экономическая диагностика. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та экономики и финансов, 1992. — 274 с.
105. *Добрин Л. Р., Свиридова Е. С.* Дестабилизирующие факторы в экономике Евразийского экономического союза // Science Time. — 2014. — № 12. — С. 165–173.
106. *Дугин А. Г.* Археомодерн. — М. : Арктогея, 2011. — 142 с.
107. *Дуналь П., Плазак М., Шиманьска А.* Значимость факторов локализации производства по оценкам предпринимателей // Научный диалог. Сер.: Экономика. Право. — 2014. — № 7(31). — С. 18–38.
108. *Дьянченко О. В., Зарубежников Е. С.* Мировые тренды реиндустриализации: первоначальный опыт и современные противоречия // Экономическое возрождение России. — 2015. — № 3(45). — С. 62–75.
109. *Елшина А. А.* Городские агломерации: теоретические проблемы и анализ зарубежного опыта // Современные научные исследования и инновации. — 2015. — № 7, ч. 3. — URL : <http://web.snauka.ru/issues/2015/07/56419> (дата обращения: 19.11.2016).
110. *Еникеева С. Д.* Инновационное развитие системы высшего образования России. — М. : МГУ, 2010. — 69 с.
111. *Закрытые атомные города России (особенности развития и управления)* : [монография] / [Е. Г. Анимца, Н. Ю. Власова, Е. Б. Дворядкина и др.]. — Екатеринбург : [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та], 2002. — 186 с.
112. *Зарубежнов Е. С.* Тенденции и проблемы реиндустриализации Южного Урала // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. — № 18(373). Экономика (вып. 51). — С. 80–89.
113. *Захаров С. В.* Концептуальные подходы к изучению сущности понятия «пространственно-экономическая трансформация» // Менеджер. Вестник Донецкого государственного университета управления. — 2016. — № 2. — С. 112–119.
114. *Звягинцева О. П.* Воспроизводство общественных благ в ракурсе концепции экономического пространства // Проблемы новой политической экономии. — 2004. — № 2. — С. 50.
115. *Зимин Б. Н.* Размещение производства в рыночной среде. — М. : Альфа-М, 2003. — 175 с.

-
116. *Зубаревич Н. В.* Социальная дифференциация регионов и городов России // Pro et Contra. — 2012. — Т. 16. — С. 135–152.
117. *Зукин Ш.* Культуры городов / [пер. с англ. Д. Симановского]. — М. : Новое литературное обозрение, 2015. — 424 с.
118. *Иванова Н. А.* Теоретические аспекты понятия инфраструктуры региона // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. — 2012. — № 4(32). — С. 30–36.
119. *Изменения* в пространственной организации промышленности мира: вторая половина XX века — начало XXI века : [монография] / под ред. И. А. Родионовой. — М. : Экон-Информ, 2009. — 258 с.
120. *Ильин Г.* Научная школа как социальный институт и педагогический феномен // Высшее образование в России. — 1998. — № 4. — С. 49–51.
121. *Институциональная среда «новой индустриализации» экономики России* : сборник / под ред. Е. Б. Ленчук. — М. : Ин-т экономики РАН, 2014. — 264 с.
122. *Иншаков О. В., Фролов Д. П.* Экономическое пространство и пространственная экономика // Экономическая наука современной России. — 2005. — № 4. — С. 174–180.
123. *Итоги* Второй мировой войны. Выводы побежденных. — СПб. : Полигон ; М. : АСТ, 1998. — 640 с.
124. *Ицкович Г.* Тройная спираль. Университеты — предприятия — государство. Инновации в действии / [пер. с англ. под ред. А. Ф. Уварова]. — Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2010. — 238 с.
125. *Кабашкин В. А.* Государственно-частное партнерство в регионах Российской Федерации : [монография]. — М. : Дело, 2010. — 117 с.
126. *Кадочников Д. В.* Мегапроекты и экономическая культура города // Экономическая культура мегаполиса. Альманах Центра исследований экономической культуры факультета свободных искусств и наук СПбГУ. — СПб., 2017. — С. 9–25.
127. *Казаков В.* Выпасть из цепочки // Ведомости. — 2017. — 29 марта. С. 3.
128. *Каримов А. Г., Чувашаева Э. Р.* К уточнению сущности и содержания категории «экономическое пространство» // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2014. — № 10-2. — С. 62–67.
129. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура : [монография]. — М. : ГУ-ВШЭ, 2000. — 608 с.
130. *Кириченко В.* Реформационный процесс и становление государственной промышленной политики России // Российский экономический журнал. — 1999. — № 8. — С. 3–21.
131. *Клаузевиц К. фон.* О войне : [в 2 т.]. — М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastic, 2002. — Т. 1. — 558 с. ; Т. 2. — 574 с.
132. *Климова Н. И.* Инвестиционный потенциал региона. — Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 1999. — 274 с.

-
133. *Климова Н. И.* Научные основы инвестиционного обеспечения регионального развития : дис. ... д-ра экон. наук. — Екатеринбург, 1999. — 368 с.
134. *Клоцвог Ф. Н., Кушникова И. А., Чернова Л. С.* Макроэкономическая оценка ресурсного потенциала субъектов России // Проблемы прогнозирования. — 1999. — № 2. — С. 49–63.
135. *Клочков В. В., Критская С. С.* Анализ влияния темпов освоения производства новой техники на ее конкурентоспособность // Экономический анализ: теория и практика. — 2013. — № 4(307). — С. 11–22.
136. *Ковалев С. Г.* Возможности неоиндустриального развития России // Интеграция производства, науки и образования и реиндустриализация российской экономики : сб. материалов Междунар. конгресса «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения» / под общ. ред. С. Д. Бодрунова. — М. : Ленанд, 2015. — 464 с.
137. *Козерод Л. А.* Методы выбора и модели оценки месторасположения розничного торгового предприятия // Модернизация экономики России в контексте глобализации : материалы Междунар. научно-практ. конф. (Хабаровск, 24–25 ноября 2011 г.) — Хабаровск, 2011. — Т. 2. — С. 136–146.
138. *Козлова О. А., Шеломенцев А. Г., Терентьева Т. В., Макарова М. Н.* Агломерационный фактор в контексте территориального развития регионов Дальнего Востока // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2014. — № 10-3. — С. 89–93.
139. *Колясников В. А.* Градостроительная культура и инновации // Стройкомплекс Среднего Урала. — 2013. — № 10. — С. 32–37.
140. *Колясников В. А., Спиридонов В. Ю.* Современная теория и практика градостроительства: пространственное развитие расселения. — Екатеринбург : Архитектон, 2016. — 194 с.
141. *Концепция* поляризованного развития Пермской области / под ред. Е. С. Сапиро, А. Н. Пыткина. — Пермь, 1993. — 60 с.
142. *Конюховский П. В.* Простейшая мультипликативная стохастическая модель управления привлеченными средствами // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. — 1998. — № 3. — С. 91–102.
143. *Корабейников И. Н.* Особенности и компоненты информационно-экономического пространства // Вестник УрФУ. Сер.: Экономика и управление. — 2015. — Т. 14, № 5. — С. 687–716.
144. *Костинский Г. Д.* Идея пространственности в географии // Известия РАН. Серия географическая. — 1992. — № 6. — С. 38.
145. *Коцоев А. Г.* Реиндустриализация экономики России: вопросы методологии // Вестник АКСОР. — 2011. — № 4. — С. 43–50.
146. *Крупнейшие города — их настоящее и будущее* / [гл. ред. Д. И. Валентей]. — М. : Статистика, 1979. — 126 с.
147. *Крупные города и вызовы глобализации* / под ред. В. А. Колосова, Д. Эккерта. — Смоленск : Ойкумена, 2003. — 280 с.
148. *Крупный город: проблемы и тенденции развития* / [отв. ред. В. А. Воротилов. — Л. : Наука, 1988. — 169 с.

-
149. *Крюков В. А., Маршак В. Д., Селиверстов В. Е.* Региональный экономический механизм // *Регион: экономика и социология.* — 1997. — № 3. — С. 23–47.
150. *Кудинова М. М.* Корпоратизация вузов: прогрессивная мировая практика или опасный тренд в развитии высшего образования // *Вестник Финансовой академии.* — 2009. — № 1. — С. 26–33.
151. *Кузнецова О. В.* Проблемы оценки федеральной инвестиционной политики как фактора регионального развития // *Региональные исследования.* — 2014. — № 4. — С. 125–133.
152. *Кузнецова О. В.* Различия в привлекательности российских регионов для отечественных и иностранных инвесторов // *Вопросы экономики.* — 2016. — № 4. — С. 86–102.
153. *Кузнецова О. В., Кузнецов А. В., Туровский Р. Ф., Четверикова А. С.* Инвестиционные стратегии крупного бизнеса. — М.: Либроком, 2017. — 440 с.
154. *Кузык Б. Н., Яковец Ю. В.* Цивилизации: теория, история, диалог, будущее: [в 6 т.]. — М.: Ин-т экон. стратегий, 2008. — Т. V: Цивилизации. Прошлое и будущее. — 576 с.
155. *Куклин А. Л., Леонтьева А. Г.* Дифференциация доходов населения и проблема бедности (на примере Тюменской области) // *Экономика региона.* — 2011. — № 1. — С. 93–98.
156. *Кульков В. М.* Новая индустриализация в контексте экономического развития России // *Экономика. Налоги. Право.* — 2015. — № 2. — С. 81–85.
157. *Кульков В. М.* Постиндустриализация или новая индустриализация? // *Проблемы современной экономики.* — 2015. — № 4. — С. 56–59.
158. *Кун Т.* Структура научных революций: [пер. с англ.]. — М.: АСТ, 2003. — 605 с.
159. *Куперштох В. Л., Соколов В. М., Суспицын С. А., Ягольницер М. А.* Методические основы выделения депрессивных регионов // *Регион: экономика и социология.* — 1996. — № 2. — С. 3–33.
160. *Кучин И. А., Лебедев А. И.* Фракталы и циклы социальных процессов // *Фракталы и циклы развития систем.* — Томск: ИОМ СО РАН, 2001. — С. 25–30.
161. *Лаврикова Ю. Г., Котлярова С. Н., Суворова А. В., Аверина Л. М.* Формирование и развитие импортозамещающих инновационных кластеров: [монография]. — Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2016. — 89 с.
162. *Лагодина Е. В.* Комфортная городская среда глазами простого горожанина // *Северо-Кавказский психологический вестник.* — 2013. — № 11/2. — С. 9–11.
163. *Лаженцев В. Н.* Содержание, системная организация и планирование территориального развития / отв. ред. А. И. Татаркин. — Екатеринбург — Сыктывкар: Ин-т соц.-экон. и энерг. проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, 2014. — 236 с.
164. *Ланно Г. М.* Городские агломерации СССР — России: особенности динамики в XX веке // *Российское экспертное обозрение.* — 2007. — № 4–5. — С. 6–9.

-
165. Лаппо Г. М., Полян П. М., Вавилова Т. И. Городские агломерации в России // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период : [монография] / [отв. ред. О. Б. Глезер, С. С. Артоблевский]. — М. : МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2011. — 317 с.
166. Лаппо Г. М., Полян П. М., Селиванова Т. И. Агломерации России в XXI веке // Вестник Фонда регионального развития Иркутской области. — 2007. — № 1. — С. 45–52.
167. Лейзерович Е. Е. Уровни организации пространства: экономико-географический анализ // Известия РАН. Серия географическая. — 1995. — № 2. — С. 127–132.
168. Ленчук Е. Б. Технологический вектор новой индустриализации в России // «Форсайт „Россия“: новое производство для новой экономики». Том 1 / Сборник пленарных докладов Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭЖ-2016) / под общ. ред. С. Д. Бодрунова. — М. : Культурная революция, 2016. — С. 91–101.
169. Леонтьев Б. Б., Мамаджанов Х. А. Основы организации управления интеллектуальной собственностью на предприятии : [в 2 ч.]. — М. : Патент, 2010. — Ч. 1. — 196 с.
170. Лёш А. Пространственная организация хозяйства : [пер. с нем.] / под ред. А. Г. Гранберга. — М. : Наука, 2007. — 663 с.
171. Лимонов Л. Э. Крупный город: регулирование территориального развития и инвестиционные стратегии. — СПб. : Наука, 2004. — 270 с.
172. Липсиц И. В., Нещадин А. А., Вигдорчик Е. А., Кашин В. К., Никологорский Д. Ю. Модернизация промышленности и экономическое развитие России. Теоретический аспект // Консультант директора. — 1998. — № 12. — С. 8–11.
173. Логвинов В. Н. Баланс традиций и новаторства как динамический феномен профессионального сознания // Архитектор и историческая городская среда: *Lege artis* / [ред.-сост. С. С. Попадюк]. — М. : РААСН, 1999. — 192 с.
174. Лола А. М. Основы градovedения и теории города в российской интерпретации. — 2-е изд. — М. : КомКнига, 2011. — 344 с.
175. Лопатин В. Н. Интеллектуальная собственность: словарь терминов и определений. — М. : Патент, 2012. — 148 с.
176. Лопаткова Н. А., Волкова И. В. Экологическая оценка состояния городской среды // Международный журнал экспериментального образования. — 2009. — № 3. — С. 55.
177. Лопатников Л. И. Экономико-математический словарь. — 2-е изд. — М. : Наука, 1987. — 509 с.
178. Лукачева Т. А. Проведение спортивных мегамероприятий как стратегия развития и продвижения территории // Экономическая культура мегаполиса. Альманах Центра исследований экономической культуры факультета свободных искусств и наук СПбГУ. — СПб., 2017. — С. 26–37.
179. Лукьянин В. П. Операция, равная величайшим битвам. — Екатеринбург : ИД «Пакрус», 2015. — 204 с.
180. Лэндри Ч. Креативный город. — М. : Изд. дом «Классика-XXI», 2005. — 378 с.

-
181. *Любовный В. Я.* Города России: альтернативы развития и управления. — М., 2013. — 614 с.
182. *Любовный В. Я.* Монопрофильные города в условиях кризиса: состояние, проблемы, возможности реабилитации. — М. : Ин-т макроэкономических исследований РААСН, 2009. — 104 с.
183. *Любовный В. Я.* Проблемы регулирования развития городов и городских агломераций в условиях реструктуризации угольной промышленности (зарубежный и отечественный опыт). — М. : Экон-Информ, 2015. — 168 с.
184. *Маергойз И. М.* Задачи изучения экономико-географического положения // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. — 1978. — № 3. — С. 24–30.
185. *Майер В. В.* Социологическая концепция формирования системы управления качеством высшего образования. — Тюмень : ТюменьПресс, 2007. — 230 с.
186. *Макар С. В.* Анализ пространства в экономической науке: развитие концептуальных подходов // Вестник Томского государственного университета. — 2012. — № 4. — С. 17–25.
187. *Макарова И. В.* Диагностика потенциала и стратегия модернизации машиностроительного комплекса старопромышленного региона : дис. ... д-ра экон. наук. — Екатеринбург, 2010. — 383 с.
188. *Макарова И. В., Максимов А. Д.* Методология оценки потенциала модернизации промышленного комплекса // Журнал экономической теории. — 2011. — № 4. — С. 96–110.
189. *Малахова О. Б.* Предпосылки применения гравитационных моделей региональной экономики для выбора стратегических направлений развития приграничного региона // Альманах современной науки и образования. — 2009. — № 3. — С. 116.
190. *Мамедбекова М. О.* Проблемы функционирования и развития производственной инфраструктуры в условиях интенсификации общественного производства // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2008. — № 10. — С. 155–169.
191. *Маршалл А.* Принципы экономической науки : [в 3 т.] : [пер. с англ.]. — М. : Прогресс, 1993. — Т. 1. — 415 с.
192. *Матковская Я. С.* Микроэкономические причины отказа от инноваций: недооцененная роль цепочек ценностей для новой индустриализации экономики // Экономический анализ: теория и практика. — 2014. — № 12(363). — С. 10–17.
193. *Мезенина О. Б., Нагимов З. Я., Лукин Д. А.* Государственно-частное партнерство в лесном секторе: опыт, проблемы // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. — 2015. — № 6(56). — С. 262–266.
194. *Менделеев Д. И.* К познанию России. — М. : Айрис-пресс, 2002. — 576 с.
195. *Меняйлов А. А.* Индустриализация аграрных регионов Северного Кавказа в 1900–1930 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Пятигорск, 2013. — 28 с.

-
196. Мерсье-Сюисса К. Факторы, влияющие на локализацию и делокализацию предприятий // Современные тенденции локализации предприятий: европейский и российский опыт : материалы Междунар. круглого стола. — Екатеринбург : [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та], 2009. — С. 3–7.
197. Минакир П. А. Экономический анализ и измерения в пространстве // Пространственная экономика. — 2014. — № 1. — С. 12–39.
198. Митрофанов А. В. Единство экономического пространства: подходы к трактовке и содержание понятия // Вестник Пензенского государственного университета. — 2013. — № 2. — С. 46–52.
199. Митрофанова И. В., Жуков А. Н. Стратегический территориальный менеджмент: возрождение мегапроектов // Региональная экономика: теория и практика. — 2012. — № 22. — С. 2–10.
200. Моисеев Н. А. Проблемы лесной экономики в науке и практике // Лесной журнал. — 2008. — № 4. — С. 6–11.
201. Мокронос А. Г. Конкурентоспособность предприятия : учеб. пособие. — Екатеринбург : РГППУ, 2011. — 197 с.
202. Монтестье Ш. Л. Избранные произведения. — М. : Госполитиздат, 1955. — 800 с.
203. Морозова О. Н. Формирование и развитие лесопромышленного комплекса региона : дис. ... канд. экон. наук. — Ижевск, 2009. — 151 с.
204. Мочаева Т. В. Институциональная среда аренды лесных участков : дис. ... канд. экон. наук. — Йошкар-Ола, 2010. — 208 с.
205. Найт Ф. Х. Риск, неопределенность и прибыль : [пер. с англ.]. — М. : Дело, 2003. — 360 с.
206. Николаева Т. И. Выбор месторасположения специализированного магазина как фактор его эффективности // Теория и практика актуальных исследований : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. — Краснодар, 2017. — С. 65–68.
207. Николаева Т. И., Кузьменко Ю. Г. Выбор эффективного месторасположения магазина: маркетинговые и логистические аспекты // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Экономика и менеджмент. — 2017. — Т. 2, № 1. — С. 130–136.
208. Новая индустриализация как условие формирования инновационной модели развития российской экономики : [науч. докл.] / [рук. темы Е. Б. Ленчук]. — М. : Ин-т экономики РАН, 2014. — 58 с.
209. Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / под ред. В. Л. Иноземцева. — М. : Academia, 1999. — 631 с.
210. Новая промышленная политика России в контексте обеспечения технологической независимости / отв. ред. Е. Б. Ленчук. — СПб. : Алетейя, 2016. — 336 с.
211. Новое интегральное общество. Общетеоретические аспекты и мировая практика / [С. Ю. Глазьев, О. Т. Богомолов, Г. Г. Водолазов и др.]. — М. : Ленанд, 2016. — 256 с.
212. Ноженко Д. Ю. Предпосылки и факторы адаптации государственных программ субъекта Федерации // Корпоративное управление и инновационное развитие Севера: Вестник Научно-исследовательского центра кор-

поративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. — 2016. — № 2. — С. 149–155.

213. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. — М., 1997. — 944 с.

214. *Осьмук Л. А.* Социальное сопровождение реиндустриализации // Стратегия устойчивого развития регионов России : сб. материалов 35-й Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 12 октября — 8 ноября 2016 г.). — Новосибирск : Изд-во ЦРНС, 2016. — С. 167–172.

215. *Панкрухин А. П.* Маркетинг территорий. — 2-е изд., доп. — СПб. : Питер, 2006. — 371 с.

216. *Перес К.* Технологические революции и финансовый капитал: динамика пузырей и периодов процветания : [пер. с англ.]. — М. : Изд. дом «Дело», 2013. — 232 с.

217. *Петров А. П.* Частно-государственное партнерство в лесном секторе // ЛесПромИнформ. — 2010. — № 8(74). — С. 14–17.

218. *Пештиев В. И.* К концепции экономического пространства // Проблемы новой политэкономии. — 2001. — № 3. — С. 32–36.

219. *Пилецкий И. В., Пилецкий А. И.* Сельские агломерации культурных ландшафтов как фактор повышения конкурентоспособности национальной аграрной экономики // Проблемы безопасности российского общества. — 2012. — № 3. — С. 95–106.

220. *Побываев С. А., Толкачев С. А.* Реиндустриализация в США и ЕС // Мир новой экономики. — 2015. — № 2. — С. 29–36.

221. *Подопригора Ю. В.* Негородские агломерации как фактор интенсивного развития экономики // Экономика и предпринимательство. — 2014. — № 4-2. — С. 309–312.

222. *Покишишевский В. В.* Территориальное формирование промышленного комплекса Санкт-Петербурга в XVIII–XIX веках // Вопросы географии. Сб. 20 : Историческая география СССР. — М. : Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1950. — С. 122–163.

223. *Полтерович В. М.* Гипотеза об инновационной паузе и стратегии модернизации // Вопросы экономики. — 2009. — № 6. — С. 4–22.

224. *Полякова Н. Ф.* Производственная инфраструктура региона: теоретический подход к изучению // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2013. — № 6. — С. 60–63.

225. *Полян П. М., Селиванова Т. И.* Городские агломерации России и новые тенденции эволюции их сети (1989–2002 гг.) // Известия РАН. Серия географическая. — 2007. — № 5. — С. 18–27.

226. *Посталюк М. П., Бобиенко О. А.* Динамика и тенденции дифференциации населения по уровню доходов в России (на примере Татарстана) // Проблемы современной экономики. — 2014. — № 3(51). — С. 240–244.

227. *Проблемы* развития агломераций России. — М. : Красанд, 2009. — 192 с.

228. *Пробст А. Е.* Проблемы размещения социалистической промышленности. — М. : Экономика, 1982. — 215 с.

229. *Пупырев Е. И.* Система жизнеобеспечения городов. — М. : Наука, 2006. — 247 с.

-
230. *Путин В. В.* Цифра и факты // Российская газета. — 2017. — 5 июня. — С. 1–2.
231. *Пушкарева В. М., Горяченко Е. Е.* Системная диагностика и прогнозирование социально-экономического развития города монофункционального типа. — Новосибирск, 1996. — 34 с.
232. *Радаев В. В.* Что такое «экономическое действие» // Экономическая социология. — 2002. — Т. 3, № 5. — С. 18–25
233. *Развитие* городских агломераций : аналит. обзор. — Вып. 2. — М. : Гипрогор, 2015. — 68 с.
234. *Райзберг Б. А., Лобко А. Г.* Программно-целевое планирование и управление. — М. : ИНФРА-М, 2002. — 428 с.
235. *Рапацевич Е. С.* Педагогика: большая современная энциклопедия. — Минск : Современное слово, 2005. — 720 с.
236. *Региональная экономика и пространственное развитие* : [в 2 т.] : учебник / под общ. ред. Л. Э. Лимонова. — М. : Юрайт, 2015. — Т. 1 : Региональная экономика. Теория, модели и методы. — 397 с.
237. *Реиндустриализация экономики России в условиях новых угроз* / под ред. С. Д. Валентея. — М. : ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2015. — Вып. 2. — 72 с.
238. *Рифкин Дж.* Третья промышленная революция. Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом : [пер. с англ.]. — М. : Альпина нон-фикшн, 2014. — 410 с.
239. *Романова Е. В., Носова А. Н., Меркушева О. А., Потапова А. А., Савченкова А. Г., Шустов Е. А.* Влияние агломерационных эффектов на размещение новых предприятий в Калининском районе Тверской области // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. — 2017. — № 2. — С. 81–90.
240. *Романова О. А.* Инновационная парадигма новой индустриализации в условиях формирования интегрального мирохозяйственного уклада // Экономика региона. — 2017. — Т. 13, вып. 1. — С. 276–289.
241. *Романова О. А.* Неиндустриализация как фактор повышения экономической безопасности старопромышленных регионов // Экономика региона. — 2012. — № 2. — С. 70–80.
242. *Романова О. А.* Неиндустриализация старопромышленных регионов России // Модернизационно-инновационные процессы в социально-экономическом развитии регионов и городов. Книга 1 : кол. моногр., приуроченная к 20-летию кафедры региональной и муниципальной экономики / [отв. за вып. В. П. Иваницкий, Е. П. Дятел ; науч. ред. Е. Г. Анимица]. — Екатеринбург : [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та], 2013. — 474 с.
243. *Романова О. А., Акбердина В. В.* Методология и практика формирования высокотехнологического сектора экономики и создания новых рабочих мест в индустриальном регионе // Экономика региона. — 2013. — № 3(35). — С. 152–161.
244. *Рудченко И. И.* Безопасность жизнедеятельности урбанизированных территорий. — Краснодар : Феникс, 2014. — 224 с.
245. *Румянцева Е. Е.* Новая экономическая энциклопедия. — М. : ИНФРА-М, 2005. — 722 с.

246. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты : [пер. с фр.]. — М. : Канон-Пресс ; Кучково поле, 1998. — 416 с.

247. Сачко Г. В. К вопросу о региональной культуре Евразийского пространства // Судьбы национальных культур в условиях глобализации : материалы III Междунар. науч. конф. (Челябинск, 26–27 марта 2015 г.) / [отв. ред. М. Г. Смирнов]. — Челябинск, 2015. — С. 162–167.

248. Селиванова Т. И. Географические особенности городского агломерирования в постсоветской России : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. — М., 2011. — 29 с.

249. Семак Е. А. Единое экономическое пространство: теоретические подходы // Беларусь и мировые экономические процессы : сб. науч. ст. — Минск : БГУ, 2013. — Вып. 10. — 178 с.

250. Сигов И. И. Планирование комплексного развития крупных городов: опыт и пути совершенствования. — М. : Наука, 1982. — 239 с.

251. Силин Я. П., Анимица Е. Г. Новая индустриализация в пространстве макрорегиона: цели, возможности и этапы // Неоиндустриально ориентированные преобразования в экономическом пространстве Уральского макрорегиона : [монография] / под науч. ред. Я. П. Силина, Е. Г. Анимицы ; [отв. за вып. Е. Б. Дворядкина]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2017. — 196 с.

252. Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В. «Новая нормальность» в российской экономике: региональная специфика // Экономика региона. — 2016. — Т. 12, № 3. — С. 714–725.

253. Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В. Перед вызовами третьей волны индустриализации: страна, регион // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2016. — № 3(65). — С. 14–25.

254. Смирнягин Л. В. Место вместо местоположения? (О сдвигах в фундаментальных понятиях географии) // Географическое положение и территориальные структуры: памяти И. М. Маергойза / [сост. : П. М. Полян, А. И. Трейвиш]. — М. : Новый хронограф, 2012. — С. 421–456.

255. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов (Книги I–III). — М. : Наука, 1992. — 572 с.

256. Советский энциклопедический словарь. — М., 1980. — 1600 с.

257. Соколов М. М. Социально-экономические проблемы функционирования и развития крупных городов: методы исследования и регулирования : [монография]. — М. : Изд-во ГАСИС, 2010. — 352 с.

258. Соловьев М. Ю. Формирование инструментов управления экономикой региона на основе социального партнерства // Экономика региона. 2007. — № 18, ч. 2. — С. 76–89.

259. Соломатина Е. О. Современные предпосылки к применению принципов корпоративного управления в вузе // Бизнес в законе. — 2010. — № 5. — С. 174–177.

260. Сорокин П. А. Социальная мобильность, ее формы и флуктуации // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. — М. : Политиздат, 1992. — 543 с.

-
261. *Социально-экономический потенциал региона: проблемы оценки, использования и управления* / под ред. А. И. Татаркина. — Екатеринбург : Изд-во Ин-та экономики УрО РАН, 1997. — 379 с.
262. *Социально-экономическое развитие Мурманской области в переходный период: современное состояние и прогнозы* / под ред. Г. П. Лузина. — Апатиты : Изд-во Кольского научного центра РАН, 1992. — 214 с.
263. *Социологический энциклопедический словарь: на русском, английском, немецком, французском и чешском языках* / ред. Г. В. Осипов. — М. : ИНФРА-М, 1998. — 481 с.
264. *Спрос на предложения* // Наука Урала. — 2017. — № 5. — С. 8.
265. *Стратегия развития крупнейшего города: взгляд в будущее (научно-методический подход)* / [кол. авт. ; науч. рук. Е. Г. Анимича, В. С. Бочко]. — Екатеринбург, 2003. — 600 с.
266. *Сурнина Н. М.* Пространственная экономика: проблемы теории, методологии и практики / [науч. ред. Е. Г. Анимича]. — Екатеринбург : [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та], 2003. — 281 с.
267. *Сурнина Н. М., Илюхин А. А., Илюхина С. В.* Развитие социальной и инженерной инфраструктуры региона: сущностный, институциональный, информационный аспекты // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2016. — № 5(67). — С. 54–65.
268. *Сухова Л. Ф.* Методологические основы размещения предприятий сферы услуг // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. — 2011. — № 3. — С. 205–212.
269. *Сыроеждин И. М.* Системный анализ экономической информации. — Л. : Изд-во ЛФЭИ, 1978. — 258 с.
270. *Сыроеждин И. М.* Планомерность. Планирование. План (теоретические очерки) / [науч. ред. Е. З. Майминас]. — М. : Экономика, 1986. — 248 с.
271. *Тамбовцев В.* Улучшение защиты прав собственности — неиспользуемый резерв экономического роста России? // Вопросы экономики. — 2006. — № 1. — С. 22–37.
272. *Татаркин А. И.* Новая индустриализация экономики России: потребность развития и/или вызовы времени // Экономическое возрождение России. — 2015. — № 2. — С. 20–31.
273. *Татаркин А. И., Дорошенко С. В.* Институт стратегического планирования в условиях формирования саморазвивающихся регионов // Экономика и общество. — 2009. — № 11–12. — С. 100–120.
274. *Татаркин А. И., Романова О. А.* Возможности и механизмы неоиндустриализации старопромышленных регионов // Экономист. — 2013. — № 1. — С. 21–38.
275. *Татаркин А. И., Романова О. А.* Промышленная политика: генезис, региональные особенности и законодательное обеспечение // Региональная экономика: теория и практика. — 2014. — № 2. — С. 9–22.
276. *Татаркин А. И., Романова О. А., Акбердина В. В.* Технологические и пространственные возможности новой индустриализации промышленных регионов // Федерализм. — 2014. — № 3. — С. 45–56.
277. *Татаркин А. И., Романова О. А., Чененова Р. И., Макарова И. В.* Региональная промышленная политика. От макроэкономических условий

формирования к новым институтам развития : [монография]. — М. : Экономика, 2012. — 360 с.

278. *Татаркин А. И., Романова О. А., Чененова Р. И., Филатова М. Г.* Региональная промышленная политика: теоретические основы, практика формирования и механизм реализации : препринт. — Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2000. — 82 с.

279. *Тихонов С.* Русский аддитивный прорыв // Эксперт. — 2017. — 20–26 марта. — С. 20–21.

280. *Тойнби А. Дж.* Цивилизация перед судом истории: сборник / [пер. с англ. И. Е. Киселевой, М. Ф. Носовой]. — М. : Прогресс-культура ; СПб. : Ювента, 1995. — 478 с.

281. *Тоффлер А.* Футурошок : [пер. с англ.]. — СПб. : Лань, 1997. — 464 с.

282. *Травуш В. И.* Инновации и архитектура. Как стать творцом и инноватором // Academia. Архитектура и строительство. — 2010. — № 4. — С. 7–22.

283. *Трофимов А. М., Шарыгин М. Д., Черкасова С. Р.* Диффузия нововведений как глубинный процесс территориальной организации общества // Территория и общество. — Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1999. — С. 20–32.

284. *Трубина Е. Г.* Город в теории: опыты осмысления пространства. — М. : Новое литературное обозрение, 2011. — 520 с.

285. *Тургель И. Д.* «Вторые» города горнозаводского Урала: опыт институционально-эволюционного анализа // Региональная экономика: теория и практика. — 2013. — № 44. — С. 2–13.

286. *Тургель И. Д.* Моноспециализированный город: теория и практика стратегического управления социально-экономическим развитием. — Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2001. — 259 с.

287. *Тургель И. Д.* Нормативно-правовые и финансово-экономические основы развития современного города как элемента системы местного самоуправления // Муниципалитет: экономика и управление. — 2011. — № 1(1). — С. 005–017.

288. *Тургель И. Д., Божко Л. Л., Сюй Л.* Государственная поддержка развития моногородов России и Казахстана // Вестник Финансового университета. — 2016. — № 2. — С. 22–32.

289. *Тюнен Й. Г.* Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству // Тюнен Й. Г. Исследование о влиянии хлебных цен, богатства почвы и накладных расходов на земледелие. — М. : Экономическая жизнь, 1926. — 326 с.

290. *Ушаков Д. Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. — М. : Буколика, 2008. — 1247 с.

291. *Федоренко Н. П., Дементьев В. Е., Гофман К. Г.* Общественное богатство: проблемы эффективной реализации экономического потенциала // Экономика и математические методы. — 1991. — Т. 27, вып. 2. — С. 229–241.

292. *Фельцман В. К.* Динамика национального богатства СССР // Экономика и математические методы. — 1991. — Т. 27, вып. 2. — С. 242–257.

293. *Фливиборг Б., Брузелиус Н., Ротенгаттер В.* Мегапроекты и риски: анатомия амбиций : [пер. с англ.]. — М. : Альпина Паблишер, 2014. — 288 с.

294. *Харченко К. В.* Проблемы управления развитием городских агломераций: взгляд из г. Белгорода // Муниципальный мир. — 2009. — № 1–2. — С. 49–57.

295. *Хауке М. О.* Ограничение роста крупных городов // Планировка и застройка больших городов. — М. : Изд-во архитектуры и строительства, 1961. — 116 с.

296. *Хрущев А. Т.* География промышленности СССР. — М. : Мысль, 1979. — 436 с.

297. *Чекмарев В. В.* К теории экономического пространства // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. — 2001. — № 3. — С. 25–38.

298. *Чернецова Н. С.* Природа и структура экономического пространства и экономические интересы // Известия ПГПУ. Общественные науки. — 2006. — № 2(6). — С. 64–68.

299. *Чернова Т. В.* Межрегиональная дифференциация денежных доходов населения. — Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. — 192 с.

300. *Чернякевич Л. М.* Принципы трансформации, система лесоуправления и экономическая модель устойчивого развития лесного хозяйства // Регионология. — 2005. — № 1. — С. 143–155.

301. *Чернякевич Л. М., Милкова О. И.* Развитие стратегического лесного планирования в новых институциональных условиях лесоуправления // Региональная экономика. — 2009. — № 42(135). — С. 40–43.

302. *Шаталин Ю. А.* Оптимальное размещение производства. — М. : Наука, 1980. — 176 с.

303. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция : [пер. с англ.]. — М. : Изд-во «Э», 2017. — 208 с.

304. *Швецов А.* Либерализация государственной региональной политики // Вопросы экономики. — 2006. — № 7. — С. 73–83.

305. *Шемякина М. В.* Сельские агломерации в пригороде Твери: опыт выявления и исследования // Материалы научной студенческой конференции. — Тверь, 2011. — С. 64–66.

306. *Шнипер Р. И.* Регион: диагностика и прогнозирование. — Новосибирск : Изд-во Ин-та экономики и организации промышленного производства СО РАН, 1996. — 135 с.

307. *Шуйский В. П.* Реиндустриализация России: возможности импорта технологий // Российский внешнеэкономический вестник. — 2014. — № 3. — С. 15–22.

308. *Шульгин Д. Б.* Теоретико-методологические основы управления интеллектуальной собственностью как стратегическим ресурсом инновационного развития системы «вуз — предприятие» : дис. ... д-ра экон. наук. — СПб., 2010. — 311 с.

309. *Шумилов М. М.* Новые задачи евразийской интеграции в условиях глобального экономического кризиса // Управленческое консультирование. — 2013. — № 5(53). — С. 89–101.

-
310. *Шупер В. А.* «Экономический ландшафт» Августа Лёша в условиях постиндустриальной трансформации общества (к столетию со дня рождения) // *Известия РАН. Серия географическая.* — 2006. — № 4. — С. 7–15.
311. *Эйнштейн А.* Цитаты и афоризмы : [пер. с англ.]. — М. : КоЛибри ; Азбука-Аттикус, 2015. — 322 с.
312. *Экова В. А.* Теоретико-методологические подходы к исследованию пространственной неоднородности социально-экономического развития региона // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право.* — 2012. — Т. 12, вып. 3. — С. 13–16.
313. *Экономическая кибернетика* : учеб. пособие : [в 2 ч.] / под ред. И. М. Сыроежина. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1974. — Ч. I : Основы теории хозяйственных систем. — 126 с.
314. *Экономические, организационные и управленческие механизмы стимулирования новой индустриализации в России* / под ред. Е. Б. Ленчук. — М. : ИЭ РАН, 2014. — 252 с.
315. *Яковец Ю. В.* Формирование постиндустриальной парадигмы. Истоки и перспективы // *Вопросы философии.* — 1997. — № 1. — С. 8–12.
316. *Яшин С. Н., Пузов Е. Н.* Показатели комплексной сравнительной оценки потенциала региона в рамках мониторинга безопасности // *Финансы и кредит.* — 2006. — № 5. — С. 39–44.
317. *Adzic S., Pejanovic R., Medojevic B.* Education, Labour Market and Reindustrialization — Case of Serbia // *Croatian Journal of Education = Hrvatski časopis za odgoj i obrazovanje.* — 2013. — Vol. 15, no. 2. — P. 117–158.
318. *Ahmed B., Ahmed R.* Modeling urban land cover growth dynamics using multi-temporal satellite images: A case study of Dhaka, Bangladesh // *ISPRS International Journal of Geo-Information.* — 2012. — No. 1. — P. 3–31.
319. *Ankinson K.* Carlos's Way // *Retail Interiors.* — 2001. — Iss. 14 (February). — P. 18–25.
320. *Antonyuk V. S., Vansovich E. R.* Assessment of regional industry-specific shifts // *Экономика региона.* — 2012. — № 1(29). — С. 161–170.
321. *Arrow K.* Economic welfare and the allocation of resources for invention. In the rate and direction of inventive activity / ed. by R. Nelson. — Princeton : Princeton University Press, 1962. — P. 609–629.
322. *Badri M. A.* Dimensions of Industrial Location Factors: Review and Exploration // *Journal of Business and Public Affairs.* — 2007. — No. 1(2). — P. 1–26.
323. *Bates D. L., Dillard J. E.* Wanted: A strategic planner for the 1990s // *Journal General Management.* — 1992. — Vol. 18, no. 1. — P. 51–62.
324. *Chase R. B., Garvin D. A.* The Service Factory // *Harvard Business Review.* — 1989. — Vol. 67, no. 4. — P. 61–69.
325. *Clay R.* The Corporatization of Higher Education // *Monitor.* — 2008. — Vol 39, no. 1. — P. 50.
326. *Clements A.* Scents and Sensibility // *Riteil Week.* — 2000. — May 12. — P. 30–38.
327. *Dalman D.* Public-Private Partnership Projects in Infrastructure // *Essential Guide for Policy Makers.* — Cambridge : Cambridge University Press, 2011. — 244 p.

-
328. *Din R.* New Retail. — L. : Conran Octopus, 2000. — 150 p.
329. *Dirsuweit T.* New Urbanism, Public Space and Spatial Justice in Johannesburg: The case of 44 Stanley Ave // *Annales de géographie*. — 2009. — No. 665–666. — P. 76–93.
330. *Dutzik T., Schneider J.* High-Speed Rail: Public, Private or Both? Assessing the Prospects, Promise and Pitfalls of Public-Private Partnerships. — Calpirg Education Fund, 2011. — 40 p. — URL : <http://www.calpirg.org/sites/pirg/files/reports/High-Speed-Rail-vCA.pdf>.
331. *Enright D. J.* The Public versus Private Toll Road Choice in the United States. — NW Financial Group, 2007. — 14 p. — URL : <http://www.nwfinancial.com/pdf/The-Public-vs-Private-Choice.pdf>.
332. *Etzkowitz H., Leydesdorff L.* The Triple Helix University-Industry-Government Relations: a Laboratory for Knowledge-Based Economic Development // *EASST Review*. — 1995. — Vol. 14, no. 1. — P. 14–19.
333. *Friedmann J.* The World — City Hypothesis // *World Cities in a World — System* / ed. by P. L. Knox. P. J. Taylor. — Cambridge : Cambridge University Press, 1995. — P. 317–331.
334. *Friedmann J., Wolff G.* World city formation: an agenda for research and action // *International journal of Urban and Regional Research*. — 1982. — No. 6. — P. 309–344.
335. *Garner J. S.* The Company Town: Architecture and Society in the Early Industrial Age. — Oxford : Oxford University Press, 1992. — 256 p.
336. *Gerdes C., Natchwey J.* Cybershops. — L. : Thames & Hudson, 2000. — 160 p.
337. *Gershuny J.* After Industrial Society? The Emerging Self-Service Economy. — L. : MacMillan, 1978. — 192 p.
338. *Gershuny J.* Social Innovation and Division of Labor. — Oxford : Oxford University Press, 1983. — 191 p.
339. *Green H.* The Company Town: The Industrial Edens and Satanic Mills That Shaped the American Economy. — N. Y.: Basic Books, 2010. — 264 p.
340. *Hagerstrand T.* Innovation Diffusion as a Special Process. — Chicago : University of Chicago Press, 1968. — 334 p.
341. *Hall P. G.* Cities in Civilization. — N. Y. : Pantheon Books, 1998. — 1184 p.
342. *Hall P. G.* The World Cities. — L. : Palgrave Macmillan, 1966. — 276 p.
343. *Handbook of transport strategy, policy and institutions* / ed. by K. J. Button, D. A. Hensher. — Amsterdam : Elsevier, 2005. — 834 p.
344. *High Speed Rails as a tool for regional development: In-depth Study*. — UIC, 2011. — 194 p.
345. *Hirshman A.* The Strategy of Economic Development. — New Haven : Yale University Press, 1958. — 230 p.
346. *HM Treasury.* A new approach to public private partnerships. — Crown, 2012. — 120 p.
347. *Hritz N., Ross C.* The Perceived Impacts of Sport Tourism: An Urban Host Community Perspective // *Journal of Sport Management*. — 2010. — Vol. 24. — P. 119–138.

348. *Jirásková E.* Regions Competitiveness Increase by Improving Conditions for Industry and Services // *Journal of Competitiveness*. — 2013. — Vol. 5, iss. 1. — P. 68–81.

349. *Jochimsen R.* *Theorie der Infrastruktur*. — Tübingen : Mohr, 1996. — 253 s.

350. *Levin S. M.* Alternatives to institutional development of frontier and post-socialist countries: mythologems of 'post-industrialism' and 'globalism' and the real trends // *Institutional Research Journal*. — 2010. — Vol. 2, iss. 1. — P. 6–16.

351. *Life in a Changing Urban Landscape: Proceedings of the IGU Urban Geography Commission (Urban Challenges in a Complex World)* / ed. by N. Kotze, R. Donaldson, G. Visser. — Johannesburg : University of Johannesburg, 2014. — 346 p.

352. *Lofland L. H.* *The Public Realm: Exploring the City's Quintessential Territory*. — N. Y. : Aldine de Gruyter, 1998. — 326 p.

353. *Malmberg A., Solvell O., Zander I.* Spatial Clustering Local Accumulation of Knowledge and Firm Competitiveness // *Geografiska Annaler. Series B*. — 1996. — Vol. 78B, no. 2. — P. 85–97.

354. *Marques R., Berg S.* Risks, Contracts and Private Sector Participation in Infrastructure // *Journal of Construction Engineering and Management*. — 2011. — Vol. 137, iss. 11. — P. 925–932.

355. *Nijkamp P., Rietveld P., Salomon I.* Barriers in Spatial Interactions and Communications. A Conceptual Exploration // *Annals of Regional Science*. — 1990. — Vol. 24, no. 4. — P. 237–252.

356. *Pacione M.* Urban environmental quality and human wellbeing — a social geographical perspective // *Landscape and Urban Planning*. — 2003. — No. 65. — P. 19–30.

357. *Partridge M. D., Rickman D. S.* Regional computable general equilibrium modeling: A survey and critical appraisal // *International Regional Science Review*. — 1998. — Vol. 21, no. 3. — P. 205–248.

358. *Prisecaru P.* EU reindustrialization on the coordinates of scientific and technical progress // *Procedia Economics and Finance*. — 2015. — Vol. 22. — P. 485–494.

359. *Rall J., Reed J. B., Farber N. J.* *Public-Private Partnerships for transportation: Toolkit for legislators*. — Washington : National Conference of State Legislatures, 2010. — 106 p.

360. *Romer P.* Endogenous technical progress // *Journal of Political Economy*. — 1990. — No. 98. — P. 71–102.

361. *Romer P.* Increasing returns and long-run growth // *Journal of Political Economy*. — 1986. — No. 94. — P. 1002–1037.

362. *Roosa S. A.* Sustainable Development Becomes the Norm // *Strategic Planning for Energy and the Environment*. — 2016. — Vol. 36, iss. 1. — P. 5–7.

363. *Schiller R.* Retail Decentralisation — the Coming of Third Ware // *The Planner*. — 1986. — Vol. 72. — P. 13–15.

364. *Veselovski M. Y., Nuraliev S. U., Fedotov A. V., Sandu I. S., Avarskiy N. D.* Role of Wholesale Market in Ensuring Russian Food Safety under

Conditions of Innovative Economy // *Journal of Applied Economic Sciences*. — 2015. — Vol. 10, iss. 3. — P. 419–427.

365. *Willoughby K. W.* Building Internationally Competitive Technology Regions: The Industrial-Location-Factors Approach and the Local-Technological-Milieus Approach // *Journal of International and Area Studies*. — 2000. — Vol. 7, no. 2. — P. 1–36.

366. *Wong Yim Yu, Maher T. E.* An undeveloped subject: The interaction between environment and strategy // *Management Research News*. — 1993. — Vol. 16, no. 1. — P. 1–6.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ ЕВГЕНИЯ ГЕОРГИЕВИЧА АНИМИЦЫ с 2007 г.¹

2007

Анимица Е. Г., Власова Н. Ю. Промышленная политика муниципального правления: проблемы становления // Совершенствование управления корпоративными образованиями и региональная промышленная политика: проблемы и инновации : материалы Всерос. науч.-практ. конф. — Пермь, 2007. — С. 306–309.

Анимица Е. Г. Социальное пространство: сущностно-содержательные характеристики // Проблемы устойчивого развития городов : сб. ст. участников IV Междунар. науч.-практ. конф. — Миасс, 2007. — С. 30–32.

Анимица Е. Г., Власова Н. Ю. Специфика формирования и реализации промышленной политики муниципального уровня // Научно-промышленная политика и перспективы развития Урала и Сибири : III Юбил. Урал.-Сиб. науч.-пром. выставка. — Екатеринбург, 2007. — С. 141–145.

2008

Анимица Е. Г., Сухих В. А. Формирование концептуальных основ и парадигмальных установок социоэкономики // Новая экономика: вызовы, тенденции, реализуемость : материалы II науч. чтений профессоров-экономистов и докторантов. — Екатеринбург, 2008. — С. 77–80.

2010

Анимица Е. Г., Власова Н. Ю. Концепция городских агломераций в современной урбанистической политике: реальность и теоретический подход

¹ Основные труды Е. Г. Анимицы до 2007 г. см. в книге: *Пространственная организация общества* : сб. науч. тр. / под общ. ред. А. И. Татаркина. — Екатеринбург : [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та], 2007. — С. 274–311.

// Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Ростов н/Д, 2010. — С. 201–205.

Анимица Е. Г., Власова Н. Ю. Проблемы регулирования развития городских агломераций в стратегиях крупнейших российских городов // Развитие Украины в XXI столітті : Міжнар. наук.-практ. конф. — Вінниця, 2010. — С. 83–85.

Анимица Е. Г., Власова Н. Ю. Эволюция воззрений на концепцию городских агломераций в современной урбанистической политике // Городские агломерации Урала: тенденции, проблемы и приоритеты развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф. — Екатеринбург, 2010. — С. 8–11.

Анимица Е. Г., Новикова Н. В., Дворяджина Е. Б. Экономическое развитие моногородов: проблемы и перспективы // Современные малые города: проблемы и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Ярославль — Ивантеевка, 2010. — Ч. II. — С. 7–11.

Зуева К. А., Анимица Е. Г. Роль домашних хозяйств в развитии малого предпринимательства // Конкурентоспособность регионов и субъектов хозяйствования в условиях преодоления кризиса : материалы XIII Всерос. форума молодых ученых и студентов. — Екатеринбург, 2010. — Ч. I. — С. 46.

2011

Анимица Е. Г. Пространственные доминанты инновационного развития национальной экономики // Интеграция науки, образования и производства — стратегия развития инновационной экономики : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. — Екатеринбург, 2011. — Секция 4. Пространственные формы организации государственно-частного партнерства. — С. 3–7.

Анимица Е. Г. Роль особых экономических зон в инновационном развитии России // Интеграция науки, образования и производства — стратегия развития инновационной экономики : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. — Екатеринбург, 2011. — Секция 4. Пространственные формы организации государственно-частного партнерства. — С. 7–10.

Анимица Е. Г., Сбродова Н. В., Ивлева М. В. Социоэкономика: императивы развития в старопромышленном регионе // Современные направления теоретических и прикладных исследований : материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Одесса, 2011. — С. 86–89.

Анимица Е. Г., Асланов Д. И. Теоретические аспекты финансирования инновационной деятельности // Интеграция науки, образования и производства — стратегия развития инновационной экономики : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. — Екатеринбург, 2011. — С. 8–13.

Анимица Е. Г. Характер взаимодействия модернизации и регионального развития // Материалы I Всерос. симп. по регион. экономике. — Екатеринбург, 2011. — Т. 1. — С. 13–15.

2014

Анимица Е. Г., Новикова Н. В. Контуры детерминант предмета региональной экономики // Релігія, релігійність, філософія і гуманітаристика у сучасному інформаційному просторі: національний і інтернаціональний аспекти : матеріали ІХ Міжнар. наук.-практ. конф. — Рубіжне, 2014. — С. 291–294.

Анимица Е. Г., Рахмеева И. И. Об особенностях пространственной организации объектов производственной инфраструктуры региона // Экономика и управление — 2014 : материалы Междунар. науч. конф. — М., 2014. — С. 88–93.

Анимица Е. Г., Силин Я. П., Сбродова Н. В. О сущностно-содержательных характеристиках регионального и местного развития // Вестник Самарского государственного экономического университета. — 2014. — № 11. — С. 11–19.

Анимица Е. Г., Денисова О. Ю. Осмысление процессов эволюции форм пространственной организации производительных сил // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2014. — № 3. — С. 56–61.

2015

Анимица Е. Г., Анимица П. Е., Глумов А. А. Импортозамещение в промышленном производстве региона: концептуально-теоретические и прикладные аспекты // Экономика региона. — 2015. — № 3. — С. 160–172.

Анимица Е. Г., Денисова О. Ю. От размещения производительных сил к региональной экономике // *Ars Administrandi*. — 2015. — № 1. — С. 5–15.

Анимица Е. Г., Силин Я. П., Сбродова Н. В. Теории регионального и местного развития : учеб. пособие. — Екатеринбург : [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та], 2015. — 151 с.

2016

Анимица Е. Г., Власова Н. Ю. Эволюция и основные составляющие образа Урала // Географический вестник. — 2016. — № 3(38). — С. 28–35.

Анимица Е. Г., Балина Т. А., Шарыгин М. Д. Научные подходы к изучению региональной социоэкономики // Инновационное развитие экономики: тенденции и перспективы. — 2016. — Т. 1. — С. 9–15.

Анимица Е. Г., Кузнецов В. Н., Ергунова О. Т. Создание территорий опережающего социально-экономического развития в границах закрытых административно-территориальных образований Свердловской области // Успехи современной науки и образования. — 2016. — Т. 4, № 12. — С. 92–95.

Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В. «Новая нормальность» в российской экономике: региональная специфика // Экономика региона. — 2016. — Т. 12, вып. 3. — С. 714–725.

Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В. Перед вызовами третьей волны индустриализации: страна, регион // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2016. — № 3. — С. 14–25.

Силин Я. П., Анимица Е. Г. Эволюция геоэкономических моделей развития Уральского макрорегиона // Урал — XXI век: регион опережающего развития [Текст] : [монография] / под науч. ред. Я. П. Силина ; [отв. за вып. Е. Г. Анимица]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2016. — С. 12–19.

Урал — XXI век: регион опережающего развития : [монография] / под науч. ред. Я. П. Силина ; [отв. за вып. Е. Г. Анимица]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2016. — 202 с.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКТОРСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ, ЗАЩИЩЕННЫХ ПОД РУКОВОДСТВОМ Е. Г. АНИМИЦЫ

1. **Заборова Елена Николаевна**, доктор социологических наук — «Социологический анализ городского социального пространства» (1997 г.).

2. **Николаева Тамара Ивановна**, доктор экономических наук — «Торговля потребительскими товарами (региональное социально-экономическое исследование)» (1998 г.).

3. **Власова Наталья Юрьевна**, доктор экономических наук — «Структурная трансформация экономики крупнейших российских городов» (2000 г.).

4. **Рябцев Александр Николаевич**, доктор экономических наук — «Организационно-экономический механизм формирования и функционирования муниципального имущественного комплекса крупнейшего города» (2000 г.).

5. **Сурнина Надежда Матвеевна**, доктор экономических наук — «Пространственная экономика: теоретико-методологическое и научно-практическое исследование» (2003 г.).

6. **Силин Яков Петрович**, доктор экономических наук — «Теоретико-методологические подходы к анализу эволюции и современного состояния городской политики в России» (2005 г.).

7. **Дворядкина Елена Борисовна**, доктор экономических наук — «Экономическое развитие городов традиционно-промышленного региона: теория, методология, практика» (2005 г.).

8. **Васильцова Людмила Ивановна**, доктор экономических наук — «Теоретико-методологические и прикладные аспекты организационно-экономической парадигмы развития муниципального здравоохранения» (2005 г.).

9. **Власова Екатерина Яковлевна**, доктор экономических наук — «Методология и механизм решения проблем инновационного природопользования в регионе» (2008 г.).

10. **Сухих Валерий Александрович**, доктор экономических наук — «Развитие теоретико-методологических основ формирования социэкономике в пространстве региона» (2008 г.).

11. **Божко Лариса Леонидовна**, доктор экономических наук — «Теоретико-методологические основы исследования процессов экономического развития приграничных территорий» (2011 г.).

12. **Асланов Дмитрий Иванович**, доктор экономических наук — «Развитие теоретико-методологических основ трансформации санаторно-курортного комплекса региона» (2013 г.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анимица Евгений Георгиевич — Заслуженный деятель науки РФ, доктор географических наук, профессор, академик МАН ВШ, зав. кафедрой региональной, муниципальной экономики и управления, главный советник при ректорате Уральского государственного экономического университета.

Антипин Иван Александрович — кандидат экономических наук, государственный советник Свердловской области 3-го класса, советник муниципальной службы 1-го класса, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета.

Антонюк Валентина Сергеевна — доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории, региональной экономики, государственного и муниципального управления Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета).

Асланов Дмитрий Иванович — доктор экономических наук, доцент, зам. директора по научной работе филиала Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова в г. Пятигорске.

Блусь Павел Иванович — кандидат географических наук, доцент, заместитель зав. кафедрой государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета.

Божко Лариса Леонидовна — доктор экономических наук, и. о. доцента, проректор по учебной и научной работе Рудненского индустриального института (Республика Казахстан).

Бочко Владимир Степанович — доктор экономических наук, профессор, зав. отделом региональной конкурентоспособности Института экономики Уральского отделения РАН.

Власова Наталья Юрьевна — доктор экономических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Уральского государственного экономического университета.

Ганин Олег Борисович — кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, кредита и биржевого дела Пермского государственного национального исследовательского университета.

Голубова Марина Ильинична — кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и налогообложения Института сервиса, туризма и дизайна (филиала) Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске.

Грудцын Николай Алексеевич — аспирант кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета.

Дворядкина Елена Борисовна — доктор экономических наук, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, проректор по научной работе Уральского государственного экономического университета.

Дорошенко Светлана Викторовна — доктор экономических наук, доцент, зав. сектором региональной предпринимательской политики Института экономики Уральского отделения РАН.

Дьячков Антон Геннадьевич — соискатель кафедры статистики, эконометрики, информатики Уральского государственного экономического университета.

Заборова Елена Николаевна — доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой прикладной социологии Уральского государственного экономического университета.

Зиновьева Виктория Викторовна — соискатель кафедры экономической теории и экономической политики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Злоказов Андрей Владимирович — кандидат экономических наук, министр социальной политики Свердловской области, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета.

Зубаревич Наталья Васильевна — доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Зуева Ксения Андреевна — кандидат экономических наук, начальник управления координации и стратегического развития Министерства социальной политики Свердловской области.

Козлова Ольга Анатольевна — доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра исследований социоэкономической динамики Института экономики Уральского отделения РАН, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета.

Колясников Виктор Александрович — доктор архитектуры, профессор кафедры градостроительства Уральского государственного архитектурно-художественного университета.

Кондратьев Иван Павлович — кандидат экономических наук, заместитель начальника отдела патентно-лицензионной деятельности АО «Опытное конструкторское бюро „Новатор“» (Екатеринбург).

Корниенко Елена Леонидовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, региональной экономики, государственного и муниципального управления Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета).

Кузнецов Виктор Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданского права Уральского государственного экономического университета.

Кузьмина Маргарита Викторовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры землеустройства и кадастров Уральского государственного лесотехнического университета.

Любовный Владимир Яковлевич — доктор экономических наук, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, главный научный сотрудник Института микроэкономических исследований Всероссийской академии внешней торговли (Москва).

Мезенина Ольга Борисовна — доктор экономических наук, зав. кафедрой землеустройства и кадастров Уральского государственного лесотехнического университета.

Михайловский Петр Васильевич — доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента Уральского государственного экономического университета.

Мокронос Александр Германович — доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономики Российского государственного профессионально-педагогического университета.

Николаева Тамара Ивановна — доктор экономических наук, профессор кафедры торговой политики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Новикова Наталья Валерьевна — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета.

Ноженко Дмитрий Юрьевич — кандидат экономических наук, зав. кафедрой государственного и муниципального управления Уральского государственного экономического университета; глава Администрации Ленинского района г. Екатеринбурга.

Поздеева Ольга Геннадьевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета.

Проскуракова Анастасия Николаевна — магистрант кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета.

Силин Яков Петрович — доктор экономических наук, ректор Уральского государственного экономического университета.

Столбов Вячеслав Алексеевич — кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии Пермского государственного национального исследовательского университета.

Сурнина Надежда Матвеевна — доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой статистики, эконометрики и информатики Уральского государственного экономического университета.

Сухих Валерий Александрович — доктор экономических наук, председатель Законодательного собрания Пермского края.

Тургель Ирина Дмитриевна — доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по науке Высшей школы экономики и менеджмента Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; профессор кафедры государственного и муниципального управления Уральского государственного экономического университета.

Чистобаев Александр Иванович — доктор географических наук, профессор кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле, зав. лабораторией географии общества и региональной политики Санкт-Петербургского государственного университета.

Шарыгин Михаил Дмитриевич — доктор географических наук, профессор кафедры социально-экономической географии, заслуженный профессор Пермского государственного национального исследовательского университета.

Шеломенцев Андрей Геннадьевич — доктор экономических наук, профессор, зав. отделом исследований региональных социально-экономических систем Института экономики Уральского отделения РАН.

Шишкина Елена Александровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры статистики, эконометрики и информатики Уральского государственного экономического университета.

Научное издание

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА:
ВЫЗОВЫ, ПРИОРИТЕТЫ, СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ**

Коллективная монография

Редакторы и корректоры:

М. В. Баусова, М. Ю. Воронина, И. П. Зорина, Л. В. Матвеева

Компьютерная верстка

Н. И. Якимовой

Поз. 97. Подписано в печать 06.09.2017.

Формат бумаги 70 × 100 ¹/₁₆. Гарнитура Century Schoolbook. Бумага офсетная. Печать плоская.

Уч.-изд. л. 20,0. Усл. печ. л. 26,4. Печ. л. 20,5. Заказ 6553. Тираж 600 экз.

Издательство Уральского государственного экономического университета
620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО Универсальная Типография «Альфа Принт»
620049, г. Екатеринбург, переулок Автоматики, 2Ж

Тел. 8(800) 300-16-00

www.alfaprint24.ru